

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

МИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ
В ТЕКСТЕ И ЯЗЫКЕ**

Материалы докладов
IV Международной научной конференции
3–5 декабря 2009 г., Минск

В двух частях
Часть вторая

Минск, 2009

УДК 81'27
ББК 81 000
Н35

Рекомендованы Редакционным советом МГЛУ

Редакционная коллегия: Н.П. Баранова (*ответственный редактор*), А.М. Горлатов (*ответственный редактор*), С.М. Прохорова (*ответственный редактор*), Л.Б. Армоник, Н.Ю. Павловская, О.В. Писецкая, О.А. Полетаева

Н35 **Национально-культурный компонент в тексте и языке :**
материалы докл. IV Междунар. науч. конф., Минск, 3–5 дек. 2009 г. :
в 2 ч. Ч. 2 / отв. редакторы Н.П. Баранова, А.М. Горлатов,
С.М. Прохорова. – Минск : МГЛУ, 2009. – 268 с.

ISBN 978-985-460-343-8 (Ч.2)

ISBN 978-985-460-341-4.

Сборник содержит материалы докладов IV Международной научной конференции «Национально-культурный компонент в тексте и языке». Во второй части представлены тезисы секционных заседаний: «Языковая и концептуальная картина мира. Наивная картина мира, отраженная во фразеологии и паремиологии», «Концепт – основная единица гуманитарной науки. Базовые (концептуальные) метафоры», «Национально-культурный компонент в кодифицированном языке и языке “возможных миров”. Диалекты как основа национального “духа” языка», «Личное имя как особый языковой знак и как свернутый национально-культурный текст», «Национально ориентированный текст», «Отражение национально-культурного компонента в разных типах текста».

Для научных работников, аспирантов, студентов.

УДК 81'27
ББК 81 000

ISBN 978-985-460-343-8 (Ч.2)
ISBN 978-985-460-341-4

© УО «Минский государственный лингвистический университет», 2009

лингвистический

ЯЗЫКОВАЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА. НАИВНАЯ КАРТИНА МИРА, ОТРАЖЕННАЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ

А.С. Алёшин (Санкт-Петербург, Россия)

ЭТАЛОНЫ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, В ЗЕРКАЛЕ ШВЕДСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА ФОНЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Устойчивые сравнения присутствуют в любом языке, а их национальная специфика проявляется в различии избранных в той или иной культуре эталонов сравнения и стереотипных представлений.

Вслед за В.Н. Телия, под эталоном понимается «характерологическая образная подмена свойств человека или предмета какой-либо реалией, персоной, культурным объектом, вещью, которая становится знаком доминирующего в них, с точки зрения обиходно-культурного опыта, свойства» [1, с. 241–242].

Выявление эталонов УС двух языков и представление их тематической классификации позволяет, во-первых, определить те сферы, которые могут служить объектами УС, а во-вторых, выявить ограничения на употребление той или иной предметной или другой области в качестве эталонов сравнений.

Эталон УС, описывающих, например, глаза человека, в шведском языке относится к тем же тематическим областям, что и в русском: это наименования животных, природных реалий, явлений природы, артефактов, драгоценностей, бытовых реалий. Различия заключаются, во-первых, в большей или меньшей представленности эталонов сравнений в каждой тематической области. Так, эталоны-наименования фитонимов шире представлены в шведском языке (*pepparkorn* зерна перца, *ärter* горошины, *vattenmellonkärnor* косточки арбуза, *äppelkärnor* косточки яблок, *apelsiner* апельсины), наименования драгоценностей (*золото*, *алмазы*, *бриллианты*, *агаты*) – в русском. Во-вторых, некоторые эталоны, служащие основанием сравнения по одному и тому же признаку могут различаться: например, в шведском языке эталоном голубого цвета глаз служит *фиалка*, в русском – *васильки*, глубина глаз в шведском языковом сознании ассоциируется с *колодцем*, в русском – с *озером*.

Для лингвокультурологического анализа важно определение совпадающих структурно и семантически и различающихся УС двух языков. Так, совпадающими в шведском и русском языках являются такие УС, как *ngn är röd som en (kokt) kräfta* – красный как (вареный) рак, *ngn är lång som en stör* – кто-л. длинный как жердь и др.

Национально-специфичными по отношению к русскому языку следует признать, например, такие УС шведского языка, как *ngn skiner som solen i Karlstad* – кто-л. сияет как солнце в Карлстаде, *ngn är röd som en tupp i ansiktet* – кто-л. красный в лице как петух, *ngn är bred som en ladugårdsdörr* – кто-л. широкий (здоровый) как дверь в скотный двор и др.

А УС *красивая, прекрасная как майский день* и *как свежая роза* можно признать частичными эквивалентами шведских единиц *ngn är vacker som en dag* (кто-л. красивый как день) и *fräsch som en nyponros* (свежий как шиповник). УС *красивая, прекрасная как майский день* основано на несколько ином образе – не просто дневного времени суток, а весеннего, майского дня. Различаются также и образы эталонов сравнения – розы и шиповника, лежащие в основе шведского и русского УС. Кроме того, русское УС *как свежая роза* употребляется преимущественно применительно к лицу женского пола, как правило, девушке, молодой женщине, в отличие от шведского УС *fräsch som en nyponros*, которое может характеризовать и мужчину.

Изучение оснований УС позволяет выявить единицы двух языков, эталоны которых совпадают, но основания сравнения различаются. Например, сравнение с *быком* присутствует и в шведском, и в русском языках, но основанием сравнения в шведском языке являются такие признаки, как *ленивый* и *спящий*, а в русском – *сильный, работающий*; *глаза как у коровы* для шведов – только ‘большие глаза’, а для русских *глаза как у коровы* – ‘ничего не выражающие’.

Особый интерес представляет выявление причин сходств и различий в выборе эталонов и оснований сравнений разных языков.

Так, например, анализ идеографического поля УС, характеризующих внешность человека в шведском и русском языках, показывает, что оба языка используют одни и те же тематические сферы эталонов: зоонимы, соматизмы, наименования хозяйственно-бытовых реалий, наименования мер, построек, еды и т.п., что обусловлено географической близостью России и Швеции, сходством традиционного уклада жизни, фауны и флоры, с одной стороны, и универсальностью восприятия внешности человека, с другой (этим обусловлено наличие одних и тех же параметров характеристики).

Некоторые эталоны сравнений полностью совпадают в шведском и русском языках: *шар, бочка, скелет, шест, жираф, щепка, роза, пион, рак, Бог, картинка, кукла/куколка* и др. Однако при наличии сходства можно отметить и некоторые различия. Наличие таких эталонов сравнения, как *тролль, сын тролля* в шведском языке и *Баба-Яга, ведьма* – в русском – объясняется разным фольклорным наследием.

Различными эстетическими представлениями можно объяснить тот факт, что в русском языке отдельную группу составляют сравнения, характеризующие в меру упитанного человека: *как литой, как репка, как сбитый*. В шведском же языке эта группа единиц не выделяется, отмечается только отступление от «нормы» – чрезвычайная с точки зрения носителя языка полнота или худоба человека.

Выявление мотивации вербализованных в УС стереотипных национальных представлений позволяет делать выводы об особенностях видения мира носителями одного и другого языка, о некоторых чертах менталитета, отраженных в системе функционирующих в языке УС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М., 1996.

Р.Б. Баич (Белград, Сербия)

СЕРБСКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ ЧЕРЕЗ ЛЕКСИКУ СОВРЕМЕННОГО СЕРБСКОГО ЯЗЫКА

Православие как вероисповедание большинства жителей Сербии с самого начала существования государства с таким названием и до сих пор, естественно, отразилось и в сербском языке. Первые книги у сербов, как и у остальных славян, были богослужебные, первые школы были расположены в сербских монастырях. Можно сказать, что и большинство лексики сербского языка в это время, так или иначе, было связано с православной культурой и духовностью.

Потом исторические события, развитие общества и культуры и т.п. уменьшили процентный состав этой лексики в сербском языке, но она до сих пор остается свидетелем сербской православной культуры и неотъемлемой частью лексики сербского языка в ее совокупности.

Попробуем определить место этого пласта лексики в современном сербском языке. Какие из данных слов являются словами из общего лексикона? Какие действительно устаревшие, а какие являются признаком сакрального стиля (тексты которого по политическим причинам долго считались устаревшим на протяжении большей части XX века)? Потом выделим слова, которые относятся к так называемому сербскому православию (иногда называемому *светосавље*).

Особое место принадлежит лексике, которая относится к уникальному явлению в сербской православной культуре – регулярному ежегодному празднованию дня одного из святых, защитника рода. Этот праздник передается от предков потомкам и по-сербски называется *слава*. В связи с такой традицией в сербском языке много лексики как общей (например: *колач*, *жито*, *свећа* и др.), так и региональной (*прислава*, *патерице*, *прислужбица* и др.).

Можно выделить лексику, которая появилась в связи с празднованием *Рождества Христова* (например: *Божих*, *бадњак*, *чесница*, *мирбожити се* и др.). И другие эортонимы (названия праздников) в сербском языке носят

также “сербскую” окраску, отличаясь от официальных названий православных праздников, но принятых Сербской Православной Церковью и внесенных в ее календарь (например, *Сабор Светог Архангела Михаила и остальных небесных сила бестелесных – Аранђеловдан; Рођење Светог Јована Крститеља – Ивањдан*). Среди эортонимов также можно выделить такие, которыми обозначаются именно сербские праздники, присущие сербской культуре, связанные с сербской историей (например: *Свети мученик Кнез Лазар и свети српски мученици – Видовдан; Свети новомученици Дабробосанске и Милешевске епархије*). Православный ономастикон вообще в современном сербском языке во многом носитель не только православного, но и национального.

Особое место в нашем анализе принадлежит неологизмам в лексике православной духовности. С одной стороны, неологизмы в современном сербском языке появились через произведения самых знаменитых сербских богословов и святителей, не только двадцатого века, но и вообще: Николаја Велимировића и Јустина Поповића. С другой стороны, неологизмы – результат разговора (особенно на православных сайтах) об актуальной ситуации в Сербской Православной Церкви. Особенно интересно рассмотреть, какие из новых слов исчезают из сербского языка достаточно быстро, а какие остаются.

В связи с появлением актуализацией устаревшей лексики, интересно, что именно в настоящее время возродилось из сербской православной культуры и почему.

Н.С. Касюк, Р. Халедиан (Минск, Беларусь)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ СО СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ «ЗЕЛЕНЬ» В РУССКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ

Целый ряд фразеологизмов содержит в своей семантике национально-культурный компонент – или синхронно, с позиции современного языкового сознания, или диахронно, т.е. по причине сопряженности словосочетания-прототипа с национальной культурой. Природа значения фразеологической единицы (ФЕ) тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке. Для исследователя интерес представляют те компоненты ФЕ, которые имеют конвенциональное значение, являясь символами. Символическое значение в большей части присуще словам, обозначающим цвет (наряду с соматизмами, фитонимами и др.). Функционируя во фразеологии, ЦО также раскрывают национальные и культурные компоненты языка народа, передают его менталитет. Говоря

иначе, через ФЕ с колоративным компонентом прослеживаются фрагменты картины мира, специфичные для определенной лингвокультурной общности.

Значительную часть фразеологии русского и персидского языков составляют фраземы, в состав которых входят цветообозначения (ЦО).

Поскольку русская и персидская цветовые картины мира – сложное явление для исследования, целесообразным представляется сузить объект анализа и реконструировать отдельные их фрагменты. Так, объектом нашего рассмотрения являются русские и персидские ФЕ со структурно-семантическим компонентом «зеленый». Выбор объекта исследования не случаен. Анализируемый сегмент цветовых картин мира обнаруживает яркую самобытность национально-культурного компонента ФЕ. Настоящее исследование дает возможность реконструировать фрагмент русской и персидской цветовых картин мира (на участке фразеологии).

В русской наивной картине мира зеленый цвет ассоциируется с молодостью, неопытностью, недостаточным совершенством (например, ФЕ *молодо-зелено*; это же значение несут паремиологические формулы *зеленый седому не указ*; *молодой зелен, старый сед, а середовой в масть*). Что касается персидского языка, то значение молодости в нем передается ФЕ с колоративом «черный»: *ریش سیاه* (букв. «черная борода»). Таким образом иранцы отмечают молодость и неопытность юноши ввиду отсутствия у него седых волос.

Позже, с появлением автотранспорта и, соответственно светофоров, употребление колоратива «зеленый» в составе ФЕ русского языка возросло. ЦО «зеленый» стало символизировать нечто беспрепятственное, неосложненное: *открывать зеленую улицу* ('устранение неполадок, задержек'), *давать зеленый свет* ('пропускать').

У иранцев зеленый цвет ассоциируется как с бурным ростом, свежестью (что соответствует традиционной символике названного колоратива – цвета травы и листвы, в том числе в русском языке: *зеленый друг* – 'дерево'), так и с несчастьем, печалью, скорбью, поэтому о злополучном человеке говорят *پای سبز* (букв. «зеленая нога»), лукавящий человек – *باغ سبز نمودن* (букв. «показывающий зеленый сад»), кладбище – *خانه سبز* (букв. «зеленый дом»). (Ср. русскоязычные ФЕ с негативной коннотацией: *зеленая тоска*, *зеленеть от злости*, *в глазах зеленеет*, *до зеленого змия*. Возможно, подобный компонент значения названных ФЕ мотивирован родством ЦО «зеленый» с лексемой «зелье», один из лексико-семантических вариантов которой имеет значение 'лечебный, ядовитый или привораживающий настой' и в ряде контекстов содержит характерную негативную эмосему: *опоить зельем*, *приворотное зелье* и др.).

В персидском языке существует значительное количество ФЕ с колоративом «зеленый» в составе, используемых для описания неба. В наивной картине мира иранцев небо ассоциируется не с традиционным, синим цветом, а с зеленым, причем для его обозначения существует множество фразеологизмов-синонимов: *سبز میل* (букв. «зеленый простор»), *حقه سبز* (букв. «зеленый обман»), *سبز پل* (букв. «зеленый мост»), *سبز ایوان* (букв.

«зеленая крыша»), سبز جوی (букв. «зеленая река»), سبز فرش (букв. «зеленый ковер»), سبز گلشن (букв. «зеленый сад»), سبز منظره (букв. «зеленый пейзаж»), سبز گنبد (букв. «зеленый курган»). Небо, свет, мир называются سبز زاغ (букв. «зеленая ворона»). Именно зеленый цвет является сакральным в персидской культуре: سبز کبوتر (букв. «зеленый голубь») – ‘святой дух’, خاکش سبز باد – (букв. «пусть пыль его будет зеленой») – об умершем, что синонимично русскому выражению «пусть земля ему будет пухом». В русской культуре аналогичными «магическими» свойствами наделяется синий цвет.

В отличие от русского языка в персидском очень редко зеленый цвет употребляется при описании людей, к примеру, ФЕ سبز گندمگون – «зеленая пшеница» (букв. «позеленевшая возлюбленная») используется для описания красоты, привлекательности девушки. ФЕ с колоративом «зеленый» в русском языке используются для обозначения юности, незрелости, нетрезвости человека (примеры см. выше).

Таким образом, можно сделать вывод, что в сопоставляемых языках на исследуемом участке совпадения единичны (ФЕ с негативной коннотацией). Описанные диапазоны символических значений зеленого в русском и персидском языках обнаруживают мало общего. Большинство персидских ФЕ с колоративом «зеленый» в составе направлено на описание природных явлений, в русском языке – на описание человека (его внутреннего состояния, самочувствия, возраста).

В.Ю. Костюченко (Минск, Беларусь)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ С ЗООКОМПОНЕНТОМ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Любой народ интересуется особенностями образа жизни других народов. Одним из способов удовлетворения этого извечного интереса является познание жизни другого народа через его язык. Национально-культурная специфика языка важна и присутствует на всех его уровнях: и в грамматике, и в синтаксисе, и в фонетике. Но наиболее полно и ярко она проявляется в таких единицах языка, как фразеологизмы и поговорки. Именно этот пласт языка непосредственно отражает внеязыковую действительность, называет предметы и явления окружающего нас мира, фиксирует содержание, восходящее к условиям жизни народа – носителя того или иного языка.

Фразеологизмы и поговорки с зоокомпонентом рассматриваются как хранители культурной информации. Согласно А. Вежбицкой, фразеологический компонент языка «не только воспроизводит элементы и черты культурно-национального миропонимания, но и формирует их. И каждый

фразеологизм, если он содержит культурную коннотацию, вносит свой вклад в общую мозаичную картину национальной культуры» [1, с. 255].

Национальная специфика может выражаться как в плане выражения, так и в плане содержания фразеологизмов и паремий. Под национально маркированными компонентами фразеологизмов и паремий понимаются лексические единицы, семантика которых обусловлена историческими и социальными факторами жизни народа-носителя языка [1, с. 200].

Все-таки достаточно большое количество английских зооморфных фразеологических оборотов (далее ФО) имеют полные или частичные эквиваленты в других языках, что объясняется совпадением мысленного отображения реальной действительности у носителей разных языков и общих элементов культуры – так называемых “культурных универсалий”: Ср.: рус. *змея подколодная* и англ. *a snake in the grass*, рус. *собака на сене* и англ. *a dog in the manger*, рус. *ловить рыбу в мутной воде* и англ. *to fish in troubled waters*.

Однако вследствие различия культурологических факторов, этнических особенностей, разных языковых картин мира и разных литературных источников многие зооморфные ФО содержат некий элемент значения, который понятен только носителям данной, обслуживаемой этим языком культуры. Например, в английском языке встречаются такие речевые клише, как *it rains cats and dogs* ‘о сильном дожде’, *a rat race* ‘о конкуренции’, *to suck the monkey* ‘о манере пить из горлышка бутылки’ и др. В русском языке также встречаются фразеологизмы такого типа: *закусить удила* ‘о безрассудстве’, *отставной козы барабаничик* ‘о человеке, не заслуживающем внимания’, *барашек в бумажке* ‘о взятке’.

При упоминании о собственности, требующей разорительного ухода, но не приносящей никакой пользы, англичане используют выражение *white elephant*. Легенда же гласит, что король Сиам дарил его врагам, которых хотел разорить. Ведь в Индии и на Цейлоне слон считался священным животным, которое нельзя было использовать как рабочее. Кроме того, уход за ним очень дорого обходился его владельцам. О неправдоподобной истории англичане говорят *cock and bull story* (ФО уходит корнями в фильм Тристама Шенди «История петушка и бычка»). Фразеологизм *bell the cat* уходит корнями в басню Эзопа, пересказанную В. Лангландом, в которой мыши решили привязать колокольчик на шею коту как предупреждающий сигнал для них, но среди мышей не нашелся тот смельчак, кто смог бы это сделать.

В русском языке также имеются фразеологические обороты, где национальная специфика проявляется в плане содержания. Например, фразеологизм *дипломированный баран* берет начало в басне белорусского писателя К. Крапивы. Широкоупотребимый ФО *коза-дереза* пришел из русской народной сказки. Фразеологизм *черная кошка пробежала* уходит корнями в средневековые “гонения на кошек”, когда бытовало мнение о связи кошек с дьяволом.

Как было упомянуто выше, национальная специфика может проявляться и в плане выражения. Например: *куда Макар коз не гонял, алтайский волк,*

дома Илья – а в людях свинья, драть как Сидорову козу. В английском языке примерами национально-маркированных ФО могут служить следующие фразеологизмы: *Irish bull* ‘абсурд, нелепость’ (так обычно дразнят ирландцев, предположительно на том основании, что во времена короля Генриха VII в Лондоне жил один адвокат ирландец по имени Обадиах Балл, который свои защитительные речи оснащал самыми ошеломляющими ошибками), *Cheshire cat* ‘человек с ухмыляющийся физиономией’ (персонаж из произведения «Алиса в стране чудес»), *fight like Kilkenny cats* ‘бороться не на жизнь, а на смерть’ (восходит к легенде об ожесточенной борьбе между Kilkenny и Irish towns в XVII веке, которая привела к их разорению), *too much pudding will choke the dog* ‘много нагребешь – домой не донесешь’ (пудинг – традиционное английское блюдо).

В завершение можно сказать, что несмотря на наличие сходных черт и структурно-семантических параллелей, зооморфные фразеологические единицы разных языков обладают яркой национальной спецификой, обусловленной как интралингвистическими факторами, так и особенностями национально-культурной среды. Всестороннее и глубокое изучение национальной специфики английских фразеологизмов должно вестись в новой лингвистической парадигме “диалога культур” и способствовать повышению эффективности межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицка, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицка. – М., 1978.
2. Арнольд, И.В. Стилистика современного английского языка / И.В. Арнольд. – Л., 1973.
3. Верещагин, Е.М. Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М., 1990.
4. Добровольский, Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии (1) / Д.О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1997. – №6.
5. Жуков, В.П. Семантика фразеологических оборотов / В.П. Жуков. – М., 1978.
6. Литвинов, П.П. Англо-русский словарь наиболее употребительных фразеологических выражений / П.П. Литвинов. – М., 2001.
7. Слепович, В.С. Настольная книга переводчика / В.С. Слепович. – Минск, 2005.
8. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М., 1996..

А.Э. Левицкий (Киев, Украина)

РУССКИЕ И АНГЛИЙСКИЕ РЕПЛИКИ-ИДИОМЫ КАК НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ МАРКЕРЫ

Реплики-идиомы – это языковые средства, служащие реакцией на слова собеседника или ситуацию общения. Они приобретают эмотивную функцию

и актуализируют аксиологический аспект языкового знака. Отметим также выполнение данными единицами сигнализирующей функции (об эмоциях, волеизъявлениях и т.д.), а также фатической для поддержания и установления коммуникативного контакта. Функционируя в качестве метатекстовых средств, организующих пропозициональную информацию, реплики-идиомы выступают прагматическими маркерами высказывания. Их отличают морфологическая неизменяемость; нечленимость; повышенная эмоциональность; значение реакции на реплику собеседника; оформленность эмфатической интонацией.

Роль реплик-идиом, как правило, выполняют междометия (*Ax!*, *Ux!*, *Oh!*, *Alas!* и др.). Однако в данном качестве могут выступать и другие языковые единицы, генетически связанные с единицами разных языковых уровней: а) морфологического (*Super!*); б) лексического (*Indeed?*, *Fancy!*, *Неужели? Ерунда!*); в) синтаксического: словосочетаний (*My foot!*, *Far from!*, *Вот так так!*, *Елки зеленые!*) и предложений (*I'm from Missouri!*, *Queen Ann is dead!*, *Открыл Америку!*, *Здравствуйте, я ваша тетья!*). Причем, идиоматичность в ответных репликах приобретают существительные (*Boy!*, *Rabbit!*, *Nuts!*, *Мамочки!*, *Абзац!*), прилагательные (*Honest!*, *Grand!*), наречия (*Rather!*, *Полно!*, *Клёво!*, *Круто!*), глаголы (*Say!*, *Cut!*, *Подумаешь!*), местоимения (*Why!*, *My!*), частицы (*To-mo!*), союзы (*Однако!*). Они способны обеспечивать логическую упорядоченность, коммуникативную организацию реплики как высказывания и функционировать, в частности, для заполнения пауз в акте коммуникации (*well*, *let me see*, ну и др.). Их использование дает продуценту время для четкой формулировки своих мыслей и интенций.

Рассматриваемые единицы относятся к фоновой лексике, являясь национально-культурными маркерами процесса коммуникации. Культурно релевантными выступают как их значение, так и форма. Мотивация данных идиом основывается на особенностях восприятия мира носителями языка, базируясь на этноспецифических показателях их материальной и духовной культур. Следовательно, отмечается «пропорциональная неполноэквивалентность» отражения эмоций в разных лингвокультурах. Тем самым, речь идет, с одной стороны, о неполной адекватности значений реплик-идиом в русском и английском языках (ср. *Держи карман шире!* и *Nuts to you!*; *Жирно!* и *That'd be too nice!*), а с другой – об их различной частотности употребления. Так, в англо-саксонской лингвокультуре широко используются единицы эвфемистического плана для имени Бога (*Christ!*, *Lord!*, *Father!*, *Gosh!*, *Goodness!*, *Dear!*, *My!* и др.), что не согласуется с канонами православной церкви и, следовательно, не свойственно русской лингвокультуре. Это же касается употребления единиц с негативным культовым компонентом (*hell*, *devil*, *damn*, *dammit*, *fucking* и т.д.), аналоги которых имеют ограниченное, как правило, маргинальное использование в русской лингвокультуре. Свидетельством повышенной частотности употребления данных идиоматических образований является и возможность модификации их структур: *That's a boy!* > *Attaboy!* – “молодец!”; *For God's sake!* > *Godssakes!* – “Ради Бога!”; *For Christ's sake!* > *Chrissakes!* – “Ради Бога!”; *By Jesus!* >

Bejabbers (Bejabers, Bejesus)! – “Боже мой!”; By our Lady! > Byrlady! – “Матерь Божья!”; God’s wounds! > Zounds! – “Боже избави!” и др.

Очевидно, что у каждого языка есть свои неповторимые ресурсы, которые его носителям только необходимо заметить и начать эксплуатировать. В этой связи мы сталкиваемся с явлением, которое, во-первых, не требует значительных мыслительных усилий со стороны продуцента высказывания, во-вторых, не приводит к созданию в языке единицы с совершенно новым планом выражения и, в-третьих, дает шанс реализоваться извечному стремлению носителей определенного языка к саморепрезентации.

Процесс декодирования сообщения, состоящего из рассматриваемых идиоматических образований, может быть адекватен только с учетом всего речевого контекста, а также социальных и лингвокультурных особенностей носителей языка. Несмотря на относительное соответствие концептуальных картин мира у людей, разговаривающих на разных языках, значительные отличия в картинах мира в данном случае фиксируются в полном объеме: ср. рус. *Открыл Америку!* и англ. *Queen Ann is dead!*, рус. *Дудки!* и англ. *Rabbit!*

Использование реплик-идиом может быть охарактеризовано легкостью и экономностью со стороны продуцента высказывания, а для реципиента «двойной код» способен создать дополнительные трудности и даже привести к коммуникативным неудачам. “Свой” и “чужие” могут быть отграничены по умению пользоваться подобным инструментом. Ср.: – *Whose hat is he wearing?* – *My hat* и *My hat, I can’t believe you*; – *Что это за здание?* – *Цирк* и – *Цирк! Ничего не могу найти!*

Особое место в русской разговорной речи занимает рифмованный сленг на уровне сверхфразового единства, приобретающий черты идиоматики: – *Кто? – Дед Пихто / Конь в пальто* – рифмуются с “никто” и передает пренебрежение к собеседнику, означающее в зависимости от ситуации общения “Отстань”, “Не задавай глупых вопросов”, “Неужели ты не знаешь?”, “Сам знаешь”; – *Где? – В Караганде* – рифмуется с «нигде» и, как правило, реализует тактику размыкания вербального контакта; – *Откуда? – От верблюда* – употребляется, как правило, в случае отказа в ответе на поставленный вопрос.

Отметим, что, несмотря на широкую распространенность английского рифмованного сленга, он, как правило, не разделяется на части между собеседниками, например: – *How are you? – Safe and sound!*

Ма Лун (Витебск, Беларусь)

КОНЦЕПТ *ПИЦЦА* В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ НАИВНОЙ КАРТИНЕ МИРА

В последние годы усилился интерес к исследованию различных аспектов взаимодействия языка и культуры с целью постижения национальной картины мира. Наиболее ярко национально-культурная

специфика проявляется в безэквивалентной лексике, фразеологии, паремиологии, способных отображать самосознание народа.

Концепт *пища* имеет глубокие культурные корни. Исследователи отмечают, что объем понятия «пища» в мифологии определяется ее местом в противопоставлении «природа – культура», в котором пища нейтрализует данное противопоставление и является своего рода медиатором. В разных культурных ареалах концепт *пища* несет огромный духовный потенциал, отражающий один из важных аспектов концептосферы того или иного языка (Н.Н. Бочегова). По данным Е.В. Ивановой, исследовавшей особенности английской и русской пословичной концептуализации мира, в русских пословицах чаще упоминается еда, и на уровне внутренней формы представлено больше реалий, концептов с национально-специфической окраской как в целом, так и в сфере «еды» в частности.

В русской культуре одним из важнейших этнокультурных концептов является *хлеб*. Не случайно Ю.С. Степанов относит данный концепт к константам русской культуры, получившим широкое распространение в фольклоре, фразеологии, художественной литературе и живописи. Как отмечает Ю.С. Степанов, «хлеб у русских – больше, чем пропитание, он – символ пропитания. Вот и сейчас часто говорят, например, “картошка – наш второй хлеб”. Во Франции, в Испании нищие просят “на чашечку кофе”, у нас – “на кусок хлеба”». Образ *хлеба* находит широкое отражение в русской фразеологии, паремиологии, древних ритуалах. Русские говорят: *хлеб всему голова; не лошадь ведет, а хлеб; хлеб греет, не шуба*.

В то же время роль и значение хлеба трудно осмысливаются в китайской культуре, где люди считают главным блюдом, основой национальной кухни *рис*. Выращиванием риса в Китае занимаются с древнейших времен. Раскопки, проведенные в деревне Хэмуду (провинция Чжэцзян), свидетельствуют о том, что рис в этом районе возделывался уже семь тысячелетий назад, а одно из первых письменных упоминаний о рисе содержится в «Книге песен» – «Шицзин», созданной в эпоху Западной Чжоу (XI в. – 771 г. до н.э.).

Значимость риса находит отражение в китайском языке, литературе и мифологии. Для китайцев рис является символом жизни. Завтрак по-китайски 早饭, буквально переводится как «ранний рис»; обед – 午饭, или полуденный рис, а ужин 晚饭 означает «поздний рис».

В китайском языке с компонентом *рис* образуются многие фразеологизмы и пословицы: 巧妇难为无米之炊 буквально – *даже хорошая хозяйка не может готовить ничего без риса*, в значении *для каждого дела нужна тщательная подготовка*; 生米煮成熟饭 буквально *сырой рис уже сварен*, в значении *“дело уже сделано, и ничем не поправишь”*. О человеке, который потерял работу, говорят 打破了饭碗 – *разбилась его тарелка с рисом*.

Проанализированный материал свидетельствует, что образы хлеба и риса эквивалентны в русской и китайской культуре. При сопоставлении этих образов выявляются национально-культурные особенности их семантики, значимость которых является условием для успешного диалога культур.

Н.А. Максимчук (Смоленск, Россия)

СОБРАНИЕ ПОСЛОВИЦ В.Н. ДОБРОВОЛЬСКОГО В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

1. Развитие когнитивного направления в лингвистике, выявившего новые аспекты изучения национальных языков и обогатившего методологический репертуар исследователя приемами и методами антропоцентрического подхода к анализу языковых фактов и единиц, заметно усилило внимание к фразеологическому (в широком смысле) фонду русского языка и – прежде всего – к его паремиологическому составу. Ценность паремиологического материала, в первую очередь, пословиц для изучения русской языковой личности обусловлена способностью этих единиц с необыкновенной силой и многогранно, по словам М.А. Шолохова, отражать национальную историю, общественный строй, быт, мировоззрение народа. На этом фоне очевидно усиление лингвокультурного значения существующих собраний пословиц и поговорок.

2. Выход в 1862 г. сборника В.И. Даля «Пословицы русского народа» стал тем событием, которое не только имело огромное культурное значение, но и вызвало волну широкого общественного интереса к этнографии и фольклору. Во многих губерниях началось собирание пословиц и поговорок. Этим занимались и отдельные собиратели, осознававшие значение народной культуры и важность ее сохранения для будущих поколений, и целые учреждения (в их числе – военное министерство, Русское географическое общество, местные отделения Общества любителей естествознания, губернские статистические комитеты и др.). В результате были записаны и опубликованы пословицы Пермской губернии (Х. Мозель, А. Оглоблин), Екатеринбургской губернии (Н.П. Булычёв, В.Г. Олесов), Сибири (Г.Н. Потанин), Рязанской губернии (В.И. Ермаков); вышли собрания пословиц И. Трапизына, Л. Шатохина, Н.А. Иваницкого, М.А. Дикарёва, В.Н. Добровольского и др.

3. Выдающийся русский этнограф, фольклорист, краевед Владимир Николаевич Добровольский (1856–1920) вошел в историю русской и – шире – славянской культуры прежде всего как автор «Смоленского областного словаря» (1914) и «Смоленского этнографического сборника» (выпуски 1–4, 1891–1903), в который были включены наблюдения над особенностями смоленского говора, народные рассказы, заговоры, сказки, описания обрядов и календарно-обрядовая поэзия, очерки семейных нравов, исторические

песни, духовные стихи и многое другое. Самобытность сборника подкреплялась тем, что в нем, по словам автора, был сохранен “народный говор со всеми оттенками и оборотами речи”. Собрание пословиц В.Н. Добровольского, вошедшее в III часть «Смоленского этнографического сборника» [2], содержит более 3300 народных выражений, бытовавших в Смоленской губернии в конце XIX в. и запечатлевших особенности жизни, традиционного быта, мировоззрения, мировосприятия, обычаев, верований смоленского крестьянина.

4. Следуя путем, указанным В.И. Далем, который глубоко понимал значение смысловой организации народных выражений, позволяющей представить их как «одну общую и цельную картину, в которой есть ... всё, что народ сказал о любом предмете мирского и семейного быта» [1, с. 19], Добровольский применяет в своем сборнике тематический принцип расположения пословиц, однако сами тематические группы располагает по алфавиту, в результате чего многие близкие по смыслу пословицы оказываются разобщенными. Это ставит перед современным исследователем задачу выявления дополнительных межгрупповых связей и отношений на основе тематических / смысловых доминант: *Религия, Природа, Земледелие, Домашние животные, Человек, Семья, родственники, Отношения между людьми, Отношения человека с государством, Обычаи, поверья, суеверия* и некот. др.

5. Количество пословиц, входящих в ту или иную группу, свидетельствует о месте, которое народ отводил этому понятию или предмету, о значении, которое он придавал той или иной стороне жизни, поскольку, по замечанию Даля, если предмет близок народному быту, если «входит в насущную его жизнь, то народ – в этом можете быть уверены – разглядел и обсудил его кругом и со всех сторон, составил об этом устные приговоры свои» [1, с. 19]. Приведем в качестве примера количественные показатели выражений (по убыванию) в подгруппах раздела «Качества, свойства человека» в том виде, как они выделены Добровольским (цифра или цифра и буква, выделенные курсивом, обозначают номер группы):

75. Лениость – 30; 47. Дурак – 26; 65 *ж*). Хитрый – 23; 65 *б*). Упрямый, сквернословец, буян, беспокойный, тихий, отчаянный – 21; 154. Скупость, бережливость, расточительность – 20; 188. Хитрость, расчёт – 19; 16. Внимательность, умелость – 16; 65 *в*). Ленивый, неловкий, вялый – 15; 48. Дурость, сумасшествие – 15; 26. Гордость – 13; 158. Совесть – 13; 65 *г*). Высокомерный, хвастун – 11; 157. Смелость, страх, решимость – 11; 65 *а*). Добрый, злой, ласковый, угрюмый – 10; 150. Сила – 10; 147. Решимость – 9; 98. Осторожность – 6; 49. Жадность – 5; 164. Спесь – 5; 24. Глухота, дурость – 4; 185. Упрямство – 4; 65 *д*). Честный – 3; 65 *з*). Глупенький, плошок, больной, захудалый – 3; 65 *е*). Жадный, завистливый, сурочливый – 2.

6. Исследование состава паремий в словарном запасе современных носителей русского языка в сопоставлении с качественными и количественными характеристиками сборников пословиц прошлых веков (в том числе – «Пословиц» В.Н. Добровольского) позволит выявить константы и переменные в структуре русской паремиологической картины мира (ее территориальных вариантов).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Даль, В.И.* Пословицы русского народа : в 2 т. / В.И. Даль. – М., 1984. – Т. 1.
2. *Добровольский, В.Н.* Смоленский этнографический сборник. Пословицы / В.Н. Добровольский. – СПб., 1894. – Ч. III.

Я.В. Моисеева (Санкт-Петербург, Россия)

РУССКИЕ ЖЕСТОВЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАИВНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Фразеология предоставляет богатый материал для изучения духовной культуры народа-носителя языка, видения мира, устройства общества, для осмысления традиций и опыта. Фразеологизмы, по справедливому мнению В.Н. Телия и представителей ее научной школы, связаны с тем или иным кодом культуры, что проявляется в способности носителей языка к культурной референции, которая оставляет след в культурной коннотации, играющей роль звена, обеспечивающего взаимодействие разных семиотических систем – языка и культуры. В рамках лингвокультурологического направления исследования фразеологии ставится цель «раскрыть средства и способы проникновения «языка» культуры во фразеологические знаки естественного языка и формы презентации ими культурно значимой информации» [2, с. 15].

Жестовые фразеологизмы русского языка – это, по определению А. Козеренко и Г. Крейдлина, «семантические дериваты русских жестов» [1, с. 270]. Кроме того, жестовые фразеологизмы связаны с соматическим кодом культуры, одним из важнейших и самых древних (наряду с такими кодами, как код мифа, зоологический, код ритуальных форм поведения). Этот код культуры, как и отображающие его фразеологизмы, отличается национально-культурной спецификой в русской языковой картине мира. Жестовые фразеологизмы частотны в русской разговорной речи, в текстах художественной литературы, они выражают эмоции человека (*махнуть рукой на что-либо*), обозначают манеру поведения (*С некоторых пор он перестал относиться ко мне по-дружески, повернулся спиной ко мне и моим проблемам*) и др.

Для анализа было отобрано 46 единиц из фразеологических словарей русского языка и словарей русских жестов. Отобранные единицы были классифицированы с тематической точки зрения: выражение равнодушия: *и (даже) бровью (глазом, ухом, носом) не ведет (не повел); махнуть рукой*; выражение крайнего любопытства: *есть (поедать, пожирать) глазами кого; впиваться/впиться глазами в кого, во что*; выражение удивления: *делать большие (круглые) глаза; разводить руками, глаза на лоб лезут/полезли у кого*; выражение презрения: *смотреть (глядеть) сверху вниз на кого*;

плевать/плюнуть (наплевать) в глаза (в лицо) кому; выражение уважительного отношения: преклонить колено (колени); выражение покорности: преклонить колено (колени) колени; вытягиваться/вытянуться в струнку (струну); выражение небольшого количества: по пальцам можно сосчитать (пересчитать, счесть, перечесть) кого, что; выражения осуждения: показывать (тыкать, указывать) пальцем на кого, на что; выражение подавленного состояния: опускать/опустить руки; вешать/повесить голову; выражения наставления: тыкать/ткнуть носом кого во что; выражение навязчивости: вешаться/повеситься (повиснуть) на шею кому, к кому; выражение отчаяния: рвать на себе волосы; вешать/повесить голову; хвататься/схватиться за голову; выражение принуждения: брать/взять за горло (за глотку, за жабры) кого; выражение лести: смотреть в глаза кому; обозначение смеха: хвататься за животы (животики); скалить зубы; обозначение унижительного положения: кланяться в ноги (пояс) кому; выражение стремления что-либо делать: засучивать/засучить рукава; выражение лени: сидеть сложа руки и др. Данная классификация показывает богатую палитру интенций, культурных доминант, вербально обозначаемых в русской наивной языковой картине мира жестовыми фразеологизмами.

Русские жестовые фразеологизмы трудны для восприятия инофонов в силу своей национальной специфики, соотношения с реальными жестами, принятыми в русской культуре в определенных ситуациях общения.

Так, в русском языке можно выделить устойчивые выражения, называющие только жест: *задерживать/задержать взгляд на ком, на чем; вскидывать/вскинуть глазами (глаза) на кого, на что; стрелять глазами (глазками) кто (в кого); вращать глазами* и др.; устойчивые выражения, обозначающие физический жест и одновременно имеющие переносное значение: *снимать/снять шапку, снимать/снять шляпу перед кем, поворачиваться (повернуться, поворотиться) спиной к кому, к чему, плевать/плюнуть (наплевать) в глаза (в лицо) кому, рвать на себе волосы, вешать/повесить голову, бить (ударять/ударить) по рукам, брать/взять за горло (за глотку, за жабры) кого, бить себя в грудь, смотреть в глаза кому* и др.; устойчивые выражения, имеющие только переносное значение: *как рукой смахнуло (сняло), глаза на лоб лезут/полезли у кого, тыкать/ткнуть носом кого во что, кусать (себе) локти, закрывать/заккрыть глаза кого на что, протягивать/протянуть руку помощи кому, тыкать в глаза* и др.

Русские жестовые фразеологизмы отражают стереотипы поведения, реакций, ситуаций, акциональный и антропный коды культуры, хранят в себе древние мифологические представления. Выявление особенностей семантики, функционирования, культурной коннотации русских жестовых фразеологизмов позволит определить принципы лексикографического описания этой группы единиц в учебном лингвокультурологическом словаре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козеренко, А. Тело как объект природы и тело как объект культуры (о семантике фразеологизмов, построенных на базе жестов) / А. Козеренко, Г. Крейдлин // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999.
2. Телия, В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999.

Т.Ф. Осіпова (Харків, Україна)

ПАРЕМІЙНА КАРТИНА СВІТУ УКРАЇНЦІВ ЯК ВІДОБРАЖЕННЯ ЇХ МЕНТАЛЬНОСТІ У ДЗЕРКАЛІ ЗАКОНІВ КОМУНІКАЦІЇ (на матеріалі українських прислів'їв і приказок)

Прагматично-когнітивний напрямок розвитку лінгвістики сприяє розширенню досліджень мови як одного з основних засобів відображення та сприйняття світу. Проблема взаємодії мови та світогляду викликала стійкий інтерес у гуманітаріїв ще з античних часів (Аристотель, Кант). Співвіднесення мови і мислення (В. фон Гумбольдт), закономірності утворення знаків мови, їх форма (О.О. Потебня), функціональні явища мови (Ф. де Соссюр, Ш. Баллі), мовна картина світу як система та засіб формування менталітету (Сепір – Уорф, Вайсгербер) – далеко не повний перелік теорій, що були розвинуті у зазначеному аспекті.

В умовах міжкультурної комунікації, що є характерною ознакою сучасності, питання про ментальні та культурні особливості лінгвокультурних спільнот, які перетинаються у процесі комунікації, є надзвичайно актуальним, оскільки «її учасники у разі прямого контакту використовують мовний код і стратегії спілкування, що відрізняються від тих, котрими вони користуються всередині однієї культури» [2, с. 83]. Як відомо, особливості менталітету залежать від специфіки картини світу, зокрема мовної.

Мова не лише відображає дійсність, фіксуючи наївні уявлення різнорівневими мовними одиницями (словами-поняттями, фразеологізмами, прислів'ями, приказками, афоризмами), але й «репродукує від покоління до покоління культурно-національні установки і традиції народу» [5, с. 231], формуючи ментальність носія відповідної мови та утворюючи деякі *моделі мовленнєвої поведінки* [2, с. 116]. Прислів'я та приказки найбільш повно акумулюють народний досвід, зокрема й комунікативний, оскільки вони є діяхронічними, узагальненими, колективно створеними висловленнями та судженнями. Мета цієї наукової розвідки – виявити та описати ментальні особливості вербальної та невербальної комунікації українців, що зафіксовані в українських пареміях, зокрема прислів'ях і приказках.

На думку сучасних дослідників, поняття *ментальність* та *картина світу* різняться між собою за ступенем усвідомлення: *картина світу* – усвідомлене уявлення, а *ментальність* свідомістю не рефлексується [4, с. 154]. Як відомо, картина світу, на зразок мозаїки, складається із концептів та зв'язків між ними. Цікавою вважаємо ідею профільного розроблення картини світу [6, с. 5].

Зважаючи на те, що *етнічний менталітет* як підсвідоме явище найповніше виявляється у національній мові [2, с. 105], прогнозуємо можливість комунікативного профілювання паремійної картини світу. Унаслідок накладання комунікативної сітки ментальних уявлень на паремійну картину світу утворюється своєрідна «паремійна мозаїка», що репрезентує етнічний комунікативний досвід у формі лаконічних, точних висловлень, якими по суті є прислів'я та приказки. Порівн.: ***Не спіши карать, спіши вислухати*** [1, с. 56] – прислів'я є комунікативною настановою тому, хто має розібратися у певній ситуації та визначити винуватця. Справедливість як ментальна риса українства формується на засадах громадського устрою української спільноти, звичаєвого права, що оберігало інтереси всіх і кожного члена громади. Як комунікативне зауваження, висловлення має упередити помилкове рішення, як комунікативне правило – сформулювати правовий стереотип поведінки. ***Не кажи – є, як риба в річці, а кажи – є, як риба в руці*** [1, с. 46] – прислів'я репрезентує комунікативну стратегію, спрямовану на результат діяльності та водночас є правилом комунікації, що зорієнтовує співбесідника на продуктивний діалог, у якому відсутня ілюзорність, застерігає від фальшивих обіцянок та формує діловий стереотип сучасної людини. ***Від привітливих слів язик не одсохне*** [1, с. 183] – комунікативне правило, що визначає важливість дотримання мовленнєвого етикету у спілкуванні; сформульоване у грубій формі, воно схоже на комунікативне зауваження тому, хто порушує мовні норми спілкування, але така жорстка форма є стратегічно виправданою – передбачає беззаперечне його виконання. Отже, вимога дотримання мовленнєвого етикету є одним із положень комунікативного кодексу українців.

Серед прислів'їв та приказок є й такі, що віддзеркалюють параметри невербальної комунікації. Порівн.: ***Видиш, не видиш – мовчи*** [3, с. 237] – комунікативне застереження тому, хто поривається засвідчити щось, що бачив на власні очі. Життєва мудрість свідчить про дію закону комунікативного самозбереження: свідчення правди не завжди буває корисним для мовця. ***Гнів – сліпий дорадник*** [3, с. 497] – комунікативна констатація стану некерованої поведінки людини у критичних умовах (у стані афекту). Гнів перешкоджає комунікації, розриває стосунки, спричиняє душевні та фізичні страждання всім учасникам комунікації тощо. Отже, негативні параметри зазначеного емоційного стану характеризують його як явище екстранегативне, що його необхідно уникати у спілкуванні. ***Своя шапка: як схочу, так і надіну*** [1, с. 65] – приказка репрезентує комунікативну стратегію самостійної, незалежної особистості, що має тверду мотивацію такої комунікативної поведінки. Наявність власної шапки та

можливість маніпулювати нею на власний розсуд є засобом невербальної комунікації, що посилює емоції мовця та інших учасників спілкування.

Отже, комунікативне профілювання паремійної картини світу надає можливість дослідити етимологію комунікації на ментальному рівні. Авторка прогнозує можливість укладання словника *«Комунікативний кодекс українців у прислів'ях і приказках»*, що може становити зведення засад комунікативного досвіду українців, що віддзеркалений в усному мовленні народу. Вивчення законів комунікації на зрозумілих прикладах, практичне використання багатого комунікативного досвіду українства значно полегшить спілкування і сприятиме комунікативній компетенції сучасного мовця.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Багмет, А.* Збірка українських приказок та прислів'їв: 2-ге вид., стереотип., з репринтного відтворення вид. 1929 р. / А. Багмет, М. Дашенко, К. Андрущенко. – Київ, 2004.
2. *Бацевич, Ф.С.* Словник термінів міжкультурної комунікації / Ф.С. Бацевич. – Київ, 2007.
3. Галицько-руські народні приповідки : у 3 т. [Зібрав, упорядкував і пояснив Др. Іван Франко: 2-е вид.]. – Львів, 2006. – Т. 1.
4. *Коновалова, Е.А.* Картина мира как ключевое понятие современной лингвистики / Е.А. Коновалова // Культура народов Причерноморья : Научный журнал. – МЦ «Крым», 2008. – №137. – Т. 1. – С. 153–157.
5. *Телия, В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М., 1996.
6. *Шведова, Н.Ю.* Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским синтаксическим словарем» / Н.Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – 1999. – №1. – С. 3–16.

С.М. Прохорова (Минск, Беларусь)

РЫЦАРЬ РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ НАИВНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Рыцарство оказало огромное влияние на культурное развитие не только европейского континента, а слова *рыцарь*, *рыцарский*, *рыцарство* почти во всех европейских языках получили положительные культурные коннотации. Не исключением в этом отношении являются русский и белорусский языки, также заимствовавшие слово *рыцарь*.

Обратимся к авторитетному словарю Брокгауз и Ефрон [1]. Е. Щепкин, написавший статью *Рыцарство*, отмечает, что «рыцарство как военное и землевладельческое сословие возникло у франков в связи с переходом в VIII в. от народного пешего войска к конному войску вассалов» [1, с. 458]. Отмечает автор статьи воздействие церкви и поэзии на выработку

нравственного эстетического идеала воина в этой среде, которая замкнулась в «наследственную аристократию, сознававшую себя международным военным орденом» [1, с. 459]. Посвящение в рыцари – сложный обряд. Автор статьи указывает, что «в Англии право посвящать в рыцари рано стало прерогативой короны» [1, с. 460]. Рыцарство включает в себя «исполнение христианского долга служить Богу, соблюдение государева мира по отношению к церквям, вдовам, сиротам, обязанность «блести справедливостью» [1, с. 460], необходимо также охранять от насилия «все невоенное население – клериков, женщин, купцов, крестьян» [1, с. 460].

Посвящая в рыцари молодого человека, германцы опоясывали его мечом, что восходило к римским обычаям. Сначала рыцарство «давалось по германской традиции в 12, 15, 19 лет, но в XIII в. заметно стремление отодвинуть его к совершеннолетию, т.е. 21 году» [1, с. 460]. Посвящение совершалось в праздники Рождества, Пасхи, Вознесения, Пятидесятницы, отсюда появился обычай «ночной стражи». Автор статьи подчеркивает, что «рыцарь должен быть великодушным, свободнорожденным, щедрым, доблестным, воинственным» [1, с. 461].

Рыцарь должен был охранять веру, церкви и духовенство, охранять вдов и сирот, избегать несправедливой среды и нечистого заработка, для спасения невинного идти на поединок, посещать турниры только ради воинских упражнений, почтительно служить императору, жить безупречно перед Господом и людьми [1, с. 461].

В рыцарских романах и поэзии культивировались рыцарские доблести – мужество, лояльность, благоразумие, учтивость, общительность, чувство чести, а также рыцарские заповеди – быть верующим христианином, охранять церковь и Евангелие, защищать слабых, любить родину, говорить правду, держать слово, быть щедрым, бороться против зла и защищать добро и т.п. [1, с. 461].

Следует отметить вместе с тем, что часть рыцарства вырождалась (оппозиция *добро* – *зло* характерна для любого явления). И.Е. Щепкин также отмечает: «Памятниками средневекового рыцарства остаются замки XII–XIV вв. С одичанием рыцарства такие замки превращались иногда в разбойничьи гнезда ...грабежа соседей и проезжающих» [1, с. 462].

В белорусском фольклоре, как заметила Ю.А. Гурская, готовящая статью на эту тему, есть образы черного рыцаря (в том числе на гербе г. Новогрудка), белого и золотого. Образ рыцаря в белорусском фольклоре, по Ю.А. Гурской, амбивалентен. В отношении «свой–чужой» рыцарь часто «чужой», в том числе белорусский фольклор сохраняет память о немецком и шведском рыцаре.

Но белорусский язык слову *рыцар* придает только положительные коннотации. Более того, в Беларуси сохранились воспоминания о том, что в истории Великого княжества Литовского рыцари сыграли большую роль. Совершенно не случайно в XX в. после «перестройки» в Беларуси возникло молодежное рыцарское движение. Несмотря на то, что Т.И. Шамякина считает, что «ўсе поспехі на Зямлі маюць сваім вытокам сельскую гаспадарку» [2, с. 11], она не могла не отметить, что в конце 1980-х – начале

1990-х гг. в период «новага гістарычнага ўсведамлення беларусамі ўласнай ідэнтычнасці... ўзнікае нават своеасаблівы феадальна-рыцарскі культ, які выразна выявіўся ва ўзбагачэнні жанру гістарычнага рамана новымі значнымі творамі, у з'яўленні адпаведных навуковых прац, у стварэнні моладдзю рыцарскіх клубаў. Нацыя як бы вярталася да сваіх вытокаў – перш за ўсё дзяржаўных» [2, с. 11].

Но молодежные рыцарские клубы свидетельствуют о том, что, несмотря на то, что многие годы навязывался стереотип «белорусская культура имеет исток в деревне», в сознании людей, живущих на территории Беларуси, осталось воспоминание о роли рыцарей на этой земле, а белорусский фольклор является подтверждением этого.

В какой-то степени подтверждение находим в словаре В. Даля, где *рыцарство* определяется как «дворянство балтийских губерний»[3].

Что касается толковых словарей русского и белорусского языков, а также языков практики, то слово *рыцарь/рыцар* употребляется чаще всего с положительной коннотацией, но встречается и отрицательная. Обращают на себя внимание и словосочетания типа *рыцарь революции*, получившее в настоящее время амбивалентные значения.

Несмотря на то, что в России рыцарство как явление не существовало (хотя Павел I пытался вызвать интерес к нему), идеалы рыцарей не были чужды передовому российскому дворянству. Фразеологические словари фиксируют несколько фразеологических оборотов с компонентом *рыцарь*: *рыцарь без страха и упрека* “человек высоких нравственных достоинств” (перевод французского выражения); *рыцарь печального образа* “наивный, бесплодный мечтатель” (из Сервантеса); *рыцарь на час* “человек, живущий благородным порывом, но не способный к длительной борьбе” [4]. Последний фразеологизм русского происхождения (от названия стихотворения Н.А. Некрасова 1863 г. «Рыцарь на час»).

Фразеологический словарь белорусского языка [5], кроме перечисленных *рыцар без страху і дакору; рыцар журботнага вобраза; рыцар на час* (заимствованные из русского), приводит еще два: *рыцар плаща і кінжала* ‘майстар тайных тэарыстычных аперацый’; *рыцар ночы* ‘цемрашал’ (= рус. *мракобес*).

А. Аксамитов [6] записал поговорку *рыцэр то рыцэр, але мех ня цэл*, которую можно трактовать по-разному, но сам А. Аксамитов объясняет ее значение как “пра ашуканага, які запэўніваў, што ніхто не ашукае” (самоуверенный? или в силу рыцарского благородства не допускающий мысли, что кто-то будет его обманывать? – С.П. А может, речь идет об обедневшем рыцаре? – С.П.).

Приведенная А. Аксамитовым поговорка свидетельствует о том, что в коллективном бессознательном белорусского народа сохранилась память о рыцарях, о чем свидетельствует и фольклорный материал, проанализированный Ю.А. Гурской. Фольклорный материал, куда включается и рассмотренная поговорка – свидетельство того, что народ жил бок о бок с рыцарями, в то время как фразеологические словари включают только книжные и заимствованные фразеологические обороты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энциклопедический словарь / Ред. Ф.А. Брокгауз, И.Е. Ефрон. – Т. 53. – СПб., 1899.
2. Шамякіна, Т.І. Беларуская літаратурная класіка і сучаснасць // Веснік БДУ. Сер. 4. – 2009. – №1. – С. 10–19.
3. Даль, В. Толковый словарь русского языка. Современная версия / В. Даль. – М., 2002.
4. Фразеологический словарь русского языка ; под ред. А.И. Молоткова. – М., 1986.
5. Лепешаў, І.Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы : у 2 т. / І.Я. Лепешаў. – Мінск, 1993. – Т. 2.
6. Аксамітаў, А. Прыказкі і прымаўкі / А. Аксамітаў. – Мінск, 2000.

Е.В. Рагозина (Калининград, Россия)

РИТОРИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ КАК ЭКСПЛИКАТОРЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия мира. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков. Центральной же фигурой на той картине мира, которую рисует язык, является человек.

В зависимости от обстоятельств человек в языке фигурирует как субъект речи (говорящий), субъект сознания, восприятия, воли, эмоций и т.д. Так, в частности, Ю.Д. Апресян, выявивший восемь систем, которым соответствуют свои семантические примитивы, отмечает эмоции как одну из наиболее сложно организованных систем человека.

Исследованию эмоций и их отображению в языке посвящена огромная литература, уделяющая преимущественное внимание системному семантическому анализу лексики [1, с. 275]. Тем не менее языковая картина мира как единый «живой организм» четко структурирована и в языковом выражении является многоуровневой. Следовательно, помимо словарного состава, «она определяет особый набор звуков и звуковых сочетаний, особенности строения артикуляционного аппарата носителей языка, просодические характеристики речи, словообразовательные возможности языка, а также синтаксис словосочетаний и предложений» [2, с. 89]. Поэтому представляется закономерным включение исследований в области синтаксиса в перечень работ по анализу языковой картины мира.

Разделяя мнение Л. Витгенштейна о том, что «предложение – модель действительности, копирующая ее структуру своей логико-синтаксической

формой» [3, с. 168], мы считаем целесообразным проанализировать в соответствующем аспекте группу риторических вопросов как универсальный функциональный тип синтаксических единиц.

Исследование эмоциональной составляющей указанных конструкций позволяет выявить ряд особенностей современной русской языковой картины мира: во-первых, присущая русскому человеку эмоциональность бывает весьма часто «подкрашена» оттенком аффектации. Например: «*Ну разве это не парадокс?!*» (ВФ); «*Куда бы вы девались без этого с вашим прогрессом?! Куда вы денетесь со всей вашей эволюцией «революции»?!*» (ВФ); «*А что я сделал за это время?!*» (ВП); «*Да кто же их не знает?!*» (Пелев.); «*Не пришло ли время отдать долги памяти предков?!*» (КДП); «*Почему бы не доказать это на примере Калининградской области?!*» (КДП);); «*О какой совместной судьбе с таким народом может идти речь?!*» (Пелев.). При обращении к лексическому толкованию термина «аффектация» («неестественная, обычно показная возбужденность в поведении, речи» [4, с. 32]) становится очевидной не только высокая степень личностного отношения говорящего к тому, о чем он сообщает. Речь скорее идет о вынесении на первый план демонстративности, требующегося показа второго голоса, второго, внутреннего «я» в ответ на предыдущую реплику в разговоре.

Во-вторых, в системе риторических вопросительных предложений весьма продуктивна группа конструкций, в которых указанная аффектация приобретает личностно-негодующий характер с оттенком возможности изменения существующего положения дел. Семантика таких риторических вопросов, сводящаяся к подчеркиванию собственной или чьей-нибудь невозможности что-либо сделать, имплицитно подразумевает возникновение адекватной ответной реакции и возможность решения обозначенной проблемы. Насыщенная же экспрессия должна, по мнению адресанта, активизировать деятельность адресата в направлении ликвидации невозможного. Например: «*[А им уже надоело затягивать пояса в надежде на светлое будущее] Сколько же можно?!*» (Рос. газ.); «*И мог ли писать ему Анучин такую ересь?!*» (ВЛ); «*Как мы можем вообще когда-нибудь выйти за пределы нашего опыта?! Как мы можем вообще что-то знать о Боге?!*» (ВФ); «*Как может доставлять наслаждение зрелище страстей, которые носят отрицательный характер?!*» (ВФ); «*Стоит ли удивляться, что люди, которые не могут жить по этим гнусным правилам, берутся за оружие?!*» (Пелев.). Отмечаемый факт не ставит под сомнение традиционное положение о «трех китах» русского человека: «авось, небось и как-нибудь» [1, с. 351]. Тем не менее наличие и достаточный объем указанных репрезентаций не могут быть не приняты во внимание при анализе современной русской языковой картины мира, поскольку отмечены в текстах различной жанровой принадлежности 2006–2008 гг.

Таким образом, исследование эмоциональной составляющей риторических вопросов свидетельствует о весьма частом наличии как состояния аффектации в системе эмоций русского человека, так и о его намерении решать возникающие проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян, Ю.Д.* Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян. – М., 1995. – Т. 2.
2. *Вайсгербер, Й.Л.* Язык и философия / Й.Л. Вайсгербер // Вопросы языкознания, 1993. – №2.
3. *Вингенштейн, Л.* Философские работы / Л. Вингенштейн. – Ч. 1. – М., 1994.
4. *Ожегов, С.И.* Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 2006.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВЛ – Вопросы литературы, 2006–2008 гг.
ВП – Вопросы психологии, 2006–2008 гг.
ВФ – Вопросы философии, 2006–2008 гг.
Пелев. – *В. Пелевин*. Relics : Избранные произведения. – М., 2005.
Рос. газ. – Российская газета, 2008 г.
КДП – Калининградская правда, 2008 г.

А.В. Рачковская (Минск, Беларусь)

ВИЗУАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В НЕВЕРБАЛЬНОЙ СЕМИОТИКЕ И ФРАЗЕОЛОГИИ

Хищное око завоевывает мир,
чтобы ощупать его –
если не руками, то хоть глазами
А. Генис

Нет сомнений в том, что зрение для человека является ведущим каналом получения информации. По некоторым данным, человек благодаря зрению получает 80–85% от всего объема сенсорной информации. Но традиционно глазам приписывается в культуре большее значение, нежели простому органу чувств. У глаз гораздо более высокий статус, чем у лица, и тем более, у тела, ведь «тело – рама лица, лицо – обрамление глаз, глаза – окна (или зеркало) души» [4, с. 104]. Хотя взгляд нередко представляется в виде доминирующего, агрессивного начала. Так, по словам В. Карасева, «зрение переделывает внешнее во внутреннее, поедает мир как пищу – глазами» [2, с. 54].

1. Визуальное поведение в невербальной коммуникации. Для невербальной семиотики глазное, или визуальное поведение является весьма информативным и значимым. Г.Е. Крейдлин предлагает выделить в рамках невербальной семиотики отдельную дисциплину – окулесику «как науку о языке глаз и визуальном поведении людей» [3, с. 22]. По словам исследо-

вателя, существует несколько «основных смыслов, выражаемых глазами в коммуникативном акте»: 1) «готовность к коммуникации»; 2) «подавление воли и влияния другого, а также контроль над процессом коммуникации и поведением партнера»; 3) «желание установления контакта и получения информации»; 4) «выражение чувств» [3, с. 387–390].

Глаза представляют собой настолько важный в физиологическом, психологическом, социальном, религиозном, сексуальном и многих других отношениях орган, что каждая культура и каждый народ вырабатывают типовые модели глазного поведения. Современные этнографы полагают, что все цивилизации можно разделить на две в зависимости от направления взгляда. У одних народов взгляд при разговоре направлен в глаза собеседнику, у других – взгляд направлен в сторону [1, с. 144–145]. Если в славянской (как и западной) культуре считается обязательным смотреть друг другу в глаза, то в африканской – нет, а в азиатской подобный прямой взгляд считается признаком неуважения [5, с. 61].

2. Глазное поведение во фразеологии. На способность глаз быть “зеркалом души” указывают следующие фразеологизмы: рус. *делать глаза* в значении ‘выражать взглядом внутреннее состояние, настроение’, пол. *mówić oczami* досл. ‘говорить глазами’, нем. *von den Augen lesen* досл. ‘читать по глазам’.

Согласно данным фразеологических словарей белорусского, русского, польского и немецкого языков, с глазами можно совершать различного рода манипуляции: глаза можно *вылупить*, *наострить*, *вытаращить*, *поднимать*, *устанавливать*, *распускать*, *пялить*, *обмозоливать*. Вочы могуць зліпацца, заплюшчвацца, навылазіць, разб’ягацца, зрабіцца вялікімі. Вокам і вычыма можна кідаць, лыпаць, есці, стрыгчы, страляць, свяціць. Oczy rozbiegaia się, mówią, słupem stają. Oczy można wywracać, spuszczać, mrużyć, utkwąć. Die Augen kann man verschließen, zudrücken, niederschlagen, riskieren, mit den Augen verfolgen, verschlingen, klappern и др.

3. Денотативное разнообразие фразеологических номинаций глазного поведения. Фразеология отразила различные сценарии визуального поведения. Чаще других во фразеологизмах, описывающих глазное поведение, встречается сема ‘выражение чувств’. Фразеологизмы, мотивированные названиями движений глаз, могут обозначать следующие эмоции: 1) удивление: рус. *вылупить глаза*, бел. *глядзець вялікімі вачыма*, пол. *oczy wychodzą z orbit* досл. ‘глаза выходят из орбит’, нем. *die Augen aus dem Kopf gefallen* досл. ‘глаза из головы выпали’; 2) интерес: рус. *запускать глазуну*, бел. *не зводзіць вачэй*, пол. *toczyć oczyma* досл. ‘точить глазами’, нем. *j-n mit Blicken abtasten* досл. ‘ощупывать глазами’; 3) стыд: рус. *не знать, куда глаза девать*, бел. *свяціць вачыма*, пол. *spuszczyć oczy* досл. ‘опустить глаза’, нем. *sich die Augen aus dem Kopf schämen* досл. ‘глаза стыдятся головы’; 4) злость, гнев: рус. *сверкать глазами*, бел. *ставіць калом вочы*, пол. *zerkać spod oka* досл. ‘глядеть исподлобья’, нем. *seine Augen sprühten Blitze* досл. ‘его глаза метали молнии’; 5) горе: рус. *обливаться слезами*, бел. *пускаць слязу*, пол. *oczy zachodzą łzami* досл. ‘глаза наполняются

слезами', нем. *sich die Augen ausweinen* досл. 'выплакать глаза'; б) презрение, пренебрежение: рус. *окатить ледяным взглядом*, бел. *глядзець зверху ўніз*, пол. *patrzeć z góry* досл. 'смотреть с горы', *j-n über die Achsel ansehen* досл. 'смотреть через плечо' и др.

Выводы. В культуре глаза трансформировались из органа тела и органа восприятия в семиотически значимый символ, получив статус «окон души», «светильника тела», «солнца лица». Язык в полной мере отразил эту символику. Большое количество фразеологизмов, отразивших движения глаз, указывает на то, что для языкового сознания именно выражение глаз было определяющим в отражении внутреннего мира человека, способным передать всю гамму человеческих эмоций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишина, А.А. Немного о жестах и речи / А.А. Акишина // А.А. Акишина, Х. Кано, Т.Е. Акишина Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановедческий словарь. – М., 1991. – С. 141–146.
2. Карасев, Л.В. Философия смеха / Л.В. Карасев. – М., 1996.
3. Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / Г.Е. Крейдлин. – М., 2002.
4. Мельникова-Григорьева, Е. Границы тела / Е. Мельникова-Григорьева. – Теория моды. – 2007. – Вып. 5. – С. 99–119.
5. Ситарам, Г. Основы межкультурной коммуникации / Г. Ситарам, Р. Когделл // Человек. – 1992. – №2. – С. 51–64.

Е.И. Рогалёва (Псков, Россия)

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА В «НОВОМ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ»

Фразеологизмы по своей природе являются уникальным источником постижения национальной культуры. К сожалению, в настоящее время обучение младших школьников русской фразеологии должным образом не разработано ни в лингвометодическом, ни в лингвострановедческом аспекте. Не имея соответствующих методических рекомендаций, учитель зачастую избирает неадекватные способы семантизации и этимологического комментирования фразеологизмов. Однако это не мешает недоумевающим детям задавать учителю вопросы о том, зачем «глотать какой-то аршин», об отметке «кол», которой зачем-то «чешут на голове» и о странных «семи прядях» во лбу старшего брата.

В связи с этим встает вопрос о том, каким должен быть детский фразеологический словарь, чтобы в ходе репрезентации фразеологизмов ребенок «впитал» их как своего рода «кладесь премудрости» народа,

сохраняющий и воспроизводящий менталитет народа, его культуру от поколения к поколению [1, с. 88].

Скромной попыткой решения данной проблемы явилось создание интерактивного «Нового фразеологического словаря для детей».

«Проходя» (как в компьютерной игре) несколько уровней освоения фразеологизма, представленных разными рубриками словарной статьи, ребенок каждый раз присваивает себе новое культурное пространство.

Так, в историко-этимологической рубрике ребенок вместе с авторами переносится в далекое прошлое, где находит разгадку происхождения фразеологизма: в карете царя Алексея Михайловича едет по столбовой дороге в село Коломенское (статья «Коломенская верста»), с братьями-коробейниками оказывается на средневековой ярмарке («Наврать с три короба»), на русской деревенской свадьбе помогает варить кашу по старинному рецепту («Заваривать кашу»).

Некоторые фразеологизмы осваиваются ребенком через современные культурные реалии России: читатель посещает музей «Русский Левша» в Санкт-Петербурге («Подковать блоху»), поднимается на колокольню «Иван Великий», («Звонить во все колокола»), попадает в музей «Мельница в деревне Бугрово», где учится плести веревки из льняных нитей (словарная статья «Вить верёвки»), знакомится с героями русских мультсериалов – казаками («Вольный казак»), попугаем, слоном, удавом и мартышкой («Мерить на свой аршин»), с самолета ведет фотосъемку реки Волги («Тише воды, ниже травы»).

Тексты, представляющие собой развернутые историко-этимологические комментарии, следуют сразу за заголовочной единицей и связаны взаимными отсылками, сквозными сюжетными линиями. Они включают сведения о выдающихся исторических личностях (Петр I), писателях (А.С. Пушкин), художниках (И.Е. Репин), ученых (М.В. Ломоносов), исторических памятниках (колокольня «Иван Великий»). Раскрывая вместе с авторами этимологию фразеологизма «Тянуть канитель», младший школьник узнает о К.С. Станиславском – великом русском режиссере и талантливом менеджере известной в России в XIX веке золотоканительной фабрики; читая словарную статью «Вольный казак», ребенок имеет возможность познакомиться с картиной И.Е. Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», а в статье «Косая сажень в плечах» – с картиной В.М. Васнецова «Богатыри».

Таким образом, ребенок параллельно с историей происхождения фразеологизма открывает для себя и другую культурологическую информацию, что усиливает образовательно-развивающий эффект словарной статьи.

Следующая рубрика «Распознавание фразеологизма в тексте» знакомит маленького читателя с культурой, историей и природой России (например, заметка «Достучаться до сердец» из словарной статьи «Отрезанный ломоть»), открывает интересные факты из жизни животных и растений (рассказы животных о способах маскировки из словарной статьи «Как в воду канул»), представляет современные виды спорта (диалог о паркуре в статье

«Вверх тормашками»), учит нормам морали (рассказ «О чём шепчет прабабушка на ушко правнучку?» из статьи «Мотать/наматывать <себе> на ус»).

В «Речевой лаборатории» для активизации фразеологизма и введения его в практику речевого общения мы предлагаем ребенку «принять» ту или иную роль (психолог, царь, детектив, врач, вождь индейского племени, волшебник и т.д.). Все задания рубрики привязаны именно к той роли, которую выполняет ребенок, и к той речевой ситуации, в которой он находится. Успех выполнения задания обеспечивается за счет ситуативного контекста, а также скрытых подсказок, намеков на ответ в формулировках вопросов. Это обусловлено необходимостью «дистанционного» управления речевой деятельностью ребенка. Таким образом, ребенок осознает роль словаря как средства контроля своей коммуникативной деятельности.

«Пройдя» все уровни работы над фразеологизмом, ребенок получает ещё дополнительную возможность самоактуализироваться и получить всплеск положительных эмоций в рубриках «Минутка здоровья», «Творческая мастерская», «Смехотерапия», «Детский фольклор» (одной из них завершается словарная статья). Главная задача этих рубрик – с опорой на знание фразеологизма научить ребенка быть творцом своей личности, своей речи, а также окружающего мира.

В целом, интерактивный фразеологический словарь является своего рода фразеологическим «окном», через которое ребенок, для которого русский язык является либо родным, либо вторым родным, либо иностранным, познает культуру русского народа и России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маслова, В.А.* Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М., 2001.

А.А. Романовская (Минск, Беларусь)

СИМВОЛ КАК ОБРАЗНОЕ ПОНЯТИЕ, ВЫРАЖЕННОЕ ЗНАКОМ

При рассмотрении символического знака необходимо обратить внимание на следующее: термин символ имеет два значения в каком-то смысле противоположных. Слово “символ” иногда используется для обозначения языкового знака, или, точнее, означающего, но пользоваться им не вполне удобно именно в силу принципа произвольности: «символ характеризуется тем, что он всегда не до конца произволен; он не вполне пуст, в нем есть рудимент естественной связи между означающим и означаемым. Символ справедливости, весы, нельзя заменить чем попало, например, колесницей» [2, с. 101]. Символ (по Ф. де Соссюру) – обозначение какого-то предмета при помощи указания на другой предмет, который

приобретает аллегорическое значение (весы как обозначение справедливости). Ф. де Соссюр, таким образом, не считает символ знаком, выводя его за пределы лингвистики. В этом случае понятия символа и языкового знака не совпадают.

Центральным понятием в семиотике Ч.С. Пирса является интерпретант [1, с. 224], на основании которого пирсовская теория отличается от бинарного представления о знаке Ф.де Соссюра. Пирс, как и Соссюр, проводит резкое различие между «материальными качествами» – означающим любого знака и его «непосредственной интерпретацией», т.е. означаемым, но знаки обнаруживают три основных вида знакообозначения, которые основаны на разных взаимоотношениях между означающим и означаемым. Это различие позволяет Пирсу выделить три основных типа знаков. Действие символа основано главным образом на установленной по соглашению, усвоенной смежности означающего и означаемого. При интерпретации любого данного символа знание этого конвенционального правила обязательно, и знак получает действительную интерпретацию только потому и просто потому, что известно это правило. Символ включает в себя привычку.

По Ч.С. Пирсу, символ – это обыкновенный знак, либо индексальный (основанный на смежности, коррелирующий с метонимией), либо иконический (основанный на подобии, коррелирующий с метафорой), смотря что в нем преобладает. Символический знак – это знак, у которого нет объективной связи с обозначаемыми предметами. Значение знака чисто условное. Это факт договора между людьми. Иными словами, понятие символа (по Пирсу) соответствует понятию языкового знака (по Соссюру), а соссюровский символ (весы – справедливость) соотносится с иконическим знаком Пирса.

Символ рассматривается нами как знак, принадлежащий вторичной моделирующей системе и проявляющий себя в литературном тексте как вербально выраженная единица. Символ имеет особую семантику: это образное понятие, выраженное языковым знаком. На основании семного анализа, при котором статус семантических компонентов определяется посредством референции знака к тексту, античным символом, например, правосудия, права, законного порядка признается *Фемида*: 1) *является супругой Зевса в качестве основы правопорядка*; 2) *занимает высокое положение на Олимпе*; 3) *за столом богов сидит по правую руку от Зевса*; 4) *между Фемидой и Герой никогда не возникало ссор*; 5) *обладает даром прорицания*; 6) *Афродита, видя, что Эрот не растет и все время остается ребенком, обратилась за разъяснениями к Фемиде*. Весы не являются символом в нашем понимании. Это атрибут Фемиды, т.е. атрибутивный рудимент. Такие внешние придатки представляют собой индексальные знаки, в которых мотивированность означающего означаемым носит метонимический характер.

В высказывании *Талос – символ силы, порядка, обреченности, мастерства* слово “символ”, семиотическая связка идеальной и чувственно воспринимаемой категорий, занимает позицию предиката между существи-

тельными, конкретизирующими означаемое и означающее, и указывает на значение отношения формы (*Талос*) и смысла (*сила, порядок, обреченность, мастерство*). *Талос* – имя собственное, принадлежащее античному культурному герою. Сигнификатом имени собственного является образ, сопутствующий имени собственному. Образ устанавливает корреляцию между формой (достаточно определенной) и не определившимся содержанием и разделяет то, что считается принадлежащим объективному миру, и то, что локализовано в пространстве сознания. Главное назначение образа состоит в обобщении накопленного опыта. Надо отметить, что в отношении образа как литературоведческого термина существует предлингвистический момент в том смысле, что на основе образа возникает идея лингвистической единицы (символа).

Если рассматривать символ как конвенциональный знак, находящийся за пределами языковой системы (символ, по Соссюру), то можно согласиться с положением, что знак имеет коммуникативную цель, то есть иллокутивную силу, тогда как символ императивен. Однако следует отметить, что сущность символа как элемента языковой системы – указывать на большее, чем есть он сам, тогда как сущность знака – чистое указание, отсылка. Несмотря на то что лексика античного происхождения малочастотна (во многом носит специфический характер), античные символы постоянно находятся в нашем распоряжении и готовы появиться при первой же необходимости, чтобы занять свое место в речи. Античная лексика, связанная с явлениями духовной культуры, характеризуется диспонибельностью (*disponibilité*), т.е. резервностью, наличием в сознании, “готовностью” к употреблению. В соответствии с данным, указывающим на коммуникативность символа подходом, которому придается семиотический смысл, актуализация античных образов и ассоциаций непременно осуществляется там, где протекает активное культурное общение современного человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пирс, Ч.С.* Начала прагматизма / Ч.С. Пирс ; пер. с англ. В.В. Кирющенко, М.В. Колопотина ; послесл. В.Ю. Сухачева. – СПб., 2000.
2. *Соссюр, Ф. де.* Курс общей лингвистики / Ф. де. Соссюр // Труды по языкознанию. – М., 1977. – С. 31–285.

И.А. Сотникова (Санкт-Петербург, Россия)

УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА РУССКОГО ЯЗЫКА (НА ФОНЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА)

Языковая картина мира – это одно из центральных понятий лингвокультурологии. Одно из главных свойств языковой картины мира –

национальная специфичность, которая проявляется на разных уровнях языка. Устойчивые сравнения (далее – УС), в том числе, эксплицируют национально специфические особенности языковой картины мира.

Объектом исследования данной статьи является группа УС, характеризующих худого человека.

В русском языке данная группа представлена 16 единицами: как из Бухенвальда <как жертва Бухенвальда>, как вобла, как глист <глиста>, как дистрофик, как <драная> кошка, как Кощей <Кащей>, как доска, как из концлагеря, как мешок с костями, как мощи, как мумия, как из Освенцима <как жертва Освенцима>, как скелет, как спичка, как тень, как щепка. В испанском языке – 6 УС: *delgado* <*flaco*, *seco*> *como un alambre* ‘тощий <худощавый, худой> как проволока’, *seco como una bacalada* ‘худой как вяленая треска’, *seco* <*delgado*> *como una espátula* ‘худой <тощий> как лопаточка’, *como un palo* ‘как палка’, *seco como un espárrago* ‘худой как спаржа’, *delgado como una lombriz* ‘тощий как червь’.

Далеко не все УС, зафиксированные в словарях в значении «худой, тощий», употребляются носителями русского языка для характеристики худого человека: *как котенок, как петух ошипанный, как тарань, как щенок*. Напротив, не все устойчивые сравнения, которые употребляют носители языка, зафиксированы в словарях: *как из Бухенвальда <как жертва Бухенвальда>, как из Освенцима <как жертва Освенцима>, как дистрофик*.

Результаты анализа контекстов употребления русских устойчивых сравнений могут не совпадать с данными словарей. Устойчивое сравнение *как <драная> кошка*, зафиксированное в словарях в значении ‘тощая, жалкого вида женщина’, в подавляющем большинстве случаев употребляется носителями русского языка для характеристики некрасивой, неопрятной, жалкого вида женщины: «Не высыпалась, уставала, выглядела *как драная кошка*» [Блог «Живой журнал»]. Сема «тощая, худая» отсутствует.

Эталоны УС русского языка, характеризующих худого человека, разнородны. В русском языке представлены следующие тематические группы эталонов УС: хозяйственно-бытовые реалии (*вобла, мешок с костями, спичка, щепка*), зоонимы (*глист <глиста>, <драная> кошка*), исторические реалии (*Бухенвальд, концлагерь, Освенцим*), останки человека (*мощи, мумия, скелет*), наименование человека (*дистрофик*), мифологема (*Кощей <Кащей>*).

Эталонами испанских УС, характеризующих худого (очень худого) человека, являются хозяйственно-бытовые реалии: *проволока* (*delgado* <*flaco*, *seco*> *como un alambre* ‘тощий <худощавый, худой> как проволока’), *вяленая треска* (*seco como una bacalada* ‘худой как вяленая треска’), *лопаточка* (<*delgado*> *como una espátula* ‘худой <тощий> как лопаточка’), *палка* (*como un palo* ‘как палка’); зооним: *червь* (*delgado como una lombriz* ‘тощий как червь’); растение: *спаржа* (*seco como un espárrago* ‘худой как спаржа’). Национально специфичными являются следующие эталоны УС испанского

языка: *спаржа* и *вяленая треска*. Данные реалии не встречаются в России и характерны для Испании.

Образы, лежащие в основе русского УС *как вобла* и испанского *soto una bacalada* ‘как вяленая треска’, совпадают. Это обусловлено сходством хозяйственно-бытовых реалий, используемых в качестве эталона, близкого рода занятий – рыболовство. Расхождение связано с географическими особенностями.

План выражения русского УС *как палка* и испанского УС *soto un palo* ‘как палка’ полностью совпадает, частично отличается мотивировочный признак, лежащий в основе сравнения. УС испанского языка *soto un palo* ‘как палка’ употребляется для характеристики худого человека, в то время как русское УС *как палка* характеризует одновременно два параметра фигуры человека – высокий рост и худобу.

УС испанского языка *delgado como una lombriz* ‘тощий как червь’ и УС русского языка *как червь* имеют одинаковый план выражения, но полностью отличаются мотивировочным признаком, лежащим в основе сравнения. Испанское УС *delgado como una lombriz* ‘тощий как червь’ характеризует худого человека, а русское УС *как червь* имеет следующие значения: 1) Точить, грызть кого-либо. Доставлять постоянные, скрытые моральные мучения (о мысли или чувстве); 2) Ползти, извиваться (о человеке или животном); 3) Заискивать, пресмыкаться перед кем-либо; 4) Погибать, пропадать – глупо, бесцельно, проявляя полную беспомощность в борьбе за существование. УС *как червь* в русском языке не употребляется для характеристики фигуры человека.

Аксиологическая характеристика УС русского и испанского языков, характеризующих худого человека, отрицательна.

Таким образом, УС, характеризующие худого человека, присутствуют как в русском, так и в испанском языках. Особенности национального мировидения заключаются в том, что, во-первых, в русском языке, в отличие от испанского языка, больше единиц, характеризующих худого человека. Для русской лингвокультуры подобного рода отклонения от негласной нормы оказываются более значимыми, чем для испанской. Во-вторых, различаются эталоны сравнений русского и испанского языков: эталоны УС русского языка более разнородны, чем эталоны испанских УС. В качестве эталонов сравнения в русском языке выступают хозяйственно-бытовые реалии, зоонимы, исторические реалии, мифологема, наименование человека, в испанском языке – хозяйственно-бытовые реалии, зооним, растение. Расхождение эталонов УС русского и испанского языков обусловлено географическими и культурно-историческими особенностями. Аксиологическая характеристика русских и испанских УС совпадает.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В СЕМАНТИКО-ДЕРИВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

1. Одна из фундаментальных черт современной парадигмы лингвистических исследований – антропоцентризм – предопределила возросший интерес лингвистов к национально-культурным и историческим феноменам, накладывающим отпечаток на развитие языка во многих сферах, в том числе, а возможно, особенно – в процессах семантической деривации. Эти процессы, понимаемые сегодня как способ осознания и представления нового содержания на основе уже сложившихся в сознании и закреплённых определённым именем образов, проливают свет на то, каким путем сознание приобщало познаваемые явления к уже существующей концептуальной системе.

2. Представление нового содержания сквозь призму познанного одновременно означает его интерпретацию, направления которой, с одной стороны, предопределены, общечеловеческими факторами, общей биологической природой говорящих на разных языках. С другой стороны, на этом процессе не могут не сказаться разные природные условия проживания социумов, культурно-исторический фон развития нации и языка и т.п. Все это приводит к тому, что одни и те же «одни и те же способности концептуализации могут порождать различные концептуальные системы» [1, с. 402].

3. Различия концептуальных систем ярко проявляются при сравнении семантических структур многозначных глаголов, например, в немецком и русском языках. При этом можно выделить следующие закономерности:

а) образ одной и той же ситуации физического действия в одном языке используется для осмысления нового содержания, в другом – нет: *щипать кур* в русском языке и *jmdn. rupfen* в немецком в значении «обобрать кого-либо», например, в карточной игре. Другими словами, семантико-деривационный потенциал ментального образа ситуации в русском языке еще не реализован в той мере, как в немецком;

б) один и тот же образ вовлекается в процессы осмысления разных новых содержаний: *пилить* «беспрерывно упрекать» и *sägen* «храпеть», хотя некоторая общность их мотивации – длительность, монотонность действия – интуитивно ощущается;

в) один и тот же образ получает противоположные интерпретации в разных языках, что чаще проявляется в разной направленности общей коннотативной или оценочной «ауры» определенного образа, например: *искать блох* в русском в значении «выискивать мелкие недостатки, погрешности» и *jmdn. lausen* в немецком «обобрать, обыграть, обворовать кого-либо» с преобладающим компонентом «удаление (блох → денег)».

4. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что физический опыт **не детерминирует** концептуальную систему, но только **мотивирует** ее, и что один и тот же опыт может обеспечивать в равной мере хорошие мотивации для двух отличающихся концептуальных систем [1, с. 403]. Установление и сравнение концептуальных структур, стоящих за определенными глаголами со значением физического действия на основе их языковых проявлений, позволяет выявить сходства и различия их и интерпретировать и то, и другое как отражение культурологической значимости определенного опыта для социума, национального творчества народа, а также тех путей, по которым шло познание мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф. – М., 2004.

Е.А. Чубина (Москва, Россия)

ВОДА КАК САКРАЛЬНАЯ СТИХИЯ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Сохранились многочисленные свидетельства почитания славянами воды как первостихии мироздания, источника жизни. Вспомним ФЕ *живая вода* – фольк. “Эликсир жизни, все, что дает человеку энергию, бодрость, силы”. В древнерусском языке *живая вода* – это также “родниковая вода”, вообще – “текучая”, в противоположность *мертвой* – “спокойной, неподвижной, стоячей”. Такое видение было предопределено тем особым магическим значением, которое водная стихия имела в верованиях славян.

Около воды совершались молитвы, заключались браки и союзы, приносились клятвы: например, *лады у воды* – “устар., часто ирон. О заключении брачного союза, брака”. По одной версии, происхождение фразеологизма связывается с именем древней богини *Ладо (Лада)*, которая считалась покровительницей брачных союзов. Она упоминается и в пословице: *Не надобен и клад, коли у мужа с женою лад*.

Известны жертвоприношения воде: если жертва тонула – это означало, что ее принимают, если же продолжала находиться на поверхности воды – отвергают. Такое ритуально-магическое действие, как жертвоприношение, легло в основу древнего обычая «Божьего суда». Во фразеологии сохранились единицы, образное основание которых восходит к этим древним ритуальным формам: *как в воду опущенный, в огонь и в воду, выйти сухим из воды*.

С мифологическими представлениями о том, что водное пространство разделяет земной и потусторонний миры, связано восприятие воды как магической первостихии. Такая семантика реализуется в ритуально-

магических действиях с водой, например, в гадании (*как в воду глядел, вывести на чистую воду*), в магии (*как с гуся вода, мутить воду*).

В целях продуцирующей магии набирали воду, зачерпнутую по течению реки (можно предположить, что эта «картинка», образ отразился во внутренней форме идиомы *воды не замутит*), а для вредоносной магии – против течения (отсюда – *мутить воду*).

Славяне верили в сакральную силу воды, при ее набирании и перенесении в дом соблюдались особые условия и запреты. Так, например, при набирании запрещалось отливать воду из ведра или зачерпывать вторично (чтобы *не замутить воды*), а также следовало соблюдать полное молчание при перенесении воды в дом (возможно, отсюда пошло выражение *как воды в рот набрал*).

С народными верованиями в магическую предсказующую силу воды связана семантика идиомы *как в воду глядел* “о человеке, предвидевшем, точно предсказавшем что-л.”. Всматриваясь в отражение в воде и произнося различные заклинания, по состоянию поверхности воды пытались предсказать будущее.

Вода – путь в другой мир. Из пространства «своего» в пространство «чужого». С представлениями о том, что душа человека после его смерти погружается в воду, связана система запретов использовать воду, находившуюся в доме в момент смерти человека. При умирающем всегда должны находиться близкие, которые «караулят» душу (и даже магическими приемами «выманивают» ее из тела) и по колыханию воды в чашке (вода – символ пограничной стихии) убеждаются, что душа покинула тело. Болгары называли такую воду *мертвой*, спешили вылить ее из всех сосудов сразу после выноса покойника, чтобы никто не смог ее отпить, объясняя, что «умерший в ней искупался».

Обращает на себя внимание обилие «водных» метафор, связанных с семантическим полем «душа»: *наполнять, омыть, иссушить, переполнять, взволновать, всколыхнуть, взбаламутить, возмутить, излить* душу, *оставить осадок в душе, черпать из души* и другие.

С пластом представлений о воде как стихии, населенной персонажами мира «чужого», связана интерпретация образного основания идиомы *вилами на воде писано* – ирон. или неодобр. “Что-л. очень сомнительно, неясно, не заслуживает доверия”.

Славяне верили в существование вил и самодив женских мифологических существ. Им приписывалось владение целебными источниками (*вила вода*), а также способность к прорицанию (одна из вил, по преданию, предсказала смерть герою сербского эпоса королевичу Марку). Логично предположить, что после введения христианства на Руси к прорицаниям и прорицательницам стали относиться скептически, как к тому, что не заслуживает доверия, вследствие чего у ФЕ *вилами на воде писано* появилась отрицательная оценочность. (Однако существуют и другие объяснения этого оборота).

Еще одна особенность: в русской фразеологии сохранились идиоматические выражения, построенные на аналогии «*льющаяся вода – льющаяся речь*»: *изливать душу, лить воду, галоши заливать, лить пули, лить колокола, пушки лить* и пр.

Аналогия «*льющаяся вода – льющаяся речь*» подтверждается общей мифологической традицией и связана с образом трикстера. В сказочных вариантах это бесшабашный озорник, болтун, часто лентяй, не желающий придерживаться тех порядков, которые приняты в обществе, но отнюдь не глупец, поскольку может управлять поведением своего партнера, обманывать его, используя при этом собственную речь. В современном языке «трикстерные» ФЕ *галоши заливать, лить пули, лить колокола, пушки лить* относятся к концептуальному полю «Обман».

К сожалению, объем статьи ограничен. Мы постарались обозначить некоторые составляющие концепта «Вода», рассказать о воде как о сакральной стихии, какой зафиксировала ее русская фразеология.

И.М. Щербач (Минск, Беларусь)

ОТРАЖЕНИЕ ФАКТОВ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Языковая картина мира определенного народа представляет собой динамичную систему, изменения в которой обусловлены, прежде всего, историческими и социокультурными факторами. Немаловажную роль в эволюции языковой картины мира играют межкультурные контакты, приводящие на определенном хронологическом отрезке к необходимости заимствования иноязычной лексики по причинам экстра- и интерлингвистической природы.

Одной из самых существенных и многочисленных лексико-тематических групп греческих заимствований в русском языке стала лексика, относящаяся к религии, православной церкви. Ее появление в русском языке было вызвано, прежде всего, необходимостью восполнения семантических лакун, а картина мира, формируемая переводчиком библейских текстов, явилась фактически связующим звеном между русским мировоззрением и картиной мира языковой личности, говорящей на греческом языке.

С.А. Журавлев обращает внимание на особую черту религиозной терминологии: «идеологическая ценность понятий, обозначаемых данными словами, проявляется в специфическом характере дефинирования семантики этих терминов в словарях разных исторических периодов <...> Меняется идеологическая картина мира – меняется и словарная прагматика». Исходя из сказанного, мы опирались в своей работе на исправленное издание словаря С.И. Ожегова, в котором в определениях лексем, относящихся к сфере

религии, отсутствует идеологический подход, свойственный изданиям советского периода.

В русском языке к собственно религиозным терминам, восходящим к греческому этимону и обладающим всеми базовыми признаками терминологичности (системность, наличие точной дефиниции, тенденция к однозначности, отсутствие экспрессивности, стилистическая нейтральность), относятся наименования: духовных званий и должностей (*архидиакон, архиепископ, архиерей, архимандрит, дьякон, игумен, митрополит, экзарх*); священных книг православных христиан (*апокалипсис, евангелие, псалтырь*); предметов богослужения (*панагиярь, панагия, паникадило, просфора, трикирий*); одежды священников (*скуфья, стихарь*); форм и элементов богослужения (*апракос, литургия, панихида*); храма и его частей (*алтарь, иконостас, лавра, паперть*) и др.

Церковная лексика, заимствованная в русский язык из греческого прямым путем, единична и составляет не более 2% от общего количества религиозных терминов: ср. *митра* ‘архиерейский головной убор’ (от греч. *μίτρα* ‘повязка на голову’); *монах* (от греч. *μοναχός* ‘одинокий’); *монастырь* (от ср.-греч. *μοναστήρι(ον), μαναστήρι(ο)ν*); *патерик* ‘сборник житий святых’ (от греч. *πατερικὸν (βιβλίον)*); *скит* ‘отшельник’ (от греч. *Σκήτις* ‘название пустыни в Египте, где предпочитали селиться греческие монахи’) и др. Эти грецизмы явились результатом переводов религиозной литературы непосредственно с греческого языка на русский, а также свидетельством путешествий в Константинополь и на гору Афон русских паломников. Большая же часть религиозных терминов пришла в русский язык преимущественно из старославянского языка, что вполне закономерно, учитывая историю славянской письменности.

Как известно, в результате функционирования в новой языковой картине мира заимствованная лексика приобретает новые коннотации, а иногда даже совершенно меняет значение. Заимствуясь в русский язык в узкоспециальном значении, религиозная лексика греческого происхождения в редких случаях приобретала в своей смысловой структуре новые семантические компоненты, что обусловлено терминологической природой данных лексем и, в связи с этим, их семантической устойчивостью. Среди немногочисленных примеров неосемантизации здесь можно назвать следующие: *катавасии* – первоначально ‘церковное пение во время утренней службы, при котором оба хора сходятся вместе на середину церкви’, отсюда семинаризм: ‘неразбериха, путаница, суматоха’ (от ср.-греч. *καταβάσιον*); *лепта* ‘посильное подаяние, скромный вклад’ и выражение *внести свою лепту* (в общее дело) ‘сделать все, что возможно в силах кого-л.’ (от греч. *λεπτόν* ‘мелкая медная монета’); *куролесить, куролешу* ‘озорничать, безобразничать’, др.-рус. *курелеисон, кирелеисонъ* (от греч. *Κύριε* ‘господи, помилуй’).

Некоторые религиозные термины греческого происхождения вошли в качестве структурного компонента в состав идиоматических выражений, формирующих наивную картину мира русского народа как носителя

православной культуры с ее традиционными моральными ценностями, религиозными представлениями. Так, согласно А.К. Бириху, собственно русскими являются фразеологизмы *ладан кадитъ перед кем* ‘льстить кому-л., заискивать перед кем-л.’; *на ладан дышать* ‘о худом, слабом, болезненного вида человеке, которому недолго осталось жить’. Приведенные примеры основываются на религиозно-обрядовой символике слова *ладан* ‘отвердевший смолистый сок особых пород деревьев, дающий при горении сильный душистый запах’. В церкви *ладан кадят* – раскачивают кадило (сосуд, в котором курится ладан) перед изображением Бога и святых, чтобы умиловить их. То же совершается и перед мертвым или умирающим. В русской православной обрядности умирающему человеку подносили ко рту дымящийся ладан и по тому, колеблется дымок ладана или нет, определяли, жив человек или уже скончался. Кроме того, окуривание ладаном, как считают русские православные христиане, отпугивает нечистую силу – отсюда еще одно выражение: *бояться как черт ладана*.

Вышеприведенные примеры в очередной раз подтверждает тот факт, что межкультурные контакты неизменно находят свое отражение в языке, тем самым способствуя его постоянному обогащению и эволюции.

И.А. Юрченко (Витебск, Беларусь)

ПРОЯВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ В УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЯХ

Фразеологизмы справедливо считаются одним из наиболее ярких проявлений национально-культурной специфики языка. Однако вопрос, в чем проявляется эта специфика, не перестает оставаться предметом дискуссий. Фразеологические единицы любого естественного языка несут в своей содержательной структуре отпечаток соответствующей этнолингвистической общности, ее материальной и духовной культуры.

В наши дни национально-культурная специфика фразеологизмов продолжает подвергаться широкому обсуждению. Во второй половине XX века проблему взаимодействия языка и культуры пытаются решить многие отрасли лингвистики – она исследуется в рамках межкультурной коммуникации (60-е годы в США), лингвострановедении (70-е годы), лингвокультурологии (90-е годы), антропологической лингвистике.

Таким образом, в лингвистике конца XX века стало возможным принять следующий постулат, который вытекает из достижений русских и зарубежных ученых: «язык тесным образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее» [1, с. 101]. На основе этой идеи на рубеже тысячелетий возникает новая наука – лингвокультурология.

Как известно, в процессе своей жизнедеятельности человек сталкивается не с самим миром, а с репрезентациями этого мира, с когнитивными картинками и моделями. Поэтому мир предстает сквозь призму культуры и языка народа, который видит этот мир. Человек осознает себя и свое место в мире и культуре, которая формирует и организует мысль языковой личности, формирует языковые категории. Следовательно, язык не просто отражает реальность, но интерпретирует ее, создавая особую, еще одну реальность, в которой живет человек.

Объектом настоящего исследования является устойчивое сравнение, которое не является средством выражения логического сравнения как способа познания предметов и явлений действительности, оно лишь построено на основе логического сравнения, но служит иным целям языкового выражения. Устойчивое сравнение есть средство, цель которого состоит не в выражении понятия, а в выражении восприятия, т.е. признака предмета, данного нам в ощущении. Именно представление, выраженное устойчивым сравнением, и составляет образ.

Таким образом, устойчивые сравнения представляют собой пласт фразеологии не только из-за того, что они обладают устойчивостью, воспроизводимостью и раздельнооформленностью, но и ввиду своей образно-эмотивной сути.

Фразеологическое значение не заключено в отдельных словах – компонентах устойчивого сравнения – ни в каждом из них, ни в одном из них, ни в их сумме. Оно представляет собой по отношению к компонентам устойчивого сравнения переносно-образное значение свободного сочетания, и именно поэтому выступает как сила, объединяющая сочетание слов в целостную единицу. Так, буквальное значение сравнения рус. *холодный как лед* – бел. *халодны як лёд* – чеш. *chladny jako led* – болг. *студен като лед* – хорв. *hladan kao led* – лат. *auksts ka ledus* – англ. *as cold as ice* – швед. *kall som is* не означает, что температура тела человека ниже нуля, тем более не отражает его эмоционального состояния и темперамента.

Частным проявлением возможности переноса по значению слова или словосочетания является метафора. Всякое метафорическое переосмысление есть результат отождествления конкретного предмета – объекта сравнения – с понятием, выражающимся в образной основе устойчивого сравнения. При этом никакой десемантизации слов или сочетаний слов, составляющих второй элемент сравнения, не происходит. Имеет место лишь утрата номинативной функции, свойственной этим словам, а понятийная функция в них полностью сохраняется. Когда мы говорим о метафорическом переосмыслении слова *медведь*, мы не считаем, что оно подвергается при этом десемантизации. В результате переосмысления это слово как наименование утрачивает свойственную ему соотнесенность с конкретным предметом класса второго элемента устойчивого сравнения и соотносится с конкретным предметом другого класса первого элемента сравнения на основе общего признака, свойственного предмету в роли объекта сравнения и понятию в роли образной основы. Так, устойчивые

сравнения в русском, белорусском, чешском, хорватском и шведском языках со вторым элементом *медведь* используются для характеристики сильного и здорового мужчины: *сильный, здоровый как медведь*; *дужы як мядзведзь*; *silny jako medved*; *jak kao medvjed*; *stark som en bjorn*. Помимо этого в русском и чешском языках встречаются единицы, характеризующие заросшего волосами человека: *лохматый как медведь*; *chlupaty, hunaty jako medved*. В белорусском языке были выявлены устойчивые сравнения *непаваротлгвы як мядзведзь*, *непаспешны як мядзведзь за вараб'ём*, в которых неловкий, медлительный человек уподобляется медведю, а в сравнениях английского языка *as cross as a bear (with a sore head)*, *as savage as a bear (with a sore head)* общим признаком человека и медведя выступает злость и дикость.

Процесс фразеологизации устойчивого сравнения заключается в преобразовании компаративного значения сочетания в метафорическое. Иначе говоря, в устойчивом сравнении значения слов не подвергаются переосмыслению, употребляются в своем собственном, прямом значении, при этом устойчивое сравнение не теряет образности внутренней формы, лежащей в основе сигнификативного значения.

Таким образом, на примере адъективных устойчивых сравнений мы показали, что национально-культурная специфика кроется в образах, запечатленных в этих фразеологических единицах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслова, В.А. Сравнение-стереотип как фрагмент образа мира и его национальная специфика / В.А. Маслова // Языковое сознание и образ мира : сб. науч. тр. / Институт языкознания РАН, МГЛУ ; под ред. А.А. Григорьева. – М., 1997. – С. 101–102.

КОНЦЕПТ – ОСНОВНАЯ ЕДИНИЦА ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ. БАЗОВЫЕ (КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ) МЕТАФОРЫ

Т.В. Балаш (Минск, Беларусь)

БЕЛОРУСЫ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ БГПУ

С целью создания социально-психологического портрета современного белоруса нами был проведен социологический опрос в молодежной среде. Студентам 1-го курса математического и исторического факультетов, а также студентам 2-го курса факультета русской филологии и факультета белорусской филологии и культуры учреждения образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка» было предложено назвать свойственные современному белорусу черты характера и дать ассоциации на стимул «белорус». В общей сложности в эксперименте приняло участие около 100 респондентов.

Как показали результаты исследования, большинство студентов отметили такие черты характера белоруса, как *гостеприимство* (63%), *доброжелательность* (62%), *трудолюбие* (41%), *толерантность* (31%). 19% опрошенных назвали такое качество, как *отзывчивость*, 11% считают белорусов *миролюбивой* и *терпеливой* нацией, 9% указывают на присущее белорусскому народу чувство *патриотизма*. (Полный перечень характеристик, отмеченных респондентами, представлен в таблице 1).

Т а б л и ц а 1

Социально-психологический портрет современного белоруса

гостеприимство	63%	трусость	3%
доброжелательность	62%	умный	3%
трудолюбие	41%	бескорыстие	3%
толерантность	31%	веротерпимость	3%
отзывчивость	19%	находчивость	3%
терпеливость	11%	широта души	2%
миролюбие	11%	оптимистичность	2%
патриотизм	9%	доверчивость	2%
спокойствие	8%	бездействие	1%
великодушие	7%	мягкость характера	1%
веселый	7%	целеустремленность	1%
честность	6%	любопытство	1%
вежливость	5%	хозяйственность	1%
щедрость	5%	агрессивность	1%
приветливость	5%	безответственность	1%

дружелюбие	5%	несгибаемость	1%
пассивность	5%	простота	1%
сила духа	5%	преданность	1%
жизнерадостность	4%	правдивость	1%
свободолюбие	3%	застенчивость	1%
открытость	3%	солидарность	1%
скромность	3%	сдержанность	1%
разговорчивость	3%	смелость	1%
безразличие	3%	рассудительность	1%
упрямство	3%	выносливость	1%
боязнь	3%	мудрость	1%
безволие	3%	нравственная чистота	1%
покорность	3%	эгоистичность	1%

Анализ приведенных ассоциаций на стимул «белорус» указывает на его соотнесенность с белорусской природой и ее дарами: *озера* (13%), *леса* (12%), *луга* (10%), *поля* (10%), *небо* (9%), *реки* (7%), *береза* (2%), *дуб* (2%); *картофель* (25%), *хлеб* (20%), *лен* (15%). Отмечаются реакции, подчеркивающие деревенский уклад жизни белоруса (*солома* (10%), *соломенная шляпа* (7%), *полотняная рубаша* (6%), *лапти* (5%), *агродорожок* (5%), *трактор* (3%), *бедная хата* (2%), *печь* (1%)) и актуализирующие сему 'житель аграрной страны'.

Отмечаются единичные случаи вхождения в ассоциативное поле «белорус» белорусской символики (*белорусский герб и флаг, белорусский орнамент*), а также имен выдающихся личностей истории и культуры Беларуси (*Е. Полоцкая, С. Будный, С. Полоцкий, Ф. Скорина, Н. Гусовский, Янка Купала, Якуб Колас*). Наблюдаются явления сакрализации данного понятия: в представлении респондентов *белорусы – это нечто доброе, светлое* (1%), *чистое и даже святое* (1%), ассоциируются с *непорочностью* (1%).

Можно отметить и нестандартные представления о белорусе: *это славянин, человек, выросший в неволе. Он всегда просит свободы, но если он ее получит, то не будет знать, что с ней делать*. В ответе одного респондента белорусы ассоциируются с *таврами – нацией, которая вымерла* (*В. Короткевич*). Полный перечень ассоциаций на стимул «белорус» представлен в таблице 2.

Т а б л и ц а 2

Ассоциативное поле концепта **белорус**

картофель	35%	сельский житель	1%
хлеб	20%	аграрная страна	1%
лен	15%	большая семья	1%

озера	13%	цимбалы	1%
леса	12%	чистота	1%
луга	10%	непорочность	1%
поля	10%	замкнутость	1%
солома	10%	демонстрации	1%
небо	9%	труд	1%
реки	7%	страх	1%
соломенная шляпа	7%	жизнь	1%
полотняная рубаша	6%	унижение	1%
национальный костюм	5%	братство	1%
лапти	5%	белый цвет	1%
агрогородок	5%	белорусский герб	1%
трактор	3%	белорусский флаг	1%
бедная хата	2%	белорусский орнамент	1%
береза	2%	аист	1%
дуб	2%	Е. Полоцкая	1%
зубр	2%	С. Полоцкий	1%
сельский житель	2%	С. Будный	1%
нечто доброе, светлое	1%	Ф. Скорина	1%
чистое и даже святое	1%	Н. Гусовский	1%
печь	1%	Янка Купала	1%
национальный танец	1%	Якуб Колас	1%
жизнь	1%	ансамбль «Песняры»	1%

Результаты проведенного ассоциативного эксперимента позволили выявить как стереотипные представления о белорусе, так и единичные, что свидетельствует о нестандартности мышления отдельных респондентов, об их индивидуально-авторской картине мира.

Н.П. Белоусова (Кемерово, Россия)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА *ПОЛИТИК* В АФОРИСТИКЕ

Характерной особенностью современной лингвистики является ярко выраженный антропоцентризм, состоящий в интересе к человеку и тем процессам, которые происходят в обществе и актуализируются, преломляясь через сознание носителей, в языке. В рамках подобных когнитивных исследований представляет интерес рассмотрение концепта *политик*, *политический деятель* в мировой афористике. Отличительные особенности афоризма: меткость, глубина, лаконичность, способность существовать вне контекста делают его интересным объектом лингвистического исследования.

Концепт *политик* обладает рядом понятийных признаков.

Политик обязан обладать способностью предвидеть события, быть предусмотрительным, прозорливым (*Первым признаком настоящей политической мудрости всегда остается умение заранее отказаться от недостижимого. Стефан Цвейг. Политик должен уметь предсказать, что произойдет завтра, через неделю, через месяц и через год. А потом объяснить, почему этого не произошло. Уинстон Черчилль. Политик никогда не должен говорить «никогда». Линдон Джонсон. Политик лишь формулирует то, что думают его избиратели, даже если они еще не догадываются об этом. Энох Пауэлл*).

Интересно отношение к умственным способностям человека, претендующего на пост политика – он не обязательно должен быть умен, а, напротив, развитый интеллект может помешать успешной карьере политического деятеля (*Политик не должен быть слишком умен. Очень умный политик видит, что большая часть стоящих перед ним задач совершенно неразрешима. Станислав Лем. Сорокалетний политик становится к семидесяти государственным деятелем. Именно в этом возрасте, когда он слишком стар, чтобы быть клерком, или садовником, или полицейским судьей, он созревает для руководства государством. Это не так уж удивительно, если вспомнить, что с самой глубокой древности старики внушают молодым, что они умнее, – а к тому времени, как молодые начинают понимать, какая это чушь, они сами превращаются в стариков, и им выгодно поддерживать это заблуждение. Кроме того, каждый, кто вращался в политических кругах, не мог не заметить, что если судить по результатам, то для управления страной не требуется особых умственных способностей. Уильям Сомерсет Моэм*).

Группа эмоциональных признаков концепта *политик* проявлена редуцированно: для политика эмоции либо вообще не характерны, так как вся деятельность политического деятеля четко подчинена разуму и корысти, либо концентрируются на самом себе: *Политик испытывает удовлетворение, когда ему предоставляют либо слово, либо зеркало. Михаил Мамчич. Политические деятели не руководствуются любовью или ненавистью, их направляют интересы, а не чувства. Честерфилд*.

Среди группы образных признаков самую многочисленную составляет метафорическое изображение политика в роли игрока: для успешной профессиональной деятельности политику надлежит быть лицедеем, не показывать своего истинного лица, играть роль человека, своими персональными качествами способного нравиться всем, т.е. коррелировать с желаниями общественной группы (*Правителю надлежит быть окруженным таинственностью. Хань-фэй. Политик – игрок, который пытается играть только своими картами. Владислав Гжещик. Государю нет необходимости обладать всеми добродетелями, но есть прямая необходимость выглядеть обладающим ими. Николо Макиавелли*). Для того, чтобы хорошо сыграть принятые на себя роли, политик вынужден примерять маски, но все они являются лишь продуманной стратегией на пути к завоеванию необходимых

голосов: *Чтобы стать хозяином, политик изображает слугу.* Шарль де Голль. При этом в афористике утверждается то, что именно политическая деятельность является определяющим моментом в подобном поведении человека-политика: *Если вы лжете людям, чтобы получить их деньги, - это мошенничество. Если вы лжете людям, чтобы получить их голоса, - это политика.* Неизвестный автор.

Как показал анализ, можно проследить некоторую динамику в оценке политического деятеля с точки зрения должных личностных характеристик. Так, для времен античности более характерно оценивать политика в большей степени мелиоративно – политик должен обладать красноречием, быть скромным, образованным, уметь говорить точно и ясно (*Как в дружбе, так и в государственной деятельности должны быть исключены притворство и лесть.* Цицерон. *Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует. Несколько хуже те правители, которые требуют от народа его любить и возвышать. Еще хуже те правители, которых народ презирает.* Лао-Цзы).

С течением времени эти оценки политика меняются, причем часто в худшую сторону. Сохраняется группа афоризмов, где подается стереотипный образ политика – идеализированное представление о качествах, которыми политику надлежит обладать: ориентация на будущее, целостность восприятия, лаконичность, четкость выполнения целенаправленных действий и т.д. (*Отличие государственного деятеля от политика в том, что политик ориентируется на следующие выборы, а государственный деятель – на следующее поколение.* Уинстон Черчилль. *Самое большое достоинство политика заключается в том, чтобы не утратить чувство целого.* Мунье. *Политик – это человек, которому нужен минимум слов, чтобы быть многословным.* Питер де Вайз. *Законодатель должен мыслить, как философ, а говорить, как крестьянин.* Г. Еллинек), и, в противоположность первой, группа квазистереотипов, изображающих те черты, которые проявляются в отдельных представителях и оказывают губительное воздействие на восприятие политических деятелей в целом: малодушие, корысть, изворотливость, азарт, хитрость (*Политик – это человек, который пожертвует вашей жизнью за свою родину.* Тексас Гинен. *Политик – это человек, готовый сделать все на свете для рабочих, кроме как стать одним из них.* Джюдж. *Политик – человек, который, увидев свет в конце тоннеля, начинает рыть другой тоннель.* Джон Куинтон. *Наибольшего успеха добивается тот политик, который говорит то, что думают все, чаще и громче других.* Теодор Рузвельт. *Политика – скачки троянских коней.* Станислав Ежи Лец. *Если вы способны ясно выражать свои мысли, вам нечего делать в политике.* Неизвестный автор). Кроме того, среди самых «свежих» афоризмов появляются метафоры, отождествляющие политика с представителями флоры, причем изрядно подпорченными: *Политики растут быстро, как грибы. И так же быстро червивеют.* Иван Иванюк. Подобная отсылка к вегетативным признакам концепта является единичной, что, с одной стороны, служит примером выражения значения массовости и

испорченности политических деятелей, а с другой – демонстрирует невозможность сравнения политика с другими представителями растительного мира, что могло бы косвенным образом идентифицировать политических деятелей как процветающих и развивающихся представителей социума.

И.А. Григорик (Витебск, Беларусь)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ СЛОВА *ТОЛПА*

В языкознании со второй половины XX века одно из ведущих мест отводится изучению взаимосвязи языка и культуры. Это обусловлено постоянным расширением диалога и взаимодействия между различными национальными культурами. Будучи одним из признаков нации, язык представляет собой главную форму выражения и существования национальной культуры. «Язык задан культуре как коммуникативная диспозиция, он формируется под давлением насущных потребностей народа, которые немедленно должны быть отражены и проявлены в знаковом выражении» [2, с. 68]. Язык тесно связан с культурой. Культуру, по мнению Э. Сепира, можно определить как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают.

Наиболее существенные особенности языка и тем более культуры вскрываются при сопоставлении языков, и конечно, культур. Национально-культурные различия наблюдаются на всех уровнях, но особенно ярко на лексическом и фразеологическом.

Самым распространенным случаем проявления национально-культурной специфики является несовпадение лексических единиц двух языков по отраженному в них уровню обобщения действительности или по объему значений лексических единиц.

Например, понятие «толпа» в русской и английской культурах оценивается по-разному. *Толпа* по определению словарей русского языка – «скопище, сборище, сходбище, толкотня, множество сошедшихся вместе людей, а иногда и о скоте» орда, орава, ватага, (ТСД) скопление людей, сборище (СО), гурьба, ватага, орда, стадо, орава (АСРС). Выделяются признаки: 1) множество людей; 2) беспорядочное, 3) шумное, 4) теснящееся, 5) бессознательно подчиняющееся большинству, как животные, 6) кочующее, 7) несущее угрозу (о нашествиях). Отличительная особенность *толпы* – невыделимость индивидов. Ассоциативно толпа связана с понятием «группа лиц», положительно оцениваемая (коллектив – объединение для совместного труда, компания – для отдыха) или получающим отрицательную оценку (банда – объединение для преступлений). В английском языке *crowd* – определяется как *a large number of people gathered together* (LDCE),

синонимичный словарь выделяет в группе слов *crowd, throng, press, crush, mob, rout, horde* следующие признаки: 1) множество людей, 2) теснящиеся, 3) движущиеся, 4) движущиеся вперед, 5) очень плотное – *crush* толкуется как *...offering difficulty to one who wishes to make his way through it, or causing discomfort to one who is part of it*, 6) возбужденное – *agitated*, 7) бесчинствующие, нарушающие порядок – *mob – a crowd or throng bent on the accomplishment of riotous or destructive acts*, 8) очень беспорядочное, шумное, взбудораженное – *rout – especially disorderly or tumultuous mob*, 9) заслуживающее презрения – *horde... rude, rough or savage character of the individuals who constitute the multitude or mass (WNDS)*.

Концепт «толпа» различается в русской и английской культурах по исходному образу, который в одном случае ассоциируется с веселой шумной ватагой (русское слово «*ватага*» переводится на английский язык как *band, gang*), а в другом случае – с возбужденной движущейся массой, от которой ничего хорошего ждать не стоит (само понятие *mob* – от латинского *mobile vulgus*, буквально «*движущаяся чернь*», отсюда и применение: *Mob is a crowd which is up to no good* (B. Reeves). В соответствии с английским кодексом поведения, вытекающим из значения слов в языке, следует быть вне толпы. Паремиологическая оценка культуры в русской культуре положительна: *Один в поле не воин; Ум хорошо, а два лучше*. В англоязычном коллективном сознании мы сталкиваемся с противоречивым отношением к этому концепту: с одной стороны: *Two heads are better than one*. С другой стороны: *United we stand, divided we fall. He travels the fastest who travels alone. You have to blow your own horn*. Известно антиконформистское решение: *If a man doesn't keep pace with his companions, perhaps it is because he hears a different drummer*. В сентенциях и афоризмах отношение к большинству, к идее совместимости и безличности, как правило, отрицательное: «Что бы не говорили защитники народного смысла, толпа есть соединение хотя бы и хороших людей, но соприкасающихся только животными, гнусными сторонами и выражающая только слабости и жестокость человеческой природы» (Л.Н. Толстой).

Таким образом, культурные доминанты в языке объективно выделяются и могут быть измерены. Этнокультурная специфика представления того или иного концепта может быть выявлена посредством картирования соответствующих лексических и фразеологических групп, сопоставления ценностных суждений, вытекающих из зафиксированных в значении слов, устойчивых выражений, текстов. В качестве вспомогательного средства изучения культурных доминант в языке может использоваться внутренняя форма слов, ассоциации носителей языка. При межъязыковом сопоставлении ценностных картин мира обнаруживается, что различие между представлением тех или иных концептов выражается большей частью не в наличии или отсутствии определенных признаков, а в частотности этих признаков и их специфической комбинаторике.

Необходимо признать обязательное существование общей картины мира у представителей той или иной культуры, что предполагает наличие общих понятий, представлений, общего культурного контекста и, следовательно,

обеспечивает взаимопонимание между людьми. Языковая картина мира в различных языках варьируется, что обусловлено специфичностью условий жизни и деятельности того или иного народа.

Прикладная польза от изучения рассматриваемой проблемы для преподавания языка, практики перевода, оптимизации межкультурного общения очевидна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик, В.И. Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. / В.И. Карасик. – Волгоград; Архангельск, 1996.
2. Сорокин, Ю.А. Лакуны в языке и речи: сб. науч. тр. / Ю.А. Сорокин, Г.В. Быкова. – Благовещенск, 2005. – Вып. 2.

О.Н. Жизневская (Минск, Беларусь)

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА КРАСОТА–БОЛЕЗНЬ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ БЕЛАРУСИ

В самом общем виде концепт культуры, по мнению Ю.С. Степанова, можно представить, с одной стороны, как «сгусток культуры в сознании человека: то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, и, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё».

В лингвистике существуют разные подходы к пониманию концепта (Ю.С. Степанов; Н.Д. Арутюнова и ее школа, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелёв; Д.С. Лихачев, Е.С. Кубрякова; В.А. Маслова и др.). Соединяя известные точки зрения на этот термин, получаем, что концепт – это весь потенциал значения слова, включающий в себя, помимо основного смысла, комплекс ассоциативных приращений, реализующихся в речи при определенном наборе слов в контексте.

Концепты находят свое вербальное выражение с помощью единиц различных языковых уровней: лексем, фразеологизмов, пословиц и поговорок, афоризмов, а также грамматических форм и синтаксических структур. Концепт выступает при этом в качестве основы для изучения совокупности языковых средств, объединенных общностью их концептуального содержания.

В качестве ментального образования концепт реализуется не только вербальными средствами, но и невербальными. Примерами невербальных средств реализации концепта могут служить различные иллюстрации картин, фотографии, ноты и другой материал.

Концепт – это не застывшая, инертная единица. Для него характерно чутко откликаться на происходящие социокультурные изменения, что ведет к

появлению новых смысловых позиций, ассоциаций, оценок. Конец XX – начало XXI вв. – время серьезных политических, экономических, общественных, научных, культурных перемен, а следовательно, и концептуальных изменений. Это отчетливо можно наблюдать на примере концепта КРАСОТА.

Материалом нашего исследования стали статьи в русскоязычных газетах, издающихся на территории Беларуси («Аргументы и факты в Белоруссии», «Комсомольская правда в Белоруссии», «СБ Беларусь сегодня», «Республика», «Народная газета», «Свободные новости плюс»), посвященные моделированию концепта КРАСОТА. Как известно, для моделирования концепта, выраженного именем существительным, используется концептуальная метафора. Так, моделирование исследуемого концепта в русскоязычной прессе Беларуси происходит с использованием таких концептуальных метафор, как КРАСОТА–САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ, КРАСОТА–ТОВАР, КРАСОТА–БОЛЕЗНЬ и др. Первые две метафоры не новы, они лишь наполняются новым смыслом в связи с изменением общественных реалий, переосмыслением ментальных ценностей. Особый интерес, на наш взгляд, представляет новая концептуальная метафора КРАСОТА–БОЛЕЗНЬ, которая является «свежим продуктом» времени, «побочным эффектом» всеобщего стремления к «глянцевой» красоте любыми путями и средствами. Наряду с новыми смысловыми позициями в поле концепта попадает лексика, которая раньше в это поле не входила.

Итак, как осмысливается и реализуется концептуальная метафора КРАСОТА–БОЛЕЗНЬ в газетном дискурсе? В исследуемых изданиях осознание концепта КРАСОТА происходит в оппозиции «красота – псевдокрасота». «Псевдокрасота» является результатом грандиозной подмены понятий, которую поддерживают буквально все – модельеры, репортёры глянцевых изданий, владельцы модных магазинов. В рекламной индустрии любой продукт продвигается с использованием образа полного счастья и неземного наслаждения. Символом этого счастья для многих становится модель женского пола, чья фигура подогнана под самые экономные портняжки лекала, а внешность безупречна. Многие женщины, стремясь соответствовать воображаемому эталону, голодают до потери сознания или становятся зависимыми от пластической хирургии. Они жертвы навязанного модой и глянцевыми журналами стереотипа, что пресловутые 90-60-90 и идеальная внешность – путь к успеху и счастливой жизни. Это отчетливо видно на примере таких публикаций, как «Синдром Барби» («СБ» за 5.02.2008), «27-летняя Таня сделала 8 операций и не может остановиться» («КП» за 31.01.2008), «Белоруски, готовые умереть от голода» («АиФ» за 10.06.2009), «Если худоба неестественная, в модели не возьмут» («КП» за 28.05.2009). В упомянутых статьях ломается навязанный стереотип, а на основе концепта КРАСОТА возникает концептуальная метафора КРАСОТА–БОЛЕЗНЬ. В исследуемых изданиях концепт рассматривается альтернативно по отношению к глянцевым журналам, противостоит гламуру. Такая концептуализация очень важна, так как она ведет к осознанию

ошибочности наметившейся в обществе тенденции. Этому способствуют тексты, которые показывают опасность подобного стремления к красоте.

Как известно, смена канонов красоты реализуется в языке. Трансформация моды вызывает изменение эстетической оценки. Например, атрибут *худой* или *худощавый* в гляцевых журналах сближается по смыслу со *стройным* и приобретает положительную оценку. Напротив, в статье «Синдром Барби» («СБ» за 5.02.2008) вещи называются своими именами, а «стройная красавица» выглядит следующим образом: «Очень-очень-очень худая молодая женщина, изобретенная в циничном мозгу маркетолога... Она весит 31 килограмм (это при росте 1,62 метра!). По ее телу можно изучать анатомию. Торчащие лопатки, ребра, которые можно пересчитать, выпирающие кости таза... Впавшие щеки, потухший, неживой взгляд. На шершавых, высохших, как у старухи руках – кровавые трещины... Девушка с сильной волей, но с заниженной самооценкой, зависимая от чужого мнения».

Метафора КРАСОТА–БОЛЕЗНЬ реализуется в газетном дискурсе различными вербальными и невербальными средствами.

Вербальные средства:

а) активно используется **медицинская терминология**, а также синтаксические структуры, характерные для области медицины (*нервная анорексия, гастрит, невроз, липосакция, мания, зависимость, психическое расстройство, «химическая диета», патология, летальный исход, дисморфофобия* и т.д.);

б) обилие лексических единиц с **негативной семантикой** (*жества, страшный недуг, болезненное воображение, измождённые лица, истязать себя диетами, шокировать болезненной худобой* и пр.), в том числе лексические единицы со значением **«мертвый, неживой»** (*потухший, неживой взгляд; впавшие щеки; высохшие руки; умереть от голода*);

в) слова и выражения, характерные для **разговорной речи** (*нос переделали, лицо подтянули, три литра жира откачали, зациклилась на собственной внешности, тюнинговать себя, глотать кучу таблеток* и др.). Подобные слова и выражения характеризуются ярко выраженной отрицательной экспрессией и используются для сниженной, грубоватой оценки означаемого;

г) использование **прецедентных высказываний** (*Красота – страшная сила; Нет предела совершенству. Были бы деньги*). В современном газетном дискурсе данные прецедентные выражения становятся экспрессивными единицами, получают иную оценочность, которая ориентирована на антонимическое противопоставление этого значения смыслу цитаты в тексте-источнике и в дискурсе предшествующего периода. Использование прецедентных высказываний с иной оценочностью для реализации метафоры КРАСОТА–БОЛЕЗНЬ ведет к профанации навязанных модой «высоких идеалов», вызывает негативное отношение к ситуации.

Невербальные средства: фотографии «жеств красоты». Фото девушек, больных нервной анорексией (со спины или с черной повязкой в области глаз), а также девушек со швами и отеками на лице после пластической

операции усиливают эмоциональное и иллокутивное воздействие языковых средств и способствуют более полной реализации концептуальной метафоры КРАСОТА–БОЛЕЗНЬ.

Как видим, смена представлений о красоте прямо реализуется в языковых выражениях и обуславливает изменение семантики лексических единиц, выражающих эстетическую оценку. Происходит расширение периферии концепта КРАСОТА за счет коннотативных и ассоциативных приращений, которые привносятся культурой, реалиями современной жизни. Все это приводит к появлению в поле концепта лексических единиц, грамматических форм и синтаксических структур из других семантических полей (болезнь), а также лексики, которая раньше даже не мыслилась в поле концепта КРАСОТА (*шокировать болезненной худобой, изможденное лицо, переделать нос* и др.). Констатация концептуальной метафоры КРАСОТА–БОЛЕЗНЬ очень важна, так как заставляет обратить внимание на проблему, а значит, и начать ее решать.

Д.Ю. Кузнецова (Киев, Украина)

ЛИЦО ЧЕЛОВЕКА В ЗЕРКАЛЕ МЕТАФОР (на материале английского языка)

В современной науке аксиомой стало положение о метафоричности человеческого мышления и, как следствие, картины мира человека, элементы которой запечатлены в единицах языка. Сегодня понимание роли метафоры в процессе номинации сводится к тому, что она является когнитивным механизмом, который “делает абстрактное легче воспринимаемым” [2, с. 12], а также благодаря которому неизвестное становится известным, а известное – совершенно новым [1, с. 185].

Анализ текстовых фрагментов современной английской художественной прозы выявил, что компоненты номинативного поля “Выражение лица” отличаются исключительной экспрессивностью, которая во многом обусловлена метафоричностью. Рассмотрим некоторые популярные метафоры, задействованные в языковом представлении лицевой экспрессии.

В английском языке традиционно используется образная сфера “Артефакты” в качестве базы для метафорического преобразования представлений о невербальном компоненте коммуникации “выражение лица”. Лицо собеседника ассоциируется в языковом сознании с книгой, в которой описываются его настоящие эмоции и чувства, внутреннее состояние и намерения. Метафора ВЫРАЖЕНИЕ ЛИЦА – ЭТО КНИГА воплощается в номинациях *something is written on one's face* и *to read something in one's face*.

Метафорическое осознание лица как КОНТЕЙНЕРА для намерений, мыслей и эмоций представлено в выражениях *one's face is full of questions etc., there is sth in one's face / eyes / smile*. Результат наблюдения за мимическими движениями коммуниканта можно считать материализацией “метафоры невербального канала связи” [3, с. 106]: *“Her green eyes sent a crystal-clear message. Don't ask questions. Just do it”* [4, с. 58].

Если экспрессия отличается особой выразительностью, лицо предстает как КАРТИНА. Близким к перечисленным метафорам также является метафора ВЫРАЖЕНИЕ ЛИЦА – ЭТО ЗЕРКАЛО: *“Love and disbelief were mirrored sharply in the woman's eyes”* [6, с. 90]. Согласно одной из наиболее “привычных” для носителя английского языка метафор ВЫРАЖЕНИЕ ЛИЦА – ЭТО МАСКА, лицо считается не только загадочным отражением души, но и инструментом манипуляции собеседником. В попытке оградиться от окружающих или же скрыть от них свое настоящее эмоциональное состояние людям свойственно надевать бесстрастную маску, которая в последствии может превратиться в элемент их собственного стиля.

Если же акцентируется динамический аспект лицевой экспрессии, тогда одним из модусов концептуализации становится соотнесение выражения лица с МЕХАНИЗМОМ, подвергающимся различным трансформациям во время работы, или же с отдельными его частями, например ПРУЖИНОЙ: *“Then he turns to face me, his face all tight and businesslike”* [5, с. 248]. В метафоре ВЫРАЖЕНИЕ ЛИЦА – ЭТО ЖИДКОСТЬ обнаруживается акцент на неосознанном появлении и стремительном характере экспрессии. Как тяжело в природе сдерживать водный поток, так почти невозможно постоянно контролировать свою мимику, особенно под действием сильных эмоций. Представляется возможным провести параллели между превращением жидкости в лед под действием низких температур и изменениями выражения лица от неожиданного эмоционального потрясения: *“He turned and fired back another irritated look while whirring the crank, and he recognized the look then as the face of dead-out desperation, frozen on the old man's face as a fierce grimace which would not relent”* [6, с. 248]. Отождествляя мимические жесты с движением воды, автор акцентирует внимание на их продолжительности. Так, тающая улыбка (*“Then my smile kind of melts away”* [5, с. 249]) исчезает с лица постепенно, а для экспрессии удивления, наоборот, характерным является стремительное появление, что и обозначается глаголом *to flow*. Бесконтрольность экспрессии, особенно отрицательной, ее спонтанность и неподвластность человеку часто сравнивается со стихийными природными силами, например, БУРЕЙ. В концептуальной метафоре ВЫРАЖЕНИЕ ЛИЦА – ЭТО ПТИЦА манифестируется быстрота появления сильных эмоциональных выражений, например, восхищения и радости. Вегетативная метафора ВЫРАЖЕНИЕ ЛИЦА – ЭТО РАСТЕНИЕ реконструируется в номинациях *a blooming face, one's smile faded*.

В каждой метафоре, рассмотренной в рамках данного исследования, отражается хотя бы одна из черт имеющегося в английском языковом

сознании “пакета” представлений об эмоциональной экспрессии человека. Реконструированный в ходе анализа текстовых фрагментов современной художественной прозы корпус концептуальных метафор может выступать когнитивным основанием номинативного поля “Выражение лица”.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баранов, А.И.* Русская политическая метафора (материалы к словарю) / А.И. Баранов, Ю.Н. Караулов. – М., 1991.
2. *Гак, В.Г.* Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста / В.Г. Гак // Вестник МГУ. – 1993. – №3. – С. 87–95.
3. *Серякова, І.І.* Метафора невербального каналу зв'язку (на матеріалі англійської мови) / І.І. Серякова // Вісник Київського лінгвістичного університету. Серія Філологія. – 2000. – Т. 3. – №2. – С. 103–109.
4. *Brown, D.* The Da Vinci Code / D. Brown. – N.Y., 2003.
5. *Kinsella, S.* Shopaholic & Sister / S. Kinsella. – London, 2004.
6. *Smith, Z.* On Beauty / Z. Smith. – London, 2006.

И.Н. Литвин (Черкассы, Украина)

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЛЕКСЕМЫ *ЗВЕЗДА* В ПОЭЗИИ А. БЛОКА

Базовым понятием когнитивной лингвистики является концептуализация – «один из процессов познавательной деятельности человека, сущность которого состоит в осмыслении и упорядочивании результатов внутреннего рефлексорного опыта человека, его представлений об объектах, явлениях действительности» [3, с. 403]. В результате концептуализации формируется концептуальная система, составляющими которой выступают концепты – информационные структуры сознания, разнособстратные по способам формирования и представления знаний об окружающем мире, закрепленные за определенным знаком (Ю. Апресян, Д. Лихачев, М. Никитин, Е. Кубрякова, Н. Арутюнова, Р. Фрумкина, В. Телия, Е. Селиванова, А. Бабушкин, Ю. Степанов, Г. Гачев, В. Маслова, Р. Павиленис, В. Карасик, А. Вежбицка и др.). В современной лингвистике текста и когнитивной поэтике разрабатывается понятие художественного (С. Аскольдов), или текстового (В. Никонова, О. Кагановская), концепта, который характеризует «авторский выбор концептуальных приоритетов и формирует индивидуально-авторскую картину мира в художественном произведении, определяющуюся доминантами писателя» [3, с. 421]. Цель нашей статьи – описание концептуализации лексемы *звезда* в поэзии А. Блока.

В лингвистике существуют разные способы описания концептов. Разнообразие методик анализа концептов объясняется В. Масловой не только отсутствием общих схем их описания, а и тем, что «концепт для человека не

может быть ни дефиницией, ни набором признаков, он живое знание, динамически функционирующее образование – продукт переработки вербального и невербального опыта, как любое знание он переменчивый, текущий, временами неуловимый» [1, с. 70]. Для характеристики концепта служит концептуальный анализ – главный метод логического анализа языка, основанный на методиках дистрибутивного, контекстуального, компонентного, этимологического и архетипного анализов [3, с. 421]. Методика концептуального анализа должна учитывать опыт моделирования различных структур репрезентации знаний. Для моделирования и описания концепта ЗВЕЗДА в поэзии А. Блока мы используем разработанную Е. Селивановой модель ментально-психонетического комплекса (концепта), который включает пропозитивную часть (диктум), модус как аксиологический признак концепта, и ассоциативно-терминальную часть, которая сформировалась на основе связей диктума с другими ментально-психонетическими комплексами, а также множественные реляции с другими психическими функциями и проявлениями: ощущениями, чувствованиями, интуицией, образами и т.д. [2, с. 114]. На наш взгляд, именно такая модель концептуального анализа демонстрирует связи познавательных механизмов сознательного и бессознательного, корреляции различных компонентов концепта (Е. Селиванова, И. Казимир, Е. Цапок).

А. Блок использует лексему *звезда* в значении: «небесное тело (раскаленный газовый шар), ночью видимый как светящаяся точка» [Ожегов, 229]: *...звезды рдели*. Пропозитивная информация, имеющая истинный, объективный характер и передающаяся словами в прямых значениях [2, с. 128], занимает незначительное место в блоковском концепте ЗВЕЗДА, что объясняется образным, ассоциативным мышлением поэта. Как правило, пропозитивная информация в поэтическом тексте переплетена с ассоциативной: *Свирель поет: взошла звезда*.

Ассоциативно-терминальная сфера концепта ЗВЕЗДА в поэзии А. Блока представлена концептуальной метафорой, которую, вслед за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, рассматриваем как понимание одной концептуальной сферы в терминах другой. Звезда изображается А. Блоком в терминах концепта ОГОНЬ: *Звезды ранние зажглись*. Значительное место в поэзии А. Блока занимают антропоморфные метафоры: используются для описания звезд вербальные знаки концепта ЧЕЛОВЕК: глаголы физиологического действия *дремать*, движения *взошла*, *привела*, психоэмоционального состояния *ждала*, деепричастия со значением отсутствия речевой деятельности *безмолвствуя*: *Их привела как в дни былые, / Другая, поздняя звезда; Над пустыней снежных мест / Дремлют две звезды; Вечерняя звезда, безмолвствуя, ждала...* . В поэзии А. Блока реализуется также вторичное значение лексемы *звезда* – «предназначение, судьба»: *На мой вопрос один ответ: Ищи свою звезду; Чего же жду я, очарованный, Моей счастливою звездой*.

Знаки концепта ЗВЕЗДА пополняют терминалы концепта ЧЕЛОВЕК: *Ты будешь мне светлой звездой!; Звезда, ушедшая от мира; Я – звезда*

мечтаний нежных. В поэзии А. Блока подобие устанавливается «гештальтно» на основе зрительного восприятия (подобия формы): *Бывало вьюга ей осыплет / Звездами плечи*. Метафорическая переинтерпретация знаков концептов ЗВЕЗДА – ВЬЮГА – характерная черта творческого сознания А. Блока (*Вся окутана звездами вьюг; Там в ночной завывающей стуже / В поле звезд отыскал я кольцо*).

«Концепт окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом» [1, с. 28]: в блоковском восприятии концепта ЗВЕЗДА присутствует положительный модус (оценка).

Таким образом, перспективным является изучение основания языковых знаков в идиостиле творческой личности, сознание которой отражает национальное мироощущение, стереотипы этноса, используя модель ментально-психонетического комплекса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика / В.А. Маслова. – Минск, 2004.
2. Селиванова, Е.А. Когнитивная ономазиология / Е.А. Селиванова. – Київ, 2000.
3. Селіванова, О.О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми / О.О. Селіванова. – Полтава, 2008.

П.У. Маслянкова (Мінск, Беларусь)

КАНЦЭПТ “БАЛОТА”: ВЫНІКІ ДЫСТРЫБУЦЫЙНАГА АНАЛІЗУ

Для комплекснага даследавання канцэпту прымяняюцца розныя методыкі – ад этымалагічнага, лексікаграфічнага і семантычнага апісання да асацыятыўнага эксперыменту, апытання і кантэнт-аналізу. У дадзеным артыкуле мы разгледзім вынікі дыстрыбуцыйнага аналізу канцэпту “балота”.

Для выяўлення фармальнай і семантычнай спалучальнасці *балота* намі было прааналізавана 1280 выпадкаў ужывання слова *балота* па дадзеных пошуку Google па беларускамоўных сайтах.

Першая мадэль “**атрыбут + балота (суб’ект)**” найбольш шырока прадстаўлена, у ёй назіраюцца як азначэнні, якія карэлююць з прамым значэннем *балота* (*вярховае, бярозавае, навакольнае, зарослае, старое, мясцовае, буйное* і інш.), так і мноства эпітэтаў, якія дазваляюць трактаваць некаторыя выпадкі ўжывання як метафары. Дадзеная мадэль не дае нам аніводнага прыкладу выкарыстання *балота* ў сэнсе ‘гразь, бруд’. Затое пераноснае значэнне распадаецца ў кантэкстах на некалькі лексіка-семантычных варыянтаў. Найперш *балота* выкарыстоўваецца ў якасці метафары структур, якія характарызуюцца застоём, адсутнасцю жывой дзейнасці, маральным падзеннем (*абывацельскае, бюракратычнае, нацыяналістычнае, палітычнае, постсавецкае, савецкае, лявацкае,*

электаральнае, апазіцыйнае, грантавае, таталітарнае, ліберальнае, чыноўнае, суверэннае і інш.) Таксама тут можна вылучыць ЛСВ, якое прадстаўлена ў ТСБМ як пераноснае значэнне для *багны* – усё, што засмоктвае чалавека, цягне ў балота адсталасці, коснасці (*сытае, піўное, жыццёвае, алкагольнае, інтэрнэцкае, фінансавае, рускамоўнае, безыдэйнае* і інш.). Апрача гэтага, *балота* асэнсоўваецца як нейкая першасная субстанцыя, якая мае сакральны сэнс: *абяцанае, адвечнае, бясконцае, першаснае, першабытнае, першапачатковае, непазбежнае, святое*. У падобнай мадэлі часам адлюстроўваюцца міфалагічныя ўяўленні: *зачараванае, чортава, мёртвае, жывое*. Увогуле, *балота* часта ўвасабляецца (*баязлівае, вечна ныючае, дурное, замершае, панурае, вірлівае, працавітае*), што і дазваляе развіцца метаніміі з *балота* на яе насельнікаў, з месца, якое характарызуецца застойнасцю, адсталасцю, адсутнасцю жывой дзейнасці на суб'ект гэтай дзейнасці, а тамсама дае падставы на абагульненне месца з пэўнымі характарыстыкамі да маштабаў краіны (*нацыянальнае, чырвона-зялёнае, суверэннае, тутэйшае, наша, беларускае, айчыннае* і г.д.).

Наступная мадэль “**прэдыкат + аб’ект**”, дзе *балота* выступае аб’ектам накіраванага на яго дзеяння, можна вылучыць дзве лексіка-семантычныя групы дзеясловаў. Першы блок шчыльна звязаны з фонавымі ведамі пра меліярацыю балот і яе наступствамі (*асушыць, аднавіць, вывучаць, стварыць, ператварыць, стабілізаваць*). Другі блок звязаны з метафарай сну, якая, відаць, развілася з семы застою і была вельмі папулярная ў літаратуры пачатку XX стагоддзя (*расхістаць, страсянуць, разварушваць, зварухнуць, паразбаўтаць, скалыхнуць, узварнуць, ажыўляць, будзіць, хваляваць*). У дадзенай семантыка-сінтаксічнай мадэлі рэалізуецца другое, паводле ТСБМ, значэнне *балота* ў сэнсе ‘бруд, грязь’ (*абкідацца балотам, нарабіць балота, мясіць балота*). Дададзеная мадэль дазваляе ўжываць *балота* ў функцыі аб’екта ці суб’екта змагання (*адваяваць у балота, адхапіць у балота, змагацца з балотам, змагацца за балота, адваяваць балота*), што абумоўлена характарам балоцістай глебы, на якой традыцыйна жылі і на якой вырошчвалі розныя сельска-гаспадарчыя культуры. Цікавымі падаюцца выразы *хваліць балота*, паколькі яно паходзіць з фразеалагізму, і *кінуць балота*, паколькі тут яно выступае ў якасці інварыянту радзімы.

Мадэль “**суб’ект + балота (атрыбут у форме генітыва)**” сустракаецца рэдка, але дае падставы для метафарызацыі, метанімізацыі і ўтварэння перыфразы (*край балота, краіна вечных балот* – Беларусь, *людзі балота, людзі на балоце* – беларусы, *галасы “балота”* – электарату, *прынцып балота* – эвалюцыйны прынцып).

Мадэль “**прэдыкат + балота (лакутыў)**” спрыяе ўжыванню *балота* ў прамым значэнні, аднак і дае падставы для развіцця пераносных значэнняў. Да прыкладу, у дадзенай канструкцыі праяўляецца другое значэнне *балота*: *піхнуць у балота, таптаць у балота*. Таксама ў выніку метаніміі *балота* ўжываецца ў значэнні радзімы або перыферыі ў дачыненні да цэнтру: *прыезджы з балота, кінуць балота, уцякаць з балота, з’язджаць з балота, вырвацца з балота, вярнуцца ў балота, жыць у балоце*. Тут *балота* выступае

ў якасці схованкі (*пашыцца ў балота, залегчы ў балота, схавацца ў балоце*), месца ганьбы, смерці (*пагнаць у балота, накіраваць у балота*).

Мадэль “**балота + атрыбут у форме генітыва**” ёсць найбольш плённай для развіцця метафар. Балота ў дадзенай мадэлі з’яўляецца нібы рэзервуарам для абстрактных сутнасцяў, вязкай субстанцыяй маральных якасцяў і пачуццяў, у ёй сканцэнтравана праяўляюцца ўсе пераносныя значэнні, зафіксаваныя ў іншых семантыка-сінтаксічных мадэлях (*балота абьякавасці, ізаляцыі, марнасці, слоў, самацэнзуры, змагарства, электаральных густаў, дзівакоў і дзівачак, сямейнага жыцця, хлусні, страху, зніштажэння ўсяго беларускага, бяспамяцтва, нявер’я і прымітыўных рэфлексаў, граху, феадалізму, пустых абяцанняў і незразумелых гульняў, мадэрнізму, дробнай валтузні і самаедства*). Гэтая мадэль найбольш яскрава пацвярджае думку пра тое, што балота ёсць ключавым канцэптам для беларускай лінгвакультурнай супольнасці, паколькі пры дапамозе яго адбываецца канцэптуалізацыя канкрэтных і абстрактных з’яў рэчаіснасці.

Н.А. Мишанкина (Томск, Россия)

РОЛЬ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ В МОДЕЛИРОВАНИИ НАУЧНОГО ДИСКУРСА

Научная коммуникация протекает в особых условиях, порождая научный дискурс – ментальное пространство, в котором воплощается специфическое видение мира.

В рамках определенного дискурса принимается тот или иной способ коммуникативного действия, являющийся внутридискурсивно нормативным. Для научного дискурса таковым является отражение **эпистемической ситуации** – коммуникативных и когнитивных установки участников научной коммуникации [2, с. 23]. Эпистемические когнитивные установки коммуникантов связаны с принципиальной ориентацией на получение нового знания на основе уже имеющегося. Создавая новую эпистемическую структуру, коммуникант в рамках научного дискурса обязан вступать в диалогические отношения с уже имеющимися концепциями, представленными в других научных текстах. Диалогичность реализуется в интертекстуальности: проявленной (прямая и косвенная цитация, терминологические связи, фоновые ссылки) и латентной (осмысление и трансформация общекультурных, общенаучных и парадигмальных моделей). Коммуникативные установки автора текста направлены в первую очередь на максимально полное представление информации. Автор всегда занимает в тексте позицию профессионала, предлагающего и разъясняющего другому профессионалу новую модель объекта.

Данное ментальное пространство моделируется средствами естественного языка и с опорой на общезыковые когнитивные модели, связанные с реализацией гносеологической функции. Ключевой моделью представления новой информации является **концептуальная метафора**, обладающая особой эвристической силой и информационной емкостью. Можно отметить следующие специфические черты метафорического моделирования:

1. Сочетание двух принципиально отличных друг от друга способов осмысления мира: лингво-мифологического и дискурсивно-логического [1, с. 38]. При метафоризации поиск нужного образа происходит на интуитивной основе, но его «разработка» и адаптация к представлению модели объекта – уже на логической.

2. Метафорическая модель входит в текст посредством ограниченного количества репрезентантов, которая содержит в свернутом виде потенциально бесконечное количество компонентов. Наличие значительного количества имплицитных компонентов ведет к тому, что такая модель легко занимает позицию интертекстуального компонента. При этом происходит ее переструктурирование, актуализация незадействованных смыслов.

3. Еще одно важное свойство – интеракциональность метафорической модели. Эвристичность метафорической модели напрямую связана с ее гештальтно-фреймовой организацией. Фрейм, репрезентантами которого и выступают языковые единицы, создает каркас образа, объединяющий коммуникантов, гештальт же является индивидуальным «наполнителем» данной схемы. Таким образом, метафорическая модель варьируется для автора и читателя текста и находится в зависимости от фоновых знаний коммуникантов, актуализируя сходные, но не идентичные когнитивные структуры.

В метафорическом представлении научного дискурса можно говорить о нескольких уровнях моделирования: моделирование пространства интеллектуального действия связано с целостной системой общенаучных метафорических моделей. Например, основной способ восприятия в научной коммуникации – визуализация (*Видимо...; Рассмотрим...; Анализ показывает...*). Следующий уровень связан с моделированием понятийных феноменов, как правило, они выражаются в метафорических терминах (*черная дыра, митотическое веретено, компьютерный вирус, квантовые суперструны, языковая картина мира, гносеологический Робинзон и др.*).

Моделирование объекта описания осуществляется на уровне текстовой и парадигмальной метафоры. В качестве таковой может быть рассмотрено, например, метафорическое представление языка в работе А.А. Потебни «Мысль и язык», базирующееся на метафорических моделях В. фон Гумбольдта (*Язык есть орган, образующий мысль и внутренняя форма слова*).

Однако в качестве парадигмальной может быть привлечена базовая концептуальная метафора, трансформируемая для понимания новых аспектов объекта описания.

Рассмотрим значимую для лингвистики XX века и для рассмотрения смены метафорических моделей структуру, где, с нашей точки зрения, происходит трансформация, связанная с появлением нового способа моделирования реальности.

Ахетипическая языковая и концептуальная метафора **игры** получает преломление в метафорической модели «театра». Театральная метафора, реализующаяся по преимуществу в сочетании «играть роль» активно используется как общенаучная. Частотной, как для языка, так и для научного дискурса является метафора **картины**. Данные модели связаны с традиционными способами моделирования реальности и соотносятся с двумя вторичными моделирующими системами: ритуалом и изображением.

С появлением такой новой формы пересоздания реальности как кинематограф начинается трансформация этих метафорических моделей. Р.О. Якобсон, рассматривая семиотику кинематографа, говорит о сходстве видения мира кинематографом и языком: *Об одном и том же человеке мы можем сказать, что он «горбун», «носатый» или «носатый горбун». Во всех трех случаях объект нашей речи один и тот же, тогда как знаки различны. Подобным же образом, в фильме мы можем снять этого человека со спины – тогда мы увидим его горб, затем анфас – и мы увидим его нос, наконец в профиль, тогда мы увидим и то и другое. Теперь стоит продемонстрировать синекдохическую природу языка, сославшись на нашего уродца как на просто «горбуна» или «носатого». Терминология сценария с его «кадрами средней длины», «крупными планами», «полукрупными планами» довольно познавательна в этом отношении.*

Таким образом кинематограф совмещает в себе два вида пересоздания реальности, трансформируя их: метафорическая модель «картины» преобразуется в метафору «кадр».

Наиболее показательно парадигмальность этой метафорической модели представлена в работе В.З. Демьянкова «Семантические **роли** и **образы** языка». Метафорическая концептуализация проявляется уже в заглавии работы. Первоначально автор прибегает к театральной метафоре, постепенно уточняя и корректируя ее введением метафоры картины: *Например, когда говорят, что **концепт**, выражаемый некоторым словом в предложении, “играет” семантическую роль агенса, имеют в виду, что в картине, входящей в смысл всего предложения, в данном месте (в данной “прорези”) видится действующее одушевленное существо...*

Одновременно исследователь модифицирует метафору картины, уточняя, что у картины есть рама – фрейм. А концепт – один из сюжетных образов данного изображения. Вместе с тем в контексте актуализируется метафора «прорези» – окна в другой мир, мир, в котором объекты не статичны, и можно наблюдать события в их динамике. Кинематографическая метафора поддерживается в тексте за счет актуализации деталей исходного фрейма. В частности, в качестве опорного может выступить такой признак как «амплуа актера»: ***В одних ролях лексема более органична, чем в других: многое зависит от ее природного “амплуа”.***

Таким образом, научный дискурс как целостное коммуникативно-когнитивное пространство моделируется посредством использования различных лингвокогнитивных моделей. Одной из наиболее частотных и базовых моделей выступает метафора – ведущий гносеологический механизм. Использование метафорических моделей позволяет говорить о более глубоком междискурсивном взаимодействии, включающем, с одной стороны, как осознание четкой дифференциации дискурсивных областей, с другой – осознание синтетичности мира как внешнего, так и внутреннего, единства мира в его многообразии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кассирер, Э.* Сила метафоры / Э. Кассирер // Теория метафоры. – М., 1990.
2. *Чернявская, В.Е.* Интерпретация научного текста / В.Е. Чернявская. – М., 2006.

Е.Ю. Муратова (Витебск, Беларусь)

СМЫСЛОПОРОЖДАЮЩАЯ ФУНКЦИЯ МЕТАФОРЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Метафора представляет собой один из универсальных способов человеческого мышления. Нелинейность системы поэтического языка обуславливает многозначность и полисемию слова, что создает все условия для метафорического использования языкового знака в поэтическом тексте.

В настоящее время в науке активно разрабатывается теория концептуальной метафоры, которая представляет интерес не только сама по себе, но и как средство проникновения в семантическую структуру абстрактной лексики. Сторонники данной теории, в частности, Дж. Лакофф и М. Джонсон, доказывают, что метафора по своей природе не языковое, а концептуальное явление, при помощи которого мы осмысляем абстрактные понятия, «языковые выражения суть вместилища для значений» [3, с. 394]; метафорический язык – это поверхностное проявление концептуальной метафоры; метафорическое понятие основано на неметафорическом понятии, т.е. на сенсомоторном опыте человека.

«Концептуальная метафора, – пишет И.М. Кобозева, – неформально определяется как способ думать об одной области через призму другой, перенося из *области-источника* (source) в *область-мишень* (target) те когнитивные структуры (фреймы, образные схемы и т.п.), в терминах которых структурировался опыт, относящийся к области-источнику» [2, с. 171]. Т.е. концептуальная метафора – это определенный способ думать об одной содержательной области посредством мысли о другой области, уже когнитивно освоенной человеком. Например, осмысление времени на основе пространственных характеристик часто осуществляется посредством

концептуальных метафор (*глубокий старик, бежит время*). Следовательно, метафора – это такой тип мышления человека, который использует прежде добытые знания, постигая новые; а метафорический процесс (по Рикеру) – это процесс познания, воображения и ощущения.

Механизм метафоризации, когда в качестве формы реализации одной мысли (глубокой, сложной, имплицитной) используется нечто отличное от нее самой – другая мысль (известная, понятная, эмплицитная), представляет собой уникальный механизм вербализации в поэтическом языке трансцендентных содержаний.

Проанализируем одно из самых ранних стихотворений Сергея Есенина.

*Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Клененочек маленький матке
Зеленое вымя сосет.*

Все четверостишие является зоной смыслопорождения, в которой рождается образ раннего спокойного летнего утра, еще спящая на рассвете деревня, и на этом фоне – молодая поросль зеленых кленов, тянущаяся ввысь. Опорными лексемами являются *капустные грядки, красный восход, клененочек, зеленый*. Они отражают реальный мир, в частности, указывают на пору года – лето (*капустные грядки, зеленый клен*), на месторасположение – деревня (*капустные грядки*), т.е. выражают сущностные характеристики описываемого и находятся в тематической группе «природа». Их словарные значения и опыт читающего (знающего, что клен – зеленый, рассвет – красный) дают возможность правильно определить путь «отгадки» метафоры. Нелинейностью системы поэтического языка определяется тот факт, что выражения *водой поливает* и *вымя сосет* являются смыслопорождающими структурами, поскольку именно они нарушают условия истинности и выражают смыслы ирреального мира: *восход* не может *поливать*, а *клен* – *сосать вымя*, и поэтому находятся в области ирреального. Одновременно окказиональная форма существительного *клен – клененочек* и лексема *матка* оказываются в тематической группе «дети – родители», т.е. воспринимаются как живые существа. Организация сложного поэтического образа возникает за счет одновременного взаимоналожения всех возникающих значений. Способность человека к метафорическому типу мышления, т.е. способность к заместительной репрезентации содержаний, позволяет понимать глубинные смыслы, «закодированные» в поэтическом тексте.

Метафора представляет собой уникальный языковой механизм реализации когнитивных функций человеческого сознания, она «результат прорыва содержаний из таинственных и в высшей степени сокровенных глубин человеческого сознания в область окружающей человека реальности и вместе с тем нить, которая связывает сознание человека и эту реальность» [1, с. 68]. Посредством метафорического мышления читатель способен осуществлять сложный переход из когнитивно освоенной области знаний и представлений в иную, неизвестную и не данную в прямом словесном выражении содержательную область поэтического произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Берестнев, Г.И.* Слово, язык и за их пределами / Г.И. Берестнев. – Калининград, 2007.
2. *Кобозева, И.М.* Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. – М., 2000.
3. *Лакофф, Дж.* Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. 23 : Когнитивные аспекты языка / сост., ред. В.В. Петрова, В.И. Герасимова. – С. 12–51.

Е.А. Пименов (Кемерово, Россия)

СТЕРЕОТИПЫ В СТРУКТУРЕ КОНЦЕПТА «УКРАИНЕЦ» (ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ)

В данной статье затрагиваются проблемы языковых образов жителей Украины – нашего соседнего государства, которые анализируются на материале российских СМИ. Следует отметить, что образы украинцев бывают двух видов: реальные образы, основанные на признаках внешности, происхождения, занятий и т.д., и образы, основанные на сравнении, отождествлении или уподоблении с кем или чем-либо (переосмысленные образы).

Начнем с реальных образов украинцев. Традиционно считается, что у украинцев особая внешность, что связано с культурой и обычаями народа; об этом часто упоминается в нашей отечественной литературе*. В российской публицистике об особой внешности украинцев пишется не часто (Но культурных черт каждому народу позволялось иметь немного: таджикам – двадцать пять косичек, **украинцам – чубы и шаровары**, русским – сарафаны и косоворотки и т.д. То, чем жил и дышал каждый народ в действительности, всегда оставалось за рамками парадного портрета нашей родины. Некоренных народов не бывает. Евреи // “Жизнь национальностей”, 2001).

Проблема самоидентификации связывается с трудностями, возникающими из-за столкновения национальных традиций и заимствованных, пришедших из-за рубежа, правовых норм (Кем по национальности я должен себя считать, если мои бабушки **украинка** и белоруска, а дедушки – русский и еврей? Все же это выход. Обратная связь // “Известия”, 2002.10.29). Это одна из самых актуальнейших проблем, которая затрагивается в российских СМИ. Сложности самоидентификации связаны с отсутствием запретов в

---

* Ср.: Олег с выражением лукавства, которое у него было не в губах и даже не в глазах, а где-то в подрагивающих кончиках бровей, с расстегнутым воротом рубахи, с выступившими на лбу под волосами капельками пота, свободно и почти недвижимо держа крупную голову и плечи, шел вприсядку с такой – оторви голову! – удалостью, что в нем, как в его бабушке, сразу стал виден **природный украинец**. А. Фадеев. Молодая гвардия; Еще в период гражданской войны в Полтаве я встретился с очаровательной Галиной, ну, знаете, **настоящая украинка**, с черными живыми глазами, черными волосами и певучим голосом. А.Е. Ферсман. Воспоминания о камне.

украинской культуре на смешанные браки (**Украинка** Гулько **вышла замуж за коми-пермяка** Самкова, белоруска Немогай – за русского Голикова. Славянские народы. Украинцы // “Жизнь национальностей”, 2001).

Концепт ‘украинец’ определяется признаками ‘определяемый по природе, т.е. по рождению’ (ср.: **природный украинец**), ‘определяемый по крови’ (я сам **на четверть украинец**; ср.: **чистокровный украинец**), ‘принадлежащий к этносу, определяемый по происхождению’ (**этническая украинка**), ‘считающий себя украинцем’ (**Украинцем себя считаешь** – так и запишем), ‘запись в паспорте в особой графе «национальность» или ином другом документе’ (Евгений Степанович **по паспорту «числится» украинцем**; ср.: **по национальности он украинец**), ‘национальность родителей’ (**украинец по родительским корням**), ‘определяемый по месту проживания’, ‘воюющий на стороне чеченских боевиков’. Российская публицистика наблюдает за реалиями нового времени, отображая те политические тенденции, которые актуальны в данный момент. Появилась новая «национальность» – западный украинец (**по национальности западный украинец**). Украинцев, служащих в Иностранном Легионе во Франции, считают русскими.

Для российской публицистики не менее актуальны вопросы национальности и национальной самоидентификации украинцев, проживающих в России, и украинцев, проживающих в Украине. В последнее время наблюдается тенденция утраты национальности русских, проживающих в Украине. Это было актуально для Украины еще в 1927 году (Положение, при котором каждому культурному **украинцу придется решать, желает ли он быть русским или украинцем**, это положение неизбежно повлечет за собой крайне невыгодный с точки зрения развития украинской культуры отбор культурных работников. Н.С. Трубецкой. К украинской проблеме).

Признаки концепта «украинский украинец» следующие: ‘лишенный истинной национальности’, ‘скрытый русский’ (**среди украинцев полно природных русаков**). Особое место в этом ряду занимают признаки ‘самоидентификация украинцев’ и ‘идентификация украинцев’. Эти признаки основываются на существующих стереотипах, когда национальность идентифицируется по фамилии – родовому имени (Иванов – русский, **Коваленко – украинец**, Рабинович – еврей). Здесь актуальной является проблема выражения надежд и чаяний всех жителей Украины их президентом.

Концепт ‘российский украинец’ включает в свою структуру признаки ‘земляк’, ‘воспринимающий себя как русского’, ‘этнический украинец’ (Человека, **назвавшегося русским**, непременно **спрашивали: а может, он все-таки украинец** или белорус? “Обрусение” или нашествие иноплеменных? // “Наш современник”, 2004).

Образы, используемые для переосмысления исследуемого понятия, с одной стороны, взяты из традиционной символики. Такими, например, являются символы путника (Путин аккуратно посоветовал **украинцам не**

пытаться обогнать Россию), птицы, звезды и жницы. Новое время корректирует образы, используемые для описания жителей Украины в российских СМИ. Украинцы предстают в образах учеников, решающих политические и экономические задачи (Этот вопрос решать **украинцам**). Украинцы уподобляются составной части американского политического плана.

Обращает на себя внимание факт многокомпонентности структуры концепта 'житель Украины'. Образы, формируемые признаками этого концепта, многолики. Они сопрягаются с различной оценкой. Столкновение культур приводит к негативной оценке современных реалий. При этом российские СМИ не упускают факт нашего национального родства, общей истории и культуры.

Макроконцепт 'житель Украины' формируется такими микроконцептами, как 'этнический украинец', 'новый украинец' (по аналогии с «новым русским»), 'русский украинец'. Исследование этих концептов – задача современной лингвистики. Обращение к темам лингвистического анализа концептосферы «жители других стран» представляется одним из приоритетных направлений политической лингвистики на современном этапе.

М.В. Пименова (Кемерово, Россия)

КОНЦЕПТ *ПОЛИТИКА* И СПОСОБЫ ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Исследование языка позволяет заглянуть за кулисы производства образов, категорий, которые формируются в сознании народа, дает возможность увидеть мир так, как он представлен в языке. В современной лингвистике выделяется особая отрасль – политическая лингвистика.

В русском языке слово *политика* известно с эпохи Петра I. Происходит оно из греческого языка, через западноевропейские языки слово пришло в русский язык. Мотивирующий признак восходит к первоисточнику: греч. *политика* «государственная деятельность». Из греческого – латинское прилагательное *politicus* «имеющий отношение к государственным делам», «политический». В современном русском языке мотивирующий признак прослеживается в первичном значении слова: *политика* «1. деятельность государственной власти, партии или общественной группы в области внутригосударственного управления и международных отношений, определяемая классовыми интересами этой власти, партии, группы; система государственных мероприятий, направляющая деятельность в какой-л. области». Ср.: *политика президента, политика партии, политика правительства, политика блока; Моё извинение заключалось в том, что за это время моя жизнь слишком тесно переплелась с моей политической деятельностью, чтобы оставалось много места для моей личной жизни.* Милюков. Воспоминания. Государственная деятельность может быть мирной

(политика мира; политика мирного сосуществования; мирная/ миролюбивая политика), агрессивной (агрессивная политика; политика с позиции силы), захватнической (захватническая политика), открытой, при этом государство описывается метафорами дома (политика открытых дверей) и метафорами стратегии и тактики проведения военных действий (оборонительная политика; наступательная политика). Эта деятельность характеризуется через признаки постоянства, твердости (неизменная политика; твердая политика), эти характеристики выражаются также в признаках относительного времени и времени жизни (новая политика; обновленная политика; старая политика; современная политика).

Интересны метафоры, представляющие политику посредством:

а) предметных образов: политика – зеркало (политика отражает что), политика – узел (навязывать кому/чему какую политику; с какой политикой что связано), политика – механизм (политический механизм);

б) социальных образов, где политика есть театр (закулисная политика; играть в политику; политический спектакль; играть заметную/ важную/ главную/ незаметную роль в политике; За границей я очутился **в роли наблюдателя политической жизни** и внешней политики демократических государств. Милюков. Воспоминания), политика есть отношения: союз, объединение, спор, война, борьба (изменять политике; политический альянс; политическая структура; политическая система общества; политический спор; политические баталии; Но моя личная жизнь всё теснее переплеталась с процессом русской **политической борьбы**, и обойти этой стороны моей биографии совершенно невозможно. Милюков. Воспоминания); политика есть закон (узаконить какую политику; соблюдать какую политику; нарушать политический запрет; политический режим); политика есть работа (политработник; политическая работа среди масс; У меня замполит, брат ты мой, большой мастер воспитания матросов, ... редкий мастер политработы. Первенцев. Честь смолоду) и воспитание, обучение (политическое воспитание; политическое просвещение; политпросвет; политграмота; политграмотность);

в) пищевых образов, здесь политика переосмысливается как некий продукт (продукт политической деятельности; простая/ незатейливая политика; политика с душком/ запахом; разжевать свою политику народу; взвешенная политика; объестся политикой прост.);

г) образов стихий, например, землетрясения (политические потрясения), воды, реки (политические течения; Это были годы, когда **политические течения** в русской жизни быстро дифференцировались и выходили наружу. Милюков. Воспоминания), воздуха, дыма, сильного ветра (политический угар; политические бури);

д) имущественных образов (политические ресурсы; политические возможности; политические средства);

е) антропоморфных образов врага (бороться с какой политикой; политика чья угрожает кому), думающего и осторожного человека (дальновидная политика; осторожная политика).

Политика в русской языковой картине мира предстает как некая неконтролируемая стихийная сила, которая, после некоторой обработки с помощью некоторых технологических процессов, превращается в некий продукт, предмет или тип интерперсональных отношений, поддающийся контролю, управляемый и даже отрепетированный, где каждый политический деятель исполняет отведенную ему роль, а вся политика – это театр, за кулисами которого разыгрывается тайный спектакль с незримо присутствующим ведущим. Однако, в отличие от театра, политика связана с областью не эмоциональных и эстетических, а этических и рациональных оценок.

В русской языковой картине мира работа в области политики оценивается чрезвычайно негативно (политика – грязное дело), те, кто работает в этой области, именуются политиканами, а их деятельность – политиканством. При этом сама политика признается искусством (искусство политики). Использование механических метафор переводит политику в современном мире из области искусства в область знания и ремесла. В русском языке закрепилось слово политизация – проникновение политики в другую сферу (например, искусство; ср.: политизация искусства).

Н.А. Погребная (Минск, Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ МИНИМАЛИЗАЦИИ АНТОНИМИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА

Юрий Сергеевич Степанов в своей работе «Концепты. Тонкая пленка цивилизации» писал, что «концепты, принадлежащие к сфере «художественное, национальное», то есть «не-научное», тем не менее так же, как и «научные», естественно располагают в некоторых случаях обсуждать их парами, как противопоставленные, оппозитивные» [1, с. 126]. К таким концептам, по нашему мнению, относятся антонимические концепты, которые мы выделили в отдельный тип концепта. Мы бы хотели остановиться на особенностях минимализации антонимического концепта в наивной картине мира русского и английского языков.

Ю.С. Степанов говорит о расширении концепта: «...осознание этого [концепта как словесного образа бытия, имени, осуществления] – не только «имя», но часто просто фраза, целое высказывание, даже, может быть, музыкальное или живописное, картина...» [1, с. 192]. Таким образом, концепт находит свое продолжение в большом количестве типов текстов.

Пословичный корпус, даже не являясь активной частью словаря говорящего на русском или английском языке, оставляет за собой роль носителя максимального количества оценок различных жизненных реалий, данных обществом.

Самым запоминающимся и упоминаемым в пословице выступает не само назидание или понятие, а концепт. В концептах нет «знания» вне «эмоций». Именно этим концепты и отличаются от «понятий просто» [1, с. 114].

Концепт в силу своей эмоционально-оценочной окрашенности может выражать не понятие и даже не идею данного понятия. Он дает нам возможность уловить отражение идеи в сознании, а следовательно, в культуре носителей языка. Наше понимание концепта в данном случае близко тому, что Юрий Сергеевич Степанов назвал «чистой ощутимостью», предельной минимализацией [1, с. 109].

В первую очередь важно подчеркнуть, что предельно четко проиллюстрировать оценку можно именно при помощи антонимического концепта, потому что противопоставление положительного и отрицательного лежит в самой его основе.

Всего нами было рассмотрено 10 концептов: ум – глупость (энантиосемический концепт хитрость и его английское соответствие), счастье – несчастье, радость – грусть, труд – безделье, труд – досуг, праздники – будни (энантиосемический концепт халтура), богатство – бедность, бережливость – щедрость (энантиосемический концепт зависть и его английское соответствие), друг – враг, правда – ложь и их английские соответствия. Проанализированный пословичный материал позволяет нам говорить о характерных принципах минимализации.

В результате исследования мы пришли к выводу, что противопоставление лежит в основе антонимической концептуализации в ПКМ. В пользу такого вывода выступают следующие особенности процесса концептуализации в ПКМ.

В систему антонимического концепта входят слова, которые противопоставляются в семантическом поле концепта зачастую благодаря лишь своему символическому значению; фреймы, ситуации, типичные для данной культуры и понятные всем носителям языка; а также другие концепты, которые либо втягиваются в содержание исследуемого концепта, либо сами его поглощают.

Именно те понятия, символы и фреймы, которые составляют внутреннюю форму пословицы, отражают национально-культурный компонент картины мира определенного народа. Более того, в ПКМ в семантическое поле антонимического концепта входят компоненты, не являющиеся с точки зрения теоретического языкознания антонимами, но для носителей культуры они являются концептуальными противоположностями и отражают совершенно определенные грани рассматриваемого концепта.

Базовые компоненты концептов в кодифицированном языке являются антонимами на основе общей архисемы. Элементы ядра могут быть осмыслены только при сопоставлении друг с другом, а содержание одного из элементов является противоположностью всему содержанию второго. Явление не мыслится без своей противоположности. За счет такого слияния достигается объемность мыслимого концепта, ведущая к целостности общей картины мира. При этом в части паремий могут выступать национально-культурные компоненты антонимической пары.

Пословичная картина мира любое средство выражения использует для раскрытия глубинной идеи, «форма есть поверхностная часть («тонкая

пленка») содержания» [1, с. 99]. Любое слово, попадая в поле антонимического концепта, находит свою оппозицию на основе актуального в момент речи признака или качества. Для пословичной картины мира важны не денотаты, а качественные характеристики.

Противоположности могут выражаться при помощи концептуальных антонимических пар или при использовании отрицательных конструкций. При этом отрицательным маркерам уделяется больше внимания, чем положительным или нейтральным. Подчеркнем главное – любой аспект содержания концептов может быть рассмотрен, проанализирован и вербализован носителями ПКМ, только будучи сопоставленным со своей концептуальной противоположностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов, Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю.С. Степанов. – М., 2007.

Л.Ф. Присяжнюк (Киев, Украина)

СВОЙ/ЧУЖОЙ В ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЕ РОМАНОВ Г. ГРИНА: СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

Данное исследование посвящено изучению дихотомии свой/чужой в образном пространстве художественного текста, где она актуализируется в совокупности словесных и персонажных образов. Изучение данной дихотомии в контексте художественной семантики требует особого подхода к ее анализу, поскольку когнитивные структуры (концепты, бинарные оппозиции), воплощенные в художественном тексте, отличаются от собственно языковых концептов содержанием, структурой и объемом. Разработка такого подхода является одной из приоритетных задач когнитивной поэтики, которая направлена на освещение когнитивных процессов, лежащих в основе формирования и интерпретации художественного текста. В русле такого направления одним из способов выделения концептуальных признаков художественного текста является моделирование его отдельных компонентов.

Предлагаемая нами модель дихотомии *СВОЙ/ЧУЖОЙ* – это ее абстрактный аналог, который включает в себя составляющие дихотомии, отражает их свойства и отношения между ними. Основными компонентами данной модели являются сферы *СВОЕГО* и *ЧУЖОГО*, критерии размежевания которых включают место, обладание и род, а также характер оценки, приписываемой той или иной сфере дихотомии. Основой для выделения упомянутых критериев служат функции, которые дихотомия *СВОЙ/ЧУЖОЙ* выполняет в ориентации человека в окружающем мире,

поскольку осмысление внутреннего и внешнего мира происходит на основе разделения (чаще всего неосознанного) на “свое” и “чужое”. Таким образом, дихотомия *СВОЙ/ЧУЖОЙ* – это своеобразная система координат, осями которой являются систематизация объектов в пространственном и временном континууме, а также аксиологическая классификация внешнего и внутреннего мира человека.

Созданная модель служит опорой для исследования дихотомии *СВОЙ/ЧУЖОЙ*, воплощенной в совокупности словесных и персонажных образов романов Г. Грина. Анализируя образную систему романов Г. Грина, мы ограничиваемся рассмотрением художественных сравнений, поскольку именно этот стилистический прием является одним из характерных для индивидуально-авторского стиля этого писателя.

Изучение особенностей актуализации дихотомии свой/чужой в системе словесных образов предусматривает выделение ее вербальных маркеров. С этой целью нами была разработана методика идентификации показателей *СВОЕГО*, *ЧУЖОГО*, *ГРАНИЦЫ* в художественном тексте. Данная методика включает компонентный анализ ключевых лексем (*one's own, alien, border*) их производных, синонимов и антонимов; контекстуально-интерпретационный анализ; а также семантико-когнитивное моделирование.

Применение контекстного подхода к анализу средств воплощения дихотомии *СВОЙ/ЧУЖОЙ* в образной системе романов Г. Грина позволяет выделить особенности реализации данной дихотомии на уровне микро-, макро- и мегаконтекста. В микро- и макроконтекстах наблюдаются трансформации значений слов, закрепленных в языковой системе как показатели сферы *СВОЕГО* (например, *old friends*) или *ЧУЖОГО* (например, *strangers*), в результате чего они становятся маркерами противоположной сферы. Кроме того, возможно приобретение отдельными лексическими единицами нехарактерных для них значений *СВОЕГО*, *ЧУЖОГО* либо границы. Например, слова, обозначающие чувства, ощущения и эмоции (*hate, distrust, suspicion, confidence, pain, bitterness, venom, boredom*), в художественном контексте приобретают значение границы.

Это объясняется, с одной стороны, базовыми признаками дихотомии, в частности стремлением ее полюсов к взаимопроникновению, а также субъективностью определения *СВОЕГО* и *ЧУЖОГО*, которое возможно только относительно определенной точки отсчета. С другой стороны, предпосылкой появления таких новых значений является динамичность языковой системы, что и обуславливает отклонения в контекстуальном употреблении слов от закономерностей, существующих в языке.

На уровне мегаконтекста были выделены мегасравнения как результат действия принципа множественности текстовых смыслов, а также прослежены изменения характера отношений между компонентами сравнений, в частности трансформации сходства в тождество, тождества в подобие. Рассмотрение особенностей репрезентации дихотомии *СВОЙ/ЧУЖОЙ* в контексте всех проанализированных романов позволило реконструировать сквозные словесные и персонажные образы *СВОЕГО* и

ЧУЖОГО и, кроме того, выделить гиперпараболы – прототипические истории, лежащие в основе сравнений, которые встречаются в большинстве из проанализированных текстов и являются важными для формирования их образной системы.

Таким образом, дихотомия *СВОЙ/ЧУЖОЙ* отражена в художественном тексте в разных ракурсах: как универсалия человеческого мышления; как одно из проявлений авторского видения мира; как компонент художественной системы произведения. Рассмотрение системы словесных и персонажных образов сквозь призму дихотомии *СВОЙ/ЧУЖОЙ* не только позволяет выделить индивидуально-авторские особенности ее воплощения, но и рассмотреть с новой точки зрения функционирование средств художественной образности, в частности, художественного сравнения.

О.В. Савко (Минск, Беларусь)

МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНЦЕПТОВ
В ЗЕРКАЛЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР
НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА Б. ПАСТЕРНАКА
«СЕСТРА МОЯ – ЖИЗНЬ»

Вопрос о концепте, как единице сознания, имеющей языковое (и не только) выражение и отмеченной этнокультурной спецификой, занимает одно из центральных мест в когнитивной лингвистике.

Художественный концепт рассматривается, прежде всего, как единица индивидуального сознания, авторской концептосферы, вербализованная в едином тексте творчества писателя. Образная составляющая концепта складывается, в том числе, из концептуальных метафор, отражающих национальный или авторский (индивидуальный) образ мышления. Метафора – типичный языковой, образный и когнитивный элемент художественной картины мира писателя. Метафорическая модель позволяет образно представить ту или иную сферу при помощи лексики, изначально относящейся к другой сфере. Одним из способов моделирования художественных концептов является построение концептуальных метафор, выраженных биноминативными конструкциями.

Материалом для данного исследования послужил сборник стихотворений Б.Л. Пастернака «Сестра моя – жизнь». Литературный интерес к творчеству Б. Пастернака не прекращается – об этом свидетельствует ряд статей и исследований литературоведов, открывающих новые границы анализа произведений писателя. Однако существует весьма небольшое количество работ, посвященных лингвистическому изучению поэзии и прозы Б. Пастернака (языка писателя, идиостиля, поэтики, концептуального пространства творчества). Мы считаем необходимым

рассмотреть произведения Б. Пастернака на примере сборника «Сестра моя – жизнь», выделив концепт ЖИЗНЬ, который заявлен уже в самом названии книги в виде концептуальной метафоры **«жизнь – сестра»**, данной в сильной позиции – в названии сборника. Следовательно, метафора имеет особое значение и будет определяющей для большинства стихотворений, вошедших в данный сборник. Пастернак сам объяснил эту метафору в стихотворении 1936 года «Все наклоненья и залог...»: *«Казалось альфой и омегой – // Мы с жизнью на один покрой; // И круглый год, в снегу, без снега, // Она жила, как alter ego, // И я назвал ее сестрой»* [1, Т. 2, с. 144].

Одним из значений слова **сестра** является значение «2. перен. Женщина, которую объединяют с кем-либо общие интересы, стремления» [4]. Сема 'родство, близость по духу' присутствует и в метафоре «жизнь – сестра». В языковой картине мира Пастернака отождествление жизни с сестрой имеет следующие смыслы.

Становясь человеком, природа приобретает все черты индивидуального лица. Мы привыкли к тому, что «дождь идет», а теперь узнаем: *«Скорей со сна, чем с крыши; скорей забывчивый, чем робкий, топтался дождик у дверей, и пахло винной пробкой»* [1, Т. 1, с. 164]. У пейзажей Пастернака есть свой нрав, симпатии, излюбленные развлечения – тучи играют в горелки, ручьи поют романс, гром занимается фотографией. Не в иносказательном смысле, а буквально «плачет сад», «бежит гроза».

Пейзаж – и, шире, весь окружающий мир – обладает у Пастернака какой-то повышенной чувствительностью. Он остро и мгновенно реагирует на изменения, происходящие в человеке, не только соответствуя его чувствам, мыслям и настроениям (случай, распространенный в литературе), а оставаясь его полным подобием, продолжением (сестра – alter ego лирического героя).

В русской языковой картине мира концепт ЖИЗНЬ находится на пересечении концептов ЧЕЛОВЕК и ПРИРОДА именно потому, что человек и природа – одно и то же, – его жизнь есть жизнь природы, жизнь неба, солнца, воды, земли. В языковой картине мира Пастернака *жизнь* человека (в данном случае – *поэта*) также неразрывно связана с *природой* («место жизни»). Природа как одна из ипостасей ЖИЗНИ представлена в сборнике многочисленными образами: сада, степи, грозы, дождя, ветки сада – и выступает в качестве главного лирического героя. А поэт – повсюду и нигде. *«Он – не сторонний взгляд на раскинувшуюся панораму, но ее подобие, двойник, становящийся то морем, то лесом»* [2, с. 97].

Пастернак обращается не только к дикой природе, не тронутой человеком, но и к природе окультуренной, упорядоченной, в которой чувствуется присутствие людей. Таким объектом изображения является образ сада, соответствующего образу мира. Природа и здесь служит наглядным эталоном естественности и полноты и является одним из образов, даже синонимов жизни. Концептуальная метафора сборника «Сестра моя – жизнь» – **«жизнь – сад»** имеет давнюю литературную традицию. Мир описан Пастернаком как Эдем, как чистое счастье существования. Природа, будучи

самым близким и полным синонимом жизни, не является в этом отношении чем-то исключительным и единственным. Открытое лирическое чувство (любовь) или мир вещей (вплоть до интерьера) выполняют ту же роль. Жизнь шире любого из этих образно-тематических рядов, и каждый из них, становясь непосредственным «предметом» стихотворения, как бы стремится представить и выразить *всю* жизнь, поэтому они практически взаимозаменяемы и тем более полно являют жизнь в своей совокупности, взаимопроникновении.

Мир поэта бурен, все приведено во взаимодействие, в движение, драматично, взволновано и перетасовано. Самый эдемский из образов – Сад – и тот дан в ливне, шуме, беге. «Райские» черты несут в себе и другие пастернаковские образы. Через мгновение в них проступает вечное. Счастье существования заключено в максимальной динамике, интенсивности, скорости, сдвиге, в пересечении и игнорировании границ. Представления об избытке жизненных сил, которые кипят и пенятся, переливаясь через край, (вспомним слова М. Цветаевой: *«Пастернак: растрата»* [3, с. 264]) у Пастернака устойчиво ассоциируются с дождем, разливом, световым ливнем. Сам мир кажется пролившимся на нас с облаков, как благодатный дождь, напитавший наши души «алмазным хмелем».

Лейтмотив «Сестры моей – жизни» – празднование бытия, упоение жизнью, отношение к ней как к пиру, на который призван человек. Это книга о великолепии жизни, наслаждении ее бесчисленными дарами. Метафора «жизнь-пир» восходит к античной традиции и появляется у Пастернака уже в ст. «Пиршество» (1913). В «Сестре моей – жизни» она утрачивает налет меланхолии, приобретает просветленно-романтическую окрашенность: *«Я жизнь, как Лермонтова дрожь, // Как губы в вермут, окунал»* [1, Т. 1, с. 110].

Наслаждение поэта жизнью сродни экстатическому опьянению души, взволнованно отзывающейся на зов счастья. *«Это возможно при радости, получаемой от жизни в самом ее теченьи... Радость есть высший дар, радость – выражение свободы и преддверье бессмертия»* [1, Т. 4, с. 687–688]. И здесь нельзя не отметить, что в изображении жизни как праздника Пастернак продолжает традицию А.С. Пушкина. «Жизнь – праздник» – ключевая для Пушкина метафора, которая встречается у него неоднократно. Уподобление жизни празднику позволяет поэту, с одной стороны, показать яркость жизни, полноту ее проявления, наслаждение ее мгновениями. С другой стороны, праздник, пир – событие в обыденном представлении кратковременное, не вечное, преходящее, поэтому в содержание метафоры «жизнь – праздник» входит и представление о кратковременности жизни, ее текучести.

Неизбитое название книги Пастернака «Сестра моя – жизнь» раскрывает замысел сборника. Это книга о жизни, о великолепии жизни, представленной бесконечным многообразием предметов, явлений природы, культуры, быта, отвлеченных понятий. Все это – проявление жизни, и поэтому все вещи – даже самые неподходящие – прекрасны. И все взаимопроницаемы. Отсюда метафоричность и многопредметность поэтики раннего Пастернака. На

прикладі даного збірника ми спробували показати, як за допомогою концептуальних метафор створюється художественний концепт, які мовні засоби при цьому використовував поет, які традиції були продовжені і яка новизна цих метафор. Життя моделюється, з однієї сторони, авторською концептуальною метафорою «життя – сестра», а з іншої сторони, включає пушкінське розуміння життя як свята (метафора «життя – пир») і давню поетичну метафору «життя – сад». У розвитку цих метафор з'являються і інші, не біномінативні (глагольні) метафори, які роблять живими всі явища природи, що відповідає основній авторській метафорі «сестра – життя».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пастернак, Б.Л.* Збірник творів : в 5 т. / Б.Л. Пастернак. – М., 1989–1992.
2. *Синявський, А.* Поетика Бориса Пастернака // А. Синявський. Літературний процес в Росії. – М., 2003.
3. *Цветаєва, М.* Про мистецтво / М. Цветаєва. – М., 1991.
4. *LinguoThesaurus* (електронний ресурс www.Lingvo.ru).

Р.А. Трифонов (Харків, Україна)

ПРО РОЛЬ МЕТАМОВНОЇ РЕФЛЕКСІЇ У ВЕРБАЛІЗАЦІЇ КОНЦЕПТУ ЛЮБОВ (на матеріалі сучасної української есеїстики)

Концепт ЛЮБОВ як один із ключових фрагментів картини світу не міг не опинитись у фокусі антропоцентричних лінгвістичних студій, зокрема, на матеріалі слов'янських лінгвокультур (А. Вежицька, С. Воркачов, В. Колесов, В. Кононенко, В. Маслова, С. Мартінек та інші). У моєму дослідженні предметом уваги є вербалізація зазначеного концепту в есеїстичному дискурсі. Нещодавно видано збірку з 25 текстами під назвою «100 тисяч слів про любов, включаючи вигук» (Харків: Фоліо, 2008. – 251 с.). Її авторами стали провідні українські письменники, дуже різні за способом висловитися, за типом мовної особистості. Для аналізу з цієї книжки взято твори українською мовою, належні до жанру есе.

З'ясовуючи особливості вербалізації концепту ЛЮБОВ, варто звернути увагу, що в деяких авторів дуже важливе значення мають метамовні засоби. Розмова про любов подекуди не може обійтись без розмови про слова, якими про цю любов говорять. Так реалізується рефлексивність мови – як семіотична універсалія – в метамовній функції (Н. Мечковська). Такі метамовні засоби заслуговують на особливу увагу.

1. У досліджуваних текстах спостерігаємо пряму рефлексію над семантичним обсягом імені концепту, над референційними зонами, які воно

покриває, і над самою можливістю адекватної референції: *«Я навіть не уявляю, як могло з'явитися настільки порожнє і водночас таке універсальне поняття, хто міг доплунути аж до такої крайньої точки абстракції...»* (с. 17); *«Сьогодні разом зі свободою любов складає ідеальну пару найабстрактніших величин»* (с. 34). Така референційна, сказати б, надзвичайність із дуже високою мірою абстракції спричиняє в постмодерністському дискурсі парадоксальні вислови: *«...Вичищення слова “любов” з усіх лексиконів усіх мов або заміна його будь-яким іншим словом... ніяк не вплине ані на літературу, ані на філософію, ані на життя. Якщо воно, життя, після такої цензури ще існуватиме»* (с. 126).

Дотичною до сказаного вище є й потреба есеїстів висловитися про неможливість дібрати слова: *«Вони [любов і смерть] занадто реальні, щоб дати їм назву, означити межі, котрі б вмістили в собі весь огром їхньої ж таїни»* (с. 162). Про це йдеться в авторів різних генерацій, із різним лексиконом, у жінок і чоловіків – їхні метамовні (і метатекстові) коментарі об'єднані семою 'неможливість': *«Любов – це графоманія, нестримне бажання окреслити неокреслюване... Їй потрібна інша мова. Мені ця мова недоступна. Чи не тому я ніколи не писав про любов?»* (с. 37); *«Люди – це пластилінові чубзіки, їхній пластилін – це слова; люди говорять, співставляють, описують і думають. Вони вбивають одне одного. Через конфлікт версій і розбіжність описових систем»* (с. 190) – і далі: *«Є тільки Любов... І ти ніколи не зможеш описати це словами, бо, на щастя, не все в цьому світі вигадане людьми»* (с. 200).

Для декотрих авторів, як мені здається, адекватно (на їхню думку) побудувати есе без рефлексії, описаної в цьому пункті, неможливо.

2. Ключовим в україномовній есеїстичній рефлексії є розрізнення любов / кохання. Метамовні згадки про наявність такого розрізнення в українській мові, як і про нюансування поняття в деяких інших, зустрічаються в кількох зовсім різних авторів. Констатація може стати аргументом на користь певної винятковості національної картини світу: *«Адже не всі народи на Землі розрізняють ці два, здавалося б, такі схожі “терміни”. А нас переповнювало так, що одного слова нам виявилось замало»* (с. 88). Можливі й менш захоплені, безоцінні або й трохи іронічні контексти, у яких експліковано зазначене розрізнення. Важливим є також індивідуальне осмислення, а не лише фіксація факту загальномовної картини світу: *«Нібито аж так усе настільки банально, що раптом для самого себе хочеться відповісти на елементарні питання. Чи можна водночас “любити” і “кохати” певну людину?.. Я перестаю вловлювати нюанси, коли йдеться про “любов” і “кохання”»* (с. 36). Одним із осердь рефлексії над любов'ю стає також відомий перелік імен любові в грецькій мові (*ерос, філія, агапе...*). Усе це метамовно експліковане нюансування дозволяє есеїстові наголосити: *«Насправді в житті все залежить не від кольорів, а від відтінків»* (с. 201).

3. Сліди попередніх уживань, залишені на слові любов, змушують до спеціального осмислення у власному тексті: *«Будь-чиє міркування про любов*

не може комусь одного разу не видатися банальністю... Здається, про неї вже неможливо говорити, не вживаючи чужих цитат» (с. 37). Через такі сліди автори часто мають потребу в ході творення тексту про любов вербалізувати власні труднощі, з цим творенням пов'язані. Крім того, унаслідок наявності цих слідів певні мовні засоби викликають опір, негативну оцінку. Це, зокрема, поетизми: *«Ще сміхотворніше плести про щось на кшталт “прекрасної тайни”, “містичної казки” чи “незбагненого плоду печалі та розлуки”»* (с. 18); *«Любов – затерта поетизмами монета, на якій уже не видно номіналу»* (с. 37). Ідеться і про необхідність заперечувати пафосність потрібних есеїстові прецедентних висловів: *«Ось так – просто, і ясно, і жодного тобі пафосу»*, – супроводжує авторка процитовані відомі слова апостола Павла (с. 106).

Заміною спрофанованих поетизмів є індивідуальний слововжиток, як-от метафора, зумовлена несподіваним розвитком міжмовної омонімії; болгарське слово *грижа* (турбота, піклування) зі статті про любов цією мовою дає підстави для рефлексії над українським омографом: *«Любов – грижа, наріст, випуклість на людині. Те, що випирає з неї, те, що потім змушений носити з собою все життя... Неоперабельна грижа»* (с. 31). Так формується авторська метафоризація – виклик загальновживаній.

У цих тезах подано далеко не повний спектр метамови любові, але вони є спробою показати, що варто цілеспрямовано з'ясовувати співвіднесення метамовних засобів із вербалізацією конкретних концептів. Це дозволить глибше вивчати культурно-когнітивні феномени.

А.Н. Федоринчик (Минск, Беларусь)

КОНЦЕПТ СЧАСТЬЕ В ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА Б. ПАСТЕРНАКА

Поэтическая картина мира в значительной степени субъективна и несет в себе черты языковой личности ее создателя. Это образ мира, сконструированный сквозь призму сознания и языка поэта. Поэтические тексты Б. Пастернака, являясь репрезентацией поэтической картины мира, связаны с концептуальной и языковой картиной мира.

Одним из актуальных подходов к анализу поэтической картины мира Б. Пастернака является рассмотрение концептуальной картины мира писателя. Изучение концептуальной картины мира Б. Пастернака невозможно представить без анализа термина «концепт» и исследования ключевых концептов в его поэтическом творчестве.

Сейчас в научной литературе рассматриваются различные подходы к пониманию термина «концепт». Концепт трактуется не только как абстрактная сущность, формальное представление которой отвлечено от

автора высказывания и его адресата, но и как ментальная сущность. Еще Гумбольдт понимал язык как «мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [1, с. 13].

А. Вежбицка рассматривает термин «концепт» как объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий определенные культурно обусловленные представления человека о мире «Действительность». Сама же действительность дана человеку в мышлении именно через язык, а не непосредственно [2, с. 31].

Концепт содержит коммуникативно-значимую информацию, отражающую языковой и культурный опыт отдельной личности, языкового коллектива и нации в целом, что позволяет выявить особенности поэтической картины мира писателя. Более того, концепты выполняют роль каркасов, определяющих общие принципы построения авторского мировидения и миропонимания. Это комплекс представлений, понятий, волевых проявлений, чувств, эмоций, возникающих на основе художественных ассоциаций. Рассмотрим это на примере концепта *счастье* в поэтической картине мира Б. Пастернака.

Концепт *счастье* представляет собой один из важнейших элементов концептосферы русского языка и в творчестве Б. Пастернака приобретает максимальную семантическую многоплановость. В поэтических произведениях Б. Пастернака концепт *счастье* реализуется как в традиционном для русской культуры значении, так и в индивидуально – авторском. Так, в поэтическом цикле «Поверх барьеров» названный концепт вынесен в заглавие стихотворения (сильная позиция текста). Счастье представляется бурным потоком чувств, способным вызвать страдания, встревожить ум и сердце: «Исчерпан весь ливень вечерний / Садами. И вывод – таков: / Нас счастье тому же подвергнет / Терзанью, как сонм облаков» («Счастье») – автор говорит о взаимосвязи и взаимообусловленности счастья и боли в жизни человека.

Особый интерес вызывают контексты сравнения счастья с событиями внешнего мира: «Наверное, бурное счастье / С лица и на вид таково, / Как улиц по смыву ненастья / Столичное торжество» («Счастье») – счастье понимается Б. Пастернаком как своеобразное обновление и очищение жизни, ощущение праздника.

В поэтических текстах «Сестры моей – жизни» концепт *счастье* ассоциируется с оживлением природы, преображением окружающего мира: «Лужи на камне. Как полное слёз / Горло – глубокие розы, в жгучих / Влажных алмазах. Мокрый нахлест / Счастья – на них, на ресницах, на тучах» («Весенний дождь»).

В ходе изучения поэтической картины мира Б. Пастернака выясняется, что концепт *счастье* «переплетается» не только с концептом *жизнь*, но и с концептом *любовь*. Так, в стихотворении «Имелось» лексема счастье предстает как знак любви: «Есть марки счастья. Есть слова / Vin gai, vin triste, – но верь мне, / Что кислица – травой трава, / А рислинг – пыльный термин». Кроме того, счастье – это свет любви: «Казалось, не люблю, –

молюсь / И не целую, – мимо / Не век, не час плывёт моллюск, / Свеченьем счастья тмимый» («Имелось»). В поэтических текстах

Б. Пастернака присутствуют концепты, содержащие одновременно семантику счастья и любви: *«Как музыка: века в слезах, / А песнь не смеет плакать, / Тряслась, не прорываясь в ах! – / Коралловая мякоть» («Имелось»).*

В «Стихах разных лет» концепт *счастье* приобретает новый смысл: слово, содержащее комплекс значений (*«В горящий мозг / Вошли слова: любовь, несчастье, счастье, / Судьба, событие, похождение, рок, / Случайность, фарс и фальшь. – Вошли и вышли. / По выходе никто б их не узнал, / Как девушек, остриженных машинкой / И пощаженных тифом. Он решил. / Что этих слов никто не понимает» («Белые стихи»)*) – автор показывает взаимосвязь счастья с разнообразными проявлениями жизни.

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что концепт *счастье* в поэтической картине мира Б. Пастернака приобретает особую значимость. Концепт *счастье* участвует в создании индивидуального стиля писателя, позволяет раскрыть авторский замысел, способствует обогащению концептосферы Б. Пастернака.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рамшвили, Г.В.* Вильгельм фон Гумбольдт – основоположник теоретического языкознания // В. Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – С. 5–13.
2. *Фрумкина, Р.М.* Концепт, категория, прототип / Р.М. Фрумкина // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика : сб. обзоров / Ин-т науч. информ. по обществ. наукам ; редкол. : А.М. Кузнецов (отв. ред.) [и др.]. – М., 1992. – С. 28–43.

Н.С. Федотова (Астрахань, Россия)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА «ГАРАНТИЯ» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ

Концепт «гарантия», являясь сложным ментальным образованием, играет важную роль в системе взаимных обязательств в деловом англоязычном общении. Понимание этого концепта и знание типичных условий его дискурсивного существования представляется важным для осуществления межкультурной коммуникации.

Фреймовое моделирование показало, что в английской лингвокультуре концепт «гарантия» представлен следующими конститутивными признаками:

- 1) процесс взаимодействия, который выражается через понятие «гарантировать»: *assure, provide security*;
- 2) форма этого процесса, которая может быть выражена понятием «обеспечение условий взаимодействия»: *assume responsibility*, которое включает в себя: *pay another's debt, obligation, perform in a specified way*;
- 3) мотивированность этого процесса, выражаемая стремлением к получению выгоды: *reimbursement*;
- 4) цель взаимодействия, выражаемая через понятия «делка», «договор», «соглашение»: *agreement, contract, sale*;
- 5) место взаимодействия, выражаемое через понятие «место заключения договора»: (в определениях словарей отсутствует);
- 6) первый участник ситуации (гарант) и его функция («давать гарантию, ручаться») либо «быть гарантом»: *manufacturer, seller, guarantor, give security, undertake, pay another's debt, render certain*;
- 7) второй участник (бенефициар) и его функция («быть лицом, которому дается гарантия»): *insured, creditor, consumer, recourse against, can claim*;
- 8) предмет взаимодействия, выражаемый через понятие «благо»: *product or service, quality, worth or durability, property*;
- 9) характеристика предмета взаимодействия, которая понятийно заключается в «наличии качества» либо «состоянии присутствия в наличии», что, в свою очередь, может выражаться через понятийную оппозицию «наличие-потеря качества» либо «присутствие-отсутствие в наличии»: *insurance risk, being free from defective workmanship, default, possession or enjoyment of something, miscarriage, be as represented or will be as promised, loss, damage*;
- 10) средство взаимодействия, понимаемое как «устно или письменно выраженное согласие гаранта принять на себя обязательства по обеспечению в течение определенного срока сохранности качества блага, ценного для бенефициара»: *especially one given in writing, express or declare with conviction, a usually written guarantee, pledge or formal promise, document indicating ownership or creditorship; a stock certificate, formal engagement, solemn binding promise, contract, one's word of honor*;
- 11) функция средства в этом взаимодействии, выражаемая как «регулирование отношений гаранта и бенефициара на определенный срок»: *official authorization, sanction, justification or valid grounds, formal engagement, contract*;
- 12) результат взаимодействия, понимаемый как «соглашение»: *agreement*;
- 13) сфера взаимовыгодного взаимодействия, ограниченная областью социальных и деловых отношений: *sale, insurance*.

На основе вышеизложенного можно прийти к следующим заключениям.

1. Базовыми вершинами фрейма «гарантия» являются: специфическое вербальное взаимодействие в особой форме; минимально два участника действия; мотивированность взаимодействия; предмет, средство, цель и результат взаимодействия; набор условий данного взаимодействия.

2. Анализ словарных дефиниций лексем английского языка, репрезентирующих концепт, позволяет дополнительно выстроить фрейм «гарантия» и выявить специфику его понятийного наполнения в английской лингвокультуре.

3. Приведенный анализ дефиниций показывает, что концепт «гарантия» обладает достаточно высокой семантической плотностью и тем самым занимает важное место в англоязычной ценностной картине мира.

4. Оценочный потенциал концепта «гарантия» сводится к следующим моментам:

- существует некое символическое благо, представляющее большую ценность для его обладателя;
- существует нечто отрицательное, представляющее реальную или предполагаемую угрозу для обладания символическим благом;
- существует некоторое условие, по которому обладание символическим благом может быть восстановлено или возмещено в случае наступления момента реализации этой угрозы;
- существование данного условия наделяет обладателя символического блага чувством уверенности и стабильности.

Таким образом, выделение ценностного потенциала в семантике концепта «гарантия» позволяет судить о положительной оценке по отношению к данному фрагменту действительности в сознании человека. Об ассоциативной взаимосвязи концепта «гарантия» с чувством уверенности свидетельствует одно из возможных именовании данного концепта в английском языке – «surety». Основанием и объяснением для возникновения данной эмоционально-оценочной ассоциации концепта «гарантия» с чувством уверенности может послужить внутренняя форма его понятийного компонента, т.е. этимологическое значение слова *guarantee*. Данное слово является производным от глагола германского происхождения *garir, guarir (to protect, preserve from)*. Положительная оценка в структуре концепта «гарантия» строится на признаке «защита от чего-либо негативного, что могло бы повлечь за собой порчу или лишение некоего символического блага». Анализ текстов гарантий показал, что этот признак также находит свое воплощение на языковом уровне англоязычного делового дискурса, а именно: сема «защита от чего-либо» выражена в этих текстах в употреблении частично отрицательной структуры предложений:

*This Samsung product is warranted for the period of ... from the original purchase **against** defective materials and workmanship.*

*If a customer has an extremely time-sensitive shipment, the loss or delay of which may result in consequential damages, the customer must contact their own insurance agent or broker to insure **against** such risks, as DHL does not assume such liabilities.*

М.М. Шарлай (Дрезден, Германия)

ОРУДИЕ И ПЛОД. МОДЕЛИРУЮЩАЯ РОЛЬ МЕТАФОРЫ В ЯЗЫКОВОМ ДИСКУРСЕ

С точки зрения семиотики культурно-языковое пространство представляет собой семиосферу – континуум, образованный центральными и периферийными кодами. Каждый из выделенных кодов развивает определенные стратегии для утверждения своих ценностей; реализует он их (в зависимости от семиотической локализации) посредством различных орудий. Особенно на географически периферийном и испытывавшем влияние разных культур пространстве усиливаются семиотические процессы. С одной стороны, здесь происходит монологизация культуры, превращение ее в текст-монумент, с другой – учащаются попытки выйти за рамки малого. В современную эпоху, когда меняются политические и культурные парадигмы и происходит переоценка ценностей, наблюдается желание «взрыва», как в прямом смысле (террористические акты), так и в переносном. Метафорический взрыв культурной сферы возможен в том числе и в языке, и в литературе, ведь именно две эти составляющие являются как плодом, так и орудием, т.е. результатом и медиумом культуры. Привлечь внимание общественности помогает культуре семиотическая гипербола, т.е. яркие символы-образы и метафоры.

Метафора венчает литературно-художественный процесс. Неизбежна она и в науке. Примером тому – те же (в метаязыковом плане) насквозь метафорические модели семиотики. О роли метафоры как в практическом, так и в творческом мышлении свидетельствует разворачивание ее к целой дисциплине, известной под названием метафорологии Блуменберга.

На первый взгляд, метафора – плод быта, науки и культуры. Она же – орудие, согласующееся с экспрессивно-эмоциональной функцией практической речи. Однако более важен другой ее источник: метафора отвечает когнитивной способности человека создавать сходство между разными объектами действительности. Давая толчок как научному поиску, так и семантическому процессу речевой практики, она сама является своего рода лабораторией, где сводятся в одно дискурсивные и метадискурсивные линии языка, культуры и самосознания определенной семиосферы. В этом смысле метафора соответствует символическим формам Э. Кассирера. Символика, которую мы находим в языке, является, по Кассиреру, своего рода «энергией духа», открывающей исследователю доступ к сознанию или же, словами Я. и А. Ассманн, к культурной памяти определенного народа. Рассматривая совместно языковое и мифологическое мышление, Кассирер противопоставляет метафорическое (по своей природе интенсивное) освоение мира дискурсивному (экстенсивному) мышлению. Таким образом утверждается направленность метафоры, сводящая концепт в единый фокус. Данная

внедренность метафоры в индивидуальное и коллективное мышление влечет за собой необходимость обращать особое внимание на моделирующую роль метафоры в различных дискурсах (М. Джонсон и Дж. Лакофф).

Убедиться в том, что метафора не только формирует представление об объекте, но и предопределяет способ и стиль мышления о нем, нам помогут метаязыковые и метафорические рефлексии конкретного дискурса. Примером нам послужит национально-культурный дискурс Беларуси как одной из семиосфер, контуры которых еще до конца не очертаны. На *tabula rasa* до сих пор еще не укрепившейся идентичности она стремится написать («взрывоопасный» и привлекающий к себе внимание) собственный текст.

К каким орудиям-средствам и стратегиям она прибегает? Как проявляется культурная специфика в семиотическом тексте «метафора» в Беларуси? Какие плоды несет метаязыковой дискурс? Прежде всего заметим, что сам язык в Беларуси выступал на протяжении своей истории, осциллирующей между западным и восточным славянским ареалом, орудием борьбы и политических манипуляций «сверху». «Снизу» он также формировался как символ борьбы и основной компонент национально-культурной памяти и идентичности белорусов. С одной стороны, он явился в определенном смысле продуктом лингвистов¹, с другой стороны, сложившаяся языковая ситуация, которая характеризуется двойственностью 1) в речевом поведении (неравное распределение в употреблении русского и белорусского языка), 2) в практической речи белорусов (нормированный язык и трасянка), 3) в орфографическом узусе (тарашкевица и наркомовка) и 4) в графическом плане, является продуктом различных языковых политик, проводившихся на территории Беларуси. Двойственность самоопределения аналогична философским категориям дуальности человеческого мышления. Расколотое сознание соответствует общим противоречиям модернизма глобализации и упомянутым выше бинарным культурным моделям. В литературе она перерабатывается в числовых метафорах, а также в географических метафорах раздорожья и распятия; биологические концепты скрещивания тоже имеют здесь место быть. Нередко наблюдается переход числа два в ноль, в не-бытие, бездомность и отсутствие всего белорусского².

Ассоциация всего белорусского с социальным аутсайдерством сопровождается панегириком, воспеванием белорусского языка как средства, сыгравшего ведущую роль в формировании собственной нации. Таким образом, посредством метафоры и метафорических моделей моделируется дискурс о языке, а вместе с тем и национально-культурные концепты, передавая в диахронном ракурсе информацию по семиотическим каналам культурной памяти, и само сознание-текст белорусов.

---

¹ Имеется в виду кодификация и нормы белорусского языка, регламентирующиеся лингвистами и/или реализаторами языковой политики. Это касается как грамматики Б. Тарашкевича, так и наркомовки, а также орфографического спора последних лет.

² Примеры ключевых метафор в белорусском дискурсе будут представлены в докладе на конференции.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В КОДИФИЦИРОВАННОМ ЯЗЫКЕ И ЯЗЫКЕ “ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ”. ДИАЛЕКТЫ КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОГО “ДУХА” ЯЗЫКА

Е.А. Акуленко (Минск, Беларусь)

РУССКИЕ СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ГОВОРЫ В ИНОЯЗЫЧНОМ ОКРУЖЕНИИ: УСТОЙЧИВОСТЬ И ИЗМЕНЧИВОСТЬ

География русских старообрядческих поселений за рубежом достаточно широка: общины староверов отмечены в Беларуси, Украине, Молдавии, Литве, Латвии, Эстонии, Грузии, Армении, Азербайджане, Казахстане, Польше, Болгарии, Румынии, Турции, Германии, Франции, США, Канаде, странах Латинской Америки, Монголии, Австралии.

Исследователи подчеркивают, что, находясь длительное время (более 300 лет) в инокультурном и иноязычном окружении, подавляющее большинство старообрядцев не ассимилировали и продолжают сохранять самобытность (исключение составляют старообрядцы в Эри (Пенсильвания, США), которые не говорят на русском языке, службы ведутся на английском языке [1]). Феномен сохранения староверами русских патриархальных обычаев, обрядов, привычек, традиций во многом объясняется строгостью их религиозных и бытовых канонов, в основе которых отказ от всего нового, чуждого.

Исследователи отмечают длительную устойчивость многих переселенческих старообрядческих говоров к влиянию иноязычного окружения, чему способствует обособленность проживания староверов на чужих территориях, запрет на неродственные браки, ограниченные контакты с местным населением, поскольку большинство старообрядцев ведут натуральное хозяйство, самостоятельно производя необходимые продукты питания. Часто носители островных русских говоров оказываются в дополнительной языковой изоляции – отсутствии воздействия современного русского литературного языка, что также способствует сохранности их исконной диалектной лексики. Так, по результатам нашего исследования, в русских старообрядческих говорах Жлобинского района Гомельской области наиболее многочисленной среди наименований одежды оказалась группа русских диалектных лексем. Например, *боры* ‘сборки, складки в одежде’, *душатка* ‘короткая тёплая верхняя одежда’, *голицы* ‘кожаные рукавицы’, *гашиник* ‘пояс для брюк’, *гантай* ‘шнурок для нательного крестика’, *напередник* ‘фартук без нагрудной части’, *ушники* ‘серьги’ (материалы картотеки кафедры русского языка филологического факультета БГУ).

Помимо диалектной, старообрядцами активно используется лексика, ставшая в современном русском литературном языке устаревшей или малоупотребительной. Например, *оплечье* ‘часть одежды, покрывающая

плечи', *подоплёка* в значении 'подкладка у мужских рубаш от плеч и до половины груди и спины', *плат* 'платок' в словаре жлобинских староверов. В старообрядческих деревнях Жлобинского района до сих пор используется специальная погребальная одежда – *саван* или *сащи*. Шьют ее в виде мешка с капюшоном из двух полотнищ белой ткани и надевают на покойника поверх домашнего платья.

При этом неизбежные изменения в лексическом составе рассматриваемых говоров находятся в зависимости от «степени языкового родства переселенцев и местных жителей, от характера отношений между ними, от продолжительности пребывания пришельцев на иноязычной территории» [3, с. 5]. Так, общение с носителями иных языковых и культурных систем приводит к появлению в речи старообрядцев слов-этнографизмов (*андарак* 'домотканая полосатая юбка из шерсти' у русских жителей Жлобинщины; *кёрта* 'густой суп' в речи староверов Эстонии [2] и др.). Следствием иноязычного влияния является возникновение в русских старообрядческих говорах слов-дублетов (исконного и иноязычного): например, *юбка* и бел. *сподница*, *платье* и бел. *сукенка*, *кружево* и бел. *корунки*, *шарф* и бел. *шалик* в жлобинских русских говорах; *поветка* и литов. *пашура* 'сарай или навес для хранения кормов, инвентаря' в речи староверов каунасского района Литвы [4]. При языковой близости старообрядцев и местного населения иноязычное влияние разнообразнее в своих проявлениях. Так, помимо указанных выше типов изменений в словарном составе переселенческих говоров может быть усвоена иноязычная семантика слова при общем звуковом комплексе. Например, семантический объём наименования *шлейка* в речи жлобинских староверов совпадает со значениями этого слова в белорусском языке: 'лента или полоска ткани, перекинута через плечо, которая поддерживает юбку, сорочку и т.д.', 'подтяжки'. В русском языке данное наименование имеет иную семантику. В некоторых случаях наблюдается заимствование морфемной структуры однокоренного равнозначного слова. Примером могут служить существительные с префиксоидом *пол-* в речи жлобинских старообрядцев *полшубок*, *полпальто*, возникшие, вероятно, под влиянием белорусских *паўкажушак*, *паўпаліто* (ср. рус. лит. *полушубок*, *полупальто*). Иноязычное воздействие может проявляться в акцентуации слова: ср. русское жлобинское *валёнки*, русское литературное *валенки*, белорусское *валёнкi*.

Стремление старообрядцев строго следовать обычаям и традициям предков способствует устойчивости переселенческих говоров, а степень изменчивости рассматриваемых диалектов обусловлена как экстра-, так и интралингвистическими факторами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кононова, М. Русская старообрядческая диаспора в странах дальнего зарубежья: генезис, формирование и современное положение / М. Кононова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.archipelag.ru>. – Дата доступа : 23.05.2009.

2. Кюльмоя, И.П. О современном состоянии русских старообрядческих говоров Западного Причудья / И.П. Кюльмоя, О.Г. Ровнова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.russian.slavica.org/article/3667.html>. – Дата доступа : 18. 05.2009.
3. Манаенкова, А.Ф. Лексика русских говоров Белоруссии / А.Ф. Манаенкова. – Минск, 1973. – 184 с.
4. Синочкина, Б. Речь как зеркало самоидентификации (староверы Литвы о себе) / Б. Синочкина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.filologia.vukhf.lt>. – Дата доступа : 29.04.2009.

А.Б. Бушев (Тверь, Россия)

АКТУАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

В нашей работе нами обсуждается мифологизация идей при помощи метафор, продемонстрированная А.Ф. Лосевым в работе «Диалектика мифа». Нами показано, что метафоры поэта и политика принципиально разнятся, поскольку разнится тип дискурса (функциональный стиль), разная языковая личности адресанта и адресата, разные цели, разные смыслы, наличествует или отсутствует фактор массового адресата, налицо разная языковая личность политика и художника. Многие (едва ли не все) метафоры политики банальны, стереотипны. Притчами говорил и Христос. Какова особенность политических и гражданских метафор? Почему эти метафоры так легко номинировать (Дж. Лакофф)?! Все вышесказанное приводит к разделению метафоризации и актуализации (не всякая метафора значима). Основанием в славистике являются труды пражцев, вообще функциональной формальной стилистики.

Так, например, фразеологизмы могут выступать как актуализации комического. Фразеологизмы есть в широком смысле слова метафоризации, весьма неожиданные, культуроспецифические, актуализирующие новые смыслы. Такова их функция в дискурсе. Смыслы, актуализирующие комическую оценочность, представлены в следующей дробе текста (лексические корреляты – метафоризированные фраземы):

Нестандартны метафоризации, актуализирующие смысл «комическое», оценочность:

*На М. Горбачева обрушились потоки жесткой критики, «партократы» уже **чувствовали запах приближающегося пожара**, дали волю своему раздражению... Но когда вконец измотанный Горбачев поставил вопрос о своей отставке с поста Генерального секретаря, члены ЦК дрогнули, испугались своей «смелости», и стали даже просить Горбачева **остаться на капитанском мостике**. Именно на этом Пленуме была потеряна последняя возможность **сбросить с ног изношенные в конце горбачевские лапти** и попробовать пойти, как встарь, босыми ногами по росистой траве. Но сил уже не было... мало кто заметил, что на Пленуме забыли, что*

собрались для того, чтобы наметить пути развития страны. Наступал маразм.

Без труда выделив в вышеприведенном отрывке фразеологизмы и вообще метафоризированные фраземы, исследователь теории текста не может не отметить их функцию **актуализации определенных смыслов комичной оценочности**. Продемонстрированные примеры свидетельствуют о концентрированной трактовке в метафоризированном образе демонстрируемого смысла, особом приеме пробуждения рефлексии – актуализации.

Напоследок подробнее остановимся на таком конституенте современного политического дискурса, как **аксиологическая лексика**. Исследования вербальных путей представления стереотипов смыкается с исследованиями интеллектуально-информативной и прагматической функции языка, исследованиями выражения в языке информации второго рода – проявлениями эмотивной, волюнтативной, апеллятивной, контакто-устанавливающей и эстетической функций языка с выражением субъективного отношения говорящего к предмету высказывания, собеседнику и ситуации общения. Мы не только называем понятие (денотативное значение), но и «второй части сообщения, связанной с условиями и участниками общения, соответствует коннотация, куда входят эмоциональный, оценочный, экспрессивный и стилистический компоненты значения» [1, с. 154]. Характерна и **семантическая иррадиация**: присутствие хотя бы одного эмоционального слова придает эмоциональность всему высказыванию. Оценочная лексика характерна для описания общественной жизни и политических событий и нередко использует разные виды переносных значений, в то время как прямые значения нейтральны.

В качестве актуализации может выступать сниженность языка. Характерно, что на арготизированном языке заговорил новый кинематограф: *базар, крутой мочилово, брателло, грохнул*. Важна только уместность такого языкового знака.

Характерный молодежный сленг большинством слушателей воспринимается как оригинальное стилистическое явление: *стебаться, приколист, зажигать, колбаситься, препод, гасилово, стипуха*. Как разговаривать с представителями финансовых структур, М. Арбатову однажды инструктировал один генерал: *«Когда пойдешь разговаривать с крутыми, объясняй им так: «За вами – синие, за нами – спецура. Вы – в семье, мы – в семье. Ну зачем двум семьям ссориться из-за какой-то депутатской корочки? Я ни слова не поняла, но стонала от удовольствия».*

В современном повседневном языке россиян характерны широкое заимствование элементов рекламы, слоганов, политического новояза. Возрастает личностное начало в речи, активнее взаимодействуют книжная и разговорная речь, наличествует языковая игра («*Любишь кататься – катайся на фиг*»), юмор (о серьезных вещах говорим с улыбкой), карнавализация, при этом не экономится понимание (из подтекста игру необходимо понимать), наличествуют элементы коллективного языкового сознания (презентемы,

логоэпистемы, лингвокультураны, фигуры знания, интертексты). Вот как шутит современный русский язык: *Деньги не пахнут, потому что их отмывают*.

Для сегодняшнего состояния языка, вырвавшегося из-под спуда запретов и нормирования, характерным оказалось жонглирование прецедентными текстами (логоэпистемами), карнавализация, творческое начало. Творческое начало проявляется в создании иронических неологизмов: *катастройка, лжурналист, попу-лизатор, прихватизация, Садовное кольцо, мэриози, карга*. Характерна снисходительность языка к чужим словам, перестраиваемым при помощи норм родного языка: *видик, сидюшник, бмвушка, Емеля*. Лингвоцентризм присущ даже жаргону как отражение рефлексии над языком; лингвокреативность присуща даже неологизмам: *аська, батоны, винды, варез, винт, доска, ламер, юзер, мать, масгдай (mustdie), оффтопик, пень, писюк, прокси, рулез, сидюк*.

Политическая риторика тоже играет с прецедентными текстами массовой культуры – появляются фразы, делающие запоминающимися выступления первых лиц России, ярких публичных карнавальных политиков. Грубость на отечественном телевидении («У кого нет миллиарда – пусть идет в ж***. Ну все, главное слово прозвучало»), запоминающимися фразы (*лягу на рельсы; нАчать, процесс пошел, раздрай, мочить в сортире, жевать сопли*) можно также рассматривать как стремление к актуализации. Сюда же стоит относить и более сложные речевые фигуры. Так, лидер политической партии, тоскующей о былом, демонстрирует следующий каламбур (*руп*): «Раньше и жаловаться можно было – РАЙком, а теперь АДминистрация».

При этом в связи со смыслом комического привлекают внимание **языковые средства оценки**. Оценка вершится не только и не сколько в речевых актах прямой оценки («*Это негодяй*»). Или, например, в лекциях по литературе В.В. Набокова даны прямые и косвенные пристрастные оценки (ср. об Элиоте: «*Это мошенник даже худший, чем смешной Томас Манн*»).

Разработка теории актуализации, начатая в филологии русскими формалистами и пражцами, должна быть продолжена. Актуализация, изучаемая первоначально в художественном дискурсе, характерна и как средство выражения оценки в иных, нехудожественных видах дискурса с художественной установкой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык / И.В. Арнольд. – М., 2002.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ
МОДАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ ВОЗМОЖНОСТИ
В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»
И В ЕГО АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ
(К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКЕ
ЯЗЫКОВОЙ НОМИНАЦИИ)¹

Одной из актуальных задач современной лингвистики является, как известно, «выявление различного видения действительности, свойственного тому или иному языку (национальной языковой картины мира), языковой личности (индивидуальной картины мира, в том числе индивидуально-авторской картины мира в процессе анализа текста определенной стилевой принадлежности)» [1, с. 10]. Поскольку стандарты эксплицитности различны в разных языковых сообществах, правомерно рассматривать степень вербализации той или иной информации как один из важных параметров дифференциации культур.

Предметом рассмотрения в данном докладе является вопрос о степени адекватности представления русских глаголов изъявительного наклонения, способных имплицитно актуализировать модальную семантику возможности в оригинальном тексте романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» в тексте его английского перевода.

Показательно, что в 60% примеров от общего числа случаев имплицитной реализации модальной семантики возможности русскими глаголами изъявительного наклонения в английском переводе при глаголе используются семь лексических модальных модификаторов, репрезентирующих указанную семантику эксплицитно:

1) доминанта английского микрополя возможности глагол *can* («мочь; быть в состоянии; уметь, быть способным; иметь возможность; иметь право, разрешение что-л. сделать» [3]). «“Я (Долли. – С.В., И.О.), – думала она, – *не привлекала* к себе Стиву; он ушел от меня к другим <...>”» [2, с. 629] – «“*I could not attract* (= не могла привлекать) Steve”, she thought “he left me for others <...>”» [4, с. 628];

2) глагольно-именное сочетание *to be able to* («мочь; быть в состоянии» [3]). Ср.: «Во французском театре <...> и потом у татар за шампанским Степан Аркадьич *отдыхался* немножко на собственном ему воздухе» [2, с. 724] – «At the French Theatre <...> and afterwards at the Tartar Restaurant, where he had some champagne, Oblonsky *was able to* some extent *to breathe* (= смог отдышаться) again in an atmosphere congenial to him» [4, с. 722];

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 09-06-001-72-а.

3) несобственно модальный глагол *to manage* («управлять; уметь обращаться; справляться; обходиться; ухитриться, умудриться, суметь сделать что-л.» [3]). Ср.: «Назад Левин поехал через ручей, надеясь, что вода сбыла. И действительно, он *переехал* и испугнул двух уток» [2, с. 160] – «Levin rode back by the way that led across the brook, hoping that the water would have gone down, and he *did manage to ford* (= он сумел переехать) the stream, scaring two ducks in so doing» [4, с. 156];

4) собственно модальный глагол *may* («иметь разрешение, допускаемую возможность» [3]). Ср.: «Положение ее и мучительно для нее и безо всякой выгоды для кого бы то ни было. Она (Анна Каренина. – С.В., И.О.) заслужила его, ты (Каренин. – С.В., И.О.) *скажешь*» [2, с. 710] – «Her situation is tormenting to her and does not benefit anyone. She has deserved it, you *may say* (= можешь сказать). She knows that and does not ask you for anything» [4, с. 712];

5) несобственно модальный глагол *to succeed* («достигать цели, преуспевать; иметь успех» [3]). Ср.: «Ну, да если предположим самое счастливое: дети не будут больше умирать, и я кое-как *воспитаю* их» [2, с. 600] – «Well, supposing the best: that none of the other children die, and that I somehow *succeed in bringing* (= достигну цели, буду иметь успех в воспитании) them up» [4, с. 599];

6) несобственно модальный глагол *to fail* («не сбываться, обманывать ожидания; не удаваться, потерпеть неудачу; не иметь успеха» [3]). Ср.: «<...> Голенищев, очевидно любовавшийся ею, хотел что-нибудь сказать о ней и *не находил* что <...>» [2, с. 459] – «<...> Golenishchev – who obviously admired her – tried but *failed to hit on the right thing* (= не удалось найти нужное слово) to say about her <...>» [4, с. 457];

7) доминанта микрополя желательности глагол *to want* («желать, хотеть» [3]). Ср.: «Я *говорю* тебе прямо, я на твоём месте поехал бы со мной в Москву и...» [2, с. 174] – «I *want to tell* (= хочу сказать) you candidly that if I were you, I'd come to Moscow now with me, and...» [4, с. 170].

Таким образом, более высокая модальная емкость русских глаголов изъявительного наклонения, имплицитно актуализирующих модальную семантику возможности, по сравнению с соответствующими им английскими эквивалентами, в известной степени раскрывает национальную специфику выражения модальной семантики возможности в оригинальном тексте романа «Анна Каренина» и в его английском переводе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко, Л.Г. Интерпретация категоризации мира в идеографическом словаре как способ выявления скрытых смыслов // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность/имплицитность выражения смыслов : материалы междунар. науч. конф. – Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. – С. 8–21.
2. Толстой, Л.Н. Анна Каренина / Л.Н. Толстой. – М. : Эксмо-Пресс, 2000.
3. Lingvo Universal // Электронный словарь, ABBYY Lingvo 12, 2006.
4. Tolstoy, L.N. Anna Karenina / L.N. Tolstoy // Cumberland House, Crib Street, Ware, Hertfordshire SG12 9 ET : Wordsworth Classics, 1995 / Пер. Л. и Э. Моод.

КАНТЭКСТУАЛЬНА-СИТУАЦЫЙНАЯ АБУМОЎЛЕНАСЦЬ ПОЛІСЕМІІ РЭГІЯНАЛЬНАЙ ЛЕКСІКІ

Полісеманты рэгіянальнага слова ўяўляюць структуру ўнутрана звязаных паміж сабой асобных лексіка-семантычных варыянтаў (ЛСВ). Значыць, полісемію, або мнагазначнасць дыялектнага слова ўтвараюць яго лексіка-семантычныя варыянты, ці яго розныя значэнні. Колькасць ЛСВ дыялектнага слова можа быць даволі вялікай. Паміж рознымі значэннямі дыялектнага слова назіраюцца тыя ж адносіны, што і паміж значэннямі полісеманта літаратурнай мовы: адносіны вытворнасці (калі ў семантычнай структуры мнагазначнага слова кожнае наступнае значэнне залежыць ад папярэдняга – “ланцужковая полісемія”) і адносіны іерархічнай сузалежнасці (калі ад асноўнага значэння ўтвараецца некалькі іншых раўнапраўных ЛСВ – “радыяльная полісемія”).

Прыкладам лексіка-семантычнага вар’іравання першага тыпу можа служыць слова *каптур* 1. верхняя частка печы, якая ўзвышаецца над ляжанкай у выглядзе сценкі; 2. пярэдня частка печы ад чалеснікаў да юшкі; 3. перан. перад адзення.

Лексіка-семантычнае вар’іраванне другога тыпу назіраем на прыкладзе *лубка* 1. кораб на зерне, зроблены з лубу; 2. колькасць таго, што змяшчаецца ў лубцы; 3. калыска з лубу. У прыкладзе другое і трэцяе значэнні прыведзенага слова ў роўнай меры засноўваюцца на першым значэнні, якое з’яўляецца для іх зыходным.

У сучасных лексікаграфічных выданнях засведчана шмат полісемічных слоў. Пры гэтым большасць з іх размяркоўваецца па тоесных з літаратурнымі словамі мадэлях пераносу значэнняў.

У залежнасці ад таго, на якой аснове адбываецца зрух значэння, адрозніваюць некалькі тыпаў лексічных пераносаў.

1. Метафарычны перанос з’яўляецца найбольш распаўсюджаным тыпам семантычнага пераасэнсавання дыялектнага слова. У метафарычным пераносе адлюстроўваецца прыкмета, якая пакладзена ў аснову намінацыі рэаліі, а таксама і пэўная характарыстыка ці ацэнка апошняй, у сувязі з чым неабходна адрозніваць намінатыўную і ацэначную метафару.

Метафарызацыя слоў для намінацыі розных прадметаў адбываецца, як правіла, у межах канкрэтна-прадметнай лексікі на аснове падабенства разнастайных прыкмет прадметаў (іх формы, знешняга выгляду, колеру, велічыні, аб’ёму, памеру і інш.), а таксама агульнасці іх функцыі. Ацэначная метафара ўзнікае у выніку пераносу назвы якога-небудзь прадмета на абазначэнне знешняй або ўнутранай уласцівасці пэўнай асобы. Метафарычны перанос суправаджаецца пераходам з адной семантычнай катэгорыі (прадметнасці) ў другую (прыкмета, адзнака). Ацэначная метафара засноўваецца на падабенстве формы, прадмета і знешняга выгляду чалавека

(пень, бочка, кадушка і інш.); уласцівасцяў жывёлы і чалавека (певень, кабан і інш.); на пераносе таго ці іншага фізічнага працэсу на псіхічны стан чалавека (кінець, трубіць, шыпець і інш.); на падабенстве прыкметы, уласцівасці прадмета і прыкметы, уласцівасці чалавека (шэры 'цёмны', чырвоны 'здоровы', зялёны 'які не стаў яшчэ дарослым' і інш.).

2. Метанімічны перанос (на аснове сумежнасці, звычайна прасторавай, зрэдку часавай). Метанімія можа ўзнікаць у выніку пераносаў – на аснове розных сэнсавых сувязей:

а) дзеянне – вынік: *пытлёўка* 'дзеянне, звязанае з ператварэннем зерня ў муку' – 'пытляваная мука', *варэнне* 'дзеянне паводле дзеяслова варыць' – 'ягады, садавіна, звараныя з цукрам' і інш.;

б) дзеянне і аб'ект дзеяння: *поліва* 'дзеянне паводле дзеяслова палоць' – 'тое, што застаецца пасля працэсу палоння' і інш.;

в) рэчыва – выраб: *грэчуха* 'грэчка' і 'блін з грэчкі', *гарох* 'расліна' і *гарох* 'суп' і інш.;

г) орган цела і захворванне: *пачонка*, *сэрца* і інш.

3. Разнавіднасцю метанімічнага пераносу з'яўляецца сінекдаха (ужыванне назвы якой-небудзь часткі прадмета замест цэлага прадмета або наадварот). Напрыклад: *рагач* 'частка сахі, яе аснова' і 'саха', *брыль* 'саламяны капялюш' і 'палі капелюша, шляпы', *каптур* 'комін' і 'частка коміна'.

Самым пашыраным відам сэнсавай сувязі паміж рознымі значэннямі слоў служыць тэматычны, г. зн. калі значэнні полісемічнага слова суадносяцца з рознымі прадметамі, якія аднак з'яўляюцца ў большасці выпадкаў аднароднымі ў межах пэўнай тэмы. Такі характар сувязей можна адзначыць у адносінах да разнастайных палескіх рэалій, напрыклад, пры найменнях ежы (*падкалотка*: 1. бульбяны суп; 2. яешня), абутку (*бахіла*: 1. мужчынскі бот; 2. самаробны галёш), адзення (*гарсэт*: 1. ватоўка; 2. камізэлька), хатніх прылад (*гак*: 1. крук для гною; 2. матыка; *рондаль*: 1. невялікая каструля; 2. патэльня; 3. чапала) і інш.

У мнагазначных дыялектных слоў адно са значэнняў (звычайна асноўнае) можа супадаць са значэннем такога ж слова ў літаратурнай мове, а пераносныя, вытворныя значэнні з'яўляюцца адметнымі, дыялектнымі. Так, слова *пень* мае два значэнні: 'ніжняя спілавана частка дрэва' і 'корань зуба'; *дзічка* 'дзікая груша' і 'радзімка', 'бародаўка' і інш.

У некаторых дыялектных словах як асноўнае, так і пераноснае значэнні не з'яўляюцца агульнаўжывальнымі, напрыклад: у слове *рагач* занатаваны значэнні 'вілкі кухонныя', 'відэлец'; *матавіла* 'ткацкая прылада', 'вілы драўляныя'; *краніўнік* 'пазашлюбнае дзіця', 'кураня, выседжанае курыцай употай ад гаспадыні' і інш.

Такім чынам, полісеманты дыялектнага слова фарміруюцца пераважна праз метафарызацыю і метанімізацыю з захаваннем пэўных відаў сэнсавых сувязей паміж ЛСВ мнагазначнага слова.

БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА
В ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ VERBA DICENDI

Сходство исторических судеб русского и белорусского народов, территориальный фактор, единство происхождения обусловили однотипное направление развития русского и белорусского языков в целом и их лексических систем в частности. Однако при сопоставлении близкородственных языков необходимо помнить, что мы имеем дело с разными языковыми системами, каждая из которых зависит от восприятия носителем языка внешнего материального мира и отражения действительности в значениях слов.

Лексемы, конституирующие семантическое поле глаголов речи, являются компонентом общего лексического фонда русского и белорусского языков. Для них характерен одинаковый набор семантических категорий, субкатегорий и дифференциальных признаков, необходимых для описания данных микросистем. Однако несмотря на значительное совпадение смысловых объемов в рамках данной группы, в каждом из сопоставляемых языков есть лексические единицы, не имеющие лексико-семантического соответствия в другом языке. Различия между глагольными лексемами двух языков проявляются в плане выражения или в степени парадигматической значимости той или иной лексемы (при наличии формального соответствия).

Так, значение «говорить бессвязно, малопонятно, находясь обычно в бессознательном состоянии или во сне» русского глагола *бредить* маркируется в белорусском языке лексемами *блюзніць* и *трызніць*. Однако семантическая структура русского глагола более разветвленная, поскольку в переносных значениях «говорить глупости» и «неотвязно мечтать» межъязыковыми синонимами будут соответственно *бредить* / *блюзніць* и *бредить* / *трызніць*.

Глагол *разговаривать* / *размаўляць* в контексте свободно заменяется глаголом *беседовать* / *гутарыць*, глагольно-именным сочетанием *вести беседу* (*речь, разговор*) / *весці гутарку*. В русском языке его синонимом выступает глагол *толковать* (разг.), не имеющий семантического аналога в белорусском языке.

Не имеют точного белорусского соответствия глаголы *столковываться* (разг.) и *рядиться* (устар.). Лексема *столковываться* имеет значение «договариваться о чем-л. после предварительного обдумывания, обсуждения»: *Старики уже успели столковаться о предстоящей свадьбе*. Устаревший глагол *рядиться* и разговорный *сторговываться* / *старгоўвацца* объединяются значением «договариваться на основе взаимной выгоды (обычно о цене, условиях)»: *Да уж за что рядились, сударь, то и пожалуйте*.

Лексемы *переругиваться* и *перебраниваться* – «спорить иногда, время от времени» – не имеют лексико-грамматических соответствий в белорусском языке и переводятся так же, как и их бесприставочные образования *лаяцца*, *сварыцца*. Значение «спорить грубо, злобно, ожесточенно» свойственно глаголам *грызціся*, *лаяцца*, каждый из которых может быть заменен при переводе русскими глаголами *грызться*, *лаяться* (прост.). Подобное значение свойственно лексеме *собачиться* (перен., разг.), не имеющей точного соответствия в белорусском языке.

Такого же соответствия не имеет русский глагол *обмолвиться* в значении «сказать мимоходом о чем-либо». Предлагаемый переводчиками глагол *адазвацца* не выявляет названного значения. Поэтому представляется наиболее оптимальным перевод русского глагола посредством глагольно-именного сочетания *сказаць слова*, которое, однако, не учитывает прагматического значения глагола *обмолвиться*: *За ужыном отец обмолвился о скором отъезде*.

Глагол *распространяться* не имеет белорусского эквивалента со значением речи и заменяется в контексте глагольно-адвербиальной структурой типа *гаварыць доўга (падрабязна, шматслоўна)*. Лексема *балажнічаць* (прост.) имеет белорусский аналог в виде устойчивого сочетания *тачыць лясы*.

Нами отмечены белорусские глаголы речи, не имеющие лексико-семантического аналога в русском языке. Например, для выражения значения «гаварыць многа і без толку; гаварыць бязглуздзіцу» в белорусском языке употребляется глагол *мянціць*, не имеющий семантического эквивалента в составе группы глаголов речи русского языка: *языком мянціць немаведама што*.

Глагол *проповедовать* / *прапаведаваць* – «произносить в церкви речь религиозно-назидательного характера» – обладает субстантивными дериватами *проповедник* / *прапаведнік* – «тот, кто произносит проповедь» и *проповедь* / *прапаведзь* – «речь религиозно-назидательного характера». В белорусском языке употребляется лексема *казань*, функционирующая в составе устойчивого сочетания со значением речи *казань казаць* – «гаварыць павучальна і дакучліва».

Глаголы речи, обслуживающие социально-этикетную сторону общения, в обоих языках обнаруживают незначительные расхождения, заключающиеся не только в оттенках семантики (которые в разговорной речи нивелируются), но и в лексико-грамматическом оформлении значения в двух языках. Так, русскому глагольно-именному сочетанию *рассыпаться в благодарностях* нет точного соответствия в белорусском языке, а глагол *извиняться* имеет аналог *прасіць прабачэння (выбачэння)*.

Анализ лексики русского и белорусского языков на основе синхронно-сопоставительного метода позволяет наиболее полно определить общие и специфические черты построения лексических микросистем, выявить средства выражения сходных и оригинальных понятий в сопоставляемых языках, установить основные закономерности в их речевом функционировании, а также выявить случаи лакун в составе синонимических рядов в каждом из языков.

РУССКИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ С АРХИСЕМОЙ 'ПОРЧА' В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Известно, что одной из фундаментальных задач современной лингвистики является описание языковой картины мира, выявление особенностей национального менталитета и национального мировидения. Согласно справедливому замечанию Е. Верещагина и В. Костомарова, «семантика слова не исчерпывается одним лишь лексическим понятием. В слове имеется и семантический компонент, который соответствует кумулятивной, накопительной функции» [3, с. 56]. Слово в этом случае обладает своеобразным лексическим фоном, который может и совпадать, и различаться в языковой картине мира того или иного этноса. Проиллюстрируем данное утверждение на примере глагольных лексем-диалектизмов русского языка, синонимичных литературному глаголу *сглазить* 'принести несчастье, болезнь, повредить кому-либо взглядом, дурным глазом' [2, с. 1165]. Богатейшим источником указанных лексем является «Словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, в котором представлены следующие лексические единицы с данным значением: *сглазить, оглаживать, озевать, озевывать, азеть, озетить, созепить, озепать, зиять, изурочивать, призорить, опризорить*. Кроме того, суеверные представления о магии взгляда также закреплены в значениях тех лексических единиц русского языка, которые служат для номинации собственно органов зрения (*глаза, зенки, очи, зепы, зепыши*) и обозначают болезни, вызванные, по суеверным представлениям, сглазом (*призор, озор, зазор, сглаз, озёв, озева, озепа, озепаще*). Интересен тот факт, что внутренняя форма некоторых глаголов является прозрачной (*сглазить, призорить*), напрямую связывает номинируемое действие с работой органов зрения и тем самым вводит эти лексемы в словообразовательное гнездо, члены которого имеют в своей семантической структуре компонент значения 'порча': *глазить, сглазить, сглаживать, сглаз, сглазной, глазливый; призор, озор, призорыки, узорыки* 'сглаз, озева, порча от дурного глаза' [4, с. 414]. Вместе с тем глагольные единицы *озевать, озевывать* 'изурочить, сглазить, испортить злым помыслом, худым глазом' [4, с. 660], *озепать* и *озяпать* в том же значении [4, с. 660], а также их синонимы *азеть, озетить, созепить, озепать, зиять* и производные *озева, озёв, озевище, озепа, озепаще* 'сглаз, призор, порча, притка с глазу, напущенная болезнь' [4, с. 660], как может показаться сначала, никак не связаны с представлением о магической силе взгляда. Однако диалектный материал и данные этимологии позволяют сделать вывод о том, что эти глагольные единицы также служили для обозначения вредоносного действия, производимого с помощью органов зрения. Следует отметить, что первый ЛСВ глагола *озевывать* имеет значение 'осматривать зевая, от нечего делать' [4, с. 660] и связывает данный глагол структурно и семантически с такими

единицами русского языка, как *зевать*, *зевок*, *зев*, *зеванье* и др. Причина семантического сдвига (*озевывать* 1 ‘осматривать зевая’ к *озевывать* 2 ‘портить’), на наш взгляд, состоит в том, что в русских народных говорах глагол *зевать* имел не только значение ‘открывать судорожно рот’ [4, с. 697], сохраненное им в современном русском литературном языке, но и ограниченный в своем употреблении ЛСВ ‘глазеть, верхоглазить, глядеть на что от скуки, безделья’ [4, с. 697]. Мы считаем, что приведенные выше лексемы, объединенные архисемой ‘порча’, возникли на основе именно этого ЛСВ. Модификация значения ЛСВ *зевать* ‘осматривать зевая’ в значение ЛСВ *зевать* ‘осматривая, напускать болезнь, портить’ обусловлена, как нам кажется, факторами сугубо экстралингвистическими, а именно повсеместным распространением веры в сглаз, то есть в возможность сделать человека больным с помощью одного лишь взгляда. «Сглаз, притка или порча от сглазу, от глаза, недобрый глаз – есть поверье довольно общее не только между всеми славянскими, но и весьма многими другими древними и новыми народами», – пишет В.И. Даль [5, с. 125]. Глагол *зиять* в значении ‘быть разверстым, раскрытым, образуя широкое и глубокое отверстие, пустоту’ [2, с. 365] известен русскому литературному языку, однако в диалектах он имеет и другие лексико-семантические варианты: *зиять*, *зинуть* ЛСВ 1 ‘раскрывать рот, растворять, расширять зев, пасть’, ЛСВ 2 ‘зевать, зепать’, ЛСВ 3 ‘озевать кого-либо, изурочить глазом, сглазить’ (ср. *Люди на лес не зинут, лес не сгинет. Касьян завистливый (лихой) на что ни зинет, все сгинет*) [4, с. 683]. Вероятно, появление последнего ЛСВ связано с синонимичностью ранее появившихся лексико-семантических вариантов глаголов *зевать* и *зиять* ‘зевать’, а также с тем, что в семантической структуре первых двух ЛСВ указанных глаголов присутствует сема ‘развёрстый, открытый’. Предубеждение против дурного глаза имело и имеет широкое распространение как среди славянских, так и среди других европейских народов. Ярким подтверждением этого верования является не только языковой, но и этнографический материал, посвященный духовной культуре индоевропейцев (см. об этом в трудах Дж. Фрэзера, С.В. Максимова, А.Н. Афанасьева, Н.И. Толстого, Е.Е. Левкиевской). Мифологические представления о магической силе взгляда, дурном глазе и смертоносном взгляде также находят развитие в фольклоре (заговоры от сглаза) и через его посредство в художественной литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев, А.Н. Мифы, поверья и суеверия славян. – Т. 3. – М., 2002.
2. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., 2001. – 1499 с.
3. Верещагин, Е.М. Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М., 1990.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – М., 2007.
5. Даль, В.И. Поверья, суеверия и предрассудки русского народа. – М., 2008.

РЕЧЕВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ АККУЗАТИВНЫХ СТРУКТУРНЫХ СХЕМ СОСТОЯНИЯ

1. К аккузативным относим структурные схемы простого предложения, субъект которых представлен формой винит. пад.: «кого делает нечто», «кого охватывает каким состоянием» и «кого тянет куда откуда», а означаемым выступает концепт «состояние живого существа».

Позиция субъектива выделенных схем в позиционной схеме высказывания представлена, как правило, личными именами или их субституентами.

Схема «кого делает нечто» двухкомпонентна, она представлена субъективом со значением пациенса и предикативом со значением состояния. Структурообразующими схемы являются как безличные глаголы типа *знобит, лихорадит, ломит, тошнит, поташнивает, залихорадит, размаривает* и под., так и личные глаголы в безличном употреблении типа *бросает, валит, вертит, гнет, качает, клонит, кружит, крючит, мутит, покачивает, пошатывает, разбирает, рвет, трясет, ударяет, чистит* и др.

Схемы «кого охватывает каким состоянием» и «кого тянет куда откуда» многокомпонентны, их формируют личные глаголы в безличном употреблении, соответственно типа: *захлестывает, душит, обдает, обжигает, окатывает, охватывает, ошпаривает, стягивает – тянет, клонит*, обеспечивающие метафоризацию конструкций. Многокомпонентность схем вызвана семей 'объять' в содержательной структуре предикатива схемы «кого охватывает каким состоянием» и семей 'направленность' в семантике структурообразующего компонента в схеме «кого тянет куда откуда». Состояние, охватившее субъекта, представлено статуальными именами в форме творительного падежа: *Парнишку обожгло стыдом* (Астафьев). Объект или ситуация, вызывающие физиологическое состояние субъекта или его эмоциональный настрой, при лексеме *тянет* представлен предложно-падежной или наречной локативной или объектной словоформой, а также инфинитивом, маркирующим свернутую пропозицию в качестве объекта стремления. При предикативах *подмывает, зудит* – только инфинитивом. Ср.: *Все сильнее клонило в сон, в бред, бежала под ноги дорога с тройками и горlinkками* (Бунин); *Его уже давно тянуло прочь от этих стен, в мороз, в снег, в гнетущую однообразность* (Колупаев); *Ее тянуло к черному ласковому парню* (Шолохов) – *Конечно, его подмывало, зудело заглянуть хоть одним глазком, что там лежит на складе* (Приставкин).

2. В процессе речевой реализации схемы видоизменяются. Как показывает фактический материал, в текстах художественной литературы грамматическая модификация схем представлена, как правило, формой

прошедшего времени: *Дельвига передернуло* (Нагибин); *И вдруг меня будто кипятком ошпарило* (Дмитриев); *Тянуло скорее выйти отсюда* и закурить (Астафьев). Форма будущего времени предикатива имеет место в реализации схемы «кого делает нечто», при этом семантика высказывания обогащается семой 'предположение': Он не испытывал того головокружения, от которого несколько минут назад почти потерял сознание, его только сильно тошнило, и он боялся, что *его вырвет* (Иванов).

Негативный характер состояния, маркируемый выделенными схемами, морфологический аппарат структурообразующего компонента определяют некорректность или невозможность грамматической модальной модификации, представленной глаголами непрямого наклонения.

Структурно-семантические видоизменения находят выражение в неполной реализации схем с эллипсисом субъектива и фазовой модификации: *И вдруг его начало рвать с такой силой*, что он зажал себе рот рукавом (Фадеев); Доедала она хлеб с большой осторожностью – все слабела и слабела. *Не в меру стало клонить в сон, рябить в глазах, звенеть в ушах*; стали пухнуть ноги, стала томить неотвязная мечта: поесть бы чего-нибудь горячего, с солью (Бунин). Модальная модификация, вероятно, не корректна, в нашей картотеке она не нашла отражения, хотя теоретически вполне возможна.

Позиционная схема высказываний, в основе формирования которых имеют место быть аккузативные структурные схемы состояния, отмечены введением осложняющих детерминирующих конструкций, отвечающих онтологической природе состояния, его способности вписываться в координатные сетки и связи мира и выполняющих функцию актуализаторов состояния. К таким актуализаторам и конкретизаторам состояния относится прежде всего темпоральные детерминанты различной семантики (Наелись так, что *Костю Набокова, моего друга, потом два дня мучило. Помучило, да и прошло* (Крутилин); О Феодосии он старался не думать, что ему удавалось: днем перед глазами была книга, *ночью его быстро смаривало* (Нагибин); *То жаром, то холодом обдаёт его при мысли: «Неужели все пропало?..»* (Годенко), соответствующие признаку временной ограниченности состояния; локативные детерминанты, отвечающие признаку бытия, экзистенциальности состояния (*...а за кулисами внезапно раздался чудовищный перекатный рык, точно там кого-то мучительно тошнило, рвало ...* (Бунин), каузативные конструкции, выявляющие каузальный характер состояния (А чуть передых сделаешь от работы – стужа ползет под шубенку, по взмокшим плечам ползет к шейному позвонку, и *от этого лихорадит еще сильнее* (Марков). Отсутствие целевых детерминантов в позиционной схеме высказываний, несущих информацию о состоянии, также соответствует онтологической природе категории состояния, отсутствию в его семантике сем 'целенаправленность', 'активность субъекта'.

Д.А. Казиева (Пятигорск, Россия)

ИССЛЕДОВАНИЯ МАГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ РУССКИХ И КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ ЗАГОВОРНЫХ ТЕКСТОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Для адекватного исследования магической функции русских и карачаево-балкарских заговорных текстов нами избрана фоносемантическая теория в звукосимволическом аспекте и теории фоносемантических полей. В соединении с компьютерными технологиями данные теоретические основания позволили выйти на новое знание, концентрированное в виде результатов сопоставительного анализа заговоров русского и карачаево-балкарского языков, введение понятия фоноосновы и иное видение фоносемантического поля в применении к текстам данной разновидности.

Исследование фоносемантики заговорных текстов опирается на следующие теоретические основания: заговорные тексты рассматриваются, прежде всего, сквозь призму языковых функций. Среди функций языка выделяется функция воздействия (волюнтативная), частным проявлением которой является магическая (заклинательная) функция. Сущность магической функции заключается в неконвенциональном отношении плана выражения и плана содержания, за счет чего и создаётся особый суггестивный эффект. Магическая функция языка исследуется в суггестивной лингвистике, которая понимается как междисциплинарная область, изучающая комплексными методами динамические процессы в текстах, реализующих суггестивную функцию.

Заговорные тексты как один из объектов исследования в суггестивной лингвистике представляют собой разновидность сакральных текстов – суггестивных текстов, которые характеризуются символичностью, отсутствием рациональной оценки содержания, структурой, нацеленной на достижение суггестивного эффекта, синкретизмом семантики, особой субъектно-объектной организацией.

Отмеченные характеристики заговорных текстов убедительно свидетельствуют о возможности и эффективности фоносемантического их исследования, поскольку фоносемантика позволяет: выходить за рамки рациональной оценки; опираться на символическую значимость элементов плана выражения; исследовать явления синестезии; сопрягать компоненты плана выражения и плана содержания на неконвенциональной основе; структурировать текст на иной, суггестивно значимой композиционной основе. Все это дает возможность выделять характеристики текста, обладающие суггестивностью, и исследовать и в контексте выполнения ими магической функции.

Исследование фоносемантических особенностей заговорных текстов необходимо, на наш взгляд, проводить по следующим направлениям. Во-

первых, формируются объекты исследования, которые представляют собой текст заговора, отдельные его элементы и группировки текстов. Во-вторых, с помощью компьютерных программ анализируются звукосемантические и синестетические характеристики выбранных объектов и проводится интерпретация полученных результатов. В-третьих, с помощью компьютерных программ или иных аналитических процедур производится отбор тех или иных элементов заговорных текстов, проводится корреляция формы и семантики данных элементов, строятся фоносемантические поля на материале элементов текстов и их текстовых и языковых связей.

Проведенное исследование фоносемантики русских заговорных текстов показывает следующее. По степени проявления фоносемантических признаков все тексты могут быть разделены на три группы: 1) тексты, не обладающие выраженными фоносемантическими характеристиками; они занимают особое место в исследуемой совокупности, поскольку, с одной стороны, находятся на ее периферии, а с другой стороны, в их структуре и содержании, очевидно, более значимыми оказываются иные средства суггестии; 2) тексты, проявляющие фоносемантические признаки, однако это проявление неустойчивое, таких признаков единицы, или при исследовании иными средствами они отсутствуют; 3) тексты с выраженными фоносемантическими характеристиками; это основная группировка в корпусе текстов заговоров.

По уровням анализа корпус заговорных текстов можно представить в качестве супертекстового уровня; текст того или иного заговора репрезентирует собственно текстовый уровень, тогда как единицы, составляющие текст заговора, могут рассматриваться в качестве субтекстового уровня.

Исследование подтвердило тезис о вероятностном характере языковой суггестии в аспекте фоносемантики. Фоносемантические характеристики корпуса заговорных текстов, группировки текстов и текста, а также наиболее частотных словоупотреблений в корпусе различаются, равно как параметры синестезии. В связи с этим возможна группировка исследованных текстов по степени идентичности фоносемантических характеристик:

- тексты в одном фоносемантическом ключе; в данную совокупность могут быть включены тексты и их группировки, проявляющие одинаковые или близкие основные фоносемантические характеристики;

- тексты в разном фоносемантическом ключе; в данную совокупность могут быть включены тексты и их группировки, проявляющие различные, не совпадающие основные фоносемантические характеристики;

- тексты в противоположном фоносемантическом ключе; в данную совокупность могут быть включены тексты и их группировки, проявляющие противоположные фоносемантические характеристики, расположенные по полюсам используемых оценочных шкал.

Фоносемантические параметры, в силу их вероятностного характера, должны быть проверены как можно более разнообразными инструментальными средствами с одной стороны. С другой стороны, фоносемантика

рассматривается в контексте комплементарности, ее изучение должно быть дополнено исследованием иных аспектов плана выражения заговорных текстов, а также их плана содержания.

С. Калдыкозова, Д. Нуржанова (Шымкент, Казахстан)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ СЕМАНТИКИ ИРАНОЯЗЫЧНОГО СЛОВА В ТЮРКСКИХ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Издавна в русскую лексику проникали слова из языков, входящих в иранскую группу. Очень часто подобное заимствование осуществлялось через тюркское посредство. Внимательное прочтение словарных статей толковых и этимологических словарей русского языка, обращение к двуязычным словарям и к изданиям, включающим этимологию тюркских слов и т.д., привели к мысли, что пути иранизмов в русский язык не были однонаправленными, тем не менее их можно типизировать. Кроме того, анализируемый материал позволяет говорить о том, что на этом пути слова претерпевали определенные семантические изменения.

Во всех языках есть слова, включающие в свое лексическое значение так называемый национально-культурный компонент – это указания на определенные этнические параметры, на территорию, ландшафт, традиции, обычаи, элементы материальной культуры, отражение духовных потребностей и т.д. Нас заинтересовали семантические преобразования ираноязычной лексики, связанной с земледельческой культурой, которые она претерпевает на своем пути тюркские языки в русский.

Многие исследователи относят иранизмы, вошедшие в русский язык через тюркское посредство, к тюркизмам, отмечая существующие трудности при определении, какой именно тюркский язык явился источником заимствования. Это действительно трудная задача, решение которой возможно при обращении к данным ареальной лингвистики, к фактам живых иранских и тюркских языков, при учете языкового субстрата, при анализе лексики языкового пограничья.

Обратимся к примерам. В персидском языке есть слово баг, которое обозначает сад и виноградник. В составе современного узбекского (тюркского) языка представлена субстратная лексика индоевропейского происхождения, в том числе имеющая отношение и к возделыванию земли – выращиванию садов, виноградников, полевых культур, бахчевых растений и т.д. Эти номинации – реликты прошлого, имеющие отношение к древнему языку – согдийскому, входившему в иранскую группу. В узбекском языке для названия сада сохраняется согдийское по происхождению слово бог, а производное слово богча также имеет значение сад, маленький садик.

Иными словами, в однотипных культурно-исторических зонах национально-культурный семантический признак не претерпевает изменений. В современном турецком языке *bäğ* является многозначным – виноградник, сбор винограда, сезон сбора винограда, сад. Номинация *bahçe* функционирует в значениях *сад* и *сквер*.

Переход слова в соседнюю, но другую культурно-историческую зону, связанную с казахским языком, приводит к ощутимой дифференциации значений слов *бау* (*бақ*) и *бақша*: *бау*(*бақ*) – сад, место выращивания плодово-ягодных культур и декоративных растений; *бақша* – бахча, «плантация арбузов, дынь, тыквы, обычно расположенная в степи, подальше от жилья». Слово *бахча* всегда привлекало внимание русских лексикографов, достаточно проследить, на какие источники ссылаются авторы целого ряда изданий. Оно известно современному русскому литературному языку и является термином агрономической науки: «Поле, на котором выращивают арбузы и дыни».

В.И. Даль дает толкование слову *бахча*, указывает на русские говоры, в пределах которых функционирует слово – оренбургские, астраханские, донские, упоминает о возможном источнике заимствования – татарском языке. Его толкование содержит в себе указание на место расположения бахчи и на то, что именно выращивают на таком огороде: «огород в поле, в степи, не при доме; на поднятой плугом целине (новине, непаши); разводят арбузы, дыни, тыквы, огурцы, также кукурузу, подсолнечники, иногда лук, чеснок, морковь и другие овощи».

Мы сделали попытку на примере одного иранизма рассмотреть, как влияет функционирование слова в однотипных и других культурно-исторических зонах (термин Н.С. Трубецкого) на семантику лексической единицы, как отражается фрагмент картины мира в разных языках. Мы понимаем, что исследуемый вопрос связан с темой многомерной и многогранной, а то, что сделали мы, лишь прикосновение к проблеме, которая еще ждет своих исследователей.

Т.А. Кожурина (Могилев, Беларусь)

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В ГОВОРАХ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Для современной лингвистики характерен пристальный интерес к изучению процесса концептуализации действительности, механизмов формирования концептуальной картины мира и структуры отдельных концептов, а также специфике их объективации в языке. Так, современные лингвисты указывают на то, что формируются новые проблемы, которые входят в компетенцию когнитивной лингвистики, и основными среди них

являются проблема соотношения концептуальных систем с языковыми, научной и обыденной картин мира – с языковой, проблемы соотношения когнитивных или же концептуальных структур нашего сознания с объективирующими их единицами языка, проблемы роли языка в осуществлении процессов познания и осмысления мира, в проведении процессов его концептуализации и категоризации.

В последние десятилетия активно развивается антропоцентрическая парадигма в языкознании. Одним из основных направлений данной парадигмы является исследование процессов концептуализации взаимодействия человека с внешним миром и внутреннего мира человека. Концепт *человек* является главным параметром культуры, поскольку любая реальность материального или нематериального мира может быть определена или соотнесена с квалификативной деятельностью человека.

Человек – носитель определенной национальной ментальности и языка, участвующий в современной деятельности (в том числе, в речевой деятельности) с другими представителями национальной общности. Для исследования представляет интерес не просто человек, а личность, т.е. конкретный человек, носитель сознания, языка, обладающий сложным внутренним миром и определенным отношением к судьбе, миру вещей и себе подобным.

В научной картине мира *человек* мыслится как уникальное живое существо, наделенное даром мышления, речи.

В настоящее время можно говорить о нескольких подходах к описанию концепта *человек*. Наиболее разработан метод описания «внутреннего человека» в «наивной картине мира», реконструированного по данным языка. Такая реконструкция может складываться из анализа отдельных концептов, отражающих духовную жизнь человека (концепты душа, ум, сердце, др.), или строиться на основе анализа семантических и семиотических категорий («верх–низ», «правое–левое», «объект–субъект», др.). Также в последнее время активно развивается направление, целью которого является воссоздание языковой картины мира на основании комплексного (лингвистического, культурологического, семиотического) анализа лингвоспецифических концептов русского языка (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Е.В. Урысова, А.Д. Шмелева, Е.С. Яковлева, др.). При этом, классифицируя существительные, характеризующие концепт *человек*, необходимо учитывать три критерия: нелингвистический (выделение семантических связей слов, обусловленных внеязыковыми факторами), собственно лингвистический (распределение слов по частям речи) и лингвостилистический (выделение групп слов, которые не только называют предмет, но и сообщают ему дополнительную оценку – коннотацию).

Концептосфера представляет полевое образование, ядро которого составляет обыденное, художественное и научное концептуальные пространства. Обыденное концептуальное пространство характеризуется ограниченным объемом информации, включающим «наивные»

представления, понятные всем членам этноса и достаточные для образования семантической системы языка. Данное пространство находит свое отражение в говорах. Концептуальные пространства (художественное, научное и др.) являются постоянно развивающимися информационными системами, они представлены квантами определенных знаний.

Проведенный компонентный анализ репрезентантов концепта *человек* в говорах могилевско-смоленского пограничья (МСП) и контекстуальная интерпретация их значений позволили определить структуру концепта, выделить его ядро и периферию. Изученная область знания (человек в рамках говора) является обыденным концептуальным пространством, ядром концептосферы.

В говорах МСП ядром концепта *человек* является представление о человеке как об уникальном живом существе. *Человек* мыслится как существо, наделенное душой, он неразрывно связан с природой. Слова, характеризующие человека как отдельную особь, личность, репрезентуют периферию концепта *человек*.

Ядерно-периферийная структура концепта *человек* представлена в говорах МСП динамичной, сложной и многогранной. Так, выделяется периферийно-полевая структура концепта *человек*, позволяющая выявить соотношение разнородных лексических единиц текста, определить его концептуальную структуру. Членение универсума на бинарные оппозиции (положительно-оценочные – отрицательно-оценочные) является одним из фундаментальных семиотических принципов, эта оппозиция – частный случай общего бинарного принципа построения модели мира. Таким образом, данная бинарная оппозиция составляет концептосферу, выполняет структурирующую функцию и реализуется с помощью групп положительно-оценочных (*красивуля* – красавица; *трудога* – трудолюбивый человек) и отрицательно-оценочных (*пустовая* – дурак; *гомоя* – болтун) существительных.

Выделение тематических групп – групп слов, обозначающих понятия, близкие или непосредственно связанные, благодаря соотносительности именуемых объектов в реальной действительности или в человеческом сознании – основа в раскрытии исследуемого нами объекта. Внутри обозначенных выше групп деление компонентов концепта *человек* включает психолого-физические характеристики. Так, можно выделить группы, обозначающие внешние и внутренние свойства и качества человека.

Довольно многочисленную группу составляют лексемы, характеризующие человека по внешним признакам (росту, комплекции). Сюда же входят существительные, указывающие на достоинства/недостатки внешнего вида (*ахаха* – здоровый, рослый человек; *сбитень* – крепкий человек, *жердила* – высокий человек, *красивуля* – красавица; *пригожун* – красавец, *краснеха* – красивая, краснощекая девушка; *махоночка* – девушка приятной наружности; *грибозвон* – человек с большими, толстыми губами).

Другая группа включает наименования человека по его внутренним свойствам и качествам, среди которых существительные, выражающие

отношение человека к самому себе, к окружающим, к труду, а также волевые черты характера и оценочные существительные речевых способностей человека. Данная группа представляет особый интерес при характеристике концепта *человек*, являясь основой в понимании душевного и морального облика человека как существа социального (*залежень* – лентяй; *лобуда* – лентяй; *шкаряда* – бездельник; *антряха* – неряха; *варазги* – неряха).

Немалую группу слов-репрезентантов концепта *человек* в говорах МСП составляют лексемы, обозначающие названия профессий и занятий (*трудога* – трудолюбивый человек; *абалок* – лентяй; *блын* – лентяй; *булыня* – бездельник; *вахлуй* – лентяй; *дрянуха* – лентяйка).

Ближайшую периферию исследуемого концепта составляют представления о человеке как о члене рода, единой общности (*дядина* – жена дяди; *дружина* – жена; *баба* – в значении жена). В данном понятийном ряду выделяется группа существительных, обозначающих человека по социальному статусу (*бобылка* – женщина, живущая в недостатке; *бобыль* – человек, не имеющий земли, скота).

Частотны слова оценки умственных способностей человека, его речевых способностей, общая отрицательная/положительная оценка человека (*чалдон* – глупый человек; *вихляй* – болтун; *гаман* – о нехорошем человеке; *закитра* – о плохом человеке). Отмечается употребление наименований людей согласно виду их деятельности, занятий (*делатель* – работник, мастер; *караульник* – сторож).

Таким образом, исследуемый концепт обширен и многообразен, представлен всеми сферами деятельности людей, обусловлен их внутренним и внешним миром, возрастными рамками, социальным статусом и многими другими факторами.

В результате когнитивно-структурного анализа концепта *человек* в говорах могилевско-смоленского пограничья определились ядро – человек как личность, а также периферия – конкретный человек с позиций бинарных (оценочных) понятий, включающих определенные группы.

П.В. Козленко (Москва, Россия)

ПРАГМАТИКА ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ АГЕНТИВНЫХ ИМЕН В ИДИОСТИЛЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

В художественном пространстве Достоевского богатый арсенал агентивных имен – оценок лица – используется для создания языковых портретов героев, выражения их отношения друг к другу и посторонним лицам, для лаконичной, емкой и выпуклой характеристики персонажей. Функциональная предназначенность для реализации прагматических функций оценочного знака позволяет агентивно-характеризующим

наименованиям стать образным, экспрессивным средством, с помощью которого писатель творит художественный мир, располагая в нем образ рассказчика, образы главных героев, второстепенных персонажей, демонстрируя интригой и темой свое миропонимание и свою ценностную картину мира, воздействуя ею на читателя.

«Свернутая» в прагмеме идея, целостное суждение дает возможность выразить категорические моральные, этические, эстетические, утилитарные нормы. Следует подчеркнуть при этом гиперболизацию морально-этических оценок в текстах Достоевского. Преобладание этих оценок обусловлено определенной позицией автора, оценивающего достоинства и недостатки своих героев именно с нравственно-этической точки зрения, интересующегося прежде всего системой норм нравственного поведения человека в обществе, его поведением по отношению к другим людям и обществу.

Чаще всего писатель устами рассказчика и своих героев выполняет функциональную роль критика, обладающего знанием норм и правил и следящего за их неукоснительным выполнением. Поэтому в текстах наиболее регулярны ситуации осуждения-возмущения и осуждения-пренебрежения: Отец убежден, что она просто какая-то интриганка. Моя обязанность восстановить ее честь, и я это сделаю! («Униженные и оскорбленные»). Контекст отражает конкретный аспект несоответствия объекта оценки норме – например, в данном случае, недостаток правдивости, открытости, неблаговидность действий Наташи, по мнению критика-отца, и отсутствие этих признаков, по мнению сына. В очередной раз разноречивые оценки – отрицательная и положительная – сталкиваются в контексте посредством выражения персонажем собственного мнения в противоположность чужому. Отрицательная оценка реализуется прагмемой интриганка, имеющей значение ‘человек, который занимается интригами, то есть скрытными действиями, обычно неблаговидными, для достижения чего-л., происками’. Конечная же интенция автора при коммуникативном намерении порицания направлена на исправление недостатков осуждающего объекта, прогнозирует этот перлокутивный эффект. Ситуация «осуждения осуждающего», восходящая к библейским «вечным» ценностям – «Не суди да не судим будешь», отражает стремление говорящего к изменению мира, к доказательству неправоты собеседника, воздействию на него убеждением.

В отличие от ситуации осуждения-возмущения в ситуации осуждения-пренебрежения не преследуется перлокутивный эффект изменения положения дел в лучшую сторону, например: Но его не дослушали; раздались гневные крики: «Вон! вы негодяй, вы бесстыдник!» («Подросток»). Оскорбительные оценки и их иллокутивная сила репрезентируются прагмемами негодяй (в значении ‘подлый, низкий человек’), бесстыдник (в значении: ‘бесстыдный человек, тот, кто нарушает правила пристойности’).

Достоевский как автор – субъект оценки – выполняет социальную функцию-задание «возмутитель общественного спокойствия», наставник, учитель. Но эта социальная функция «вложена» им в уста рассказчика и

героев. Именно они – выразители норм и правил в проекции на личностное отношение к объекту внимания – лицу. Автор-писатель искусно скрыт за этими оценками. Но имплицитно в контексте реализуется его индивидуально-личностное начало: способность пойти на конфликтную ситуацию, сильные эмоции неприятия – осуждение, презрение, унижение, отвращение. Например, прагматическая речевая ситуация, где отрицательные оценочные слова-агнтивы имеют собеседника в качестве адресата:

– Да ты с ума сошел! Деспот! – заревел Разумихин, но Раскольников уже не отвечал, а может быть, и не в силах был отвечать («Преступление и наказание»);

– Дуррак! – взвизгнула Катерина Ивановна. – Сам ты дурак, крючок судейский, низкий человек! («Преступление и наказание»).

Сила негативных эмоций, соотносительная с крайним элементом шкалы оценки, выражается не только денотативно-сигнификативным значением имен-агнтивов, по А.В. Бондарко, «системой», но и «средой» – специфическим контекстуальным окружением, графическими средствами. К первым относится лексика, вводящая прямую речь адресанта. Она носит ярко выраженный эмоциональный характер, реализует также прагматическую направленность оценочного знака, например, глаголы интенсивного речевого действия зареветь, взвизгнуть. Оценочное слово, как правило, сопровождается эмоциональной интонацией в самостоятельной предикатной модели. В этом случае почти неразличимы бытийно-оценочные и вокативные структуры из-за «фигуры страстей» и обязательной фатической функции при прямом обращении к адресату.

Представленные выше примеры отражают конфликтные ситуации, поскольку в них нарушен постулат вежливости – «Не обидь». Именно поэтому выбор оценочных слов, порицающих или бранных агнтивов, демонстрирует не только ценностное отношение говорящего к объекту, но и характеристику социального статуса адресанта, его собственный речевой портрет.

М.М. Козловская (Гомель, Беларусь)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ ИНФОРМАТИКИ

В построении языковой картины мира важную роль играют процессы семантической деривации. В условиях стремительно изменяющейся жизни они позволяют увеличить номинативный фонд языка без изменения количественного состава лексем. Лексемы, употребленные в переносном значении, нередко входят и в состав словосочетаний, в том числе терминологического характера. При этом переосмыслен может быть один

компонент словосочетания, или все компоненты, или единица в целом. Рассмотрим формирование некоторых полилексемных номинативных единиц в терминологии информатики на примере языкового материала, представленного в «Толковом словаре русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» (Москва, 2006).

Информатика начала интенсивно развиваться относительно недавно и потому, как любая молодая наука, сохраняет черты конкретно-образного мышления, основанного на сходстве предметов и явлений, что способствует отражению в инновации сущности называемых понятий и их пониманию носителями языка. Так, например, источником зафиксировано сочетание *хранитель экрана* ‘программа, гасящая экран или выводящая на него движущееся изображение для предохранения монитора от выгорания люминофора, а также для блокирования доступа и т.п.’. В данном случае при сохранении семы ‘функциональность’, акцентированной морфемной структурой слова (суффиксом *-тель*, имеющим функциональное значение), происходит антропоморфный перенос *хранитель* ‘тот, кто хранит, оберегает кого-либо, бережет что-либо’ (СЕ) —» ‘то, что хранит или бережет что-либо’. Основанием для переноса наименования с одного референта на другой явилась общность выполняемой функции – защита какого-то объекта от неблагоприятных воздействий. Объект, которому может быть нанесен ущерб, конкретизирован вторым компонентом – беспредложным существительным *экран* в родительном падеже.

Семантические процессы формируют семантику ядерного компонента в словосочетании *компьютерный вирус* ‘специальная компьютерная программа, способная самопроизвольно присоединяться к другим программам и при запуске последних выполнять различные нежелательные действия: портить файлы, стирать данные и т.п.’. Лексема *вирус* отмечена в БАС-2 в 2 значениях: ‘1. Мельчайшие микроорганизмы, размножающиеся в живых клетках и вызывающие инфекционные заболевания у человека, животного и растения; 2. О том, что вызывает, порождает какие-либо отрицательные социальные или психологические явления’. Предпосылкой переносного значения является сочетание, как минимум, двух признаков: способность вызывать негативные последствия и начальное воздействие извне. В данном случае с помощью более понятного, часто встречаемого называется и делается доступным и наглядным то, что менее знакомо, менее понятно большинству носителей языка. В отличие от этого примера, в котором атрибутивный компонент лишен образной составляющей, в другом случае наблюдается метафоризация и второго компонента: *троянский вирус* (он же *троянский конь*) ‘имеющий имя, похожее на имя какой-либо полезной программы, и поэтому иногда запускаемый пользователем, хотя и неспособный размножаться самостоятельно’. В основе вторичной номинации – хорошо известная история разрушения древнего города.

Таким образом, в рассматриваемой терминосистеме наблюдается активное использование моделей семантической деривации по различным признакам. Содержательной предпосылкой переноса наименования являются

внешние и внутренние качества предметов и явлений, а также тот культурный общественно-исторический фон, который окружает существование данного понятия в экстралингвистическом мире.

А.Ю. Корнеева (Москва, Россия)

О НОВЫХ ЯВЛЕНИЯХ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Русская экономическая терминология в ее современном состоянии представляет собой значительный по численности (до 25000 единиц [1]) и постоянно количественно растущий пласт лексики, включающий в себя как термины-слова, так и термины-словосочетания (т.е. такие словосочетания, которые семантически и функционально равнозначны терминам-словам и являются единицами терминологического словаря).

Отличительной чертой русской экономической терминологии является то, что в ней присутствует довольно многочисленный – не менее 1500 единиц (примерно 6% от общего числа) – слой терминов (относящихся, как правило, к категории общеэкономических или междисциплинарных, а не узкоспециальных), которые активно функционируют не только в научной речи, но и в других стилистических сферах – языке художественной литературы и публицистики, документов, электронных и печатных СМИ, живой разговорной речи. Именно эта, достаточно большая по численности, группа терминов будет находиться в фокусе нашего внимания.

Характерной особенностью выделенной группы терминов является то, что входящие в нее термины одновременно являются элементами двух систем: системы русских экономических терминов и системы русской общеупотребительной лексики, т.е. фактически могут рассматриваться и как термины, и как общеупотребительные слова. Не углубляясь в описание разных точек зрения на проблему соотношения терминов и общелитературных слов, отметим лишь, что у нас нет никаких оснований рассматривать экономические термины, относящиеся к выделенной группе, в качестве лексических единиц особой природы, обладающих свойствами, обуславливающими их качественное отличие от общелитературных слов. Экономические термины, входящие в указанную группу (наиболее употребительных в различных стилистических сферах), являются неотъемлемой частью русского литературного языка и обладают всем набором свойств, присущих общелитературной лексике.

Изменения, происходящие в русской экономической терминологии двух последних десятилетий, носят не единичный, спорадический, а массовый характер и проявляются в форме активных процессов, под которыми следует понимать явно выраженные на коротком временном отрезке (от нескольких

до полутора–двух десятков лет) разноуровневые и разнокачественные динамические языковые явления, последовательное развитие которых нередко приводит к изменениям языковой нормы. Активные процессы – самая яркая, самая отчетливая форма происходящих в языке изменений.

Изучение всего комплекса лингвистических источников (терминологических и нетерминологических) позволяет говорить о том, что в русской экономической терминологии двух последних десятилетий наблюдаются следующие активные процессы:

(1) резкий рост частотности употребления многих экономических терминов (назовем термины *цена, налог, валюта, инфляция, капитал, прибыль, рыночная экономика, спрос, предложение* и др.);

(2) переход значительного числа экономических терминов из активного словарного состава языка в пассивный (*пятилетка, хозяйственный расчет, колхоз, общенародная собственность, социалистическая система хозяйства, капиталистическая эксплуатация* и др.), и наоборот, из пассивного – в активный (*акция, предприниматель, фермер, безработица, биржа* и др.);

(3) появление в русском языке большого количества новых экономических терминов – как заимствованных из иностранных языков, так и сформировавшихся в результате словообразовательных и иных номинативных процессов, происходящих в самом русском языке;

(4) проявляющиеся в различных формах сдвиги в содержательной структуре русских экономических терминов, которые можно исследовать на уровне слова, рассматриваемого как некая целостность во всей совокупности его значений, или на уровне отдельного значения (лексико-семантического варианта) слова.

Происходящие в современной русской экономической терминологии активные процессы можно изучать не только в рамках «традиционной» («чистой») лингвистики, но также опираясь на теоретические положения и используя методы сравнительно новой лингвистической дисциплины – когнитивной лингвистики.

Первый вопрос, который возникает в этой связи, – это вопрос о соотносимости экономических терминов как единиц языкового уровня с концептами, понятиями и представлениями как единицами концептуально-понятийного (ментального) уровня (об этих единицах ментального уровня см. подробнее: [2]). Экономические термины соотносятся с перечисленными единицами ментального уровня так же, как соотносятся с ними общеупотребительные слова: экономические термины являются языковыми единицами, элементами системы языка, языковой картины мира, а концепты, понятия и представления – единицами концептуально-понятийного уровня, элементами сознания, концептуальной картины мира. Экономические термины представлены в человеческом сознании в виде концептов, понятий и представлений. Концепты, понятия и представления есть мысленные образы, неразрывно связанные в сознании со словами и эквивалентными им словосочетаниями (в данном случае – экономическими терминами).

При рассмотрении обозначенной нами в настоящем докладе проблемы и многих других языковедческих проблем с позиций когнитивной лингвистики особую актуальность приобретает вопрос о сходстве и различии идеальных (мысленных) моделей слова и соотносимых со словами единиц концептуально-понятийного уровня. В основу построения идеальных моделей соотносимых со словами единиц концептуально-понятийного уровня должен, на наш взгляд, быть положен иной (в сравнении с тем, который реализуется при построении моделей лексических единиц) подход. Это должен быть подход, при котором создаваемые модели в наибольшей степени отражали бы социально-психологическую природу концептов, понятий и представлений как феноменов сознания, элементов концептуальной картины мира. При таком подходе становится совершенно очевидным, что в структуре концептов как элементов индивидуального сознания помимо содержательной обязательно присутствует еще и оценочная составляющая. Обе составляющие сложно переплетены, трудноразделимы и представляют собой известную целостность, включающую в себя общечеловеческий (универсальный), цивилизационно-типологический, национально-культурный, социальный, групповой и индивидуально-специфичный компоненты. В сравнении с концептами понятия и представления имеют более простую структуру: в структуре понятий преобладает содержательная составляющая и присутствуют не все компоненты, представленные в структуре концептов; в структуре представлений преобладает оценочная составляющая, содержательная же составляющая, как правило, далека от истинной сути отражаемых в представлении явлений.

Рассмотрение новых явлений в русской экономической терминологии двух последних десятилетий в когнитивном аспекте предоставляет широкие возможности и открывает заманчивые перспективы. Такой подход позволяет, например, проследить все этапы появления, формирования и эволюции концептов, понятий и представлений, являющихся ментальными репрезентациями экономических терминов, появившихся в русском языке в конце XX – начале XXI вв. Или исследовать сам механизм появления в содержательной структуре ряда экономических терминов (*приватизация, шоковая терапия, монетизация льгот* и др.) оценочного компонента. В докладе на примере термина *монетизация льгот* рассматривается, как оценочный компонент (в данном случае – компонент негативной оценки), сформировавшись сначала на уровне общественного сознания, закрепляется затем в содержательной структуре лексической единицы, т.е. становится фактом языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой экономический словарь / Под ред. А.Н. Азрилияна. – 6-е изд., доп. – М., 2004.
2. Корнеева, А.Ю. О становлении когнитивной лингвистики как самостоятельной научной дисциплины // X Конгресс МАПРЯЛ. Пленарные заседания : сб. докладов. – Т. 1. – СПб., 2003. – С. 250–255.

РОЛЬ МОДАЛЬНОГО МИКРОПОЛЯ ЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ В РАСКРЫТИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА А. АХМАТОВОЙ

Художественная картина мира конкретного автора является отражением индивидуально-авторского мировидения и его личного жизненного опыта. Поэтому «языковая форма является наиболее движущим фактором в раскрытии соотношения между реальной действительностью и художественным текстом как результатом ее отражения» [3, с. 26]. «Вершину иерархии семантических компонентов содержания текста составляет индивидуально-авторская концепция мира, ибо любое произведение представляет собой субъективный образ объективного образа действительности» [1, с. 66–67].

Важную роль в репрезентации системы авторских взглядов на мироустройство играет функционально-семантическая категория модальности, структурно значимым компонентом которой является ситуативная модальность, включающая микрополя возможности, необходимости, желательности [2, с. 17].

Целью нашего доклада является рассмотрение текстовой функции конститuentов модального микрополя желательности в выражении одного из ключевых компонентов художественной картины мира А. Ахматовой – образа лирической героини.

Ядерную часть плана выражения микрополя желательности в поэтических текстах А. Ахматовой занимает собственно модальный глагол *хотеть*, наиболее частотно реализующий отрицательное значение «не иметь желания выполнить действие». Так, в стихотворении «Высоко в небе облачко серело» лирическая героиня говорит о своем нежелании совершать какие-либо рефлексорные действия, напротив, она согласна умереть, став частью абстрактного Небытия: *Я не хочу ни горечи, ни мщенья,/ Пускай умру с последней белой вьюгой./ О нем гадала я в канун Крещенья./ Я в январе была его подругой.* В строках стихотворения «Как белый камень в глубине колодца» лирическая героиня также отказывается от активных действий, она не желает вести борьбу (*не хочу бороться*), подкрепляя нежелание тем, что не имеет возможности совершать действие без явной на то причины (*не могу бороться*): *Как белый камень в глубине колодца,/ Лежит во мне одно воспоминанье./ Я не могу и не хочу бороться./ Оно – веселье и оно – страданье.* В приведенных примерах примечательным является параллельное употребление глагола *хотеть* и глагола *мочь*, являющегося ядерным компонентом плана выражения модального микрополя возможности.

О взаимопроницаемости, диффузности микрополей ситуативной модальности свидетельствует и тот факт, что средством выражения значения желательности в поэтических текстах А. Ахматовой выступает модальный

предикатив *надо*, являющийся констиuentом микрополя необходимости. Так, в стихотворении «Мне больше ног моих не надо», уже в названии которого заявлено желание лирической героини изменить свое состояние, модальное значение желательности выражено с помощью данного предикатива: *Не надо мне души покорной,/ Пусть станет дымом, легок дым,/ Взлетев над набережной черной,/ Он будет нежно-голубым*. Лирическая героиня хочет измениться не только физически, но и внутренне; она находится в разладе как со своей формой, так и со своим содержанием.

Важное место в рассматриваемом микрополе желательности занимают конструкции с независимым инфинитивом. Так, в стихотворении «Обман. Я написала слова» с помощью данных конструкций лирическая героиня высказывает свое нежелание совершать действия, направленные во вред возлюбленному: *Листьям последним шуршать!/ Мыслям последним томиться!/ Я не хотела мешать/ Тому, кто привык веселиться*. Особенной яркостью и экспрессивностью модальной семантики желательности отличаются рассматриваемые конструкции при употреблении независимого инфинитива в форме сослагательного наклонения. Ср.: *Стать бы снова приморской девчонкой,/ Туфли на босу ногу надеть,/ И закладывать косы коронкой,/ И взволнованным голосом петь* («Вижу выцветший флаг над таможней»).

Особенности образа лирической героини А. Ахматовой, который почти всегда выстроен на противопоставлении внутреннего и внешнего, неподвижного и динамичного, мертвого и живого, является своеобразной «осью» художественной картины мира великой русской поэтессы, адекватному языковому выражению которой во многом способствуют конститuentы модального микрополя желательности, функционирующие в тесном взаимодействии с конститuentами других микрополей ситуативной модальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л.Г. Бабенко, И.Е. Васильев, Ю.Б. Казарин. – Екатеринбург, 2000.
2. Ваулина, С.С. Языковая модальность как функционально-семантическая категория (диахронический аспект) / С.С. Ваулина. – Калининград, 1993.
3. Терновская, Е.А. Языковая картина мира в произведениях Н. Лескова / Е.А. Терновская // Картина мира в художественном произведении: материалы Междунар. интернет-конф. – Астрахань, 2008.

Л.Н. Кулешова (Черкассы, Украина)

МОДАЛЬНОСТЬ ИСТИННОСТИ В ЯЗЫКЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М.А. МАКСИМОВИЧА

Михаил Александрович Максимович – выдающийся украинский ученый, историк, фольклорист, филолог, первый ректор Киевского

университета. Его исследования по истории Украины имеют значение не только в плане развития исторической науки, но и в плане становления ее языка. Одним из малоизученных аспектов изучения языка исторических работ М.А. Максимовича является модальность истинности в его текстах. Выявление средств ее реализации представляет собой задачу данной статьи. Для анализа выбраны работы М.А. Максимовича, опубликованные в первом томе трехтомного Собрания сочинений (1876–1870), «Волынь до XI века» [1, с. 105–110], «Нечто о земле Киевской» [1, с. 149–156], «О Литовском гетмане князе Острожском» [1, с. 196–199].

Общепризнано, что модальное значение актуализируется в высказывании. Базовым средством модальности истинности, таким образом, должен быть некоторый элементарный тип высказываний – носителей соответствующих модальных значений. Таковыми являются простые повествовательные предложения. Основной прием изложения материала в исторических работах М.А. Максимовича – это повествование. Сообщение о фактах занимает большую часть текста. Поэтому главную роль в создании общего модального значения играют указанные базовые модальные средства, простые повествовательные предложения и их комбинации в сложных синтаксических конструкциях: *Восточная половина сего края, по обеим сторонам западного Буга, заселена была Бужанами и Дулебами* [1, с. 107]; *На восточном рубеже Волини жили Древляне* [1, с. 108].

Как правило, такие повествовательные высказывания с глаголом в изъявительном наклонении, не содержат эксплицитных маркеров истинности. Это простая, ничем не осложненная передача наличной информации, которая, однако, всегда включает помимо акта сообщения о чем-либо еще и акт декларирования истинности того, о чем говорится. Истинностному модальному значению способствует локализация в определенном месте и времени пропозиционального содержания предложения: *В половине 1500 года князь Острожский потерпел поражение на речке Ведроши* [1, с. 197].

Морфологическая категория времени глагола оказывает существенное влияние на модальную оценку истинности. Для текстов исторических работ М.А. Максимовича, являющихся, преимущественно, описательными, наиболее характерны формы прошедшего времени. Фиксированность, определенность времени действия усиливает истинностную оценку, но сужает ее объем. Наиболее часто встречается в текстах М.А. Максимовича форма прошедшего времени глаголов несовершенного вида. Действие оторвано от говорящего, говорящий не является его непосредственным свидетелем, что усиливает объективность, “эпичность” повествования: *«Страна, известная под именем Волини, была с древнейших времен заселена Словенами, подобно земле Киевской, Червоно-русской или Галицкой и Подольской* [1, с. 105]; *«В продолжение Литовского периода Украина оставалась Киевским княжеством полтораста лет* [1, с. 152]. Истинностной оценке здесь присуща отстраненность, объективная информативность, независимость от говорящего. Объем истинностной оценки ограничен в любом случае некоторым эксплицируемым или предполагаемым замкнутым отрезком прошлого.

Еще одним способом выражения модальности истинности в текстах М.А. Максимовича являются лексические средства. К ним следует отнести слова и словосочетания, способные модифицировать истинностную оценку содержания высказывания. Две наиболее важные в этом отношении группы лексем, это: а) модальные слова и словосочетания; б) немодальная лексика с эпистемическими и близкими к ним значениями. Среди модальных средств М.А. Максимович часто использует для утверждения истинности высказываний языковые единицы со значением подведения итога сказанному ранее: *Таким образом, на сею страну, и по ее коренному народу, и по ее древней и нынешней государственной принадлежности, не иначе должно смотреть, как на участок коренной, старожитной Руси* [1, с. 107]; *Таким образом, отдаленная от Поляков земля Киевская была для них не доступною, и в ней могли тогда распоряжаться только Русин да Литвин* [1, с. 153].

Достаточно часто встречаются и модальные выражения с прямой истинностной семантикой: *Всего вероятнее, что Волянянами сначала называлась только некоторая часть Словен, жившая в верховьях западного Буга, около города Воляня* [1, с. 108]; *Они – то, конечно, были основателями и города Воляня, на левой стороне Буга, при устье реки Гучвы* [1, с. 109].

Широко представлена в текстах исторических работ М.А. Максимовича эпистемическая лексика – слова и словосочетания со значениями знания, незнания, веры, сомнения и т.д.: *Вот что можно вывести из сих писателей о жителях древнейшей Волини* [1, с. 108]; *Что касается до других Словенских отраслей, вошедших в состав Волинского народа, то они определяются более предположительно* [1, с. 109].

Подводя итог, можно утверждать, что в текстах исторических работ М.А. Максимовича необходимым элементом являются языковые средства выражения модальных значений истинности. К основным модальным средствам следует отнести простые повествовательные предложения, глаголы прошедшего времени несовершенного вида, модальные слова и словосочетания, немодальную лексику с эпистемическими и близкими к ним значениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Максимович, М.А. Собрание сочинений. – Т. 1. Отдел исторический. – Киев, 1876.

Т.В. Лебедевская (Минск, Беларусь)

ПСИХОГЛОССА КАК НЕОТЪЕМЛЕМОЕ СВОЙСТВО ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Человек, его душа, его мысли – загадка, которую на протяжении веков пытаются разгадать в различных областях научного знания. Сегодня языкознание находится на том этапе, когда для решения возникших задач

необходима интеграция различных научных дисциплин, в центре которых стоит человек. В лингвистике все большее развитие получает проблема представления и структурирования в сознании человека знаний о мире и связанная с ней проблема языковой личности. На современном этапе постоянно совершенствуются методики описания, реконструкции и моделирования языковой личности. Понятие «психоглосса» [2] расширяет наше представление о языковой личности как носителе национально-культурных знаний, социальных установок, мировоззренческих идей. Психоглосса – это неотъемлемое свойство языковой личности, свойство ее языкового сознания.

Описание различных типов психоглосс в их совокупности дает возможность полнее и глубже охарактеризовать языковую личность, выявить, в чем заключается ее своеобразие и неповторимость. Обратимся к образу Чичикова в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» и раскроем специфику его языковой личности. Чичиков постоянно надевает «речевые маски» тех помещиков, с которыми ведет деловые беседы, что приводит к присвоению героем психоглосс других персонажей.

Н.В. Гоголь стремится нарисовать яркий и неповторимый образ героя-приобретателя и с этой целью вводит в художественную ткань повествования не только речевые характеристики, но и собственные ремарки, описывающие поведение персонажа во время актов говорения и слушания. Мы узнаем, что *«о себе приезжий, как казалось, избегал много говорить; если же говорил, то какими-то общими местами, с заметною скромностью, и разговор его в таких случаях принимал несколько книжные обороты: что он незначащий червь мира сего»* [1, с. 350]. Манера говорения, поведения полностью подчинена установкам речевой ситуации: если перед Чичиковым трактирный слуга, то он позволяет себе «фыркать» и оскорблять собеседника; если помещик или чиновник, то выражается красиво, пуская в ход различного рода приятные комплименты: *«Он сказал какой-то комплимент, весьма приличный для человека средних лет, имеющего чин не слишком большой и не слишком малый»* [1, с. 351]. Чичиков все делает так, как принято в обществе, даже говорит *«ни громко, ни тихо, а совершенно так, как следует»* [1, с. 354].

Анализ фонетико-интонационной психоглоссы показывает значимость речевой ситуации для Чичикова. С Коробочкой, *«несмотря на ласковый вид, говорил, однако же, с большею свободою, нежели с Маниловым, и вовсе не церемонился»* [1, с. 378], потому что герой как хороший психолог понимал, что перед ним прежде всего женщина, живущая одна в деревенской глуши. Однако от напора, развязности, бестактности Ноздрева *«Чичиков стал бледен как полотно», «он хотел что-то сказать, но чувствовал, что губы его шевелились без звука»* [1, с. 408].

На протяжении всей поэмы мы сталкиваемся с характеристикой лексической психоглоссы языковой личности Чичикова, представленной в авторской речи: *«Никогда он не говорил: «вы пошли», но: «вы изволили пойти», «я имел честь покрыть вашу двойку» и тому подобное»* [1, с. 352]; *«О чем разговор ни был, он всегда умел поддержать его: шла ли речь о*

лошадином заводе, он говорил и о лошадином заводе; говорили ли о собаках, и здесь он сообщал очень дельные замечания...[1, с. 353]. Свое нечестное предприятие Чичиков называет **дельцем**: – *Я хотел было говорить с вами об одном дельце* [1, с. 419]; *Насчет главного предмета Чичиков выразился очень осторожно: никак не назвал души умершими, а только несуществующим* [1, с. 419]. Чичиков намеренно вводит собеседника в заблуждение, утаивает истинную причину покупки мертвых душ, скрывает свои нечестные побуждения.

Как мы уже ранее отмечали, герой постоянно примеряет различные маски: то он вежлив и любознателен, то основателен и деловит, то кроток и скромн – все зависит от ситуации. Он приспособленец, человек ситуации, очень умело скрывающий свое истинное лицо.

Особого внимания заслуживают диалоги Чичикова с помещиками. О своем «дельце» с Маниловым герой говорит очень осторожно, боясь вспугнуть собеседника грубым словом: – *Но позвольте прежде одну просьбу... – проговорил он голосом, в котором отдалось какое-то странное или почти странное выражение, и вслед за тем неизвестно отчего оглянулся назад* [1, с. 365]. Коробочку Чичиков запутывает, пуская в ход благонамеренные речи: – *На все воля божья, матушка! – сказал Чичиков, вздохнувши, – против мудрости божией ничего нельзя сказать... Уступите-ка их мне, Настасья Петровна?* [1, с. 380] Главная особенность речевого поведения Чичикова – начинать разговор издали, не выкладывая все карты сразу, а потихоньку подходить к предмету речи. Эта особенность сближает Чичикова еще с одним ярким персонажем классической литературы XIX века – Иудушкой Головлевым, который тоже, как паук, ткущий паутину, опутывал собеседника своей словесной «шелухой».

Анализ лексической психоглоссы говорит о том, что слова в употреблении их Чичиковым получают обратное значение. Он стремится любым способом подчеркнуть, что он «раб божий», «ничтожный человек», а на самом деле, скрыть свои истинные побуждения.

Особую нагрузку несет внутренняя речь героя, призванная отразить его истинные мысли. В диалоге с Собакевичем находим: «*Что он в самом деле, – подумал про себя Чичиков, – За дурака, что ли принимает меня?*» – и *прибавил потом вслух...*[1, с. 422]. Ему сложно обмануть, ввести в заблуждение Собакевича, который сразу же раскусил Чичикова.

Таким образом, анализ психоглоссы героя показывает, что Чичиков не тот, за кого себя постоянно выдает. За приличными речами, богобоязненными рассуждениями скрывается хищная натура приобретателя и авантюриста. Речевое поведение героя полностью подчинено задачам коммуникативной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоголь, Н.В. Избранные сочинения / Н.В. Гоголь. – М., 1987.
2. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М., 1987.

МАРФАЛАГІЧНЫ СПАСАБ СЛОВАЎТВАРЭННЯ Ў НАВУКОВАЙ ТЭРМІНАЛОГІІ ПЧАЛЯРСТВА

Марфалагічны спосаб займае ключавое месца пры ўтварэнні аднаслоўных намінацый у навуковай тэрміналогіі пчалярства. Ён шырока выкарыстоўваецца ў сферы сінхроннага словаўтварэння. Такім спосабам на базе ўжо існуючых слоў ці асноў пры дапамозе словаўтваральных афіксаў будуецца новыя словы. “Гэтыя словы ў гукавых адносінах адрозніваюцца ад матываваных, хоць навізна іх адносная, бо састаўныя часткі, з якіх яны ўтвораны, былі вядомы мове і раней; фактычна адбываецца толькі новая кампануюка ўжо вядомых частак, рэалізацыя магчымых камбінацый” [1, с. 94].

Першыя крокі ў даследаванні марфалагічнага спосабу словаўтварэння былі зроблены ў працах Ф.І. Буслаева, І.А. Бадуэна дэ Куртэнэ, А.Х. Вастокава, А.А. Патабні. Далейшае больш шырокае вывучэнне названага спосабу прасочваецца ў працах такіх вучоных, як В.У. Вінаградаў, Б.М. Галавін, А.А. Земская, М.М. Шанскі, П.У. Сцяцко, Л.М. Шакун і інш.

Актыўнае развіццё пчалярскага промыслу ў 2-й палове XX ст., яго тэхнічнае пераўзбраенне патрабавала ўтварэнне новых тэрмінаадзінак для абслугоўвання гэтай сферы.

Наша даследаванне грунтуецца на фактычным матэрыяле, адабраным з 11 тэрміналагічных слоўнікаў і спецыялізаваных даведнікаў. Агульная колькасць лексем складае 207 адзінак. З іх марфалагічным спосабам утворана 76 лексем (36,7%).

Афіксальнае словаўтварэнне ў пчалярскай тэрміналогіі прадстаўлена суфіксацыяй і прэфіксальна-суфіксальным словаўтварэннем. Для суфіксацыі характэрна далучэнне суфікса да ўтваральнай асновы ці цэлага слова. Напрыклад, лексема *борць* выступае ўтваральнай асновай многіх тэрмінаадзінак, якія называюць новыя паняцці: *бортнік* ← *борт-нік* (СЛТ-8), *бортніцаць* ← *борт-н-іча-ць* (РБСГ), *бортніцтва* ← *борт-н-іцтв-а* (РБСГ), *бортнічанне* ← *борт-н-іча-нн-е* (РБСГ), *васкавальнік* ← *васк-ава-льнік* (РБСГ), *матачнік* ← *мат-ач-нік* (РБСГ), *пчальнік* ← *пчаль-нік* (КСБТ), *пчальніковы* ← *пчаль-нік-ов-ы* (РБСГ), *зімоўнік* ← *зім-оў-нік* (РБСГ), *ляток* ← *лят-ок* (РБСГ), *пылок* ← *пыл-ок* (КСБТ), *узяток* ← *узят-ок* (РБСГ), *пчалярства* ← *пчал-яр-ств-а* (СГТ-19) і інш.

Пры прэфіксальна-суфіксальным словаўтварэнні да ўтваральнай асновы далучаюцца адначасова прыстаўка і суфікс або прыстаўка і некалькі суфіксаў: *наваскоўванне* ← *на-васк-оўва-нн-е*, *наслойка* ← *на-слой-к-а* і інш.

Словаўтварэнне шляхам складання з’яўляецца прадуктыўным у межах пчалярскай тэрмінасістэмы. Складаныя словы, утвораныя гэтым спосабам матывуюцца не адной, а дзвюма і больш матывавальнымі асновамі (словамі).

Складаныя тэрміны пчалярства (кампазіты) уяўляюць сабой даволі вялікую групу слоў, якая прадстаўлена наступнымі падгрупамі:

1. Нульсуфіксальна-складаныя тэрміны. Нульсуфіксальна-складаны спосаб прадстаўлены агульнай словаўтваральнай мадэллю $S + a + V$, дзе S – назоўнік, V – дзеяслоў, a – інтэрфікс. Пры гэтым канцавая аснова набывае ўсечаную форму: *васкабой* ← *васк-а-бой* (РБСГ), *маткавод* ← *мат-к-а-вод* (РБСГ), *меданос* ← *мед-а-нос* (РБСГ), *пчалавод* ← *пчал-а-вод* (РБСГ).

2. Складана-суфіксальныя тэрміны. Складанне з суфіксацыяй ў тэрміналогіі пчалярства прадстаўлена дзвюма мадэлямі:

а) $S + a + V + \text{льнік}$: *патакаўтваральнік* (РБСГ);

б) $S + a + V + \text{энн (енн) (е)}$: *воскабяленне* (РБСГ), *патакаўтварэнне* (РБСГ).

3. Словаскладанне. Для называння рэалій пчалярскай тэрмінасістэмы актыўна выкарыстоўваецца словаскладанне: *вулей-дулянка*, *вулей-калода*, *вулей-ляжак*, *вулей-стаяк* (РБСГ); *пчала-ваданоска*, *пчала-зладзейка*, *пчала-разведчыца*, *пчала-будаўніца* (РБСГ); *сям'я-выхавацельніца*, *сям'я-нянька* (РБСГ) і інш. У такіх намінацыях другі назоўнік выконвае функцыю дыферэнцыруючага прыдадка.

4. Асноваскладанне. Гэтым спосабам утворана нязначная частка лексем: *пчаламатка* (РБСГ), *пчалапасека* (РБСГ), *воскапрэс* (РБСГ).

Прааналізаваны фактычны матэрыял сведчыць аб значнай ролі марфалагічнага спосабу ў тэрмінаўтварэнні адзінак пчалярскага промыслу, асноўная задача якіх заключаецца ў найменні новых рэалій.

Утварэнне спецыяльных назваў марфалагічным спосабам у тэрміналогіі пчалярства адбываецца па адзіным з агульналітаратурнай мовай структурных мадэлях і з дапамогай тых жа словаўтваральных афіксаў.

ЛІТАРАТУРА

1. *Шакун, Л.М.* Словаўтварэнне : вучэб. дапаможнік для філал. фак. ВНУ / Л.М. Шакун. – Мінск : Выш. шк., 1978. – 128 с.

РБСГ – Руска-беларускі слоўнік сельскагаспадарчай тэрміналогіі / Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа АН Беларусі. – Мінск : Ураджай, 1994. – 560 с.

КСБТ – Кароткі руска-беларускі слоўнік біялагічнай тэрміналогіі / Віцеб. дзярж. пед. ін-т. – Віцебск, 1994. – 76 с.

СГТ-19 – Беларуская навуковая тэрміналогія: слоўнік сельскагаспадарчай тэрміналогіі. – Мінск : Інбелкульт, 1928. – Вып. 19. – 77 с.

СЛТ-8 – Беларуская навуковая тэрміналогія: слоўнік лясных тэрмінаў. – Мінск : Інбелкульт, 1926. – Вып. 8. – 80 с.

Н.Ю. Паўлоўская, В.М. Гапеева (Мінск, Беларусь)

НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНЫ КАМΠΑНАЕНТ
СЕМАНТЫКІ КАТЭГОРЫІ АПТАТЫЎНАСЦІ
(на прыкладзе беларускіх і англійскіх паказчыкаў жадання)

Пераважная колькасць лексіка-граматычных адзінак, што маніфестуюць адно паняцце, у розных мовах семантычна не супадае, але мае блізкія ці прыблізныя адпаведнікі. У гэтай сувязі мэтазгодным і неабходным з’яўляецца вывучэнне нацыянальнай спецыфікі значэнняў моўных паказчыкаў з улікам іх тыпалагічных асаблівасцей і ў параўнанні з іншымі мовамі. Падобны аналіз дае магчымасць выявіць заканамернасці функцыянавання базавых катэгорый мовы, у тым ліку катэгорыі аптатыўнасці, ва ўмовах неблізкароднасных моў (беларускай і англійскай), прасачыць агульныя і спецыфічныя рысы ў яе афармленні і семантыцы, вызначыць межы міжмоўнага вар’іравання.

Звяртаючыся да кантрастыўнага аналізу, мы зыходзім з універсальнасці катэгорыі аптатыўнасці (жаданне суб’екта актуалізуецца ў любой мове), негамагеннасці сродкаў перадачы гэтага значэння, залежнасці спосабаў эксплікацыі аптатыўных сэнсаў ад унутрылінгвістычных законаў мовы і экстралінгвістычных фактараў, абумоўленых спецыфікай этнічнага ладу жыцця, культуры, асаблівасцямі камунікацыі, інтэлекта, кагніцыі носьбітаў моў.

Аналізу падлягаюць перыферычныя сродкі беларускага і англійскага функцыянальна-семантычных палёў (ФСП) аптатыўнасці *жадаць* (жаданне) – *to wish* (*wish*) – *to desire* (*desire*), *сваербець* – *to itch*, *цягнуць* – *to long*, *прагнуць* – *to thirst*. Менавіта на перыферыі сфакусавана нацыянальная спецыфіка значэння моўных адзінак у якасці “сацыяльна і культурна апрацаванага індывідуальнага вопыту” (У.П. Зінчанка).

Прыядзерныя *жадаць*–*to wish*–*to desire*, акрамя інварыянтных прымет (суб’ектыўнасць, патэнцыяльнасць, воля, пазітыўная ацэнка, жаданне), маюць агульную дыферэнцыяльную сему ‘зычэнне’ і выкарыстоўваюцца для выказвання пажаданняў. У беларускай мове прысутнічае яшчэ *зычыць*, што сведчыць пра больш дробнае члянэнне семантычнай сферы пажаданняў у параўнанні з англійскай, дзе ёсць толькі адпаведнік *wish*: *Дарагія Вера Сцяпанаўна і Сцяпан Данілавіч, жадаю вам жыць доўга-доўга, дачакацца паболей унукаў і праўнукаў* (Т. Барысік). *Шчасця ўсе на дарозе вам зычылі* (А. Куляшоў). – *Here’s wishing you the very best of health!* ‘Жадаю вам моцнага здароўя’ (J. Orwell).

Агульнай рысай беларускай лексемы *жаданне* і англійскай *desire* выступае персаніфікацыя жадання – наданне прадметам і з’явам рысаў жывой істоты, што мае пэўную ўладу над чалавекам (назоўнік *wish* персаніфікацыі не падлягае). Гэта прымета яскрава праяўляецца ў

семантычнай спалучальнасці лексемы *жаданне*: жаданне можна *задаволіць*, *адчуць*, *пераадольваць*, яму можна *падпарадкоўвацца*, *быць падначаленым*, *адпавядаць*, ім можна *гарэць*. Жаданне можа *памерці*, *згаснуць*, *прыйсці*, *варушыцца*, *спраўдзіцца*. Для апісання жадання часта ўжываюцца лексічныя адзінкі, звязаныя з полымем і працэсам гарэння. Агонь у свядомасці чалавека з'яўляецца як станоўчым элементам (сагравае, дае цяпло і надзею на жыццё), так і адмоўным (нясе небяспеку і нішчыць усё жывое). Працэс метафарызацыі пераносіць гэтыя ж рысы на жаданне, якое таксама набывае амбівалентны характар і можа прыносіць людзям як пазітыўныя, так і негатыўныя эмоцыі.

Ужыванне пэўных дзеясловаў і прыметнікаў, што атачаюць *desire*, таксама персаніфікуе жаданне ў свядомасці чалавека. Яно выступае чымсьці знешнім, тым, што можна запрасіць (*invite*), узняць, абудзіць (*arouse*), якое можа супакоіцца і паменшыцца (*slow down*). Жаданне можна адчуваць (*feel*) ці мець (*have*), задавальняць (*satisfaction of desire*) або быць пад яго ціскам (*pressure of desire*) ці праследавацца ім (*desire obsesses*). Яно можа быць неадольным, ашаламляльным (*overwhelming*), зменлівым (*shifting, wandering*). Персаніфікацыя ў якасці своеасаблівай спробы матэрыялізацыі жадання з кагнітыўнага пункту гледжання інтэрпрэтуецца неабходнасцю трымаць пад кантролем невытлумачальныя спадзяванні, памкненні і пачуцці.

У дзеясловах *сварбець*–*to itch*, *цягнуць*–*to long* інварыянтная прымета жадання выступае пераноснай. Першаснае значэнне *сварбець* і *to itch* – ‘непрыемнае, казытлівае адчуванне на скуры’. Лексемы *цягнуць* і *long* звязаны з паняццем працягласці, чагосьці падоўжанага.

Пара *прагнуць* – *thirst* мае наступнае семантычнае тлумачэнне. *Прагнуць*, утворанае ад слова *прага*, не ўспрымаецца зараз як вытворнае ад яго першаснага значэння ‘жаданне піць’ і выкарыстоўваецца большым чынам у пераносным значэнні ‘моцна жадаць’, магчыма, па прычыне наяўнасці ў беларускай мове дадатковых лексем *смага* і *смагнуць*. Беларускае *прагнуць* моцна актуалізуе жаданне, мае высокую частотнасць ужывання (улічым таксама формы *прага*, *прагнасьць*, *прагны*), стылістычна з'яўляецца больш маркіраваным за *хацець* ці *жадаць*. Англійскае *thirst* выступае адзінай лексмай, што перадае значэнне і смагі, і моцнага жадання. Гэтая лексема належыць да далшняй перыферыі і сведчыць пра пэўнае несупадзенне займаемай пазіцыі беларускага *прагнуць* і англійскага *thirst* у іерархіі ФСП.

Перыферыйны фрагмент англійскага і беларускага палёў аптатыўнасці займаюць кадыфікаваныя і фразеалагізаваныя этыкетныя формулы пажаданняў, замоў, праклёнаў. Так, прадуктыўнай у тостах-пажаданнях і асабліва ў праклёнах выступае беларуская канструкцыя са злучнікам *каб*: *Дай жа божа, каб усё было гожа, каб здаровы былі ды багаты ды гаршком грошы мералі*. (А. Мрый). *“Каб ты каменем стаў! Каб ты здраднікам стаў”* (А. Сыс). *Каб яму галаву адкруціла! Каб табе праваліцца, нячыстая сіла!* (А. Мрый). Асноўнай мэтай замоў з'яўляецца ператварэнне жаданага ў рэальнасць з дапамогаю магічных слоў і выразаў: *Раб божы мярцвец! Ці*

баляць у цябе зубы ці не? – Не. – Ну, няхай жа не баляць і мне. Туча, туча, ідзі бокам.

У англійскай мове бласлаўленні і праклёны могуць выражацца пры дапамозе мадальнага дзеяслова *may* ‘магчы’. Сказы такога кшталту маюць інверсійны парадак слоў; пыталыныя, адмоўныя формы і формы прошлага часу адсутнічаюць: *May God grant you happiness!* ‘Хай Бог дасць табе шчасця’. *May his evil designs perish!* ‘Хай знікнуць яго варожыя задумы’ (ужыванне падобнай формы з’яўляецца фармальным і рэдка сустракаецца ў сучаснай англійскай мове). Гэтае ж значэнне перадаецца кан’юнктывам ў выклічных пажаданнях: *God be praised!* ‘Хвала Богу’. *Heaven help them!* ‘Памажыце ім нябёсы’. *Long live anarchy!* ‘Няхай жыве анархія’.

Кампанентны, дыстрыбутыўны і функцыянальна-семантычны аналіз беларускіх і англійскіх аптатыўных дзеясловаў паказаў іх нацыянальную адметнасць і найбольшыя разыходжанні ў сферы маўленчага этыкету (пажаданняў, праклёнаў, замоў). Наяўнасць аналагічных сем у складзе беларускіх і англійскіх аптатыўных адзінак, адпаведная семантычная спалучальнасць (*сварбець*–*to itch*) пацвярджае універсальнасць катэгорыі аптатыўнасці і адзінства моўных і кагнітыўных працэсаў носьбітаў неблізкароднасных моў. Большая разнастайнасць і колькасць у сінанімічных радах адзінак аптатыўнасці англійскай мовы, дробнасць членення зоны пажадання ў беларускай мове (*жадаць*, *зычыць* – *wish*), розны аб’ём значэнняў аптатываў (*прагнуць* – *thirst*), выкліканыя колькаснымі і якаснымі адрозненнямі ў іх семным наборы, сведчаць пра аламарфізм даследуемай катэгорыі і яе нацыянальную спецыфіку.

О.В. Писецкая (Минск, Беларусь)

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА
ДЕТЕЙ ОТ ДВУХ ДО ЧЕТЫРЕХ ЛЕТ
(на материале дневниковых записей)

Языковая картина мира детей, безусловно, имеет динамический характер. Особенно ярко эта особенность проявляется в речи дошкольников, так как именно в этот период ребенок осваивает типологию речевых ситуаций, грамматику, а также основную словообразовательную и лексическую базу родного языка.

По мнению психологов, возраст от двух до четырех лет – самый продуктивный в когнитивно-языковой деятельности ребенка. В этот период все его внимание направлено на объекты окружающей действительности, их действия, состояния. Структуры знания “складываются, формируются и возникают в процессе приобретения ребенком предметного и коммуникативного опыта” (Е.С. Кубрякова), а его когнитивная деятельность связана с продуцированием новых сущностных характеристик объектов и явлений.

Дети осмысливают одни фрагменты действительности с опорой на другие, что способствует сращиванию отдельных областей знаний о действительности друг с другом и концептуализации, а затем вербализации системы индивидуальных представлений в картине мира. Одним из продуктивных способов такового осмысления в языковой картине мира детей является метафорический перенос.

Представление о метафоре как о базовом ментальном процессе (Дж. Лакофф и М. Джонсон), с помощью которого человек понимает одну область знаний через другую и тем самым углубляет свои представления о мире, является наиболее адекватным для понимания развития речевой деятельности ребенка. Процесс порождения и понимания метафор у детей вызывает интерес потому, что метафора выполняет в языке познавательную функцию, а также выступает как средство конструирования новых смыслов (Т.В. Черниговская, В.Л. Деглин).

Метафорический перенос, порождаемый детьми, отличается от метафоры взрослых. Один из главных путей переноса понятий в картине мира взрослых носителей языка ведет от конкретного к абстрактному. В речи дошкольников метафора появляется, когда необходимо сформировать более точное представление о предмете. Как считают психологи, появление метафорического переноса в речи ребенка свидетельствует о новом этапе в онтогенетическом развитии мышления.

По нашим наблюдениям, основанным на дневниковых записях спонтанной речи детей, в языковой картине мира ребенка двух–четырех лет метафорический перенос – достаточно частое явление, которое реализуется по следующим моделям.

1. перенос свойств живого существа на неживой предмет – одушевление: *Не ходи – там машины гуляют; Машина вырастет большая и станет троллейбусом; Пузыри вылупляются; Цветы постарели; Лампочка заболела; А рот живет на голове?*
2. перенос свойств неживого объекта на живое существо – овеществление: *Почему у тебя глазки тиктакают? Мамонт умер и сломался; У меня звук пропал (голос).*
3. перенос свойств известного предмета на новый, неизвестный: *Дай мне сок с кефиром! (сок с мякотью); Это собака с мохом (лохматая собака); Какая у тебя пухлая прическа! (пышная прическа); Шорты – это штаны с короткими рукавами; Солнце такое жареное.*
4. перенос свойств целого объекта на его часть – синекдоха: *Лошади купают свои пятнышки; Я лезу не ногами, а коленями.*
5. перенос, основанный на смежности объектов – метонимия: *Мама, сними мне косичку! (заколку); Я буду музыку смотреть (буду смотреть на проигрыватель); Включи темно! (просьба выключить свет).*

Количество метафорических переносов и их типов в языковой картине мира детей постепенно возрастает. Двухлетний ребенок продуцирует преимущественно метафоры первого типа. С трехлетнего возраста в речи детей появляются и остальные из приведенных выше моделей переноса

значения. Таким образом, мы можем наблюдать направления, по которым изменяется картина мира детей, типы аналогий, сопоставления и обобщения, при помощи которых ребенок познает мир. Интересно, что уже с четырех лет дети способны к распознаванию языковой метафоры: *Как газета приходит? У нее ведь нет ножек!* Это свидетельствует об осознании оснований метафорического переноса, которое способствует уточнению границ между предметом и его вербальным обозначением.

О.А. Полетаева (Минск, Беларусь)

АТРИБУТИВНЫЕ ГИПОТАКТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ В ГОВОРАХ ВИТЕБЩИНЫ

Анализ гипотактических конструкций в диалектном тексте является одним из способов изучения исторического процесса становления предложений подобного типа в белорусском языке. В диалектном синтаксисе представлено большое количество архаических полипредикативных конструкций, а также специфически представлено соотношение древних и относительно более поздних по образованию типов, сосуществующих в рамках диалектной синтаксической системы.

Для примера рассмотрим атрибутивные сложноподчиненные предложения в говорах Витебщины. Как отмечают историки языка, определительные СПП являются одним из древнейших типов конструкций, который начал формироваться, в дописьменный период, однако активно эволюционировал и в XI–XVII вв. [3, с. 276].

В центре определительного поля оказываются конструкции с собственно атрибутивным значением, выражаемым при помощи союзных слов *які* и *каторы*. Причем предложения с *каторы* более распространены в восточных районах Витебской области и имеют преимущественно указательно-выделительное значение (*Зямлю палучалі крысцяны **тыя**, **каторы** служылі пану прыгон – Вт*). В функции соотносительного слова в конструкциях с *каторы* употребляются местоимения *той*, *гэты*. Нами отмечена конструкция с препозитивным придаточным атрибутивным предложением (*Каторая насілася ў празнікі, называлася крамная адзёжа – Лз*). Препозиция придаточного предложения была первична с точки зрения исторической, а потому является архаичной чертой, отражавшей ранние этапы в развитии относительного подчинения. Исследователи отмечают, что конструкции с *каторы* в белорусском языке употребляются редко и только в просторечии и диалектах, напротив, они типичны для русского литературного языка и многих его говоров. Союзное слово *каторы* отмечается как самое употребительное средство связи в определительных СПП в письменности трех восточнославянских языков в период с XV по XVII вв. [3, с. 277].

Однако в процессе формирования синтаксической системы изучаемых говоров конструкции с данным средством связи были значительно потеснены конструкциями, в которых определительная придаточная часть вводится союзным словом **які**. Данные атрибутивные предложения имеют, как правило, значение качественной характеристики предмета (*Было мне **такое** гора, **якога** я ня ведаў за усю жызню – Пл*), в этом случае в главной части может употребляться соотносительное слово **такі**. Встречаются также и предложения с указательно-выделительным значением придаточной, тогда возможно употребление коррелятов **гэты, той** (*Нашлі абойму, **якую** я быў забыўшысі выкінуць – Вдв; **Тыя** хлопцы, **якія** былі ў партызанах, ішлі дамой – Ори*). Предложения данного типа (с союзным словом **які**) составляют норму белорусского литературного языка. А. Груцо отмечает, что первые случаи употребления в белорусском языке подобных предложений фиксируются в письменности с середины XVI в. [1, с. 29].

Иногда в диалектных системах Витебской области употребляются семантически маркированные определительные придаточные с местоимением **чый**, которые обозначают принадлежность (*Вунь ідзе той мужык, **чья** машина стаіць каля клуба – Би*).

Представлены в данном поле и сложные предложения с относительным местоимением **хто**, которое употребляется как в именительном, так и в любом косвенном падеже. Конструкции с **хто** в качестве союзного слова зафиксированы в письменных памятниках XI–XVII вв. Однако начиная с XVI в. они активно вытесняются конструкциями с **каторы** и **які**. Определительная придаточная часть может стоять в препозиции (***Хто** ня ўспеў уцеч, усіх сабралі ў пуню – Ори*), в постпозиции, как правило, употребляются формы косвенного падежа данного местоимения. Нами отмечен ряд примеров, в которых придаточная часть дистанцирована от определяемого слова (*За ета ад аднаго гаспадара прынесла булку хлеба, **каму** аддыла надзел – Дбр*). Как отмечают исследователи, такое положение придаточной части было обычным в древнерусском языке, что объясняется большей самостоятельностью зависимого предложения [2, с. 47]. Следовательно, и в этом отношении говоры используют архаическую конструкцию.

Достаточно употребительны в изучаемых говорах и придаточные определительные с относительным местоимением **што** в качестве союзного слова, которые образуют периферийное **переходное объектно-определительное микрополе**. Интересно, что в древнерусском языке чисто определительные отношения вплоть до XV в. выражались именно такими конструкциями. В случае, если местоимение стоит в форме именительного или винительного падежа, придаточная часть имеет указательно-выделительное значение, грамматическим показателем которого является соотносительное слово (***Этых** мальчынят, **што** канюхамі, кожны раз правіраць нада – Вт; Стаў дзед чытаць **тое** пісьмо, **што** яму пріслаў сын – Грд*). В случае, когда союзное слово выступает в форме других косвенных падежей, конструкция, вводимая им, имеет определительно-пояснительное значение (*Дай нажа, **чым** мяса рэзаць – Ори*). Сохранение придаточных

определительных с союзным словом **што** также доказывает наличие в синтаксическом строе изучаемых говоров архаических черт. В данном поле нами также зафиксированы конструкции с относительными местоимениями **чый, які** (*Пытаюся, чый яна – Вдв; А жаніх узнаець, якая яго жонка – Вт*).

Переходное **обстоятельственно-определительное** поле формируется за счет конструкций с союзными словами **дзе, куды, каб, калі**, которые в зависимости от семантики наречия и поясняемого имени вносят оттенок пространственной, временной или целевой характеристики *Заводзюць у лес, дзе многа травы – Дк; Прынясі таз, куды яблыкі сыпаць – Пл; У нас не было такой моды, каб дзеўкі за хлопцам бегалі – Тл; Жылі мы ў той час, калі вялікая беднасць была – Уш*).

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что атрибутивное микрополе на уровне гипотаксиса в синтаксической системе изучаемых говоров Витебщины является незамкнутым. Наряду с собственно определительными средствами связи (**каторы, які**), в нем функционируют средства, принадлежащие другим полям (**хто, што, дзе, куды, каб, калі**), что доказывает пересечение его с объектным и обстоятельными полями. В поле отмечено множество архаических конструкций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Груца, А.П. Развіццё складана залежнага сказа ў беларускай мове / А.П. Груца. – Мінск, 1970.
2. Собинникова, В.И. Строение сложного предложения в народных говорах (По материалам говоров Гремяченского района Воронежской области) / В.И. Собинникова. – Воронеж, 1958.
3. Структура предложения в истории восточнославянских языков / Под ред. акад. В.И. Борковского. – М., 1983.

В.В. Посиделова (Ростов-на-Дону, Россия)

РОЛЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО, ОЦЕНОЧНОГО И ЭКСПРЕССИВНОГО АСПЕКТОВ В АНАЛИЗЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Эмоции человека как междисциплинарный феномен изучаются уже достаточно давно. Они получили научное отражение во многих науках: психологии, физиологии и философии (Л.С. Выготский, Е.Л. Ильин, К. Изард, С.Л. Рубинштейн и др.). Однако до сих пор остается нерешенным целый ряд важных проблем теории эмоций: соотношение когнитивного и эмоционального аспектов, удовлетворительное определение понятия «эмоция» и смежных с ним понятий, отсутствует универсальная классификация типов эмоций и др.

Как отметил Ш. Балли, «человеческая мысль постоянно колеблется между логическим восприятием и эмоцией. Мы или понимаем, или чувствуем чаще всего, что наша мысль складывается одновременно из логической идеи и чувства, в одних случаях мысль будет иметь логическую доминанту, а в других – эмоциональную» [2, с. 22].

Категория эмотивности в лингвистической науке получила различные толкования. В результате сложилось узкое и широкое понимание данного феномена. В соответствии с узкой трактовкой категории эмотивности она соотносится с коннотацией в структуре значения лексических единиц (В.Н. Телия) или с какой-либо ее частью: эмоциональными (И.Р. Гальперин), оценочными (Е.М. Вольф) семантическими компонентами. При широком понимании данной категории она ассоциируется с единицами различных языковых уровней.

Существует комплексный подход к определению содержания и объема категории эмотивности. Так, например, В.И. Шаховский трактует данный термин и как «прагматико-психолого-речевую категорию» [8, с. 42], и как «лингвистическое выражение эмоций» [9, с. 19], и как «имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых средств социальные и индивидуальные эмоции» [8, с. 24]. Данный подход позволяет охватить как языковые, так и речевые аспекты наполнения категории эмотивности, а также соотносит ее с личностью говорящего.

Существуют различные языковые средства представления эмоций. При этом они могут выражаться не только единицами лексического уровня, но и синтаксического. Последние ни чем не уступают первым, однако синтаксические единицы относятся к косвенным выразительным средствам в отличие от лексических (прямых). Предложение «обладает своей собственной, четко выделяющейся функцией, состоящей в передаче эмоционального компонента содержания, и включает эмоциональную сему, которая в плане актуального членения входит в рематическую составляющую предложения» [6, с. 24–25].

Эмоции оказывают заметное влияние на характер использования языковых средств, их оформление. А. Сеше в этой связи говорит о двух видах такого влияния. Первое проявляется в том, что высказывания под воздействием эмоций становятся более короткими, «рублеными». При этом логико-семантические отношения между высказываниями репрезентируются имплицитно [10, с. 133–135]. Во втором случае эмоции определяют позиции всех структурно-смысловых элементов высказывания, которые четко фиксируют порядок появления мыслей.

Эмоции человека могут выражаться не только вербальными, но и невербальными (паралингвистическими) средствами. Содержание, передаваемое посредством данных двух каналов, может находиться в разных отношениях друг с другом. Оно может совпадать, дополнять или входить в противоречие. Тип отношений определяется авторскими интенциями и

способен порождать различные стилистические эффекты, например, обманутого ожидания, иронии, языковой игры и т.д.

Категория эмоциональности, безусловно, связана с категорией экспрессивности. Это обусловлено тем, что язык как средство общения и развития должен быть точным, понятным, ярким и обладать воздействующей силой. Эмоциональное в языке способствует созданию выразительности речи, создавая тем самым ее прагматический потенциал. Таким образом, эмотивность – это один из источников экспрессивности.

Общеметодологической основой изучения экспрессивности и эмоциональности служит мысль о том, что без человеческих эмоций познание объективной действительности невозможно. Таким образом, эмоциональное (экспрессивное) и интеллектуальное тесно связаны между собой. Однако интеллектуальное не равно эмоциональному, а эмоциональность не тождественна экспрессивности. Эмоциональность представляет собой категорию семантическую. Ее репрезентанты служат для выражения различных чувств человека. Экспрессивность же является функцией языка, это «способность выражать эмоциональное состояние говорящего, его субъективное отношение к обозначаемым предметам и явлениям действительности» [1, с. 7]. Более корректно, на наш взгляд, трактует характер взаимосвязи эмоциональности и экспрессивности Е.М. Галкина-Федорук: «Экспрессивные же средства в языке служат усилению выразительности и изобразительности как при выражении эмоций, выражении воли, так и при выражении мысли» [4, с. 108].

Эмотивное начало выражает отношение субъекта речи к ее предмету, а также к собеседнику. Оно репрезентируется в значении языковых единиц. «Это отношение может включать в себя эмотивно-оценочную модальность, стилистическую маркированность в самом широком смысле (которая тоже есть род суждения о ценности) и собственно экспрессивную окраску, рассматриваемую нами как своего рода итог всех “предшествующих”» [7, с. 17].

Категория эмоциональности находится под сильным влиянием интеллектуального начала в процессе познания. Это получает свое воплощение в ее двойственном характере. Отсюда, «...в естественном языке не может быть чисто эмоциональной оценки, так как язык как таковой всегда предполагает рациональный аспект. Способы выражения двух видов оценки в языке различаются, показывая, какое начало лежит в основе суждения о ценности объекта, эмоциональное или рациональное» [3, с. 40]. Таким образом, в структуре значения языковых единиц целесообразно различать объективный и субъективный оценочные компоненты. Оценочное высказывание, даже если в нем прямо не выражен субъект оценки, подразумевает ценностное отношение между субъектом и объектом.

Таким образом, двойственный, противоречивый характер оценки воплощается в интеллектуальном и эмоциональном аспектах. При этом в исследованиях психологов также отмечается взаимосвязь эмоций и оценки. Содержание собственно оценочного высказывания направлено на отражение

внутренних свойств предмета, о котором идет речь, а эмоционально-оценочного – на выражение отношения говорящего к свойствам данного предмета в форме психического явления, представляющего собой эмоциональную реакцию. Данное понимание собственно оценочного и эмоционально-оценочного значения согласуется с традиционным подходом к этой проблеме. Их кардинальное отличие заключается в том, что первая относится к денотату (это подтверждается тем, что она выделяема на уровне языка, т.е. даже вне контекста), а вторая входит только в сигнификат, где и формируется ценностная ориентация значения (выявление ее как прагматического элемента возможно только в речи, т.е. в контексте). Таким образом, субъективный характер эмотивно-оценочной модальности проявляется в том, что она не входит в объем “словарного” значения и не объективируется в нем, как в оценочном значении.

Посредником между эмоциональным и интеллектуальным выступает язык. Таким образом, эмоции человека объективируются в языке и закрепляются в структуре значения языковых единиц. Такие семантические элементы получают статус объективно-оценочной модальности. Им противопоставляются компоненты субъективно-оценочной модальности, которые называются прагматическими, коннотативными или коммуникативными элементами значения, каждый раз привносимыми в содержательную структуру языковых единиц в связи с употреблением в речи. Таким образом, эмотивное тесно связано с оценочным. В структуре оценочного значения следует также различать объективное и субъективное начала.

Различение когнитивного и прагматического (в широком смысле) аспектов в содержательной структуре высказывания обусловлено особенностями человеческого сознания. Всякая мысль характеризуется как элемент этих двух структур сознания, что и приводит к расслоению значения на указанные выше аспекты: первый представляет собой информацию о мире вне субъективной оценки индивида, второй является носителем информации о субъективном отношении говорящего к означаемому факту. Несмотря на различия в своей природе, эти компоненты значения тесно связаны между собой, так как различие в субъективной ценности вещей, явлений, событий для человека коренится в различии их объективных свойств.

Оценочный и эмотивный компоненты значения могут выражаться как прямо (эксплицитно), так и опосредованно (имплицитно). Наличие скрытой (имплицитной) информации в структуре плана содержания высказывания свидетельствует о его экспрессивности. Экспрессивность в таких случаях обусловлена тем, что информация, содержащаяся в них, противоречит ожиданию собеседника и, следовательно, может воздействовать не только на разум, но и на эмоциональную сферу адресата. В таких предложениях «...смысловая направленность прямо противоположна направленности, заложенной в данной языковой форме. Поэтому предложения в переносном значении содержат элемент трагической оценки, определяемый субъективным отношением автора к предмету речи. Он пародирует прямое значение высказывания, однако от него вовсе не отрекается. Такое явление

реализуется на синтагматической оси языка. Форма подобных предложений может расцениваться как “маска”, прикрывающая истинное значение (“лицо”) данной конструкции» [5, с. 43].

Таким образом, эмоциональное, оценочное и экспрессивное играют важную роль в интерпретации содержательного, формального и этимологического аспектов языковых единиц, в частности фразеосхем. Они тесно связаны между собой, однако не тождественны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александрова, О.В.* Проблемы экспрессивного синтаксиса: на материале английского языка / О.В. Александрова. – М., 1984.
2. *Балли, Ш.* Французская стилистика / Ш. Балли. – М., 1961; 2001.
3. *Вольф, Е.М.* Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М., 1985.
4. *Галкина-Федорук, Е.М.* Об экспрессивности и эмоциональности в языке / Е.М. Галкина-Федорук // Сб. статей по языкознанию. – М., 1958.
5. *Меликян, В.Ю.* Синтаксические конструкции с противоположными значениями негопозитивности и оценки в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук / В.Ю. Меликян. – Краснодар, 1996.
6. *Рыбакова, М.В.* Эмоциональность в системе коммуникативных типов предложений (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук / М.В. Рыбакова. – М., 1985.
7. *Телия, В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М., 1986.
8. *Шаховский, В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – Воронеж, 1987.
9. *Шаховский, В.И.* Эмотивный компонент значения и методы его описания / В.И. Шаховский. – Волгоград, 1983.
10. *Sechehaye, A.* Essai sur la structure logique de la phrase / A. Sechehaye. – P., 1950.

Н.С. Рыбалка (Черкассы, Украина)

ПРОПОЗИТИВНО-ДИКТУМНАЯ МОТИВАЦИЯ НОМЕНКЛАТУРНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ МЛЕКОПИТАЮЩИХ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ПРЕДИКАТНЫЙ МОТИВАТОР)

Целью нашего исследования является когнитивно-ономасиологический анализ номенклатурных наименований млекопитающих (далее – ННМ) в английском языке и выявление роли предикатных мотиваторов в данной номенклатуре. Для достижения цели мы использовали методику когнитивно-ономасиологического анализа, разработанную Е.А. Селивановой.

Данная методика основывается на двувекторном принципе анализа: от ономасиологической структуры к структуре знаний об обозначаемом и наоборот, что дает возможность определить типы мотивации в зависимости

от статуса мотиватора в структуре знаний об обозначаемом. В отличие от других видов мотивации, пропозитивно-диктумная акцентирует внимание номинаторов на относительно объективной информации о животных и является по общей природе метонимической [2, с. 163]. Объективность информации представлена в диктуме пропозиции, который соотносится с аргументно-предикатными структурами, центром которых является предикат [1], определяющий дифференциацию действий, состояния и поведения млекопитающих.

Материалом исследования послужили более 500 английских ННМ, извлеченных методом сплошной выборки из «Пятиязычного словаря названий животных. Млекопитающие» [3] и справочника «*Mammal Species of the World: A Taxonomic and Geographic reference*» [4].

В английских ННМ используются различные предикаты, которые характеризуют ситуацию обитания, питания, размножения, поведения млекопитающих. Эти предикаты в ономаσιологических структурах английских ННМ могут быть выражены отглагольными существительными или *Participle I*.

Мотиваторами исследуемых наименований являются:

- предикаты **звучания**, которые характеризуют звуки, издаваемые животными при общении (*mantled howler monkey* – «...noted for its loud voice created by an extraordinarily large and cavernous larynx; vocal communication forms an important part of their social behaviour»), в качестве сигналов тревоги (*whistling hare* – «...due to its high-pitched alarm call when diving into its burrow»), как признак покорности (*laughing hyena* – «The famous giggle or laugh is a sign of submission, often made when several hyenas are feeding on a carcass»);

- предикаты **передвижения** млекопитающих во встревоженном (*meadow jumping mouse* – «...capable of leaping a good sized distance compared to its body size. The initial leap of the jumping mouse when startled from a squatting position is long; the following hops are shorter but much more rapid») или спокойном состоянии (*long-tailed climbing mouse* – «...can move with great agility through the branches of trees and bushes, and also through the tallest types of grass»);

- предикаты **обустройства жилища**, выступающие в качестве мотиваторов английских ННМ либо самостоятельно (*burrowing vole*, *burrowing tenrec*), либо в комбинации с объектом действия (*house-building jerboa*);

- предикаты **добывания пищи** (*hunting leopard*, *fishing bat*) и **питания** животных. Причем предикатный мотиватор питания коррелирует с мотиватором уровня аргументов – объектом (*blood-sucking bat*, *crab-eating seal*, *Mexican fruit-eating bat*, *Cuban fig-eating bat*). Мотиватор объекта действия может быть представлен лишь частично одним из элементов класса объектов питания некоторого вида млекопитающих, приобретая таким образом статус эквонима (*lizard-eating bat* – «...an opportunistic foliage gleaning omnivore eating mainly insects with some lizards, frogs, fruits, and

seeds», long-tailed anteater – «...mostly eat ants and termites but will also eat other insects»).

В мотивирующей базе ННМ предикатный мотиватор может быть имплицитным, что обусловлено валентностными свойствами иных мотиваторов. Например, мотиватор-локатив компенсирует предикатную информацию с помощью указания на ареал проживания или территорию распространения конкретного зоологического вида (*California porpoise – «...endemic to the northern part of the Gulf of California», marine otter – «...lives exclusively in marine habitats», harbour seal – «...choose to congregate in harbours»).* Мотиватор-темпоратив обуславливает импликацию предиката охоты или наибольшей активности определенного животного (*night ape – «...they are active at night feeding on fruits, insects, and small birds», great evening bat – «The bat leaves its sleeping place already in the late afternoon for the search of food»).*

В завершение заметим, что селекция мотиватора-предиката – довольно распространенное явление для пропозитивно мотивированных английских номенклатурных наименований млекопитающих. В мотивирующей базе английских ННМ активированы прежде всего предикаты звучания, передвижения, обустройства жилища, обитания, добывания пищи и питания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов, В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В.В. Богданов. – Л., 1977.
2. Селиванова, Е.А. Когнитивная ономазиология (монография) / Е.А. Селиванова. – Киев, 2000.
3. Соколов, В.Е. Пятиязычный словарь названий животных. Млекопитающие. Латинский-русский-английский-немецкий-французский / В.Е. Соколов. – 2-е изд., стереотип. – М., 1998.
4. Wilson, D.E. Mammal Species of the World: A Taxonomic and Geographic reference / D.E. Wilson, D.M. Reeder : 3rd edition, volumes 1–2, Johns Hopkins University Press, 2005. – 2.

Н.В. Серпикова (Москва, Россия)

ПОСЕССИВНОСТЬ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Под языковой картиной мира понимается исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности. Понятие языковой картины мира восходит к идеям В. фон Гумбольдта и неогумбольдтианцев (Вайсбергер и др.) о внутренней форме языка, а также к идеям американской этнолингвистики, в частности так называемой гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа.

Каждый язык отражает определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Наличие теснейшей связи и взаимозависимости между языком и его носителями очевидно. Язык неразрывно связан с жизнью и развитием того речевого коллектива, который им пользуется как средством общения. Общественная природа языка проявляется как во внешних условиях его функционирования в данном обществе (би- или полилингвизм, условия обучения языкам, степень развития общества, науки, литературы и т.п.), так и в самой структуре языка, в его синтаксисе, грамматике, лексике, функциональной стилистике.

Универсальные категории в языке представляют собой некую сетку координат, наложенную на действительность, через которую люди воспринимают мир. Многоаспектные посессивные отношения в силу своей универсальности находят отражение во всех языках, однако представлены они могут быть по-разному, что обусловлено спецификой восприятия действительности представителями разных культур. Категория посессивности играет исключительно важную роль в концептосфере человека. Вместе с развитием института собственности развивались и средства отражения этой категории в языке. Основное значение категории посессивности – определение названия объекта через его отношение к некоторому лицу или предмету. Категория посессивности принадлежит к числу таких лингвистических явлений, исследование которых позволяет вплотную подойти к характеристике языкового сознания (менталитета) данного социума. С помощью грамматического описания удастся выявить проводимые в изучаемом языке границы «личной сферы», включающей разного рода предметы и явления, находящиеся в отношении неотчуждаемой («органической») или отчуждаемой принадлежности данному посессору. Тем самым языковая характеристика отношений посессора к предметам, находящимся в его (отчуждаемой и неотчуждаемой) собственности, становится важной для описания языкового сознания социума в целом.

Существует четыре способа выражения посессивности: лексико-грамматический, словообразовательный, морфологический и синтаксический, но в болгарском языке в отличие от русского морфологический способ отсутствует, поскольку язык не сохранил систему падежей. В русском же языке выделяются все четыре способа выражения посессивных отношений.

Одним из способов выражения данной категории как в русском, так и в болгарском языке являются конструкции с посессивным перфектом, который в болгарском языке выражается сочетанием глагола *имам* («иметь»), страдательного причастия на *-н/-т* и имени существительного или местоимения в общем падеже (*Имам написана статия*); в русском языке – сочетанием предлога *у*, имени существительного или местоимения в родительном падеже и страдательного причастия на *-н/-т* или *-но/-то* (*У меня написана статья*; диал. *У волкоф хожано*).

Семантические особенности, сближающие русский и болгарский перфект, состоят в следующем: объект обсуждаемых конструкций имеет общее значение; не всегда определяется роль субъекта в обозначаемом действии; субъект имеет общее значение в случаях, когда в русском языке посессивный перфект выражается при помощи конструкции с причастием, образованным от переходного глагола. Основное семантическое отличие болгарских конструкций с посессивным перфектом от русских заключается в значении субъекта. В русском языке основным значением субъекта является значение деятеля, в болгарском языке – значение деятеля и посессора. Для семантики болгарского субъекта важно, чтобы ему принадлежал результат действия; в русском же языке субъект обладает состоянием, возникшим в результате действия.

Результаты сопоставления в болгарском и русском языках описанного выше способа выражения категории посессивности как категории универсальной наглядно подтверждают мнение большинства исследователей, что свойственный тому или иному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков и культур по-разному видят и структурируют окружающую действительность, поскольку одни и те же концепты могут интерпретироваться неоднозначно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Радченко, О.А. Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства / О.А. Радченко. – Т. 1. – М., 1997.
2. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М., 1993.
3. Серпикова, Н.В. Посессивный перфект в болгарском языке в сопоставлении с русским : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.03 / Н.В. Серпикова. – М., 2005.
4. Уорф, Б. Наука и языкознание / Б. Уорф // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М., 1960.
5. Цивьян, Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира / Т.В. Цивьян. – М., 1990.

Т.А. Сироткина (Сургут, Россия)

ЭТНОНИМЫ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА ТЕКСТА¹

Этнонимы – названия народов – являются неотъемлемой составной частью регионального лексикона. Называя народы, населяющие определенную территорию, они являются средством репрезентации национально-культурного компонента текстов региональной культуры.

¹ Работа выполнена в рамках проекта АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы», проект № 2.1.3/2175 «Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья», а также при поддержке РГНФ, проект № 09-04-82-413 а/У «Ономастическое пространство Пермского края».

Рассматривая жанровый состав и стилевую принадлежность пермских текстов, в которых функционируют этнонимы, можно констатировать, что это:

- 1) деловые документы, представленные в пермских памятниках письменности;
- 2) научные описания разного времени;
- 3) учебные тексты;
- 4) художественные произведения;
- 5) записи живой речи носителей пермских говоров.

Уже в деловых памятниках Прикамья XVI–XVIII вв. используются такие этнонимы, как *баширицы* (*башириец*, *баширятин*, *баширка*), *вогуличи*, *вагуличи*, *вогуличики* (*вогулетин*, *вагулетин*), *пермяки* (*пермяк*), *черемисы* (*черемисин*), *мещеряки* (*мещеряк*), *остяки* (*остяк*), *русские* (*русский*), *тотары*, *татары* (*татарин*, *татарка*), *вотяки*, *отяки* (*вотин*, *отин*), *угра*, *югра* (*угрин*, *югрин*), *зыряне* (*зырян*, *зырянин*, *зырянец*), *литва* (*литвин*), *мордва* (*мордвин*), *ногаи*, *поляки* (*поляк*), *чуваши* (*чувашенин*), *чудь* (см. «Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века» Е.Н. Поляковой).

В современной диалектной речи используются другие формы этнонимов, нежели в деловом языке XVI–XVIII вв. Так, в деловом языке XVIII века употребляются формы *зыряне*, *зырянцы*, в современных говорах – *зыряны*, *зыряне*, *зырянё*: «Работали с русскими зыряны, дрова готовили»; «Были сборками шубы борчатки, ходили зыряна шились»; «Вогулы – это не зырянё» (д. Акчим Красновишерского района).

Этнонимы могут являться основой народных фразеологизмов. Очень продуктивен в пермских говорах этноним татары: *татара молотят в голове* – головокружение, боль, тяжесть («Сёдни я ничё не скажу, у меня татара молотят в голове» – д. Тетерина Соликамского района), *татарам на хмель* – ни на что не годен («-Баушка, праздник нынче, дай выпить маленько, потом помогу тебе чем-нибудь. – Да кому ты нужен, тебя только татарам на хмель!» – д. Ножовка Частинского района), *татарин родился* – о моменте мгновенной тишины («Татарин, что ли, родился? Почему тогда замолчали? Разговаривайте» – д. Касиб Соликамского района).

Авторы художественных текстов включают этнонимы в произведения, посвященные историческому прошлому Пермского края. Так, в романе Алексея Иванова «Чердынъ – княгиня гор» функционируют и аллоэтнонимы (именования, которыми называют себя сами представители народа, и экзоэтнонимы (названия, данные другими народами). Если этноним *русские* используют представители русского этноса, то пермяки (коми-пермяки) называют их *роччиз*, а вогулы – *русам*: «Но пермяки разволновались и осенью съехались на совет в Янидор, куда пригласили и молодого князя русских»; «Вас, роччиз, как друзей мы пустили жить на наших землях»; «Русы-новгородцы – древние наши враги», – сказал Асыка».

Этнонимы в дидактическом дискурсе являются терминами, от усвоения которых зависит успешное освоение учебных дисциплин, связанных с языком и историей родного края. Особенность организации текстов

дидактического дискурса – учет возрастной категории школьников или студентов, на которую рассчитано то или иное пособие.

Исходя из этого, удачной представляется реализация информационной функции текста в начальной школе через обращение к фольклорному материалу – легендам и преданиям, поскольку познание через образы и представления на этом этапе учебной деятельности является ведущим.

Так, в учебном пособии «Прикамье: странички далеких и близких времен», написанном Н.П. Горбацевич и Н.В. Шатровой и одобренном научно-педагогическим советом департамента образования Пермской области для изучения факультативного курса «История родного края» в 3–4 классах, представлены лишь этнонимы, образующие ядро этнонимической системы Пермского края: *русские, татары, удмурты, чувашы, коми-пермяки, мари́йцы*.

Естественно, что в учебных пособиях, рассчитанных на более взрослых школьников, расширяется пространство регионального этнонимикона. Так, в пособии «Русская речи Прикамья», предназначенном старшеклассникам, приводятся не только собственно названия этносов, но ведется речь о разных языковых семьях, к которым относятся языки народов Пермского края.

Если же пособие рассчитано на студентов, имеет смысл, на наш взгляд, говорить не только о современных названиях этносов, но и о старых (вогулы, остяки, вотяки). Такой подход реализован автором в учебном пособии по спецкурсу «Этнонимия Прикамья».

Итак, рассмотрение функционирования этнонимов в различных типах пермских текстов дает основание говорить о том, что состав этнонимикона и формы различных этнонимов варьируются в зависимости от типа текста, но общим в функциональном плане является выполнение ими определенных функций (текстообразующей, номинативной, функции исторической достоверности, а в определенных случаях также метаязыковой и эмоциональной).

Безусловно, рассмотренные типы дискурса способствуют формированию этнонимического тезауруса местных жителей, появлению определенных преставлений и ассоциаций в их локальной картине мира.

С.С. Хромов (Москва, Россия)

О НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКЕ РУССКОЙ ИНТОНАЦИИ

Современная русская звучащая речь с точки зрения фонетики и интонации представляет собой единство лингвистических, социокультурных, психолингвистических, индивидуально-психологических коммуникативно-функциональных характеристик. В конце XX века в лингвистике произошло изменение векторов научного поиска: на смену строгому поуровневому,

стратификационному анализу пришло комплексное, полифункциональное, системное рассмотрение явлений, что полностью относится к объекту и предмету нашего изыскания, который рассматривается как феномен одновременного междисциплинарного научного исследования и комплексного подхода различных наук.

При всей многоаспектности и многокомпонентности современной звучащей речи на уровне слова, фразы (высказывания) и текста следует иметь в виду, что интонация выступает как ее релевантный, детерминирующий компонент. Необходимо отметить, что, несмотря на то, что интонацию традиционно относят к фонетике, она, тем не менее, характеризуется рядом специфических черт в отличие от фонетических. Характерные для первоначального развития фонологии и интонологии строгое противопоставление, стратификация дифференциальных и интегральных признаков, реализующихся в рамках одной интонационной единицы (в другой терминологии – интолемы, интонационной конструкции), достаточно условны. Любой дифференциальный признак в реальной речи реализуется в рамках произносительной нормы с определенным коммуникативно-прагматическим заданием, модальной, экспрессивно-эмоциональной окраской, стилистической, культурологической принадлежностью фразы.

Интонация представляет собой многослойное явление, единство универсальных, типологических и национально-специфических черт. В характеристике интонации как многослойного феномена мы опираемся на иерархическую организацию языка как формы в концепции В. Гумбольдта–Л.Г. Зубковой. Применительно к изучению интонации в этом направлении также продуктивны концепции Т.М. Николаевой, выделяющей в интонации три слоя – универсальный слой, слой словесной просодии и специфический собственно языковой слой, и Н.В. Черемисиной, различающей, кроме универсального и национально-специфического, включающего в себя и просодию слова, также слой индивидуальной интонации, характеризующий отдельного индивида, и слой стилистических черт интонации. Мы полагаем, что всякий интонационный контур, представляющий знаковую форму языка, манифестирует одновременно единство универсальных, групповых (генетических, ареальных, типологических) и национально-специфических характеристик языка. Каким же образом наиболее адекватно могут быть описаны национальные особенности любой интонации? Ведь все дело в том, что во многих теоретических описаниях интонации различных славянских языков к ним часто относили универсальные или типологические характеристики.

Собственно национально-специфические особенности любой интонации, в том числе и русской, могут быть адекватно описаны и выявлены на фоне ее универсальных и типологических свойств в языках различного морфолого-синтаксического строя. В любой интонации представлен слой словесной просодии, который определяет базовую национальную специфику любой интонации.

Специфичен сам сплав универсальных, типологических и национальных интонационных характеристик в каждом языке.

Ведущим, доминирующим признаком, определяющим национальную специфику, является прежде всего просодическое устройство слова, которое коррелирует с грамматическим строем языка, весьма разнообразное в языках мира.

Однако национальная специфика русской интонации может быть системно и целенаправленно описана только с учетом межкультурной коммуникации. Определение национального этнического стиля коммуникации невозможно без учета национальной специфики интонации, которая является его неотъемлемой частью.

В то же время опыт межкультурного взаимодействия показывает, что здесь перестраивается вся традиционная картина взаимоотношения дифференциальных и интегральных признаков, соотношение важного и неважного в процессе коммуникации, взаимодействие говорящего и слушающего, установление/неустановление контакта и, как следствие, достижение/недостижение взаимопонимания.

Поэтому правомерным становится выделение культурологического аспекта интонации, что связано с разработкой понятия культуры речи для методики преподавания языков, а также с полным описанием национального стиля коммуникации, неотъемлемой частью которого является интонация. С позиции межкультурной коммуникации признаки, обычно трактуемые как несущественные, незначимые в традиционной интонологии, оказываются важными, нужными в процессе межкультурной коммуникации не только между представителями разных культур, но и между представителями разных социальных, возрастных, культурных, этнических страт внутри одного поликультурного общества, потому что именно от них в первую очередь зависит успех или неуспех общения.

ЛИЧНОЕ ИМЯ КАК ОСОБЫЙ ЯЗЫКОВОЙ ЗНАК И КАК СВЕРНУТЫЙ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ТЕКСТ

Л.Н. Авдоница (Пенза, Россия)

ОПИСАТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО ПОЛЯ КОНЦЕПТА «ПЕТЕРБУРГ» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА А. БЛОКА

Национальная картина мира – категория лингво-историко-этнологическая, она включает общенациональные принципы и подходы к пониманию действительности. Топонимические концепты отражают национально-культурное представление человека о мире, но в то же время в авторской концептосфере топонимический концепт позволяет в единстве рассмотреть художественный мир произведения и национальный мир.

Цель данной работы – рассмотреть в структуре концепта «Петербург» в поэзии А. Блока описательные признаки энциклопедического поля, используя метод семантико-когнитивного анализа (З.Д. Попова и И.А. Стернин).

Энциклопедическое поле концепта «Петербург» у А. Блока включает 72 признака и состоит из четырех зон: категориальной, дифференциальной, описательной, идентификационной. Самой объемной является описательная зона – 54 когнитивных признака.

Художественное сознание А. Блока отразило наличие в Петербурге дачных пригородов, которые были излюбленным местом прогулок поэта: *курортный поселок Дюны, дачный поселок Лесной, дачный поселок Озерки, дачный поселок Старая Деревня* и др. Среди когнитивных признаков концепта, относящихся к описательным, выделяются признаки, называющие узнаваемые городские реалии: *Средний проспект, 10 линия, Московская застава, сенат, Театр музыкальной драмы, ресторан «Вилла Родэ», ресторан на станции Озерки, Коломяжский ипподром, дом на Гагаринской, дом М.П. Боткина на Николаевской набережной, гардинно-тюлевая фабрика, Сенная площадь* и др. Характерно, что среди них нет главной реалии городского пространства Петербурга – Невского проспекта (выявлены только признаки: *здание Городской думы на Невском проспекте, музей восковых фигур на Невском*) несмотря на то, что современники называли А. Блока «певцом Невского проспекта». Общественно-политическая роль столичного города в истории России не играет особой роли в поэтическом сознании А. Блока: *буржуазный, революционный, самодержавный, большевистский*. В поэтическом сознании А. Блока, прежде всего, закреплены признаки, определяющие Петербург как местоительство людей, которым иногда дается характеристика: *пьяные, веселые люди*. Выделяемые признаки могут быть результатом осмысления деятельности жителей или их увлечений и поведения: *работающий, погружен в заботы, модный, суетливый, развлекающийся*. Среди указанных признаков концепта самый частотный *пьяные* – 9 объективаций.

Когнитивные признаки описательной зоны отражают в художественной картине мира А. Блока связь концепта «Петербург» с культурой и историей России. Весьма значимыми становятся когнитивные признаки, выделяющие знаменитые петербургские соборы: *Исаакиевский и Казанский соборы* – место лирического действия ранней лирики поэта и *древний Сфинкс* – памятник загадочному и непостижимому символу древней культуры. Несомненно, поэту было известно, что Сфинксы, самые древние архитектурные памятники Петербурга, были установлены в 30-х годах XIX века перед зданием Академии художеств (рядом находится Петербургский университет и ректорский дом, в котором родился А. Блок), когда в Европе после египетского похода Наполеона распространилась мода на Восток. Единичные объективации описательных признаков указывают на определенные культурные и развлекательные объекты Петербурга в связи с темами поэтического творчества А. Блока, выделяют круг интересов поэта или связаны с фактами его биографии. Так, лирическое повествование поэта о любви к Л.Д. Менделеевой, составляющее символический сюжет сборника «Стихи о Прекрасной Даме», разворачивается на фоне петербургских «пейзажей», представленных признаками: *дом на Гагаринской, дом М.П. Боткина на Николаевской набережной*. Когнитивный признак *Зимний дворец* выявлен в концепте «Петербург» в связи с революционными событиями 1905 года, а признаки *Новодевичий монастырь, Петропавловская крепость* характеризуют конкретные исторические реалии жизни Петербурга в поэме «Возмездие». Появление образа романтически возвышенной и в то же время трагически униженной Незнакомки определяется когнитивными признаками *ресторан «Вилла Родэ», ресторан на станции Озерки*. Когнитивный признак в концепте «Петербург» *Театр музыкальной драмы* характерен для цикла «Кармен», отразившего увлечение А. Блока оперной актрисой Л.А. Дельмас. Своеобразной биографической справкой о поэте является когнитивный признак *гардинно-тюлевая фабрика*: данная фабрика примыкала к офицерскому корпусу Гренадерских казарм, где в семье отчима до 1906 года жили Блоки. Появление когнитивного признака *Коломяжский ипподром* связано с трагическим событием: 14 мая 1911 года во время «Авиационной недели», происходившей на Коломяжском ипподроме, на глазах А. Блока разбился русский летчик В.Ф. Смирнов. Воспоминанием о любимом Петербурге во время путешествия в Италию в мае–июне 1909 года становится когнитивный признак *кинематограф*. Среди значимых для А. Блока имен в концепте «Петербург» выделяются имена А.С. Пушкина и царя Петра I: *напоминает о Пушкине (3), памятник Петру (4), напоминает о Петре (2)*; причем когнитивных признаков и объективаций концепта, относящихся к царю, вдвое больше, чем когнитивных признаков и объективаций, относящихся к первому поэту России.

Своеобразие индивидуально-авторского концепта «Петербург» в поэзии А. Блока проявляется в высокой яркости энциклопедического поля с объемной описательной зоной, что вполне соотносится с особенностями художественного изображения мира.

НАЗВАНИЯ ГОСУДАРСТВ
В «ПОСЛОВИЦАХ РУССКОГО НАРОДА» В.И. ДАЛЯ

Одним из самых распространенных разрядов ономастической лексики являются топонимы. Как и другие собственные имена, топонимы выполняют не только номинативную, но и кумулятивную функцию – функцию отражения, фиксации и хранения в языковых единицах информации о постигнутой человеком (обществом) действительности.

Значительное место топонимы занимают в русских пословицах и поговорках. Изучение особенностей функционирования топонимической лексики в данных фольклорных жанрах представляется важной лингвистической задачей, поскольку выявление и описание ассоциативно-культурного фона географических названий, как и всех имен собственных, позволяет построить фрагмент картины мира, свойственной русскому народу.

Среди топонимов в «Пословицах русского народа» В.И. Даля (Москва, 1989) встречаются названия государств: Россия (26 имяупотреблений), Золотая Орда (8 имяупотреблений), Польша (6 имяупотреблений), Литва (3 имяупотребления), Египет и Италия (1 имяупотребление). Кажется показательным тот факт, что практически все названия, вошедшие в народную фразеологию, отражают историческое развитие России. Исключением являются онимы в паремии *Египет богат пшеном, Италия вином*.

Народные выражения с онимами **Россия** и **Русь** характеризуют страну с разных сторон (*России и лету союзу нету; У царя колокол по всей России*), отражают элементы быта народа (*Чаем на Руси никто не подавился* – гостей принято было обязательно угощать чаем, и на извинения хозяйки, если в чашку попали чайники, отвечали этой поговоркой), характеризуют русский народ: *На Руси не все караси, есть и ерши; На Руси, слава Богу, дураков лет на сто припасено*. В большинстве выражений отражены исторические реалии: войны с татарами (*Рано татарам на Русь идти*), ограничение вольностей казакам (*Русь навалила, нас совсем задавила*), наполеоновское нашествие 1812 г. (*Прилетел гусь на святую Русь – погостит и улетит*), казнокрадство чиновников (*Мы у матушки России детки, она наша matka – ее и сосем*).

Выбор варианта названия страны (в большинстве изречений – Русь) обусловлен несколькими причинами: во-первых, отражается формирование названия *Россия* на протяжении исторического развития – первое русское государство называлось Киевская Русь; во-вторых, такое название было распространено в народной речи; в-третьих, употребление сокращенного наименования соответствовало излюбленному в фольклоре хорею.

Заметный след в народной фразеологии оставило татаро-монгольское иго: название татаро-монгольских владений часто встречается в пословицах

и поговорках. Имя собственное **Орда** в народных выражениях несет отрицательную оценку. Это государство, подданные которого не спешат признавать общепринятые моральные нормы, хотя отказать им в человечности тоже нельзя: *Старших и в Орде почитают*. Но можно жить и там: *Хоть в Орде, да в добре*. Отражена в выражениях и обязанность князей того времени со всеми спорами и тяжбами обращаться к хану: *Хоть в Орду, да пойду* (то есть судиться – примеч. В.И. Даля). В пословице *Каков хан, такова и Орда* название татаро-монгольского государства выступает как объект сравнения.

Яркое отражение в пословицах и поговорках получили события XIV в. – война с **Великим княжеством Литовским**, возникшим в начале XIII в. В XIV в. Великое княжество Литовское присвоило все белорусские, часть украинских и русских земель. Их захват облегчался тем, что Русь была ослаблена татаро-монгольским игом и борьбой с агрессией немецких и шведских феодалов. Литовские князья с момента образования Великого княжества Литовского стремились к захвату русских земель, поэтому в пословицах и поговорках, которые возникли, вероятно, на западе России, Литва – вражеское государство: *Литва беззаконная; Бейся с ним, как с Литвой* (об упрямом человеке – примеч. В.И. Даля).

Взаимоотношения с Литвой также отражены в смоленской пословице: *К кому Богородица, а к нам Литва* (В.И. Даль комментирует: икона спасла Москву от Тамерлана, а литовский князь Витовт ограбил Смоленск, захваченный в 1404 г.). Окончание войн с Литвой и татарами воспринималось как радостное событие: *Остер меч, да некого сечь: татары в Крыму, а пан в Литве*.

В XVII в. шли войны с **Речью Посполитой**, в результате которых Смоленское княжество то переходило к Польше, то возвращалось России. С Польшей долго воевала за независимость и Украина (*Воля ваша, а Польша наша*). В конце XVIII в. Польша в результате трех разделов между Пруссией, Австрией и Россией потеряла независимость. Обратим внимание на то, что в противоположность общепринятому мнению об угнетении Польши Россией, пословицы отражают иной взгляд: *Что дальше в Польшу, то разбою больше*. В поговорку страна вошла как объект сравнения, отражающий противоположность обычаев и традиций польского, украинского и русского народа, в результате чего отношения при совместном существовании складывались непросто: *У нас не в Польше, муж жены больше; У нас не Польша, есть и побольше*.

Таким образом, анализ ономастической лексики в составе паремий может служить одним из источников описания закрепленного в языке уровня духовного и культурного развития народа и тем самым дает представление о значительном фрагменте русской языковой картины мира, отраженной в одном из наиболее объективных и авторитетных источников второй половины XIX века.

МЕНА ЛИЧНЫХ ИМЕН ПЕРСОНАЖА
КАК ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА

Посредством мены личных имен персонажа как одной из разновидностей ономастической игры в художественном тексте имена персонажей семантизируются и становятся средствами выражения содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной и подтекстной информации о героях.

1. В романе Виктора Пелевина «Священная книга оборотня» [2] *собака-оборотень* – последняя личина главного героя, цепь которых представлена меной имен-идентификаторов. Первое звено этой цепи – антропоним *Саша Серый*:

– *Кстати, мы до сих пор не познакомились, – сказал он. – Александр. Можно Саша. Слышали про такого Сашу Белого? Ну а я – Саша Серый.*

Эксплицированный интертекстуальный посыл выводит современного читателя на главного героя снискавшего немалую популярность сериала «Бригада» – обаятельного бандита Сашу Белого, что указывает на «профессиональную» общность двух персонажей. Не зря прозорливая в своих характеристиках героиня романа называет возлюбленного *бригадиром мокрушиников*. Следующее звено цепи – традиционный славянский эвфемизм *серый*, появляющийся в эпизоде преобразования *Саши Серого* в волка: – *Я тебе серьезно говорю, серый, тормози...* *Серого* сменяет интимно-ласковое *серенький*: – *Чего ты хочешь, серенький?* Затем появляется имя *Alexandre Fenrir-Gray*, в котором объединяются предыдущие звенья номинационной цепи и отвечающий амбициям *Серого* мифоним *Fenrir* – имя сатанинского волка скандинавского мифа. Чудовище сменяет *собака*: поцелуй любви превращает *Alexandre Fenrir-Gray*’я в *совершенно уличную, даже какую-то беспризорно-помоечную – собаку*. Но употребление сниженной лексики описания этой зоофазы превращения героя не обрывает интернациональный ряд слов-идентификаторов сатанинской сущности персонажа. Следующее звено в цепи номинаций представлено двумя именами: *Пес П...*, он же *Гарм. П...*, который приходит всем и всему, – инвективное имя. В романе Пелевина «Generation ‘П’» оно семантизируется дважды: через *детскую компьютерную идиому «гамOVER»* (трансформ английской фраземы *game over* = ‘игра окончена’) и в описательном истолковании. Предпоследний компонент описываемого номинационного ряда – *Саша Черный*. Так в соответствии с окрасом шерсти и – неосознанно – в соответствии с практикой действий подписывает свое письмо покинутой возлюбленной наш персонаж. Наконец, последним звеном в цепи слов-идентификаторов является новое имя *товарища генерал-полковника – Нагваль Ринпоче*. Это окказиональное фантазийное имя, мифоним новейшего времени, в котором «проглядывает» *Нагльфар* – в скандинавской мифологии корабль, сделанный

из ногтей мертвецов – воинов эсхатологической битвы, а *Ринпоче* – почтительный буддийский титул, означающий ‘Драгоценный’. Смесь «времен и народов» в новом имени персонажа способствует формированию ситуативно-психологических коннотаций ироничности и отрицательной оценки.

2. Главный герой романа Владимира Сорокина «Путь Бро» [3] благодаря магическому контакту с космическим *Льдом* проходит ритуал инициации, в который входит и переименование персонажа – обретение им истинного имени: *Александр Снегирев* становится *Бро*. В этом случае общепринятому тезису о социальности личных имен противоречит принципиальная асоциальность антропонимов «космического» происхождения. Более того, сам термин «антропоним» в приложении к именам не людей, а *божественных лучей* (такова подлинная сущность *Бро* и его многочисленных *братьев и сестер Света*) оказывается неуместен. Тезис об энциклопедической информации имени как доступного каждому комплекса знаний об объекте также теряет актуальность в приложении к заумному именослову *Братства*, представляющему собой корпус криптонимов – тайных имен, известных только посвященным. Лишенный национальной специфики, космический ономастикон противопоставлен земным именам этих же персонажей как истинное – ложному, сакральное – профанному, нетварное – тварному.

3. Описываемый прием мены имен может реализовываться в цепочке «личное имя → прозвище → личное имя». В этом случае прозвище теряет изначальную изоморфность характеру и поведению героя, персонаж «перерастает» свое прозвище, как это происходит с героем рассказа Юрия Буйды «Фашист» [1]: *Виктор Курганов*, жадный, грешный, жестокий в своем хозяйственном раже, прозван *Фашистом*. После многих ударов судьбы, лишивших его привязанностей, здоровья, смысла жизни, он решается покинуть свое излюбленное убежище – подвал, сменить его прежде комфортное замкнутое, изолированное пространство на корзину воздушного шара, взмывающего в небо. Мена пространств в данном случае отвечает изменению мировосприятия героя, взлет шара – знак работы его души. Правда, улетает герой *в бесчеловечную пустыню новой жизни*, т.е. в античеловеческие, враждебные человеку пространство и время. Зато в новом качестве ему оказывается по силам привлечь к себе, заразить своей мечтой о полете людей, которых раньше лишь отталкивал: теперь земляки зовут его *Витькой*, а не *Фашистом*. Итак, герой рассказа сначала теряет свое личное имя *Виктор* (= победитель) вследствие «расстройства личности», вследствие того, что имя перестало быть «сказуемым Я» (П.А. Флоренский). Прозвище *Фашист*, сопровождавшее героя большую часть жизни, «отпало», уступив место форме личного имени *Витька*, в которой семантика полного имени *Виктор* явно погашена суффиксом субъективной оценки «-к», что в полной мере отвечает концептуальной идее рассказа: улетающий неведомо куда *Витька* – не победитель, но и не *Фашист*.

Таким образом, лингвопоэтический прием мены личных имен персонажей является специализированным средством экспликации социальной и нравственной эволюции героев литературных произведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буйда, Ю. Фашист // Ю. Буйда. Прусская невеста: Рассказы. – М., 1998.
2. Пелевин, В. Священная книга оборотня / В. Пелевин. – М., 2004.
3. Сорокин, В. Путь Бро / В. Сорокин. – М., 2004.

М.Р. Багомедов (Махачкала, Россия)

ОЙКОНИМИЯ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО РЕГИОНА КАК БЕСЦЕННЫЙ ИСТОЧНИК ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Ойконимия (ойконим – название поселения) является одним из важных и бесценных источников этнокультурной информации о народах, населяющих данную территорию. В этом плане весьма привлекательным является ойконимия полиэтнического региона.

Один из уникальных регионов мира с точки зрения этнокультурного многообразия населения, сложности как историко-генетических, так и современных этнополитических проблем – Дагестан по суше и морю граничит с пятью государствами и тремя регионами РФ. На территории 50,3 тыс. кв. км, из которых 48% горы, проживает более 2,5 млн. человек. Это одна из самых многонациональных республик РФ: представлены более ста национальностей и народностей. Языки народов, проживающих здесь компактно, принадлежат в основном к трем языковым семьям (всего 28): кавказской (двадцать три), тюркской (три) и индоевропейской (два). Межнациональное общение осуществляется на русском языке. Четырнадцать языков являются письменными.

В республике насчитывается более 1600 населенных пунктов (НП), из которых: 10 городов, 19 поселков городского типа и 1567 сельских НП [1]. Несмотря на пеструю языковую картину, в ойконимии просматриваются общие для всех языков модели. В ряде ойконимов отражается специфика территории и языковые (диалектные) особенности.

В регионе, как правило, НП строились исходя из географических, экономических и оборонительных соображений. Это наложило отпечаток на сходство в образовании комонимов.

В языках народов Дагестана понятие «НП» («село», «хутор») выражается различными словами. Например: а) в аварском: *росу* «село» – *Кудиябросу* «Большое село»; *коло* «хутор» – *Гозолоколо* «Хутор Гозоло»; б) в даргинском: *ши* «село», *махьи* (*магьи*, *маши*, *машиши*) «хутор». В сложных ойконимах *ши* употребляется как в номинативе (*Дибгаши*, *Хьураши*), так и в лативе (*Ахьуша*, *Лаваша*, *Меусиша*). *Махьи* зафиксирован

в 119 ойконимах: *Ванашихаьи*, *Цурмахаьи*, *Семгамахаьи* и др. В количественном отношении этот компонент по регионам представлен по-разному. Это свидетельствует об особенностях образования тех или иных поселений и их названий. Аппеллятив *махаьи* состоит из компонентов *ма* «маленький» и *хаьи* (*гьи*, *ши*, *шши*) «село», т.е. «маленькое село». *Ма* (*ме*) представлен в некоторых комонимах: *Меусиша* «Маленький Усиша», *МемухIи* Мегеб «Маленький МухIи». *Махаьи* употребляется и в значении «сезонное поселение»; в) в лакском: *шяр*, *шяравалу* «село», *мащи* «хутор» (они не представлены в ойконимах). Компонент *ши* «село» имеется: *Бурши*, *Цуйщи*; г) в лезгинском: *хуьр* (*хюр*), *кент*, *къеле* (*кIеле*) «село». В официальных документах на русском языке в лезгинских ойконимах зафиксирован компонент *-кент*, но в изданиях на родном языке и в устной речи используется исконный *хуьр*: Касумкент – *Къасумхуьр*, Магарамкент – *Мегъарамдхуьр*.

В ойконимах Дагестана встречаются и тюркские элементы *кент*, *аул*, *къала*, используемые для передачи понятия НП: *Сулайбакент*, *Маллакент*, *Сулевкент*; *Мяммаул*; *Сергокъала* и др. Этот факт отражает «былые экономические и политические связи с кумыкскими феодальными владетелями... и объясняется тем, что русские больше общались с кумыками и усвоили многие названия в переложении кумыков» [2, с. 296–297]. Они свидетельствуют о более позднем образовании этих названий, а в отдельных случаях и самих НП. Основообразующими элементами в них чаще всего выступают мужские личные имена.

В результате миграционных процессов и различных обстоятельств возникли новые поселения. Об этом свидетельствует компонент *новый*, который наличествует в названиях 37 вновь образованных НП [1, с. 182–183]: *Новая Барша*, *Новый Хушет*, *Новокаре*, *Ново-Кули*, *Новолакское*, *Ново-Чуртах*, *Новый Чиркей* и др. Как правило, название прежнего села здесь сохраняется. Исключением является НП *Сагаси Дейбук*, где даргинское слово *сагаси* «новый» не переведено.

Для НП с многонациональным составом (иногда одной национальности, но из разных сел), как правило, выбирают нейтральное название: *Зеленоморск*, *Родниковый*, *Краснопартизанск*, *Морское*, *Дружба*, *Ленинкент*, *Красноармейское* и др. В основном эти поселения образовались во второй половине XX в. В них просматриваются следы советской эпохи.

В дагестанских ойконимах встречаются НП различных регионов с одинаковыми названиями или основообразующим элементом: *БурхIумахаьи* «Хутор солнечной стороны»; *Ванашихаьи* «Хутор теплой воды»; *Къярдмахаьи* «Хутор ущелья»; *Дибгалик* и *Дибгаши*, где *дибг* от *дибгаси* «крепкий»; *Гъуладти* и *Гъуладтимахаьи*, где *гъул* «камень, валун»; *Санахъари*, *Санамахаьи*, *Санжи*, *Санчи*, где *сана* «южный склон» и др.

В топонимии широко представлены понятия «верхний – средний – нижний», но в ойконимах – реже. Тем не менее, компоненты «верхний–нижний» наличествуют в комонимах многих языков народов Дагестана. Их наличие или отсутствие объясняется географическим расположением НП.

Сравнительно большое количество таких названий даргинских и аварских НП истолковывается их местоположением в горной части.

Топонимический фольклор содержит в себе богатый материал об образовании того или иного ойконима.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дагестанская АССР. Административно-территориальное деление. – Махачкала : Даг. кн. изд-во, 1980. – 204 с.
2. Османов, М.-З. Поселения даргинцев в XIX–XX вв. / М.-З. Османов // Ученые записки ИИЯЛИ Даг. фил. АН СССР. Т.Х. – Махачкала, 1962. – С. 214–238.

М.Г. Богова (Минск, Беларусь)

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ДЕРОГАТИВНЫХ ЭТНОНИМОВ-АЛИЕНИЗМОВ

Среди слов, имеющих национально-культурный колорит, отдельное место занимают этнонимы – слова, обозначающие принадлежность к тому или иному этносу. В этой группе выделяются этнонимы-алиенизмы – т.е. эмоционально-окрашенная лексика, именующая представителей других национальностей и чужих социумов на основе стереотипного восприятия их быта, традиций, привычек, места проживания и т.п., которая обычно имеет ярко-выраженную негативную коннотацию. Перевод таких выражений представляет определенную трудность, так как в других языках не всегда легко найти прямой переводческий эквивалент для адекватной передачи их значения. Представляется целесообразным подробнее рассмотреть адекватные средства передачи явных и скрытых значений на примере перевода английских этнонимов-алиенизмов на русский язык.

Легче всего поддаются переводу выражения, референтом которых выступают одинаковые понятия. Так, если носители английского и русского языков имеют дело с одинаковыми реалиями, для ряда этнонимов-алиенизмов существуют непосредственные эквиваленты, напр., *Yokel* – *деревенщина*, *Pug* – *пигмей*, *caricature* – *карлик*, *nothingness* – *ничтожество*. Эквивалент *Hillbilly* и *Goober* – *мужлан*, но для полноты понимания и разъяснения можно сделать сноску, содержащую описательный перевод: *Hillbilly* – *сельский житель малоцивилизованных районов Аппалачей*, *Goober* – *простой, грубый деревенский житель без изысканности и лоска*.

Самым распространенным способом передачи значений английских этнонимов-алиенизмов на русский язык является транскрибирование и заимствование. В этих случаях приходится их приспособлять к кириллическому написанию, однако такие слова получают возможность спрягаться, склоняться, изменяться по родам, числам и т.д., приобретают русские приставки, суффиксы и окончания, напр.: *Rosbeef* – *Росбишф*, *Abo* –

Abo, Brownie – Брауни, Abbie – Эби, Peckerwood – Пекервуд, Okie – Оки, Newfie – Ньюфи, Bog Wog – Бог Вог, Westie – Вести, Amoronican – Амороникан и др. Подчеркнем, что практически всегда вместе с транскрибированием этим понятиям необходимо давать пояснения: *Rosbeef – Росбиф* (уничижительное обращение к англичанам), *Abo – Або* (коренной житель Австралии), *Brownie – Брауни* (мулат), *Abie – Эби* (еврей), *Peckerwood – Пекервуд* (житель южных штатов Америки) и т.д.

Особую трудность для перевода представляют аббревиатуры, обычно они передаются на русский язык развернуто посредством описательного перевода с расшифровкой смысла: *FOB (Fresh off the boat) – прямо с корабля*. Этой фразой в США, Канаде и Австралии называют иностранцев, которые приезжают в страну в качестве туристов, иммигрантов или студентов, чаще всего этот термин применяется к уроженцам Азии. Первоначально так называли исключительно европейских иммигрантов, вновь прибывших в Америку. В настоящее время термин может использоваться по отношению к тем иммигрантам, которые не смогли усвоить и приспособиться к новой культуре, языку и нормам поведения, принятым в их новой стране проживания. С другой стороны, это выражение употребляется самими иммигрантами, которые гордятся своей национальной культурой и языком и стремятся сохранить их в чужом социуме. Существуют также схожие варианты, номинирующие то, каким именно путем прибыли иммигранты, чаще всего, самолетом: *FOP (Fresh Off the Plane), FOvB – Fresh over the Border, JOJ (Just off the Jet) – прямо с самолета*.

Некоторые сокращения указывают на происхождение иммигранта, но не имеют презрительной коннотации: *ABC (American Born Chinese) – жители Америки, но по рождению китайцы, CBC (Canadian Born Chinese) – жители Канады – уроженцы Кимая, PR (Puerto Rican person) – пуэрториканцы*.

Характерно наличие эмоциональной окраски в выражениях *ABCD (Always Being Caught and Deported)* – так называют нелегальных иммигрантов, которые попадают властям и подвергаются депортации) или *SOL (Shut Out of Luck)* – относится к иммигрантам, которых собираются выслать из страны).

Многие этнонимы входят в состав идиоматических выражений-алиенизмов. В русском языке такие конструкции заменяются аналогичными понятиями, название этнической общности при переводе исключается: *Chinese accounting – подтасовка цифр, Indian gift – подарок, рассчитанный на ответный подарок, to arouse smb's Irish – разбудить в ком-то зверя, Welsh uncle – дальний родственник/«седьмая вода на киселе», Egyptian days – несчастливое время*. Довольно часто при переводе наблюдается замена целой английской фразы на одно слово в русском языке: *Chinese tumbler – кула-неваляшка, English disease – хандра, сплин, German silver – мельхиор, Indian ink – тушь, Russian ball game – ланга, Welsh ambassador – шут. кукушка, French leave – юмор. самоволка, Mexican car wash – шут. дождь*. В редких случаях сохраняется исходный этноним или его гипоним: *Egyptian darkness – тьма египетская/крошечная тьма, Dutch auction – «голландский аукцион», где торги идут на понижение цены, а не на повышение, Turkish delight –*

турецкие сладости/рахат-лукум, *Greek gift* – дары данайцев/подарок, таящий в себе опасность. Окказиональны замены этнонима названием другой национальности: *double Dutch* – китайская грамота/тарабарщина, галиматья.

Таким образом, в ходе передачи явных и скрытых значений английских слов и словосочетаний, именующих представителей других этнических общностей, при отсутствии их регулярных эквивалентов могут быть использованы транскрипция, заимствование и описательный перевод. Знание данных переводческих приемов позволяет добиться более адекватного перевода и сохранить стилистическую окрашенность этнонимов-алиенизмов.

Е.В. Борисевич (Минск, Беларусь)

КАЛЬКИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ ПЕРЕДАЧИ АНТРОПОНИМОВ В НЕКОТОРЫХ СЛАВЯНСКИХ ПЕРЕВОДАХ КНИГИ БЫТИЯ

В настоящее время переводческая практика предусматривает калькирование антропонимов лишь в отдельных, крайне редких случаях. В XVI в. в славянских – в частности, польских переводах Якуба Вуека и Яна Леополиты и в переводах Библии на региональные изводы староцерковнославянского языка, выполненных Франциском Скориной и Иваном Федоровым, – антропонимы передаются при помощи калькирования, хотя и подвергаются калькированному переводу гораздо реже, чем топонимы: 41:45 *ψονθομφανηχ, Ηλιου πολεως*; Цафнат-Панеах, города Он...; *Salvatorem mundi, Heliopoleos*; *Y odmienił imię iego, y nazwał go ięzykiem Egypskim, Zbawicielem świata. Y dał mu za żonę Aseneth córkę Putiphara kapłana Heliopolskiego (Вуек); I przemienił imię iego, á názwał go ięzykiem Egipskim, Zbawicielem swiatá. I dał mu żonę Asoneth, corkę Putyphárowę, Księdza Heliopolskiego (Леополита) И изменил им\ его и назвал и азыкомъ Египетским Спаситель земли. Идалъ ему жену Хсенеху дрепу ПУтирфиеву жерца Елиополскаго (Скорина); Ипрозва фараонъ им\ јосифу ронѣфомъ фанихъ идасть ему асенфу дрепръ пентефруину, жерца града солнечна въжену (Федоров).* Последний пример из перевода И. Федорова особенно показателен тем, что топоним здесь переведен (калькирован), а антропоним – нет.

Частично выбор подобной переводческой стратегии обусловлен природой семитского имени собственного и структурой библейского повествования. Семитское имя собственное чаще всего семантически прозрачно и представляет собой словосочетание или даже целое предложение. В свою очередь, такая его структура уже в самом библейском тексте вызывает появление особых сюжетных линий, единственной задачей которых является объяснение происхождения того или иного имени посредством введения в основной текст определенного рода легенды-этимологии, как правило, народной. Число случаев калькирования

антропонимов в тексте не очень значительно, ср.: 3:20 *Ζωη; Hewa; Hewa* (Быек); *Hewa* (Леополита); *Инарече Адам имя жене своеи жизнь, яко та мти всемъ живущим* (Федоров); *И нарече Адамъ имя жене своеи Евга яко мти есть всехъ живущихъ* (Скорина).

Иногда неверное понимание семантической структуры древнееврейского антропонима приводит к искажению сопровождающего его этимологического контекста: 4:26 *У Шета также родился сын, и он нарек ему имя Энош: тогда начато было наречение именем Бога; Set et Seth natus est filius, quem vocavit Enos; iste coepit invocare nomen Domini; Ale y Setowi narodził się syn, którego nazwał Enos: ten począł wzywać imienia Pańskiego* (Быек); *Ale y Sethowi narodził się syn, ktorego nazwał Enos. Ten począł wzywać imienia Pańskiego* (Леополита); *Но ИСѹФу родис\ сынъ егоже назвал Енось, той нача призывати им\ гдьне* (Скорина); *Сифуже бысть снъ, иименова им\ ему енось. Сей оупова призвати им\ га ба* (Федоров). В контексте 19:38 во всех переводах был введен в текст включенный комментарий: *Амѡν; А младшая тоже родила сына и нарекла ему имя Бен-Ами; он родоначальник сынов Амона доныне; vocavit nomen ejus Ammon, id est filius populi mei; nazwała imię iego Ammon (to iest syn ludu mego)* (Быек); *nazwała imię iego Ammon, to iesth, Syn ludu mojego,* (Леополита); *иназвала им\ его Амонъ тоестъ сын людей моих* (Скорина); *ипрозваим\ ему амманъ, рекури снъ рода моего* (Федоров). В большинстве контекстов с этимологическими сюжетами антропонимы только транскрибируются, что полностью разрушает этимологический сюжет изнутри, и это характерно как для всех исследуемых изданий, так и для текстов-источников, ср.: 25:30 *И сказал Эйсав Якову: «Дай похлебать мне красного, красного этого, потому что я устал». Поэтому дали ему прозвище Эдом; ...ирече, Дайми тварени\ сего чермного ако итомихс\ вельми. И дл\ сее речи прозвано есть им\ его Едомъ* (Скорина).

Особый случай перевода представляют так называемые окказиональные имена собственные – лексемы, которые приобретают значение имен собственных функционально, по мере развития отдельной сюжетной линии или этимологического микросюжета. В контексте 2:23 фигурирует перевод окказионального имени собственного – *לֶשׁׁוֹן* – с использованием окказиональных суффиксальных производных: *И сказал человек: «На этот раз – это кость от кости моей и плоть от плоти моей; она наречена будет женою, ибо от мужа взята она»; Dixitque Adam: Hoc nunc, os ex ossibus meis, et caro de carne mea: haec vocabitur Virago, quoniam de viro sumpta est; Y rzekł Adam: To teraz kość z kości moich, y ciało z ciała mego: tę będą zwać Mężyną, bo z męża wzięta iest* (Быек); *Tedy rzekł Adam: To teraz kość z kości moich, y ciało z ciała moiego. Ta będzie nazwana Mężysta, iż z męża wzięta iest* (Леополита).

Специфический случай реализации семантики имени представлен в библейских главах, посвященных сотворению и жизни первого человека. Особенность заключается в том, что на протяжении ряда контекстов статус данной лексики меняется с опорой на ее метатекстовые свойства в языке оригинала, что также создает дополнительные трудности для переводчика.

В ряде контекстов в первых главах Книги Бытия древнееврейская лексема *אָדָם* человек фигурирует в качестве нарицательного существительного, на что указывает, в частности, его возможность присоединять в древнееврейском тексте определенный артикль (2:15). Затем статус этой лексемы меняется: она приобретает признаки имени собственного *Адам* и, как следствие, перестает употребляться с артиклем. Относительно того момента, когда лексема приобретает эти новые свойства, среди переводчиков существуют традиционные разногласия, также эксплицированные в переводах Библии на польский и староцерковнославянский языки, выполненных в XVI веке.

Б.Н. Борисов (Москва, Россия)

ИМЯ В СТРУКТУРЕ ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «ЮВЕНИЛЬНОЕ МОРЕ»

Личное имя в художественном произведении выступает не только как силовое поле, объединяющее вокруг себя все пространство художественного текста (П. Флоренский), но и как свернутый прецедентный текст. Таково имя *Николай* в повести А. Платонова «Ювенильное море» (1934).

Повесть имеет подзаголовок «Море юности», отсылающий к юношеским взглядам писателя, в формировании которых определяющую роль сыграла «Философия общего дела» Николая Федорова. Интертекстуальный анализ повести свидетельствует о полемике Платонова с такими своими более ранними идеями, унаследованными из «Философии общего дела», как регуляция природы и научная победа над смертью.

Имя главного героя повести, инженера Вермо – Николай, как и у Федорова, – отсылает к учению этого философа, которое в произведении накладывается на идеи социалистического преобразования мира. В инженерных проектах Вермо в сниженном виде воплощаются все основные шаги регуляции природы, намеченные Федоровым. К примеру, использование тяжести планеты для того, чтобы «*оттапливать пастушьи курени весовую силой обвалов или варить пищу вековым опусканием осадочных пород*», восходит к федоровской идее управления движением земного шара.

Проблема несовершенства мира – отправная точка философии Федорова – организует смысловое пространство повести и воплощается в символическом образе пересохшей реки, в русле которой находится гурт «Родительские дворики». Этот образ благодаря апокалипсической мотивировке переносит все повествование в сферу религиозных чаяний, где добыча ювенильной воды знаменует не только решение хозяйственных вопросов животноводства, но и возвращение природы к ее райскому состоянию. Природа в повести становится опытной станцией, где, говоря

словами Федорова, торжествует «неограниченная власть человеческой фантазии, воли, разума над жизнью, ее существами». Возникая как музыкальные фантазии Вермо, идеи регуляции природы воплощаются в хозяйственных реформах, стерших с лица земли «Родительские дворики».

Главным объектом преобразования и экспериментов в платоновской повести становится не человек, а коровы. Именно недостаток пищи и тепла для них вызывает у Вермо желание как можно скорее изменить мир, *«потому что и животные уже сходят с ума»*. И это не начальная ступень в процессе регуляции, скорее наоборот – благополучие коров мыслится в повести ее окончательным итогом, что должно вылиться, в первую очередь, в преобразование тела коровы по модели человеческого.

Н. Федоров предполагает, что в процессе регуляции *«должен измениться и сам организм человека»*, преобразоваться телесный состав, который будет включать также искусственные элементы, созданные самим человеком. Идеи Федорова о преобразованном теле человека Платонов также прилагает к коровам: *«...Пасть была стальная, кишечник оперирован почти начисто (против заболеваний от разложения кала), а молочные железы должны иметь электромагнитное усовершенствование»*.

Художественное замещение человека коровой – это отнюдь не иносказание, хотя в образе коровы и воплощаются те опасения за человечество, которые в повести высказаны лишь полунамеками. Корова, как символ искупительной жертвы в художественном мире Платонова, включается в одну парадигму с образом героя-спасителя, через которого в мире действует Божественный промысел. Прибегая к образу коровы, Платонов соотносит учение Федорова с христианским учением о всеобщем воскресении. Учение Федорова сдвинуло человечество с привычного места «около могилы» и сделало заложником веры в быстрое бессмертие, однако для Платонова неприемлема частичная победа в борьбе со смертью. Писатель опасается подмены подлинного бессмертия простым отрицанием смерти, когда память о ней вытесняется из человеческого существования, загоняется на самое его дно.

Именно в отношении к коровам становится очевидной произошедшая в конце повести подмена. Все усилия героев увенчались лишь относительным успехом: смерть не побеждена, но она стала почти приятной: *«Животное будет подвержено предварительной ласке в электрическом стойле, и смерть будет наступать в момент наслаждения лучшей едой»*. Из «близких родственников человеку» коровы превращаются в «съедобный вес». Эпизод строительства электрического стойла, *«это было то же, что электрический стул для человека»*, перекликается с другими проектами Николая Вермо, нацеленными на вечное существование человечества.

Обдумывая устройство оптического трансформатора солнечного и звездного света, он заметил, что человеческие глаза тоже можно использовать *«с народно-хозяйственной целью»*, сделав их источником тока. Постепенно вульгарный рационализм Вермо перерастает в угрожающий утилитаризм: *«Нужно строить химзаводы для добычи из трупов*

цветметзолота, различных стройматериалов и оборудования!». В отличие от своего учителя, Платонов осознает глубинное, онтологическое несовершенство мира и человека и поэтому невозможность преобразования природы, *«исходя из глубинных потребностей нравственного чувства и разума человека»* (Федоров), которые становятся мерилom всех вещей.

Рационализм федоровского учения, не признающего мистики и бытийных корней, парадоксальным образом заключен в самом имени *Николай*. П. Флоренский в книге «Имена» пишет, что Николай считает себя *«неким малым Провидением»*, не ощущая иные силы над собой и под собой и *«рассматривая себя как карету скорой помощи»*. Николай Вермо борется с голодом, холодом и т.п., но не способен противостоять коренному несовершенству мира. Таким образом, в качестве свернутого прецедентного текста имя главного героя, с одной стороны, вписывается в концепцию Флоренского, а с другой – выражает полемику Платонова с идеями Н. Федорова об абсолютном восстановлении мира.

В.В. Вязовская (Воронеж, Россия)

ИМЕНА КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(на материале романа Н.С. Лескова «Соборяне»)

Н.С. Лесков воспринимал культуру как разветвленное целое, ценности разных эпох – как вполне совместимые в современном ему искусстве.

«Записные книжки» писателя, хранящиеся в РГАЛИ, свидетельствуют о том, что писатель целенаправленно готовил для своей работы выписки из религиозной духовной традиции всех стран; из всемирной литературы; из исследований; выписки – изложение мыслей, замыслов, лексических оборотов» [1, с. 11].

Повествование в романе Н.С. Лескова «Соборяне» ведется в неразрывной связи с подлинной летописью эпохи. Здесь упоминаются общественные и исторические деятели не только России, но и личности, известные в мировой истории: князь *Голицын*, граф *Муравьев*, канцлер *Горчаков*, *Гришка Отрепьев*, *Пугачев*, госпожа *Дашкова*, *Меттерних* и др. Так, секретарь, увидев портрет А.М. Горчакова, восклицает: «Это кто такой? *Горчаков*. Канцлер, чудесно! Он нам Россию отстоял» [2]. По-видимому, идет речь об отпоре, который дал А.М. Горчаков дипломатическому вмешательству Англии, Франции, Австрии во взаимоотношения России и Польши во время польского восстания 1863 г.

Известный своей любовью к словесной игре, Н.С. Лесков не обходит вниманием и имена реальных лиц. Учитель Препотенский просит протопopa отслужить панихиду и отдает ему записку с именами. Протопop удивлен поступком учителя – его неожиданной «богомольностью». И вскоре

протопоп понимает, какая шутка над ним сыграна учителем, когда он слышит имена из его записки: «*Павла, Александра, Кондратья...*». Прекрасная вещь со мною сыграна!». Оказывается, Туберозов, сам того не зная, «отпел панихиду по декабристам, ибо сегодня и день был тот, когда было восстание» [2, с. 71]. Имена *Павел, Кондратий* и *Александр* – имена казненных декабристов: *Павла Пестеля, Кондратия Рыльева*. Правда, какого именно *Александра* из декабристов имеет в виду Н.С. Лесков, комментаторам выяснить не удалось.

Играет автор и с фамилией графа *Муравьева*. Фамилия графа упоминается, когда секретарь вешает портрет графа и на вопрос почтмейстерши, знаком ли он с *Муравьевым*, с определенной долей замешательства, а затем и иронией тот отвечает: «Я?.. то есть ты спрашиваешь, лично был ли я с ним знаком? Нет; меня бог миловал, – а наши кое-кто наслаждались его беседой» [2, с. 168]. Замешательство секретаря объясняется атмосферой, царившей вокруг этой исторической фигуры: в отличие от *С. Муравьева-Апостола* (повешенного) этого *Муравьева* называют *вешателем* [3, с. 349, 409]. Существует анекдот, объясняющий это прозвище. После назначения М.Н. Муравьева на должность губернатора Гродненской губернии в 1831 г. его спросили, не родственник ли он повешенному декабристу С. Муравьеву-Апостолу. На что Михаил Иванович ответил, что происходит не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые сами вешают. В апреле 1866 года, после покушения Каракозова на Александра II, М.Н. Муравьев был назначен председателем следственной комиссии по розыску «преступного заговора», а затем развернулась кампания арестов среди литераторов и демократической интеллигенции. К тому же допросы многих из арестованных Муравьев вел лично. «Прозрачной» оказывается фраза, которой завершается разговор секретаря с акцизницей: «Давай-ка я его поскорее повешу!». Глагол *вешать* отсылает к действиям графа и к его прозвищу, под которым он был известен в демократических кругах. Оправдана и саркастическая интонация героя: «Меня бог миловал, – а наши кое-кто наслаждались его беседой» [2, с. 168]. Так что секретарь Термосесов *вешает вешателя*. Секретарь вспоминает в связи с Муравьевым и поэта *Некрасова*: «Он <...> Некрасова музу вдохновил» [2, с. 168]. Эти реальные исторические фигуры действительно связаны между собой. В апреле 1866 г. Н.А. Некрасов, желая спасти «Современник» от закрытия, прочитал в Английском клубе М.Н. Муравьеву стихи, ему посвященные, которые вызвали широкий общественный резонанс. Г.З. Елисеев вспоминал, что поэт, обращаясь к Муравьеву, говорил: «Разыщи виновников и казни их» [2, с. 536].

Об интересе героев к политической и общественной жизни своего времени свидетельствует упоминание газеты «*Колокола*» *Искандера*. Прямое отношение к «Колоколу» имеет и запись Туберозова в дневнике о сочинении княгини Дашковой: «Читал «*Записки*» *госпожи Дашковой* и о Павле Петровиче; все заграничного издания. Очень все любопытно. С мнениями Дашковой во многом согласен, кроме что о Петре, – о нем думаю иначе».

«Колокол» – это газета А.И. Герцена, которая издавалась в Англии, а потом в Швейцарии с 1 июля 1857 года по 1867 год. В России «Колокол» тоже выходил, но нелегально. Подчеркивается протопопом и запрещенность этого издания в России: «Что на почте письма подпечатывают и читают – сие никому не новость; но как же это рублевую ассигнацию вдовицы ловят, а «Колокол», который я беру у исправника, не ловят?» [2, с. 64]. О «Домашней беседе» вспоминает просвирня Препотенская. Эта газета издавалась В.И. Аскоченским в 60–70-е годы XIX века. «Домашняя беседа» имеет непосредственное отношение к персонажу по имени Варнава Препотенский, так как в этой газете работал один из его реальных прототипов.

Итак, особый пласт в художественном пространстве романа Н.С. Лескова «Соборяне» образуют имена исторических, реальных лиц. Эти аллюзивные онимы служат для создания исторического, национального колорита, атмосферы достоверности той или иной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евдокимова, О.В. Мнемонические элементы поэтики Н.С. Лескова / О.В. Евдокимова. – СПб., 2001.
2. Лесков, Н.С., Собр. соч. в XI т. / Н.С. Лесков. – М., 1956–1958. – Т. IV.
3. Нечкина, М.В. Движение декабристов / М.В. Нечкина; Акад. наук СССР, Ин-т истории ; отв. ред. Е.В. Тарле. – М., 1955. – Т. 1. – 480 с. – Т. 2.

П.М. Давідоўскі (Львблін, Польшча)

ПРАБЛЕМЫ НАПІСАНА БЛАРУСКІХ УЛАСНЫХ НАЗВАЎ ЛАЦІНСКІМІ ЛІТАРАМІ Ў ІНШАМОЎНЫМ ТЭКСЦЕ

Перакладчыкі з усходнеславянскіх моў на германскія заўсёды сустракаюцца з цяжкасцямі пры перадачы ўласных назваў. Такая праблема не існуе ў выпадку перакладу з моў, якія выкарыстоўваюць лацінскі алфавіт, бо ў гэтым выпадку ўласныя назвы найчасцей перадаюцца у арыгінальным варыянце і правілы канкрэтнай мовы не распаўсюджваюцца на ўласныя назвы. Выключэнне складаюць выпадкі традыцыйнага напісання тапонімаў. Тое ж самае практыкуецца ў выпадку моў, якія выкарыстоўваюць не лацінскі алфавіт, але маюць дадатковы нацыянальны алфавіт на лацінскай аснове. Напрыклад славянскія сербская і македонская мовы, для якіх асноўным алфавітам, як і для беларускай, з'яўляецца кірыліца. У тэксце на англійскай мове сталіца Македоніі не транслітаруецца, а падаецца ў нацыянальнай форме – *Skopje*. Тое ж самае з прозвішчам былога прэзідэнта Югаславіі – *Milošević*.

Беларуская мова, таксама як сербская і македонская, гістарычна мае ўласную форму лацінскага алфавіта – лацінку. Беларускія кнігі і

перыядычныя выданні працяглы час у XIX – пачатку XX стагоддзя друкаваліся лацінкай. У той час беларуская лацінка рэфармавалася, пакуль не атрымала ўстойлівы выгляд, які адпавядае фанетычнаму складу беларускай мовы. Таму беларускія назвы ў замежным тэксце таксама маглі б пісацца ў арыгінальным варыянце лацінкай. Аднак найчасцей выкарыстоўваецца транслітарацыя на англійскую мову, графічнай сродкаў якой не хапае для перадачы беларускіх гукаў. Найбольш кантраверсійнымі з’яўляюцца непаслядоўнае выкарыстанне літар „i”, „j”, „y” у розных значэннях і функцыях, выкарыстанне лацінскай літары „e”, якую часта выкарыстоўваюць аж у пяці розных выпадках: для перадачы [e], [je], [jo]; мяккасці зычнага + [e], [o], а таксама перадача гук [ɥ], калі замест адной лацінскай літары „c” выкарыстоўваюцца дзве – „ts”.

Аднак беларускія лінгвісты найчасцей прытрымліваюцца практыкі перакладчыкаў з рускай мовы, якая не мае ўласнай формы лацінскага алфавіта, і ўласныя назвы транслітуюць. Сістэм транслітарацыі існуе шмат, таму адно прозвішча набывае шмат формаў, што значна ўскладняе пошук інфармацыі. Яшчэ большай праблема робіцца па прычыне частага выкарыстання для транслітарацыі рускай формы беларускага тапоніма або антрапоніма. Напрыклад, *Mogilev, Polotsk, Bykov*.

Яшчэ больш цікава сітуацыя выглядае, калі беларускія перакладчыкі транслітуюць з кірыліцы на лацінскі алфавіт прозвішча, якое першапачаткова пісалася лацінскімі літарамі. Напрыклад, прозвішча Адама Міцкевіча практычна уся частка свету, якая карыстаецца лацінскім алфавітам, ведае ў польскай форме “*Mickiewicz*”. Менавіта такое напісанне з’яўляецца арыгінальнай формай гэтага прозвішча. У літаратуры ж на замежных мовах, выдадзенай на Беларусі найчасцей можна сустрэць розныя іншыя формы: *Mickevich, Mitskevich, Miskewitsch*.

Праблемай напісання беларускіх назваў у тэкстах на замежных мовах першымі зацікавіліся беларускія дзеячы на эміграцыі. Я. Запруднік яшчэ у 1956 годзе пісаў: “*Праблема транскрыпцыі ў заходніх мовах беларускіх назоваў і прозвішчаў вельмі важная. Той, хто рыўся па бібліятэчных картатэках, па індэксах кніжак ды па іншых альфабэтных спісках у пошуках матар’ялаў аб Беларусі, ведае, колькі напружанага высілку й змарнаванага часу гэта каштуе. А далёка ня ўсе, хто цікавіцца Беларусіяй, маюць столькі цярпліваўці (і часта кемлівасці), каб гартаць балонкі ці фішкі ды дадumoўвацца – зь ігрэкам ці безь яго, “o” ці “a”, „ts” ці „tz” і г.д. у бесканцовасць*”.

Пасля атрымання Беларуссю незалежнасці праблемай перадачы беларускіх уласных назваў зацікавіліся таксама вучоныя на Беларусі. Асабліваю актуальнасць яна атрымала напачатку пашпартызацыі, калі з’явілася неабходнасць напісання імя і прозвішча лацінскімі літарамі ў пашпарце. Тады Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа АН Беларусі прапанаваў у гэтых мэтах выкарыстоўваць крыху змадыфікаваную беларускую лацінку. Аднак гэта прапанова не была прынятая і ў пашпартах

грамадзян Беларусі выкарыстоўваецца транслітарацыя на ангельскую мову, прычым не да канца паслядоўная. Напрыклад, „*Yauhen*” „*Maryia*” – у першым выпадку спалучэнне гукаў [ja] (кірылічная літара “я”) перададзена „*ya*”, у другім – „*ia*”.

Сістэма транслітарацыі на аснове беларускай лацінкі, прапанаваная Інстытутам мовазнаўства імя Якуба Коласа, афіцыйна зацверджана для перадачы лацінскімі літарамі беларускіх тапонімаў. “Інструкцыя па транслітарацыі географічных назваў Рэспублікі Беларусь” зацверджана Дзяржаўным камітэтам па зямельных рэсурсах, геадэзіі і картаграфіі Рэспублікі Беларусь у 2000 годзе. Пэўныя змены ў Інструкцыю унесены ў 2007 годзе. Распрацоўка нацыянальных сістэм транслітарацыі рэкамендавана Групай экспертаў Арганізацыі Аб’яднаных Нацый па географічных назвах. Беларуская сістэма транслітарацыі зацверджана гэтай арганізацыяй для міжнароднага выкарыстання. Патрабаванні “Інструкцыі па транслітарацыі географічных назваў Рэспублікі Беларусь” “абавязковыя для ўсіх міністэрстваў, органаў дзяржаўнага кіравання, установаў, прадпрыемстваў, арганізацый, незалежна ад формаў уласнасці, фізічных асобаў, уключаючы замежныя, маючых спецыяльныя дазволы на права ажыццяўлення дейнасці ў сферы географічных назваў Рэспублікі Беларусь”. Нягледзячы на гэта, патрабаванні Інструкцыі найчасцей ігнаруюцца выдаўцамі.

Прыняцце беларускай лацінкі як адзінай нормы перадачы беларускіх уласных назваў лацінскімі літарамі прывяло б да аднолькавага ўнармаванага напісання гэтых назваў на розных мовах, прыдало б гэтым назвам уласны нацыянальны выгляд і аказала б пазітыўны уплыў на прэзентацыю беларускай мовы, культуры і Беларусі ўвогуле ў свеце.

Н.В. Ермачкова (Смоленск, Россия)

ВЛИЯНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОНОМАСТИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА РЕГИОНАЛЬНЫХ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В лингвострановедческой классификации лексики фоновыми называются слова, отличающиеся от эквивалентных иноязычных слов *лексическим фоном*. Наличие лексического фона у имен собственных делает их одним из главных носителей *фоновых знаний*, характеризующихся как «обоюдное знание внеязыковых реалий участниками коммуникации» [1, с. 498].

В структуре фоновых знаний наряду с онимами общечеловеческого и общенационального характера выделяются региональные (краеведческие) онимы. Место конкретного онима в структуре языковой личности не

находится в прямой зависимости от места этого онима в общей ономастической иерархии. Региональные онимы в силу своей непосредственной близости к воспринимающему субъекту способны оказывать даже большее влияние на формирование конкретной языковой личности, чем имена собственные более высоких иерархических уровней [2, с. 4].

Описание фоновых знаний, заключенных в ономастике определенного региона, является одним из актуальных направлений современной лингвистики. В рамках данного направления может быть рассмотрена характеристика качественного и количественного состава фоновых знаний, связанных с топонимом *Смоленщина*, который представляет собой не единичное наименование, а комплексный оним, охватывающий другие имена собственные различных уровней и тематической прикреплённости.

Одним из эффективных подходов к выявлению фоновых знаний является исследование ассоциативно-культурного фона (далее – АКФ) лексических единиц, т.е. сопутствующей слову (в данной работе – имени собственному) информации, не входящей в его непосредственное содержание. Наиболее продуктивным методом исследования АКФ является ассоциативный эксперимент.

В проведении эксперимента по выявлению компонентов, входящих в состав ономастической составляющей АКФ топонима *Смоленщина*, приняли участие 200 респондентов: студенты филологического (группа №1) и естественно-географического (группа №2) факультетов Смоленского государственного университета, студенты Смоленского государственного института искусств (группа №3), курсанты смоленского филиала Московского университета МВД России (группа №4) и Военной академии войсковой противовоздушной обороны (группа №5). Выбор испытуемых был обусловлен целью выявить влияние будущей специальности на языковое сознание личности, поскольку представителям различных профессий «помимо небольшой общедоступной части ономастического пространства, хорошо известна какая-нибудь из входящих в него областей» [3, с. 147].

В ходе эксперимента испытуемым было предложено за ограниченное время записать онимы, с которыми у них ассоциируется топоним *Смоленщина*. В результате было получено 333 онима-реакции: 173 реакции повторялись от 2 до 126 раз и 160 реакций представлены единично. В список наиболее частотных вошли онимы: *Днепр* (126), *Успенский собор* (73), *Крепостная стена* (73), *Гагарин* (65), *Глинка* (61), *Твардовский* (61).

№ п/п	Оним № группы	№1	№2	№3	№4	№5
1.	Днепр	14	30	36	17	29
2.	Успенский собор	11	14	25	6	17
3.	Крепостная стена	13	13	19	6	22
4.	Гагарин	20	9	12	7	17
5.	Глинка	23	10	15	2	11
6.	Твардовский	27	8	17	2	7

Материалы таблицы показывают, что индексы частотности онимов у респондентов разных групп различны, что может свидетельствовать о влиянии профессиональной сферы на формирование фоновых знаний. В то же время данные имена собственные были названы респондентами всех групп, что говорит о включенности перечисленных онимов в состав ядра ономастической составляющей АКФ топонима *Смоленщина*.

В результате анализа данных эксперимента также были выявлены онимы-реакции, не совпадающие у респондентов различных групп. Данные онимы формируют периферийные области АКФ топонима *Смоленщина*, знание которых зависит от принадлежности испытуемых к определенной профессии. Например, для группы №1 – имена писателей и фольклористов (*Добровольский, Энгельгардт*); для группы №2 – названия рек и ручьев (*Горбатый, Гобза*), оврага (*Чёртов ров*); для группы №3 – имя художника (*Лисовский*), название концертного зала (*Филармония*); для группы №4 – названия спортивных организаций (*Всероссийская федерация самбо, Федерация рукопашного боя*), для группы №5 – имена военачальников (*Еременко, Тухачевский*). Кроме того, о заметном воздействии специальности на формирование фоновых знаний может свидетельствовать то, что самой объемной тематической группой для студентов-филологов является группа «Поэты, писатели» (59 реакций), для студентов-естественников – «Реки, озера» (44), для студентов-искусствоведов – «Улицы» (67), для курсантов СФ МУ МВД РФ – «Города, районные центры, районы» (40), для курсантов Военной академии – «Дома культуры, клубы» (33).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е. / О.С. Ахманова. – М., 1969.
2. Максимчук, Н.А. Реконструкция ассоциативно-культурного фона ономастических единиц регионального уровня как лингвокраеведческая проблема / Н.А. Максимчук // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования. – Брест, 2008. – С. 3–6.
3. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М., 1973.

А.Г. Захаркевич (Познань, Польша)

ЧТО ТЫ МНЕ СКАЖЕШЬ, ИМЯ?

(на основе сказки М. Конопницкой “О гномах и сиротке Марысе”)

Каждое собственное имя существительное может иметь несколько значений. В случае литературного собственного имени, по крайней мере, одно из значений становится семантической доминантой. Остальные же коннотационные значения замечают (или не замечают) читатели.

Нас интересует вопрос восприятия литературной ономастики конкретным читателем разных национальностей (поляками, немцами, русскими и белорусами). Одновременно мы также сравниваем, имеют ли собственные имена существительные в переводе и оригинале то же самое значение. Чтобы реализовать предпосылки научной работы, мы провели анкетные исследования среди детей школьного и дошкольного возраста, а также среди взрослых.

Koszalek-Opalek – это один из самых важных героев сказки. Согласно указаниям в анкете, все должны были охарактеризовать персонаж. Кроме значения, нас интересовало, можно ли сказать только на основе имени нечто большее о герое, т.е. описать, как выглядит, какой у него характер и т.д. *Koszalek-Opalek* в сказочном мире выполняет роль ученого, придворного летописца короля. Он тщеславен, хвастается своей мудростью, презирает “необразованных воробьев”, но несмотря на это, по сути дела, он добрый, открытый и наивный. Его имя связано с фразеологизмом *pleść/gadać koszałki-opalki*, т.е. *говорить глупости, вымышленные истории* [1, с. 349]. Существительное *koszałka* – это вид корзины с крышкой [2, с. 494], а *opalka* – овальная корзина без крышки... [2, с. 1006]. Части имени *Koszalek-Opalek* писательница сопоставила из-за похожего звучания, а не из-за их значения.

Среди опрошенных взрослых в Польше 37% ответило, что у этого героя есть склонность попадать в различные истории; 18% отметило, что это герой низкого роста, у которого имеется богатый жизненный опыт; 12% написало, что это кто-то мудрый, кто-то, кто любит приключения или любит умничать, рассеянный, неприкаянный.

Несколько иначе ответили взрослые из Германии. Среди них 60% считает, что *Grübelius-Märchenspinn* часто много думает и размышляет; 40% анкетированных пишет, что это старый человек, который рассказывает детям истории из своей молодости и живет в «другом мире»; 20% считает, что это кто-то немного странный, сумасшедший, кто любит придумывать разные сказки.

Русский *Чудило-Мудрило*, по мнению взрослых, – это прежде всего странный человек, который совершает непонятные для других поступки (36%). Часть опрошенных (27%) добавила, что у него богатая фантазия. 18% подчеркнуло, что это только кто-то неуклюжий, и только 9% ответило, что это пожилой человек, у которого нет постоянного места жительства, который много думает и часто рассуждает.

Взрослые пользователи белорусского языка в большинстве своем (60%) обратили внимание на то, что *Кашалак-Апалак* наверняка странно одевается. Только 20% опрошенных ответило, что это кто-то низкого роста, худой, пожилой и поэтому часто рассеянный.

Просматривая ответы во всех языковых версиях, легко заметить, что отвечающие на вопросы в анкете, читая имя *Koszalek-Opalek*, по интуиции описывали характер и наружность персонажа (ни один ответ не совпадал со значением происхождения имени, указанном в словаре). Никто из выше перечисленных даже не пробовал воспроизвести характерные черты для

персонажа на основе буквального значения имени. Исключение составляет только одна белоруска, которая описывает *Кашалка-Апалка* на основе ассоциативного значения таким образом: *Это округлый человек – как корзина, он быстро действует, потому что загорается как спичка*¹. Следует обратить внимание на то, что этот персонаж наиболее подробно описали немцы, вследствие чего можно утверждать, что по сравнению с другими языковыми версиями (даже версией оригинальной, т.е. польской) немецкое имя приносит больше всего информации своему читателю.

Ученики начальных классов творчески ответили на вопрос. Большинство учеников пробовало описать *Koszalka-Opalka* на основе буквального значения имени или по ассоциации (такой подход к заданию характерен для детей всех языковых регионов). Из-за возраста часть анкетированных детей переносила имя *Koszalek-Opalek* на людей, живущих вне мира фикции, однако большое количество учеников описывало персонаж только в аспекте сказок (в отличие от взрослых, которые *Koszalka-Opalka* принимали за прозвище разных людей).

Среди польских учеников 31% на основе языковой компетенции (грамматических знаний) утверждает, что *Koszalek-Opalek* – это молодой или пожилой мужчина (так как *Koszalek* – мужской род) или непослушный мальчик, который непременно связан с огнем (т.е. его зовут *Opalek*, потому что он любит поджигать; потому что собирает спички и дрова, а затем отдает это все сжигать; потому что вышел из огня; когда был маленький, то обжегся; или потому, что он живет в доме с дровами; что просто очень загорелый). Только некоторые написали, что это кто-то старый и полный, кто любит детей и носит шляпу.

Ответы учеников из Германии разные. 22% считает, что *Grübelius-Märchenspin* – это женщина, 18% считает, что это мужчина. Характеристика персонажа тоже мало совпадает. Скорее всего, это человек низкого роста с длинным носом (18% опрошенных), который носит старую одежду, пишет и рассказывает сказки (13%). Несколько человек написало, что это кто-то, кто много и часто думает, что у него зеленые волосы и бородавка на носу, что он носит очки и знает много секретов. На основе таких описаний трудно узнать доброго и смешного *Koszalka-Opalka* М. Конопницкой, хотя некоторые указанные черты можно найти в авторском герое.

Русскоговорящие ученики восприняли *Чудило-Мудрило* как страшного, но мудрого чародея. Для них это тот, кто выдумывает что-то, что потом нельзя сделать. Кроме этого, *Чудило-Мудрило* странно одевается и странно ведет себя, поэтому он может отпугивать ворон, быть рассеянным и много говорить.

Среди белорусских учеников большинство написало, что *Кашалак-Апалак* – это добрый и богатый король, который любит детей². Много

¹ *Кашалак* (*Koszalek*, на основе фонетического сходства) – *кошык* (*koszyk*) и *Апалак* (*Opalek*, на основе ассоциации) – *запалка* (*zapalka*).

² о словам многих, существует сказка о Кошлаку-Арлаку, отсюда был бы такой ответ детей, однако нам не удалось найти этого произведения.

человек на основании фонетического сходства решило, что *Кашалак-Апалак* связан каким-то образом с котами (напр. что это кот или король котов, или что он ловит котов)³. Часть детей написала, что это первобытный человек⁴.

Таким образом, подводя итог тому, как понимают собственное имя *Koszalek-Opalek* дети школьного возраста, следует подчеркнуть, что их описание имеет мало общего с известным нам сказочным персонажем, но, несмотря на это, ответы интересные и оригинальные.

Кое-какие ответы дали или ничего не сказали дети дошкольного возраста. Не понимают вообще имени *Koszalek-Opalek* дети из Белоруссии и Германии. Для них название слишком трудное. Дети из Польши (почти все) на основании сходства рифмы ассоциируют *Koszalka-Opalka* с *Koziołkiem-Matolkiem*. Только несколько человек сказало, что имя ассоциируется со словами *загорелый, жара* и *спички* – звуковое сходство. Только на русском языке имя *Чудило-Мудрило* знакомо немного детям. Для них это кто-то пожилой, странный и некрасивый, но в то же время мудрый. В какой-то степени эта характеристика совпадает с характеристикой *Koszalka-Opalka* в сказке. Таким образом, кроме русского языка данное собственное имя слишком трудное и ничего не значит для детей дошкольного возраста.

Подводя итог рассуждениям, касающимся значения и ассоциаций читателей литературного текста по отношению к собственным именам существительным, следует еще раз подчеркнуть, что сказочную онимию они воспринимают уже через известные им персонажи и произведения искусства. Если же мы хотим, чтобы ребенок воспринял собственное имя соответствующим образом, тогда должно оно характеризоваться выразительной фонетикой, и лексическое значение должно легко расшифровываться.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Skorupka, S. Słownik frazeologiczny języka polskiego* / S. Skorupka. – Warszawa, 1967.
2. *Słownik języka polskiego*, red. J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki, t. II. – Warszawa, 1902.

А.О. Колоколова (Харків, Україна)

ЗНАННЯ ПРО КУЛЬТУРУ І ПУБЛІЦИСТИЧНА НОМІНАЦІЯ КРАЇН В УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ

У рамках когнітивної лінгвістики вивчення номінації полягає у з'ясуванні структур знань, що стоять за мовним знаком. Значний інтерес

³ Дети ассоциировали слово *кошка* с частью собственного имени *Кашалак* (звуковое сходство).

⁴ Ассоциация на основе исторических учебников с выражением *палка-капалка* – первое орудие труда первобытного человека. Слово по звучанию похоже на имя *Кашалак-Апалак*, состоит из двух частей и обе части рифмуются между собой.

тут становить проблема вторинної номінації – надання об’єкту ще однієї назви: з іншою мотивованістю і з певною спеціальною метою (О. Тараненко). Мотивація в найменуванні, як зазначає В. Маслова, виявляє погляд носія мови на той чи інший фрагмент світу. Предметом нашого дослідження є вторинна номінація країн у сучасній українській публіцистиці. Якщо первинні номени країн (хороніми) не несуть інформації про країну, а лише називають, ідентифікують її, то вторинні номени (мовні та мовленнєві перифрази, вільні словосполучення, напівпредикативні конструкції) ґрунтуються на знаннях різних типів (природно-географічних, культурних, історичних, соціальних, політичних тощо). Розгляньмо репрезентацію в номенах країн знань про культуру.

Мовні перифрази як засіб номінації не відображають індивідуально-авторського сприйняття, а репрезентують універсальні, «застиглі» знання про певну країну, притаманні картинах світу різних народів: *«Австрію часто називають **країною музики**»* [Україна і світ сьогодні. – 2005. – №51]; *«**Батьківщиною книги**, як відомо, є Німеччина. Найдавніші друковані екслібриси теж родом із цієї країни»* [Укр. тиждень. – 2008. – №51]. Відсилання до таких стереотипних знань, вербалізованих у мовних перифразах, часто є неусвідомлюваним, безвідносним до контексту, неактуальним у ньому: *«Люба з-під Вінниці в **країні Дон Кіхота** вже 16 років, останні чотири – легально»* [Укр. тиждень. – 2008. – №51].

Актуалізувати загальновідомі, стереотипні культурні знання можуть і перифрази менш сталої структури, які ґрунтуються на прецедентних текстах. Так, у номенах на позначення арабських країн часто актуалізується концепт КАЗКА: *«“Миру й процвітання вашому дому!” – так традиційно вітають один одного жителі **казкової країни на березі Персидської затоки**»* [Молодь України. – 2007. – №51–52]. Фреймовий зв’язок між поняттями «арабська країна» і «казка» ґрунтується на знаннях про книги «Тисячі й однієї ночі». Номен *країна тисячі й однієї ночі* вживається на позначення Єгипту, хоча це має швидше асоціативне, аніж фактологічне підґрунтя, адже Єгипет – далеко не єдина і не основна країна, що пов’язана з відомим зібранням казок.

Часто важливим для номінатора є наголошення на старовинності культури країни. При цьому в контексті за принципом контрасту можуть поєднуватися знання про старовину і сучасність держави: *«І поки ти **переймаєшся** минувиною, пригадуючи, що саме Франція є **батьківщиною готики** [...], як твою увагу відвертає густий, невпинно нарастаючий шум. Ліворуч, на відстані з півкілометра, мчить, теж у напрямку Парижа, **сріблястий, змієподібний швидкісний поїзд**»* [Вітчизна. – 2008. – №5–6].

Інший аспект, який важливо підкреслити журналістові, що пише про культуру, – це її багатство, розмаїтість. Поширеним прийомом, котрий допомагає концептуалізувати ці знання, є ампліфікація: *«Господарі, звісно, розкажуть про те, що живуть на **батьківщині демократії, філософії,***

театру та Олімпійських ігор» [День. – 2006. – №58]. Ампліфікація може являти собою низку мовних перифразів, що актуалізують якийсь один концепт, і тоді вона використовується для підкреслення значущості культурних надбань країни: *«Київські музеї та галереї вже не вперше представляють роботи художників, скульпторів, архітекторів і фотографів з Ізраїлю, але вперше виставка “Земля Обітована” розкриває Святу Землю, колиску трьох релігій, батьківщину Біблії через сприйняття українських художників»* [День. – 2007. – №68].

Використовуючи згаданий стилістичний прийом, автор може додавати до усталених культурних знань індивідуальні, що ґрунтуються на безпосередніх враженнях від країни: *«Данія... Країна Андерсена і Русалоньки, маленьких білочок, що перебігають дорогу в передмісті Копенгагена, і вітряків, що підробляють посередниками між вітром і енергією»* [Україна молода. – 2007. – №182].

Індивідуально-авторське сприйняття може виходити й на передній план, і тоді концептуалізація образу країни номінативними засобами реалізується, наприклад, в індивідуальних метафорах, які є по суті цілими згорнутими текстами (такі метафоричні номени автори можуть виносити в заголовки статей): *«Країна-лотос* [заголовок]. *Давня назва Індії – Бхарата. Дивовижно-містична країна. Країна махараджів і йогів, тасмничих культів і вражаючих ландшафтів, старовинних храмів і монастирів. Країна, в якій мирно вживаються різні духовні школи і різні релігії. Так, перше враження оманливе: нецивілізована, брудна, переповнена злиднями. Але ж згадаймо, що білосніжна квітка лотоса зароджується глибоко під водою в болоті. Її стебло тягнеться через водяну товщу вгору і вгору, туди, де світло, де сонце. Тому й не дивно, що саме ця земля впродовж п'ятитисячолітньої історії дала світові найбільше святих імен і духовних учителів»* [Березіль. – 2007. – №7–8].

За допомогою метафор може відбуватися й індивідуально-авторська символізація образів (узятих із прецедентних текстів), які первинно не були символічними, але є культурно значущими: *«Птах посеред Дніпра* [заголовок]. *Я намагаюся знайти образ України і знову згадую Гоголя: “...мало який птах долетить до середини Дніпра”. Дніпро як річка часу... і ось цей птах, що долетів до середини Дніпра, не знає, що робити далі. Він у стані конфузу, подиву: що це – транзит чи статус-кво? Ось такий гоголівський пророчий образ»* [Укр. тиждень. – 2009. – №5].

Знання про культуру мають свою специфіку актуалізації в номенах країн. На наш погляд, потребує уваги співвіднесення універсального та індивідуально-авторського, стереотипного і нового в концептуалізації цих знань, а також узуального та okazіонального в номінативних одиницях.

ПОПУЛЯРНЫЕ ИМЕНА ЧЕРКАССЧИНЫ: ВОСПРИЯТИЕ И ОЦЕНКА

Актуальность социолингвистического изучения личных имен обусловлена постоянным ростом исследовательского интереса к пониманию процессов, происходивших в разные исторические периоды в языке народа, его истории, культуре. В первую очередь, личные имена становятся объектом пристального внимания лингвистов, так как любое имя – это слово, и как слово оно входит в систему языка, образуется по законам языка, по определенным законам реализуется в языке и подвергается возможным изменениям в дальнейшем. Будучи основной формой интерперсональной номинации, имена собственные личные, по мнению А.О. Костылева, сложно переплетают признаки социального и индивидуального общения: “самый способ называния по имени и отчеству или по фамилии определенным образом отражает и взаимоотношение лиц и общественное положение называемого” [2, с. 135]. В лингвистической прагматике имя собственное изучается в арсенале средств речевого воздействия. Известно, что обращение к адресату по имени или имени/отчеству с точки зрения прагматической установки действует на него гораздо эффективнее. Прагматическая значимость таких формул обращения убедительно обоснована в психологической литературе: “Помните, что имя человека – это самый сладостный и самый важный для него звук на любом языке” [3, с. 107]. Избранный вариант имени может свидетельствовать об отношении к адресату либо отражать его предпочтения в выборе имени, напоминать о привычном стиле общения, указывать на изменения во взаимоотношениях коммуникантов. Рассмотрим ситуацию: **Вероника!** – крикнула звонким голосом и, обернувшись, приставила к глазам мокрую руку, на которой играло солнце, – слышь, **Вероника!** Давай купаться... Сестра остановилась. “*Вероника*”, – вот что прежде дошло до ее *радостно встрепенувшегося сознания* (Р. Киреев. И тут расстанемся с ним). Усиление иллокутивной силы высказывания с препозитивным обращением *Вероника* достигается благодаря фоновым знаниям адресата (Вероники) и говорящего (сестры) и создает желаемый перлокутивный эффект: Адресат рад слышать свое имя, так как девочку в семье называют по-разному: – Валентина Потаповна досадовала вслух! “Ну что ты, **Вера!** – это было промежуточным между злым “*Варвара*” и ласково-веселым “*Вероника*”. – Думать же надо! (Р. Киреев. И тут расстанемся с ним). Имя *Вероника* в позиции обращения создает прагматически адекватную ситуацию общения, так как в нем адресат “читает” положительное отношение к себе, в отличие от эмоционально-отрицательно коннотируемых имен *Вера* (досада), *Варвара* (злость).

Цель нашего исследования – составить список наиболее популярных имен студентов-русистов, определить особенности восприятия этих имен. На

первом этапе исследования был собран именной репертуар, в котором 56 женских имен и 20 мужских имен. Фонд анализируемых женских и мужских имен вмещает дохристианские, христианские и новые антропонимы. Все имена классифицированы по методике известного социолингвиста В.Д. Бондалетова [1, с. 80]. В собранном списке было выделено три группы: 1) *популярные имена*, которые встречаются очень часто (имя относим к этой группе, если оно принадлежит не менее 5 носителям – Татьяна, Людмила, Оксана ...); 2) *редкие имена* (имя относим к этой группе, если оно принадлежит менее 5 и более чем двум носителям – Ольга, Алина, Екатерина ...); 3) *единичные имена* (к ним относим те, которые встречаются только один раз (Анжела, Инга, Элина, Камалья, Майя, Эльмира...)). На втором этапе исследования нами были отобраны 5 наиболее популярных женских и мужских имен: *Татьяна, Людмила, Наталья, Оксана, Марина*. Среди мужских имен самые распространенные: *Иван, Сергей, Виктор, Николай, Александр*. На третьем этапе исследования было проведено пилотное социолингвистическое анкетирование. В анкету включены наиболее популярные мужские и женские имена, носителей которых предложено охарактеризовать внешними параметрами и психофизическими чертами. Было опрошено 50 информантов – студентов историко-философского и юридического факультетов ЧНУ (1–5 курсов). Представим мнение большинства информантов по отдельным именам: **Татьяна** – худая, светлая, с карими глазами, упрямая по характеру, со средними интеллектуальными способностями (носители всех женских имен наделены характеристикой – со средними интеллектуальными способностями), меланхолик; **Людмила**: крепкая, невысокого роста, светловолосая, кареглазая, упрямая, холерик. **Наталья** должна быть худой, высокой, светловолосой, кареглазой, упрямой, холерик. Большинство информантов представляют **Оксану** худой, невысокой, блондинкой с карими глазами, упрямой; **Марину** – худой, среднего роста, светловолосой, кареглазой, с упрямым характером, с темпераментом сангвиника. Несмотря на известное песенное описание Ивана “високий та стрункий, ще й на бороді ямка...”, для большинства респондентов **Иван** – крупный, высокий, с темными волосами и карими глазами, упрямый, со средними интеллектуальными способностями, сангвиник; **Сергей** – это худой парень, высокий, светлый, с карими глазами, покладистый, с высокими интеллектуальными способностями, меланхолик. **Виктор**, по мнению большинства, худой, низкий, темноволосый, с карими глазами, с покладистым характером, средними интеллектуальными способностями, холерик. **Николай**: худой, высокий, светлый, с карими глазами, упрямый,

Таким образом, анализ статистических данных показал, что однозначно определить ассоциативный портрет популярного имени очень трудно. Варианты ответов респондентов свидетельствуют о значительных расхождениях в оценках респондентов, а потому проблема является перспективной и требует дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондалетов, В.Д.* Русская ономастика : учеб. пособие. – М. : Просвещение, 1983. – 224 с.
2. *Костылев, А.О.* Система обращений современного русского языка // Системно-функциональное описание словосочетания и простого предложения. – Межвуз. сб. науч. трудов. – Л., 1988.
3. *Хигир, Б.Ю.* Как назвать ребенка. – М. : Монте-Кристо, 1996. – 464 с.

Е.К. Куварова (Днепропетровск, Украина)

КОНЦЕПТ *РУСЬ* / *РОССИЯ* В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА

Рассматривая этимологию и динамику употребления двух конкурирующих этнонимов *Русь* и *Россия*, О.Н. Трубачев отмечал большую древность первого и западноевропейское происхождение второго варианта наименования государства, восходящего к латинской традиции средневековой Европы. Оба этнонима вербализуют один концепт, но речевые контексты выявляют общие и различные содержательные признаки, закрепленные за ними национальным языковым сознанием. Целью данного исследования является описание языковых способов объективации концепта *РУСЬ* / *РОССИЯ* в поэтическом тексте, выяснение ментальных признаков, свойственных данному концепту, и специфики использования двух вариантов самоназвания страны. Материал исследования составили стихотворения XIX – первой половины XX века.

Этноним *Русь* в поэтическом языке чаще всего получает определения *святая, наша, моя*. Притяжательные местоимения первого лица вводят объект в личную сферу автора текста. Другие прилагательные, определяющие данное слово, характеризуют религиозную принадлежность: *православная, крещеная*; государственное устройство: *перводержавная, державная*; время существования: *былая, кондовая, старая*; пространство, размер, расположение: *просторная, необъятная, отчалившая*; флору: *березовая, лесная*; цвет: *златая, голубая*; социальные и национальные признаки: *вольная, кабацкая, помещичья, убогая, финская*; физическое состояние: *живая, задремавшая, вздыбленная*; физические качества: *деревянная, обильная, могучая, бессильная*; эмоционально-психологические признаки: *удалая, безмятежная, несчастная, воспрянувшая, буйственная, непокоренная*; эмоциональное отношение: *любимая, загадочная, необычайная, родная*; стиль: *ложноклассическая, былинная*; значимость: *великая, священная*.

Название страны *Россия* сочетается с прилагательными: *бедная, бесконечная, всехветная, высокая, глухая, желанная, молодая, немытая, необъятная, нищая, новая, ночная, одна, полевая, рабская, родная*,

сермяжная, снежная, холодная. Отчасти признаки Руси и России совпадают: это обширность пространства (*необъятная, бесконечная*), эмоциональное отношение к родине (*желанная, родная*). Но если прилагательные, имеющие временную сему, соотносят Русь с прошлым, то Россия принадлежит настоящему и будущему: она *новая, молодая*. Прилагательные, характеризующие Россию, чаще имеют негативную коннотацию: *рабская, немытая, нищая, сермяжная, бедная, глухая*, – чем прилагательные, определяющие имя существительное *Русь*.

Этноним *Русь* в качестве агенса сочетается с глаголами движения: *идти, помчаться*; действия: *грянуть, встречать, показать, разбогатеть, подняться, выслать, (не) шелохнуться, развернуться, подняться, укачать, затеряться, смыть, стереть, плясать*; глаголами, обозначающими речемыслительные действия: *забыть, плакать, рыдать*; состояния: *окрепнуть, проснуться, почивать, маяться, дремать, светить, казаться, дымиться*. *Россия* производит различные действия: она может *вспрыгнуть (ото сна), (не) мстить, поделиться, угостить, взять*; она совершает речемыслительные действия: *помнит, торжествует, (не) забывает*; ее состояние характеризуется глаголами бытия: *создаться, (не) пропасть, (не) сгинуть*, а также глаголами *перенести (невзгоды), вместить, светить*.

Особенностью представления концепта *Русь / Россия* в поэтических текстах является персонификация: на основе метонимических связей страна уподобляется человеку и осуществляет различные действия, характеризующие личностные черты; она вступает во взаимодействие с человеком как с равным себе субъектом: *Зла Россия не помнит. Побитьем не мстит. / Может хлебом и песней с тобой поделиться. / Добрым гостем придешь – от души угостит. / Спрячешь камень за пазухой – горе случится* (С.Г. Островой). Подобно человеку, Россия имеет свою судьбу.

В русском национальном сознании *Русь / Россия* связана со своими гражданами узами, которые сродни кровным, семейным, и ассоциируется с матерью, сестрой, невестой, женой. *Русь / Россия* имеет древнюю историю и мыслится наделенной возрастом: *Русь киевских князей, медведей, лосей, туров...* (И.А. Бунин); обладает имущественным положением: *Я не люблю, о Русь, твоей несмелой, тысячелетней, рабской нищеты* (И.А. Бунин); характеризуется социальными признаками: *честь, слава*; физическими качествами: *Не сгубят указы царские / Руси силы молодецкие* (Н.П. Огарев); внешнестью: *И лишь забота затуманит / Твои прекрасные черты* (А.А. Блок); эмоциональным состоянием: *И дремлет Русь в тоске своей веселой...* (С.А. Есенин); творческим потенциалом, способностью к самовыражению в искусстве: *Грустная песня, ты – русская боль...* (С.А. Есенин). По своему значению для русского человека Россия ни с чем не сопоставима: *Мы не страну в тебе боготворим, Россия, / Ты больше, чем страна: ты – мир!* (И.Л. Сельвинский). Будущее всей Земли также немислимо без России: *Убить Россию – это значит / Отнять надежду у Земли!* (И.Л. Сельвинский).

Метафорическое представление Руси / России основано на сопоставлении культурной значимости Киевской Руси с Древней Грецией: *У нас была своя Эллада – младая Киевская Русь* (Н.К. Доризо). Значение современной России посредством метафоры *Русь – начертательница Третьего Завета* (С.А. Есенин) соотносится со значением создателей Библии. Семантический признак развития, житнетворной силы лежит в основе метафорического представления России как дерева: *Я любил вознесенное сказками древо, / На котором звенели всегда соловьи, / А под деревом раскинулось море посева...* (К.Д. Бальмонт).

Само название *Россия* обладает ценностью эстетической: это слово *нежное, звучное, широкое, краткое, необъятнейшее, далекое, близкое* – и эмоциональной: *...При имени Россия мне слезы перехватывают дух* (И.Л. Сельвинский).

Я.В. Олзоева, Л.А. Калашникова (Улан-Удэ, Россия)

ЛИЧНОЕ ИМЯ-МЕТАФОРА КАК СПОСОБ СВЕРТЫВАНИЯ ТЕКСТА

Свертывание текста, как известно, означает сжатие, сокращение текстового пространства за счет преобладания объема означаемого над объемом означающего. В личном имени выявляются такие свойства текста, как проспекция и ретроспекция, концептуальность, информативность.

Предметом рассмотрения стало личное имя, созданное в рамках художественного текста, – *Гипоксия*. Это одновременно название рассказа молодого русского писателя Романа Коробенкова. Рассказ предварен разъяснением автора: «Гипоксия – смерть от удушья, вызванного попаданием твердого предмета в дыхательные пути; в тексте используется как женское имя». Антропоним, таким образом, возник в результате онимизации и представляет собой метафору. Метафорический способ познания одной сущности в терминах другой, более понятной и более четко определенной, неизбежно затемняет какие-либо иные аспекты понятия (Дж. Лакофф, М. Джонсон). Действительно, личное имя-метафора *Гипоксия* фиксирует прежде всего разрушительное начало – текстовое пространство заполняется событиями, ведущими к смерти, краху, опустошению.

Метафорическое основание личного имени позволяет выявить специфику культурно-национального самосознания той или иной лингвокультурологической общности – какой видит женщину современный российский мужчина. Гипоксия – это и конкретный персонаж и художественный образ, в котором обнаруживает себя типическое.

Женщина в начале XXI века ассоциируется с разрушением, гибелью, она не является больше воплощением кротости, терпения, милосердия, прощения. Женщина не приносит теперь в этот мир умиротворение –

напротив, когда *она просто идет... на другом конце земли начинается война или извергается вулкан.*

Концепт имени формирует, предопределяет содержательно-фактуальную информацию, передаваемую в тексте и служащую для развертывания идеи, содержательно-концептуальной информации (И.Р. Гальперин): женщина разрушает не только свою, но и чужую жизнь. Личное имя, подобно любому имени собственному, в художественном тексте семантически и ассоциативно обогащается (В.А. Кухаренко), чему способствует вторичная номинация объекта в тексте: *Гипоксия – эта штучка – эта бестия – эта ведьма – бесовка – злая малютка – эта вечная сучка – дорогая мне блудница.* Однако метафоричность номинации уже сама по себе задает как способы номинации, так и развитие событий в ожидаемом направлении, выполняя тем самым информативную и прогнозирующую функции. Личное имя обнаруживает такие свойства текста, как проспекция и ретроспекция: оно выступает своеобразной точкой пересечения прошлого и будущего. В анафорической направленности личное имя объясняет мотивы номинации (является основанием онимизации), в катафорической – прогнозирует тот или иной исход событий: поведение человека, его поступки предвосхищены личным именем-метафорой, получающим объяснительную силу. Личное имя, таким образом, информативно – оно предсказывает сюжетное развитие и “скрепляет” его, обеспечивая таким образом когерентность (В. Дресслер) текста.

Ю.Н. Пахомова (Минск, Беларусь)

РОЛЬ ИМЕН ИЗВЕСТНЫХ БЕЛОРУССКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА БЕЛОРУСОВ

Жизнь отдельных личностей
помогала глубже и полнее уяснить
смысл и ход исторических событий...

А. Вильсон

Картина мира, являясь специфичной для каждой лингвокультуры, представляет собой целостный образ мира, складывающийся в голове человека в процессе познавательной деятельности. Картина мира формирует отношение человека к миру – природе, другим людям, самому себе как члену этого мира, задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к жизненному пространству и трактуется как ментальная репрезентация культуры. Картина мира складывается в процессе когнитивной обработки сведений о мире, поступающих в головной мозг по

всем перцепционным каналам: по визуальному, акустическому, тактильному, обонятельному, густическому. Другими словами, информация о мире в конечном счете категоризируется и концептуализируется [5, с. 71]. Концепт как ментальное образование, с помощью которого и в котором хранятся сведения о мире, является единицей лингвокультурологического описания и анализа картины мира [5, с. 73].

Отражением картины мира соответствующей лингвокультуры являются лингвострановедческие словари и комплексы, значимость которых заключается в том, что они рассказывают и о культуре страны изучаемого языка и, одновременно, показывают место и функционирование языковых единиц в речи. В лингвострановедческом словаре семантика слова раскрывается таким образом, чтобы подчеркнуть национально-культурный компонент значения данного слова. Подобные словари и комплексы не просто являются результатом объединения переводного словаря и энциклопедии, поскольку при раскрытии семантики языкового обозначения реалии страны они представляют дополнительную информацию, касающуюся традиций, обычаев, истории и культуры страны. Лингвострановедческий комментарий реалии включает в себя ряд ассоциаций таким образом, как они представлены в языковом сознании носителей языка.

Рассмотрим реалии Беларуси на примере имен известных белорусских деятелей, которые представлены в лингвокультурологическом комплексе «Беларусь» под редакцией профессора Л.Н. Чумак, сравним, как представлены данные реалии в других источниках, и установим, насколько важна роль этих реалий в формировании концептуальной картины мира белорусов. Основу лингвокультурологического комплекса «Беларусь» составляет билингвальный лингвострановедческий словарь национальных реалий Беларуси (около 100 ключевых единиц). Концептуальная база данного пособия – это моделирование минимального культурного фона современного белоруса. В словаре представлены имена следующих белорусских деятелей: *Алферов Ж.И., Богданович М.А., Быков В.В., Бельницкий-Беруля В.К., Гусовский Н., Домейко И., Короткевич В.С., Карский Е.Ф., Климук П.И., Колас Я., Купала Я., Лукашенко А.Г., Машеров П.М., Полоцкая Е., Рогнеда, Савицкий М.А., Скорина Ф., Шагал М.З.* Таким образом, минимальный культурный фон современного белоруса согласно комплексу составляет 18 персоналий известных белорусских деятелей. При необходимости белорус может получить более подробную информацию о конкретном деятеле из других источников. Например, открыв электронную энциклопедию Википедии, мы без труда находим все перечисленные имена и обнаруживаем некоторые категории как дополнительные сведения об интересующем нас деятеле. Алферов Ж.И. входит в категорию «Кавалеры ордена Ф. Скорины», Климук П.И. – «Кавалеры ордена *Дружбы народов*» и «Кавалеры ордена *За службу родине*». Домейко И. мы сможем найти в категории «Географы Беларуси», Карского Е.Ф. – «Этнографы Беларуси», Полоцкую Е. – «Религиозные

деятели Беларуси». В Википедии всего представлено 56 поэтов, 56 писателей, 77 политиков, 24 религиозных деятеля, 18 художников Беларуси.

Имена перечисленных популярных белорусских деятелей и их биографии являются частью концептуальной картины мира белорусов. Формирование концептуальной картины мира у человека начинается с рождения. Знакомство с национальной культурой и известными национальными деятелями начинается со знакомства с первыми в жизни книгами, которые позволяют обогащать картину мира. Белорусские школьные учебники и Интернет помогают ученикам познакомиться с биографиями известных белорусских деятелей науки, литературы, культуры, политики. Исследователи уверены, что биографии – это та часть обучающего материала, которая обладает воспитательными возможностями и формирует нравственный потенциал учащихся. Биографии известных людей – это не художественный вымысел авторов учебников, а достоверная историческая информация о деятельности ученых, писателей, художников, просветителей, их нравственных качествах, поступках, устремлениях, реально живших и живущих и достигших определенных высот и результатов каждый в своей деятельности.

Остановимся на биографиях популярных белорусских писателей. Интернет-библиотека позволяет нам познакомиться с биографиями следующих известных белорусских писателей: *Багдановіч Максім, Брыль Янка, Быкаў В.У., Бядуля Змітрок, Гусоўскі Мікола, Караткевіч У.С., Колас Якуб, Крапіва Кандрат, Купала Янка, Лынькоў Міхась, Маўр Янка, Мележ Іван, Чорны Кузьма, Шамякін Іван, Ядвігін Ш.* [9].

Ограничивается ли интерес белорусов к произведениям и биографиям популярных белорусских авторов только информацией в рамках школьной и вузовской программы, мы можем узнать, заглянув в один из Интернет-магазинов и просмотрев список книг, относящихся к лидерам продаж. Рейтинг самых популярных белорусских книг на www.oz.by такой: *Василь Быков «Сотников»; Толкіен «Хобіт, або Вандроўка туды і назад»; Василь Быкаў «Доўгая дарога дадому», «Кніга ўспамінаў»; Василь Быков «Афганец»; Василь Быков «Час шакалов»; Василь Быкаў «Бліндаж»; Астрыд Ліндгрэн «Малы і Карлсан-з-Даху»; Старажытная беларуская літаратура; «Выбранае. Далэнга-Хадакоўскі Зарыян»; Антон Дончев «Час памежны».*

Рейтинг самых покупаемых белорусских книг в магазине «Академическая книга» представляет собой следующий список: *Уладзіслаў Сыракомля. Выбраныя творы; Антон Луцкевіч. Выбраныя творы; Змітрок Бядуля. Выбраныя творы; Анатоль Сыс. Выбраныя творы; Напалеон Орда: з фондаў Нацыянальнай бібліятэкі; Укладальнік Чаропка В. Вялікае княства Літоўскае. Энцыклапедыя ў 2 тамах. Т. 2; Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў. У 2 тамах. Т. 2; Беларусь і беларусы ў прасторы і часе. Зборнік да 75-годдзя прафесара Адама Мальдзіса; Адам Мальдзіс. Выбранае; Минск. Книга жыцці. Альбом* [6].

Вот комментарий одной из посетительниц сайта www.sb.by: «Мы мало интересуемся белорусской литературой. В списках самых популярных книг только Быков и исторические произведения. Ни Короткевича, ни Орлова, ни Бриля. А у нас действительно очень много достойных произведений. У него же каждая книга за душу берет. Все, написанное им, – шедевр, достойный внимания: “Ладдзя распачы”, “Сівая легенда”, “Паром на бурнай рацэ”, “Чорны замак Гальшанскі”... И говорю я это от чистого сердца, потому что действительно восхищаюсь этим писателем» [11].

Рассматривая вопрос интереса белорусов к своей истории, культуре, литературе, а также легендарным белорусским личностям, уместным было бы упомянуть о статусе русского языка в Республике Беларусь и его историческом влиянии на формирование концептуальной картины мира белорусов. Русский язык в нашей стране имеет государственный статус наравне с белорусским и преобладает в употреблении. Белорусский является языком обучения только на факультетах и кафедрах белорусского языка и литературы. На всех остальных факультетах преподавание ведется по-русски. На русском языке издается большая часть учебно-методической и научной литературы. Ежегодно проводятся международные конференции, посвященные актуальным проблемам русского языка.

Тем не менее, белорусская культура развивается, а имена знаменитых белорусских деятелей каждый день у нас на слуху. Речь идет об употреблении в повседневной речи белорусов наименований минских улиц, площадей, проспектов, связанных с именами известных личностей Беларуси. Более чем 240 минских улиц названы именами видных государственных и военных деятелей, представителей науки, культуры и литературы. Например, улицы Ф. Скорины, Я. Купалы, М. Богдановича, В. Дунина-Мартинкевича, З. Бядули, Гастелло, площади Я. Коласа, Ф. Богушевича и др. [8].

Новый микрорайон около Малиновки назвали Брилевичи – в этом месте стоял когда-то одноименный фольварк. Одна из улиц наречена Каролинской, т.к. второе название усадьбы было Каролин (видимо, в честь дочери помещика). А в Лошице – улица в честь поэта и этнографа Владислава Сырокомли. На карте города появилось также имя Павла Шпилевского – театрального критика, краеведа, литератора, написавшего интереснейшую книгу о Минске. А еще – имена Язепы Дроздовича, Каруся Каганца, Владимира Мулявина, Янки Лучины. Недавно утверждены названия улиц Льва Сапегы, Янки Брыля [3].

Таким образом, изучение определенного периода истории народа невозможно без упоминания имен выдающихся деятелей, которые жили в данную эпоху и оставили заметный след в истории. Создание таких лингвокультурологических комплексов, как «Беларусь», поможет не только моделировать фоновые знания белорусов, стимулировать их интерес к расширению кругозора и прочтению произведений самых известных белорусских авторов, но и заинтересовать сведениями лингвострановедческого характера иностранцев, желающих познакомиться с белорусской историей и культурой. Информация об определенном деятеле,

взятая из комплекса – это информационная база, которая может быть расширена читателем этого пособия самостоятельно посредством специальной литературы и Интернета.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анцыферова, Л.Н.* О динамическом подходе к психологическому изучению личности // Психол. журнал. – М., 1981. – С. 9.
2. Беларусь: лингвокультурологический комплекс: пособие для иностр. студентов ; под ред. проф. Л.Н. Чумак. – Минск, 2008.
3. Вечерний Минск. 11 сентября 2009 (пятница). № 171 (11978). Имя улицы.
4. *Вильсон, А.* Биография как история / А. Вильсон. – М., 1970.
5. *Гришаева, Л.И.* Введение в теорию межкультурной коммуникации : учеб. пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений / Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова. – М., 2007.
6. Советская Белоруссия. 23.02.2008.
7. *Хуторская, Л.Н.* Воспитательный потенциал биографической информации об ученых и его реализация в процессе изучения естественно-математических наук / Л.Н. Хуторская, И.С. Маслов // Фізика: проблеми викладання. – 2003. – №6. – С. 3–20.
8. www.rb-minsk.info/Minsk_street.shtml
9. www.school-city.by
10. www.oz.by
11. www.sb.by
12. www.wikipedia.org

Е.В. Тихоненко (Минск, Беларусь)

НАЦИОНАЛЬНОЕ И ЗАИМСТВОВАННОЕ В УРБАНОНИМАХ ГОРОДА МИНСКА

Урбанонимы (наименования внутригородских объектов) – языковые единицы, отражающие лингвистическую, социальную и культурную картины мира носителей языка. Наименования городских объектов (коммерческих, торговых, финансовых, образовательных и т.п. структур) представляют особый интерес прежде всего в плане выявления и изучения мотивов номинации. Вместе с тем весьма интересным является аспект самоопределения белорусов как нации со своей культурой и традициями и увлечение заимствованными тенденциями, который находит отражение в урбанонимии.

Анализ наименований внутригородских объектов Минска позволил выявить несбалансированное русско-белорусское двуязычие, которое имеет не этнический, а социально-культурный характер. Белорусский язык имеет государственный статус, он достаточно развит во всех сферах употребления,

однако реальная картина отражает значительное преобладание русского языка: магазины «Мир игрушек», «Дюймовочка», универсамы «Рублевский», «Соседи», рестораны «Цезарь», «Статский советник», кафе «Блинная страна», «Чебуречная» и др. Вместе с тем, встречаются названия, которые нельзя причислить ни к белорусскому, ни к русскому языкам, так как отмечается полное совпадение по смыслу и в написании в обоих языках: магазины «Хлеб», «Белрыба», кафе «Ванда».

Среди урбанонимов, которые отражают национально-культурные реалии, образы, характерные для общественного сознания, выделяются три основные коннотемы: 1) в основе урбанонима лежит название страны, ее территорий, исторических мест: универмаг «Беларусь», ресторан «Беларусь», гостиница «Беларусь», гостиница «Минск», ресторан «Стары Менск», кафе «Мирский замок» и др.; 2) в названии используются литературные, фольклорные образы, национальные реалии, которые отражают национальную специфику: кафе «Свитязь», ресторан «Папараць-кветка», магазины «Батлейка», «Паўлінка» и др.; 3) в основе наименований лежат речевые штампы, которые употребляются носителями языка, но образуют так называемые лакуны при переводе на другой язык: бар «На посошок», кафе «Печки-лавочки», бар «Посиделки» и др.

Минск является европейской столицей, поэтому вполне закономерно существование иноязычных вывесок. Употребление иноязычных наименований напрямую зависит от расположения объекта в городе. Наиболее часто иноязычные урбанонимы встречаются в центре. Это не случайно. Центр должен соответствовать мировым стандартам, в том числе и с точки зрения языкового оформления вывесок. С другой стороны, излишнее насаждение иноязычной лексики и очарованность английскими словами негативно влияет на национальный облик столицы независимого государства.

Среди иностранных языков самым продуктивным при наименовании городских объектов стал английский язык, который встречается в номинациях объектов и торговли, и общественного питания, и сферы услуг: магазины «Respect», «Mother Care», супермаркет «Prostore», салон красоты «Princess», солярии «Suntime», «Sunlight», «Sunflower», «Sun city» и др. Французский и итальянский языки заняли определенные ниши в номинациях внутригородских объектов соответственно представлениям русскоязычных людей о Франции и Италии. В общественном сознании Франция предстает своеобразной империей красоты, моды, стиля, изящества, а Париж – воплощением прекрасного. Соответственно французский язык или транслитерация французских слов используется для наименования салонов красоты и парикмахерских «Ma Cherie», «Dessange Paris», «Куафюр», «Летуаль», «Бонжур», «Жеталь», «Делакруа», «ДеВалль», «Шадэ» и др.

Италия знаменита своей национальной кухней, соответственно итальянский язык популярен в номинациях объектов питания: пиццерии «Il Patio», «Pizza», «Zio pepe», «O Sole Mio».

Иноязычные наименования условно разделяются на два вида.

1. Объект использует в качестве названия мировой бренд, торговую марку: «*Adidas*», «*Sela*», «*Sacsh*», «*Carlo Pazolini*», «*Baden*», «*Tom Tailor*», «*Ives Rocher*» и др. Следует отметить, что для иноязычных номинаций присуще наличие подноминации на русском языке, в котором раскрывается денотат: «*Domus Gallery*» – *Галерея мебели*. Кроме того, некоторые иноязычные наименования имеют дублирующее название на русском или белорусском языках («*Ives Rocher* – *Iў Рашэ*»). Характерно, что многие магазины, предлагающие товары белорусских производителей, наряду с кириллицей используют в наименовании латиницу, возможно, рассчитывая на выход бренда на международный рынок («*Milavitsa* – *Мілавіца*», «*Горизонт* – *Horizont*»). Таким образом, происходит двусторонний процесс передачи брендов на кириллице – латинице.

2. Объект культивирует иноязычное слово. Появление номинаций данного вида связано с модой на иноязычные слова и выражения, отношение к иностранному как к исключительному, высококлассному. Использование иностранного языка в данном случае является, на наш взгляд, неоправданным: *универсам* «*Preston Market*», *гипермаркет* «*Bigzz*».

Зафиксированы и наименования, содержащие иностранные лексемы, но переданные кириллицей: *магазины* «*Чиккен-фуд*», «*Бьюти-косметика*», «*Техносити*». Подобные наименования, с нашей точки зрения, лишь указывают на излишнюю увлеченность номинатора иностранным.

Таким образом, при анализе урбанонимов города Минска выявлены следующие тенденции:

- ориентация на русскоязычного потребителя;
- отражение национально-культурной специфики;
- взаимодействие и взаимосвязь социумов в различных сферах;
- языковая мода на заимствования, излишнее увлечение иноязычными словами, что не лучшим образом сказывается на облике современной столицы.

Е.А. Флейшер (Санкт-Петербург, Россия)

ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ ГЕРОЕВ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Имена собственные литературных героев, в особенности те из них, которые являются прецедентными, представляют собой неоднозначные явления. Связанные с определенными текстами литературных произведений, они несут в себе информацию об этих текстах и о тех героях, которых они называют. С другой стороны, в сознании носителей языка для каждого прецедентного имени существует свой собственный инвариант восприятия,

который невозможно предсказать, опираясь исключительно на текст произведения или внутреннюю форму самого имени (если мы имеем дело с «говорящим именем»). К тому же фиктонимы будут заключать в себе информацию о тексте и о называемом герое только в том случае, если носителям языка известно произведение, к которому они относятся, то есть если текст, с которым связано прецедентное имя, тоже является прецедентным.

Итак, исходя только из текста литературного произведения, которое является непосредственным источником прецедентного имени, невозможно определить точное значение прецедентной единицы в ее интенциональном употреблении, следовательно, существуют дополнительные факторы, влияющие на формирование такого значения. Вероятно, здесь необходимо обратить внимание на то, что любые единицы языка получают определенное значение в зависимости от того, какие функции им предписываются языком. В связи с этим отметим, что прецедентные имена – это когнитивные единицы, следовательно, именно они в первую очередь, выстраивая в сознании носителей языка определенную аксиологическую систему, могут выполнять функции не только хранения и передачи информации, но и управления человеческим поведением. Таким образом, прецедентные единицы, и прецедентные имена в частности, на наш взгляд, несут в себе сведения о менталитете определенного лингвокультурного сообщества.

Для подробного изучения перечисленных выше особенностей прецедентных имен, источником которых являются фиктонимы, мы провели исследование, выявившее специфику их функционирования в языке. Исследование заключалось в следующем: было отобрано 126 имен собственных героев произведений русской литературы конца XVIII–XIX века. Целью изучения данных имен являлось выявление среди них прецедентных, а следовательно, в первую очередь нас интересовали параметры, в соответствии с которыми мог бы проходить отбор интересующих нас единиц. Как нам кажется, в данном случае можно предложить следующие параметры прецедентности: 1) наличие контекстов интенционального употребления определенного имени; 2) высокая узнаваемость среди членов лингвокультурного сообщества; 3) наличие широкого круга ассоциаций, связанных с данным именем. В соответствии с выделенными параметрами, мы провели исследование, включающее: изучение контекстов, в которых интересующие нас единицы употреблены интенционально; эксперимент по выявлению узнаваемости имен среди носителей языка; ассоциативный эксперимент. Только полученные в ходе подобного исследования результаты, на наш взгляд, могут считаться максимально объективными.

Таким образом, первым шагом нашего исследования стал поиск контекстов для каждого имени. Для выполнения этой задачи мы использовали официальный сайт газеты «Комсомольская правда» и проанализировали частотность использования интересующих нас имен. Далее был проведен опрос носителей языка, который выявил те имена собственные литературных героев, которые известны большинству членов

лингвокультурного сообщества. И заключающим этапом исследования стал ассоциативный опрос носителей языка, в котором стимулами являлись исследуемые имена.

Обобщив полученные результаты, мы отобрали имена, которые являются одновременно и самыми частотными по узнаваемости, и вызывающими наибольшее количество ассоциаций, и употребляемыми коннотативно. Такими именами оказались:

1. Левша
2. Ростова Наташа
3. Тарас Бульба
4. Каренина Анна Аркадьевна
5. Обломов Илья Ильич
6. Герасим
7. Дедушка Мазай
8. Евгений Онегин
9. Раскольников Родион Романович
10. Безухов Пьер
11. Плюшкин
12. Печорин
13. Ларина Татьяна
14. Башмачкин Акакий Акакиевич
15. Мармеладова Сонечка
16. Базаров Евгений Васильевич
17. Дубровский
18. Чацкий Алексей Андреевич
19. Чичиков Павел Иванович
20. Ленский Владимир
21. Хлестаков Иван Александрович

Имена собственные, включенные в итоговый список, соответствуют всем выделенным нами параметрам прецедентности. Таким образом, можно утверждать, что в ходе данного исследования из 126 рассмотренных единиц мы отобрали 21 прецедентное имя, источником которых являются имена собственные героев литературных произведений.

Z. Šolak (Novi Sad, Serbia)

THE USE OF PROPER NAMES IN *THE DAMNED YARD* BY THE NOBEL PRIZE WINNER IVO ANDRIĆ

Ivo Andrić novels and many of his short stories describe events and history of the Balkans, or more precisely in Bosnia and Herzegovina. By choosing topics Andrić turns to history and to the period of Turkish rule or to the more

contemporary period after the Turkish retreat and the move of the Austro-Hungarian Empire into Bosnia. The occupying forces arrived with their own management comprised of people of various origins, different religious beliefs, different languages and customs. By observing the full Andrić's opus it is possible to note personal names of characters appearing in his works and which derive from many languages: Turkish, Italian, Polish, Czech, Hungarian and Rumanian. As a boy in Višegrad and a teenager in Sarajevo Andrić got a chance to meet, besides personal names of his neighbors of *all three religions* and of Jewish origins, foreigners and their personal names which he later used in his works.

The novel *The Damned Yard* is actually a story told by friar Petar to a young man in a monastery at the very end of his life. Friar Petar recalls the events from his autumn years when he found himself in jail arrested on false basis during his visit to Constantinople on church business. The Turkish Empire engulf many nations at the time so the fellow prisoners presented a myriad of them all. It is superbly illustrated by the choice of names the writer had selected. We can see the Bosnian friars Petar, Tadija and Mijo, the prison warden Latifaga, whose name is only briefly mentioned whereas in the book we see him by his nickname Karadoz. Amongst the more important characters we also find the young Turk Ćamil and his father Tahirpaša, then a Jew from Smyrna called Haim and a forger by the name of Zaim. In the *The Damned Yard*, in the fifth chapter, the story of Džem is told. That is the story told to friar Petar by Ćamil during their stay in prison. He listened to the story fervently as it was told by the incarcerated young man who studied a part of the Turkish history relating to the brotherly rivalry for the throne in great detail. The story heard a long time ago is retold by friar Petar as a part of the general narrative about his days spent in the Damned Yard prison.

Apart from the brothers Džem and Bajazit, who were the sons of Mehmed II the Conqueror, a lot of other names are mentioned in the fifth chapter of *The Damned Yard*. We have the great island master Rod Pier d'Orbison, the king of Hungary Mathieu Corvin, the young French king Charles VIII, Pope Innocent VIII and Pope Rodrigo Borgia. Some of the names are just accidentally mentioned: Ajaspaša, Kedikpaša, Jakub Beg, Bajazit's emissary the Greek Antonio Reriko, the Pope's son Chesare. Some saints are also mentioned: St. John and St. Angela.

In some ten pages of text of the fifth chapter in *The Damned Yard* personal names are mentioned on many occasions. (Apart from personal names we can also encounter a large number of name of countries, cities, regions and seas. In general, the saturation by names in this chapter of the novel is obvious.) The name of Džem itself is mentioned 48 times, while the name Bajazit 32. Fifteen other characters and their personal names are listed 41 times. In such a large number of personal names Andrić was particularly careful in using pronouns such as *he* or *his*. If a given personal name was not used in some sentence the reader is still very clear on which character is being referred to by the pronoun. The personal name is in such cases repeated as many times as necessary.

By mentioning personal names in such a short novel, especially in the fifth chapter, Andrić reached the upper limit of saturation by personal names and names in general which would only hinder the readers if exceeded. Through skilful

storytelling he managed to overcome that limit and to cross it by introducing characters whose names are not mentioned at all. Those characters sometimes even have important roles in the story such as in example the two prisoners always mentioned together as Bulgarian traders. One fragment at the end of the novel shows a colorful character of an exile whose name is not mentioned but is being referred to only as a *young man from Lebanon* [1, p. 341]. The police chief of the Ismir district is one of the key characters in the whole novel but still his name is never mentioned. Andrić also does not mention the name of a prisoner involved in the arguments and recognized by his voice alone. The writer calls him an athlete, and sometimes a bass having in mind his physical attributes and his manner of speech. The novel also describes the events that have taken place in Smyrna. If Greek people are mentioned in the descriptions Andrić does not give them names. Ćamil's mother is the *famous Greeak beauty* [1, p. 281]. A greek woman whom Ćamil wanted to marry is also mentioned. The name of her father is also not given; he is only marked as a Greek trader. In one episode we see the bar landlord described as a bucktoothed Greek and the landlady Greek as well. In such cases where he did not provide us with a personal name we can see that Andrić uses the nationality to describe the person: a Bulgarian, a Lebanese or a Greek.

Andrić introduced many characters in the novel *The Damned Yard*. Many of them are marked by their personal names mentioning some of them more than once. However, there are also a lot of characters that are not provided with names. More relevant characters usually have names but it is not a fixed rule. What is in common to all of the characters, both the ones with names and the ones without, is the clear distinction between them and the skillful storytelling binding the readers' attention.

The personal names of Andrić's characters in *The Damned Yard* originate in several languages. The names (Petar, Ćamil, Haim, Zaim, Tahirpaša, Džem, Bajazit, Jakub-Beg, Kedikpaša, Mehmed II the Conqueror, Murat II, Innocent VIII, Mathieu Corvin, Antonio Reriko, Charles VIII, Pier d'Orbison, friar Tadija Ostojić, Kirkor, friar Mijo Josić, friar Rastislav) are closely linked to previous historical times and the history of the Ottoman Empire and its presence in Europe, as well as the relationships of other European countries and nations with it.

Translated into English by Nikola Dobrić

LITERATURE

1. *Andrić, I. The Damned Yard / I. Andrić // The Damned Yard and other stories*, translated by Celia Hawkesworth, Dereta. – Beograd, 2007. – Pp. 237–343.
2. *Andrić, I. Prokleta avlija, Sabrana dela Ive Andrića*. – Sarajevo, 1981.
3. *Džadžić, P. O Proketoj avliji / P. Džadžić*. – Beigrad, 1975.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ ПОЛЬСКИХ И РОССИЙСКИХ ЭРГОУРБОНИМОВ

1. В докладе рассматриваются основные мотивационные признаки, лежащие в основе номинации эргоурбонимов на примере названий предприятия общественного питания (далее ПОП), записанных в Варшаве (473), Катовице (266) и Москве (1739). Возможность выделения мотивационных признаков обусловлена тем, что данный вид имен собственных (далее ИС), находясь на периферии ономастического пространства, частично сохраняет смысловую связь с мотивирующим апеллятивом или онимом. В сопоставительном плане анализируется национальная специфика лексического наполнения компонентов названий ПОП. Выявляются как общие признаки, так и отличия. Названия делятся на две подгруппы – отаппелятивные и отыменные.

2. Мотивы ономастической номинации – “экстралингвистической причины выбора или создания данного ИС для данного объекта” [1, с. 84] – могут быть различны. Обычно каждое ИС при возникновении является мотивированным. Со временем мотивированность, особенно для прототипических ИС, находящихся в центре ономастической системы, может быть утрачена, а в некоторых случаях мотив номинации может быть скрыт от всех, кроме узкого круга посвященных людей.

3. Одной из серьезных проблем при мотивационном исследовании таких специфических единиц является тот факт, что наряду с ИС, имеющими четко определяемые мотивационные признаки (например, названия ПОП, образованные от названий улиц, на которых они находятся: рус. *На Басманной*, пол. *Bistro na Francuskiej*), существует обширная группа ИС, установить мотив номинации которых не представляется возможным. Таким образом, любая классификация в данном случае является условной и предполагает учет нескольких возможных мотивационных оснований.

4. Часто имена для исследуемого типа объектов могут быть вообще не мотивированы каким-либо определенным предметом или понятием, а образованы в соответствии с личными соображениями номинатора – во многих названиях ПОП, как в Польше, так и в России, доминируют коннотационные, ассоциативные (как правило, положительно маркированные) характеристики. Причинами могут быть как красивое звучание слова, вызываемые словом определенные (положительные) эмоции, так и субъективные языковые предпочтения владельца ПОП. Например, такие названия, функционирующие в польской и русской эргоурбонимии, как *Bacio di Angelo* (“поцелуй ангела”, итал.), *El Corazon* (“сердце”, исп.), *The Cinnamon* (“корица”, англ.), *Urocz*a (“очаровательная”, пол.), *Лунная ночь*, *Ночной каприз*, *Романтика*, *Грезы* и т.п. Такого рода мотивацию можно

достоверно выяснить только непосредственно у владельца, в соответствующем справочнике или рекламных материалах, в которых этот вопрос оговаривается отдельно.

5. Процесс номинации эргоурбонимов изучаемого нами типа в большинстве случаев обусловлен социолингвистической ситуацией и отражает одну из составляющих современной “информационной картины” города. Названия ПОП неразрывно связаны с современной цивилизацией и несомненно представляют интерес не только для лингвиста, но также для историка, культуролога и социолога, поскольку заключенная в них информация раскрывает культурные и национальные особенности и предпочтения пользователей языка.

6. В обеих странах названия ПОП образуются в основном от апеллятивов, однако русские названия характеризуются бóльшим лексико-семантическим разнообразием (в русских названиях выделен 31 тип, в польских – 12). Так, в Польше не были зафиксированы названия ПОП, образованные от наименований животных (в Москве они составляют 7%), от названий предметов интерьера (в Москве – 3%). Среди названий, в основу которых лег оним, большинство как в Польше, так и в России составляют образования от топонимов. Однако в системе русских отыменных названий ПОП обращает на себя внимание тенденция к номинации, мотивированной именем или фамилией известных русских (и не только) деятелей искусства (*Александр Блок, Пушкинъ, Шагал, Омар Хайям*). В Польше такой тип названий зафиксирован не был. Также более часто русские номинаторы обращаются к идеонимам (*Чайхана Ходжа Насреддин в Бухаре, У Лукоморья*). Следовательно, можно говорить о более образном характере названий в Москве и более частому здесь обращению номинаторов к прецедентным именам.

7. Ярче всего национальную специфику русских названий ПОП иллюстрируют эргоурбонимы, представляющие собой онимизацию коллоквиализмов, часто представляющих собой рифмованные конструкции: *Ёлки-палки, Шашлык-машлык, Любовь-морковь*, а также звукоподражаний: *Му-му*. В польском ономастическом материале подобные примеры зафиксированы не были.

8. В целом основные мотивационные тенденции в системе названий ПОП в исследуемых странах совпадают. Различия касаются, главным образом, количественного аспекта и большей употребимости в системе названий предприятий общественного питания в Москве прецедентных имен. Остальные отличия касаются лишь частных случаев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М., 1988.

НАЦИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ТЕКСТ

Вей Вей (Китай)

РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ТЕКСТ О КИТАЕ

В современных русскоязычных национально ориентированных текстах о Китае выявляются стандартные для наивной картины мира смыслы – “загадочный”, “непонятный”, “непостижимый” Китай. В текстах о Китае эти смыслы находят выражение в том числе во фразеологизмах *китайская стена, китайские церемонии, китайская грамота*. Часть пишущих о Китае поддерживает эти стандартные смыслы, а авторы книги “Китайская цивилизация как она есть” ставят цель разрушить стереотипное мнение о Китае и Тибете как о чем-то непостижимом, рассматривают его как препятствующее подлинному познанию Китая.

В современных текстах преобладает концептуализация Китая как страны ‘стремительно меняющейся’, ‘соединяющей в себе контрастные черты самой современной и самой древней страны в мире’, ‘доминирующей в экономическом развитии’, ‘определяющей развитие всего мира, идущей впереди’, кроме того, страны, ‘опыт которой необходимо изучать’. Указанная концептуализация сочетается с уже отмеченной традиционной.

В образе китайца актуализируются следующие признаки: ‘исключительная жизнестойкость’, ‘патриотизм, признание величия, превосходства своей страны’, ‘неприязнь к иностранцам, европейцам’, ‘практичность’, ‘хитрость’, ‘общительность, бесцеремонность’, ‘любовь к коллективным праздникам и хорошей еде’, ‘стремление к знанию’ и ‘готовность учиться у других’, а также ‘уважение к старикам’. В контексте анализа основ конфуцианства в текстах В. Малявина создается приближенный к прототипу образ китайца, которому свойственны: ‘непринужденная, словно врожденная вежливость’, ‘необычайная скромность вплоть до полного самоотречения’, ‘вера в справедливость всего, что дается жизнью’, ‘колоссальное трудолюбие и неистощимое терпение’, ‘стремление к личному самосовершенствованию’, ‘неразрывная связь с естественным жизненным коллективом и беспрекословное подчинение ему’.

Рассмотренные тексты о Китае знакомят читателя с основами китайской концептуальной картины мира, доминантными концептами которой являются *Китай, семья, общество, человек, имя, лицо*, концептуальная оппозиция *свой – чужой*, и соответственно, концепты *друг, чужой (посторонний) человек, китаец и иностранец*, а также *власть, пространство, время, торговля и деньги, возраст и еда*. Кроме того, авторы толкуют базовые концепты, вербализуемые знаками китайского языка, – *ли* (ритуал), *хэ* (гармония, согласие), *ти хуэй* (познание), *жэнь цин*

(человеческое чувство или человеческое обязательство), *кэ цзи* (“превозмогание себя”) и *синь* (сердце). Организуют китайскую концептуальную картину мира, по мнению В. Малявина, концепты *семья* и *ли* (ритуал). По мнению А. Маслова, ключевым концептом китайской концептуальной картины мира является *история*, его статус в китайской ментальности соотносим со статусом концепта *Бог* в европейской концептуальной картине мира. В. Ульяненко считает, что для современного Китая наиболее важными являются концепты *ань* (“спокойствие”), включающий в себя концепт *пустота*, и *вэнь* (“стабильность”), связанные с концептом *власть*.

Имена Китая – это прежде всего Конфуций, реже Лао-цзы. Если последний за пределами текстов-персоналий возникает эпизодически, то Конфуций занимает значительное место в научно-популярных текстах, а также в белорусской национально ориентированной журналистике о Китае, в которой отмечена перифраза “родина Конфуция” по отношению ко всему Китаю. В текстах подчеркивается, что китайцами Конфуций оценивается как прототип человека, как наиболее авторитетная личность в истории Китая, чьи идеи по-прежнему истинны, а поведение является образцом для подражания, а кроме того, по мысли А. Маслова, Конфуций, наряду с другими историческими личностями, мыслится китайцами не только как учитель, но и как родственник, которого они наследуют.

Одним из параметров национально ориентированного текста является безэквивалентная лексика, значительную часть которой в изученном материале составили языковые знаки, вербализующие базовые концепты конфуцианства (*ли*, *жэнь*, *чжэн-мин*, *кэ-цзи* и др.) и даосизма (*дао*, *у-вэй*). Их объяснения в национально ориентированных текстах только в какой-то степени передают концептуальные смыслы, входящие в профиль доминантных концептов. Кроме того, практически во всех рассмотренных нами текстах встречаются безэквивалентные лексические единицы, связанные с бытом и обычаями, в т.ч. входящие в семантическое поле “еда”.

Г.Ф. Вештарт (Мінск, Беларусь)

СЕМАНТИКА-СТЫЛІСТЫЧНАЯ АДМЕТНАСЦЬ
СКЛАДАНАСАСТАЎНОЙ ЛЕКСІКІ
Ў ЖЫВАПІСНАЙ ПРОЗЕ В. КАРАМАЗАВА

Колер выклікае такую ж вібрацыю як і музыка.
В.В. Кандзінскі

Віктар Карамазав, спалучаючы ў сабе талент пісьменніка і мастака-жывапісца, вельмі тонка адчувае і нюансы слова, якім валодае выдатна, і гармонію фарбаў, колераў. Ён даследаваны ў стылі высокамастацкай прозы

жыццё і творчасць выдатных беларускіх мастакоў – Бялыніцкага-Бірулі, Жукоўскага, Рушчыца, Бархаткова, Вашчанкі, Бараноўскага і інш. Пісьменнік выкарыстоўвае багаты арсенал вобразных сродкаў – эпітэтаў, метафар, параўнанняў. Ніжэй будзе разгледжана адна з моўных адметнасцяў “жывапісання” В. Карамазава – складанасастаўныя словы, праз якія дакладна, у адзіным непадзельным вобразе перадаюцца колеры і характары, з’явы і дзеянні.

Пад складанасастаўнымі словамі, паводле фармуліроўкі В. Лапаціна, разумеюцца словы, утвораныя злучэннем двух (радзей – больш) простых слоў, якія адносяцца да адной часціны мовы [3]. Найбольш пашыраныя словы, утвораныя двума назоўнікамі і двума прыметнікамі. Да складанасастаўных назоўнікаў часта адносяцца тэрміны і словы тэрміналагічнага характару, якія не маюць канататыўных адценняў. Да апошніх твораў В. Карамазава можна аднесці такія, дзе другой часткай удакладняецца прызначэнне ахарактарызаванага прадмета (*зала-пачакальна, пакой-майстэрня*), даецца дадатковая характарыстыка асобе праз род заняткаў, асаблівая якасці (*студэнты-чыгуначнікі, вучоны-афтальмолаг, спецыялісты-выкладчыкі, мастак-аніمالіст, мастакі-перасоўнікі*). Больш падрабязна спынімся на тых назоўніках, дзе адна з частак (часцей – постпазіцыйная) – сродак вобразнага ўспрыняцця прадмета або асобы, г.зн. прыдатак. Другі назоўнік-прыдатак можа падкрэсліваць форму, незвычайныя або дадатковыя асаблівасці, паводзіны, характар паяснёнага паняцця (*парабала-дуга, зрэзы-эліпсы сукоў, пні-калоды, кепка-лесавушка, лазенка-векавушка, лапы-клацы, сябры-свавольнікі, паэты-духоўнікі, бабры-будайнікі, ліса-каралева, лакеі-еўнухі, карціна-эпас*). Прыдатак, як постпазіцыйны, так і прэпазіцыйны, можа быць згорнутым параўнаннем (*вока-скальпель, лямец-дзёран, рукі-крылы, карабель-масточак, Бірулька-навучок*), выразнасць якіх праяўляецца з кантэксту. Прэпазіцыйны член можа змяшчаць дадатковую прыкмету: *бадзягі-мастакі* – ‘мастакі, якія пішуць з натуры’; *глыткі-ўспаміны* – пра споведзь душы, жыццёва важныя, разарваныя часам падзеі; *занатоўка-замалёўка* – ‘замалёўка, у якой адбіты памятны момант жыцця’; *радзімец-продак* – не проста продак, а той, з кім адчуваецца кроўнасць, роднасць. *Маці-прырода* ў якасці прыдатка мае назоўнік *маці*, які абазначае аднасць і роднасць мастакоў-пейзажыстаў. Гэты ж прыдатак у постпазіцыі назоўніка *бусліха-маці* падкрэслівае наяўнасць бусліянт у бусліхі.

Самыя шматлікія і ўжывальныя ў творах В. Карамазава і ў мастацкай літаратуры ў цэлым – складанасастаўныя прыметнікі, якія часта можна разглядаць як складаныя прыметнікі. Перш-наперш перадаючы каларыт карцін, колеры прыроды, інтэр’ераў, пісьменнік называе шматлікія і разнастайныя адценні і спалучэнні колераў: *чырвона-вохрысты, кумачова-чырвоны, чырвона-залацісты, рубінава-чырвоны, малінава-чырвоны, жаўтлява-вохрысты, вохрыста-залацістыя паўтоны, жаўтлява-залацісты дзьмухавец, зялёна-смарагдавы, зялёна-залацісты ліст, блакітна-зялёны мох, памаранчава-вохрысты гарбуз, аліўкава-залацісты, пярэсценька-жоўты, аспідна-чорны* і інш. Колеры пейзажаў Бялыніцкага-Бірулі – *срабрыста-*

перламутравы, срабрыста-жамчужны, масляна-срабрысты, жамчужна-фасфарычны, жамчужна-перламутравы і г.д. “Своеасабліваю каляровую гаму мастака шмат хто тлумачыў нацыянальнымі асаблівасцямі таленту, характэрнымі для беларускай прыроды светла-шэрымі, срабрыста-блакітнымі, жамчужна-перламутравымі танамі...” [2, с. 116]. З’явы прыроды бываюць афарбаваныя ў розныя колеры адной гамы: шафранавы-сіні снег, фіялетава-сіняя цяжарнасць воблака, ружова-жаўтлявы тон вясны, сіне-зялёная засень.

Адценні колераў перадаюцца праз параўнанне з прадметамі або з’явамі выразнай афарбоўкі: *вохрыста-карычневы, смарагдава-зялёны, пастозна-чарназёмны, вугальна-чорны, агняна-светлы*. Часам колер вызначае сам прадмет, і першае слова паказвае на прычыну таго, што выказана другім: *бярозава-бялюткі лясочак, ялова-цёмны лясочак, хмарна-чорнае неба, балотна-пахкі аер, смаліста-духмяны*.

Складанасастаўныя прыметнікі з’яўляюцца эпітэтамі, што падкрэсліваюць якасці, набытыя праз пэўныя дзеянні, г.зн. адзін з прыметнікаў – аддзяяслоўнага ўтварэння ці дзеепрыметнік: *чуйна-напятая ноч, зняможана-счарнелы твар, манументальна-ўзнёслае натхненне, таямніча-прывабны стары парк, загадкава-сцішаная мелодыя, пашэrxла-позні іржэўнік, звечарэла-пагаслае неба*.

Першая аснова складанасастаўнога прыметніка можа абазначаць пачуцці, перажыванні, што ўзнікаюць паралельна з выказанымі другім прыметнікам, суправаджаюць іх: *спакойна-ўпэўнены агонь вачэй, урачыста-ўзвышаны колер і стыль, высакародна-цнатлівы пейзаж, даверліва-светлыя вочы, заснежана-марозны дзень*. Першая аснова – прычына таго, што названа ў другой (рэалістычна-непадманны жывапіс, *стамлёна-задумлівыя вочы, молада-ўпэўненая дэкларацыя, вяснова-доўгія цені*), дадатковае адценне асноўнай прыкметы (будзённа-просты матыў, *нехлямяжа-шыракаплечы, страсна-прыпухлыя вусны, велічна-высокі, урачыста-задаволены, сонечна-спантанны*).

Колеры маюць сілу ўплываць на пачуцці, душэўны стан чалавека, і гэта перададзена словамі: *пурпурова-трывожная чырвань, схаладнела-ссінелае неба, падазрона-шэрае воблака, высакародна-светлая танальнасць, смяротна-жоўтая пена, агняна-трывожны колер*. Першая аснова складанасастаўных прыметнікаў, як правіла, аформлена як аснова прыметніка са злучальнай галоснай, і толькі ў адным выпадку намі заўважаны складанасастаўны прыметнік, які складаецца з двух поўных прыметнікаў: “Усё на ім колерам – само балота, з травой ды куп’ем, як тая яшчарка ў сваім улонні, зліваўся з вясновым хмыззём, і калі б не *белы-голы* знізу, то можа, і ўхрастаў бы з *дубэльты*” [1, с. 41].

Асаблівай увагі заслугоўваюць складанасастаўныя дзеясловы, якія паказваюць быццам розныя дзеянні, успрыманыя як адно непадзельнае цэлае: *кажам-слухаем усю ноч, выштукаваў-вымаляваў карты, вецер падхапіў-панёс, кіпела-булькатала вада ў рэчцы, пашыраецца-паглыбляецца прастора, нюхае-чмыхае, сцінацца-звужацца, штосьці страчыла-шыла, падплыла-*

пад'ехала. Замена іх сінонімамі змяніла б сэнс, замяняючы адзінства паслядоўнасцю дзеянняў. Другі дзеяслоў можа абмяжоўваць сабой значэнне першага: *жыць-карміцца* – ‘весці жывёльна-расліннае, нятворчае жыццё’.

Радзей сустракаюцца аўтарскія складанасастаўныя прыслоўі: *жартам-смахам, немудрагеліста-адкрыта, уверх-уніз*.

ЛІТАРАТУРА

1. *Карамазаў, В.* Краса і воля / В. Карамазаў. – Мінск, 2008.
2. *Карамазаў, В.* Крыж на зямлі і поўня ў небе / В. Карамазаў. – Мінск, 1991.
3. Русский язык. Энциклопедия. – М., 1979.

Л.В. Гриченко (Ростов-на-Дону, Россия)

ПОСЛОВИЦА КАК НАЦИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ И НАЦИОНАЛЬНО ДЕТЕРМИНИРОВАННЫЙ ТЕКСТ

Считается, что, чем богаче и многограннее история народа, тем ярче, разнообразнее и содержательней средства и способы ее репрезентации, «язык тесно переплетается с духовным развитием человечества и сопутствует ему..., отражая в себе каждую стадию культуры» [3, с. 48].

По нашему мнению, универсальным средством оформления мысли или интенции в высказывание или речевой акт, по праву, является пословица. Семантически емкая – наделена образностью и иносказательностью; полифункциональная – употребляется в различных речевых ситуациях с разной интенцией, адресностью и временной направленностью; обладающая прецедентностью и сверхличностным характером – известна широкому кругу лиц, используется с обязательным пониманием ситуации и трактуется по аксиологической системе ценностей данного народа, пословица выступает «удобным» средством выражения мысли, к которому языковая личность намеренно и обоснованно обращается в различных жизненных ситуациях.

Обладая межкатегориальным статусом в кругу языковых и речевых явлений, пословица одновременно фигурирует и как вторичный языковой знак, иносказательно и метафорично отражающий внеязыковую действительность, и как свернутый национально обусловленный мини-текст. Рассматривая в данной статье пословицу как самостоятельное текстовое образование (мини-текст), мы не пересматриваем определение текста как лингвистической единицы: «единицей текста является более крупное единство, объединяющее ряд предложений» [1, с. 11]; а придерживаемся широкого понимания феномена текста, когда система представляет собой некое единство разноуровневых текстов и любая единица системы может быть рассмотрена как текст. При этом учитывается, что единственным параметром, по которому пословица не подходит под традиционное

понимание текста, является структурный: данная единица не фигурирует как «определенным образом организованная и структурированная совокупность предложений» [4, с. 4].

Вместе с тем, наличие текстовых характеристик в пословице обнаруживается уже при обращении к вопросу ее возникновения, активного употребления и фиксирования. Являясь воплощением народной культуры и мудрости, того, что В. Гумбольдт назвал «духовной самобытностью» [4], пословица долгое время бытовала как устный фольклорный текст, а затем, зафиксировавшись на письме, приобрела характеристики языковой единицы. Двойственная природа пословичного образования (порождение устной речи, зафиксированное на письме и обладающее свойствами организованного четко структурированного произведения) и лежит в основе текстовых характеристик пословицы, которая, с одной стороны, близка устному речевому произведению, с другой, наделена признаками письменного произведения: завершенного, цельнооформленного предложения.

Структурное соответствие пословицы предложению позволяет ей фигурировать как самостоятельный текст, а также вписываться в состав текста. Являясь частью большего по объему текста, пословица в логическом плане соответствует завершенному суждению и функционирует как единица коммуникации. Следовательно, пословица, с одной стороны, выступает конституентом текста и одновременно его минимальной единицей, которая в данном случае несопоставима с предложением в традиционном его понимании; с другой – формирует так называемый текст в тексте (осложненный текст/двухуровневый текст), в котором пословица, характеризующаяся смысловой, структурной и коммуникативной целостью, может квалифицироваться как письменно зафиксированный «монотематический текст» [5], «выражающий только одну мысль. Выражение этой мысли равно тексту, и нет ни растворения этой мысли в сюжете, ни мыслей, конкурирующих с главной» [2].

Являясь результатом когнитивной деятельности определенного народа, а также формой общественного знания, пословица наделена «образцовостью», дидактичностью и назидательностью, реализация которых в бытовой коммуникации не только моделирует последующие действия адресата, но и оценивает их по закрепленной аксиологической системе ценностей в лингвокультурологическом сообществе. В этом смысле пословица оказывается не только национально ориентирована, но и национально детерминирована, заложенная в нее прецедентность определяет пути дальнейшего развития; отражает социокультурные аспекты и экстралингвистический контекст.

Итак, двойственная природа пословиц – одновременная принадлежность к кругу языковых и речевых явлений; многоплановость смысла, в основе которой лежит тесное переплетение различных видов информации (фактуальной, подтекстовой, концептуальной); структурная законченность, определяющаяся наличием коммуникативной функции; а также способность опознавать в единичной ситуации реализацию типовой совместно с

возможностью закреплять и передавать мировоззрение народа не только обнаруживают, но и доказывают наличие в пословице ряда текстовых характеристик. Как следствие, пословица может характеризоваться как прецедентный лингвокультурный мини-текст, уникальный по форме и коммуникативным признакам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабенко, Л.Г.* Филологический анализ текста / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – Екатеринбург, 2004.
2. *Граник, Г.Г.* Когда книга учит / Г.Г. Граник, С.М. Бондаренко. – М., 1991.
3. *Гумбольдт, В.* Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М., 1984.
4. *Слюсарева, Н.А.* Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка / Н.А. Слюсарева. – М., 1981.
5. *Суховей, И.Л.* Перцептивные, мнемические и мыслительные компоненты понимания монотематического текста : дис. ... канд. филол. наук / И.Л. Суховей. – Л., 1989.

О.И. Десюкевич (Минск, Беларусь)

РУССКИЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ТЕКСТ О ЯПОНИИ

В отечественной лингвистической науке проблема изучения национально ориентированных текстов была поставлена проф. С.М. Прохоровой. В работе «Национально-культурный компонент в тексте и в языке: “белорусский текст” в русской культуре» она определила данный тип текста следующим образом: «Имея в виду, что любой текст отражает в том числе национальное видение мира, стоит учитывать, что на любом языке создается целый ряд текстов, прагматической задачей которых является ориентация на чужую культуру. В таком случае текст выполняет дополнительную функцию знакомства с традициями, культурой и историей других народов. Если последняя функция становится для текста основной, такой текст можно отнести к национально ориентированным» [3, с. 130–131].

Е.Г. Воронцова предложила рассматривать национально ориентированные тексты в семантическом, синтаксическом и прагматическом аспектах. По мнению ученого, национально ориентированные тексты отличаются тем, какие когнитивные структуры они формируют: энциклопедические и учебные тексты в большей степени стереотипны, т.е. распространяют известную, мало детализированную информацию, в то время как в научных текстах представления читателя расширяются, изменяются стереотипные мнения и оценки, осуществляется концептуализация.

Исследование национально ориентированных текстов продолжила Вэй Вэй, описавшая русский энциклопедический и научно-популярный и белорусский журналистский тексты о Китае.

Нами будут рассмотрены энциклопедические тексты о Японии, представленные в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (далее *Брокгауз*) и Большой энциклопедии в 62 томах издательства «Терра» (далее *«Терра»*). Первый текст значительно превышает по объему второй, носит характер монографии, что соответствовало замыслу издателей. Различаются тексты также и в прагматическом измерении: в первом автор обнаруживает себя в разнообразных оценках, даже эмоциях, вторая же статья, в соответствии с замыслом редакторов издания, подчеркнута безоценочна.

В статье [Брокгауз] Япония концептуализируется авторами как этнически однородная страна (*«В племенном отношении представляет собой замечательное целое»*), в которой тяжело устроиться иностранцам (*натурализовавшихся в ней нет совсем*). На основании бинаминативных конструкций Япония описывается как *соседка России, империя микадо* (*микадо* описывается не только через известный языковой знак *император*, но также толкуется его внутренняя форма ‘потомок солнца’, что связано с автоконцептуализацией японцев, выявляемой на основании буквального толкования названия страны «Дай Нипон» – «Великая Япония или Великая страна Восходящего Солнца»), а также как *царство цветов* (*«Япония положительно царство цветов, она родина лилий...»*).

Образ японцев в данном тексте формируется в каждом из тематических разделов, в результате характеризуется определенной пестротой. Отметим, что в тексте представлена концептуализация японцами себя: они считают себя чистокровной расой и отрекаются от всякого родства с монголами и китайцами.

В тексте особенно отмечена восприимчивость японцев к чужой культуре: *«...восприимчивость японцев к более высокой китайской культуре и умение извлечь из нее все нужное для национальных целей была такою же, как в новейшее время их быстрое усваивание европейской культуры»*, а также их слабая религиозность, которая мотивируется практичностью, например: *«...религия играет в Японии ничтожную роль: японцы слишком практичны, чтобы интересоваться вопросами отвлеченного характера»*. По мнению авторов, такое отношение к религии объединяет японцев с китайцами.

В статье [Брокгауз] подробно описывается прототип человека для японцев, излагается кодекс нравственности: *“Будьте хорошими сыновьями, добрыми братьями, верными мужьями и преданными друзьями. Будьте строги к себе и снисходительны к другим. Любите других как самих себя. Работайте, учитесь, думайте и развивайте в себе чувства морали. Воспитывайте в себе дух общественности. Повинуйтесь всегда нашей конституции и исполняйте закон страны”*. Этот кодекс, названный «Бушидо», был основой воспитания самураев и, как подчеркивает автор, «до такой степени национален, что его называют “душой Японии”». В тексте указывается также на особенное значение конфуцианства для духовной

жизни Японии, «наиболее соответствовавшего рационалистическому национальному характеру японцев», и в особенности плодотворно повлиявшего на развитие японской литературы: «...эпохи всестороннего расцвета японской литературы совпадали с китайским влиянием, с пропагандой конфуцианской этики, отвечающей природному рационализму и практическому смыслу японцев».

Прототип человека у японцев также во многом восходит к идеям конфуцианства, влиянием которых объясняются следующие особенности национального характера японцев: *выдержанность гражданского долга, лояльность, храбрость, доходящая до полного презрения к собственной жизни, и рассудочность.*

Одним из способов создания образа в данном тексте является сравнение с Россией, с русскими реалиями, например, выезды японцев на заработки уподоблены авторами «*нашим* отхожим промыслам», а преподавание морали в японских школах играет «роль Закона Божия в *наших* школах».

Данный текст, как и большинство национально ориентированных текстов, содержит безэквивалентные языковые знаки, которые вводятся чаще всего в объяснительном контексте, как, например, в случае с языковым знаком хара-кири: «*Выработалась особая этика самоубийства (хара-кири) как выражение лояльности или средство мести обидчику*». В некоторых случаях, когда речь идет о собственных наименованиях, может предлагаться внутренняя форма, что, конечно, увеличивает концептуальное содержание фрагмента: «...резиденция была перенесена в Киото (древнее название – Гейанкио, т.е. столица мира)».

Прагматически текст в [Брокгауз] очень богат авторскими оценками, среди которых есть и осуждение, что совершенно неприемлемо для современной практики составления энциклопедий.

Основной темой, в рамках которой создается образ страны в статье в [«Терра»], является экономика. Последовательно создается образ страны, интенсивно развивающейся в течение всего послевоенного периода: «...экономический рост охватил все отрасли», рост экономики назван *стремительным*. Статус Японии в мире описывается в терминах состязаний: «*Япония опережает другие азиатские страны по уровню развития промышленности, а по доходам на душу населения опередила многие страны Западной Европы*»; «*По размеру ВВП Япония заняла 2-е место в мире, уступая лишь США*», «*Япония – крупнейший в мире производитель...*», «...ей также принадлежит мировое лидерство...». Часть фрагментов, посвященных экономике, написаны объяснительным (экспозиторным) типом пассажей [2, с. 11] в отличие от других тем текста, изложенных нарративно (история страны) или дескриптивно (культура). В экспозиторных фрагментах автор стремится объяснить, каким образом были достигнуты те или иные результаты: «*Чтобы адаптироваться к новым условиям, японская промышленность сосредоточила свои усилия на таких передовых и технически сложных изделиях, как оптические средства связи, биотехнология...*».

В тексте подчеркивается так же, как и в [Брокгауз], влияние китайской цивилизации на японскую культуру: *«Военная интервенция в Корею привела к расширению контактов с высокоразвитой цивилизацией на континенте – непосредственно с корейской, а косвенно – с китайской. Одним из результатов стало приобщение Японии ко многим знаниям и ремеслам»*.

Среди отличительных черт анализируемого текста следует отметить описание событий истории Японии, в том числе и древней, в терминах современной европейской истории: *«В период Эдо произошло становление японского духа, появление национальной японской идеи, развитие экономики и чиновничьего аппарата. <...> Однако практически весь период страна находилась за «железным занавесом», не ведя торговли и не общаясь с другими странами»*, а также менее точное, по сравнению с [Брокгауз], толкование безэквивалентных знаков, для которого авторы используют приблизительные эквиваленты. Так, например, *сёгун* толкуется то как *генералиссимус*, то как *феодал*, из-за чего национально-культурный компонент семантики данного языкового знака остается неэксплицированным. Для сравнения, в [Брокгауз] сёгуны описываются как «начальники военных сил страны и главы гражданских установлений», а их статус в обществе сопоставляется со статусом микадо. Кроме того, в [«Терра»] не используется такой широко распространенный в [Брокгауз] способ толкования, как описание внутренней формы языкового знака, читатель, таким образом, не получает информации о японской языковой картине мира.

Статья в [«Терра»] значительно отличается от [Брокгауз] во всех семиотических аспектах, в особенности в прагматическом, и, что также важно, содержит значительно меньше информации об образе японцев и об их концептуальной картине мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронцова, Е.Г. Русскоязычный текст-персоналия: На материале текстов, посвященных Франциску Скорине : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 – русский язык / Е.Г. Воронцова. – Минск, 2003.
2. Кибрик, А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А.А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 2009. – №2. – С. 3–21.
3. Прохорова, С.М. Национально-культурный компонент в тексте и в языке: “белорусский текст” в русской культуре / С.М. Прохорова // Еще раз о языковой непрерывности. – Минск, 1999. – С. 130–156.

Л.Т. Килевая (Алматы, Казахстан)

СОВРЕМЕННЫЕ СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ В КОНТЕКСТЕ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ–ЧУЖОЙ»

Даже самые общие наблюдения над лексическими и грамматическими особенностями современных славянских языков очерчивают две

противоположные зоны развития их систем. С одной стороны – зона русского языка, с другой – зона других славянских языков, что вписывается в традиционную дуальную оппозицию, характерную для мышления древних славян, «свой–чужой». Сопоставление русского языка с польским, украинским и белорусским языками особо актуализируют данные зональные различия. Они коренятся главным образом в историко-социальных процессах, в которых развивались данные языки и которые повлияли на ментальные черты славянских народов.

Различия обнаруживаются в эквивалентной лексике, передаваемой в данных языках разными лексемами. Так, русским лексемам *свекла, красный, любить, смородина (красная), чай, язык, разговаривать, большой* в украинском, белорусском и польском языках соответствуют лексемы, идентичные по звуко-буквенному оформлению, ср.: укр. *буряк, червоний, кохати, паречка, мова, розмовляти, великий*; бел. *бурак, чырвоны, кахаць, парэчка, гербата, мова, размаўляць, вялікі*; пол. *burak, czerwony, kochać, parzeczka, cherbata, mowa, rozmawiać, wielki*. Если приведенные русские лексемы по своей сути в большей части заимствованы, в частности, из греческого и тюркских языков, следовательно, проецируют на компонент «чужой», то лексемы других обозначенных славянских языков, сохраняя свой славянский облик, соотносимы с компонентом «свой». Тюркские, греческие и другие заимствования в русской языковой системе находят отражение в ментальной черте русского народа, заключающейся в своего рода пренебрежении «своим», на что указывала целая плеяда русских философов, в частности А.Н. Бердяев, Н.С. Трубецкой, И.А. Ильин. Усматривая наряду со славянским туранский элемент в русской ментальности как компоненте русской культуры, Н.С. Трубецкой подчеркивает: «... в этнографическом отношении русский народ не является исключительно представителем «славянства». Русские вместе с угрофиннами и с волжскими тюрками составляют особую культурную зону, имеющую связи и со славянством, и с «туранским» Востоком, причем трудно сказать, которые из этих связей прочнее и сильнее» [1, с. 138].

Тот факт, что, согласно Н.С. Трубецкому, «русский национальный характер ... решительно не похож на национальный характер других славян» [1, с. 138], находит отражение и при сопоставлении грамматических систем заданных славянских языков. В частности, это обнаруживается в грамматических значениях категории рода существительного. Достаточно сопоставить существительные русского языка, принадлежащие к категории женского рода, с существительными украинского, белорусского и польского языков, относящимися к мужскому роду. Например, русское *берлога, насыпь, собака, крыша, тетрадь, тушь* – ж.р., но: украинские *барліг, насип, собака, дах, зошит, туш*; белорусские *бярлог, насып, сабака, дах, сшытак, туш*; польские *barlog, nasyp, pies, dach, zeszyt, tusz* – м.р. Причина тенденции к женскому началу русских существительных, на наш взгляд, также спровоцирована русскими ментальными свойствами, которые подчеркивает В.В. Колесов: «Русские пространства обширны, а Время – мужской символ – еще и не начи-

налось. Устойчивой святости по вертикали (иерархия уровней) русские предпочитают женское разворачивание вширь, тяготение вдаль, а в мышлении «мужской» голове – «женское» сердце. Не мускулиность огня, но женственность воды описываются как символическая стихия русского духа» [2, с. 161].

Актуализация первого из компонентов оппозиции «свой–чужой» в украинском, белорусском и польском языках обнаруживается в глагольной парадигме. Праславянский полисемантический глагол *имети* еще в древнерусском языке сохраняет свои свойства и употребляется в значении футуральности, возможности и долженствования. Трансформируясь в обозначенных языках, в современном их состоянии он представляет собой компоненты польской конструкции с предположительным значением типа *там czytać*, словоформ будущего времени глагола типа белорусского просторечного *чытацьму*, *чытацьмеш*, украинского литературного *працаватиму*, *працаватимеш*. В то же время в русской языковой системе формы с глаголом *имети* встречаются лишь sporadически в отдельных, наиболее архаичных, говорах северновеликорусского наречия, например: *иму читать*.

Противопоставила себя глагольная парадигма русского литературного языка, утрачивая свою «славянскость», и при преобразовании формы преждепрошедшего времени в формах типа *было пошел*, снижая акцентуацию на родовой принадлежности субъекта действия. Соответствующие формы в украинском, белорусском и польском литературных языках сохраняют, однако, свой праславянский облик в течение исторического развития. В частности, нормативными являются следующие употребления в этих языках: укр. *був пошев*, бел. *быў пайшоў*, пол. *był poszedł*.

Таким образом, в процессе исторического развития на фоне сложного преобразования мировидения русского народа существенно изменяется ряд черт русского языка, утрачивая первоначально свойственную им традиционность, идентифицирующую его связь со всем славянским миром.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесов. В.В. Язык и ментальность / В.В. Колесов. – СПб., 2004.
2. Трубецкой, Н.С. История. Культура. Язык / Н.С. Трубецкой. – М., 1995.

Е.А. Кривонос (Минск, Беларусь)

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА В ТЕКСТАХ РАЗЛИЧНЫХ СТИЛЕЙ

В традиционной лингвистике под референцией понимают представление, согласно которому значением или компонентом значения языкового выражения является тот предмет (или явление), на который это выражение непосредственно указывает в этот раз. Существуют различные

механизмы референции, так как отношение между словами и миром существует не в вакууме, а связано с интенциональными действиями автора, использующего существующие средства языка в соответствии с правилами употребления этих средств. Но следует учитывать тот факт, что индивидуум может иметь представления о реальности существования объектов и вообще об устройстве мира иные, чем другой, тем более если это люди разных культур. Мы поставили перед собой задачу проследить, как соотносится стиль текста и наличие в этом тексте национально-культурных компонентов, а также отражение этого компонента в референциональной замене. Для более удобного анализа данных рассмотрим тексты на основе их стилевой принадлежности.

В текстах научного стиля мы отмечаем наличие национально-культурного компонента в терминологической системе, в тех случаях, когда термины образуются с помощью метафорического переноса. Например, у некоторых сердечных больных сердце имеет особый тон, который французы называют «щелчок открытия митрального клапана», а русский терапевт В.П. Образцов называл «ритм перепела». Или в главе из учебника по теории бухгалтерского учёта издержки – это *жертвы предприятия*. Учитывая подобную специфику терминологии очень важны работы, в которых описаны собранные данные, что позволяет оптимизировать учебный процесс, например, исследование А. Шарапа «Отражение культурных реалий при изучении медицинской терминологии на уроках РКИ». **В текстах официально-делового стиля**, которым свойственно почти полное отсутствие эмоционально-экспрессивных речевых средств, наличие искомого компонента отмечаем также в терминологической системе.

При рассмотрении **текстов публицистического стиля** стоит разграничить статьи по цели: в тех, которые были ориентированы на прямое сообщение о неких фактах, предметах с целью общего обзора, не содержали авторских оценок, текст сближался по своим характеристикам с научным текстом, например, статья в журнале «*Computerworld*» о новых технологиях систем хранения информации.

Текст же, ориентированный на побуждение к мысли, действию, изобилует различными языковыми средствами. И это не только общеизвестные метафоры, фразеологизмы, но и результаты языковой игры, которую ведет автор с читателем и которая зачастую понятна только носителям языка: *чихнуть в нашу сторону, отвесить “другому Кремлю” несколько сладких поцелуев* [«*А ты мать твою Россию уважаешь?*», статья из *АиФ*], *живительная влага* – спиртные напитки, взрывные устройства – *подарки, школа страха и насилия* (о времени власти И. Сталина) и т.д. В данных текстах весьма распространено использование и неких общемировых образов-символов, которые приписываются конкретному государству. Например, если вспомнить события августа 2008 года, то в официальных грузинских СМИ Россию изображали исключительно в виде злого медведя, хватающего маленькую Грузию. В статьях отмечаем и случаи референции, которые часто не основаны на логических связях и являются во

многим следствием особого представления автора об объекте переименования или же следствием выражения в акте номинации и сопутствующих эмоций, например, *Россия – пугало* [«А ты мать твою Россию уважаешь?», статья из *АиФ*] и т.д.

В текстах художественного стиля в референциальном выборе широко проявляется национально-культурный компонент: и в морфологической, и в словообразовательной, и в лексической сферах. Следует отметить некоторые особенности, которые были зафиксированы в текстах русских авторов: во-первых, использование уменьшительно-ласкательных суффиксов в наименовании при передаче состояния, возраста, социального положения героя (например, в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя *Павлуша* – П.И. Чичиков в детстве, *Павлушка* – слуга Ноздрёва) либо эмоционального состояния говорящего (*Эраспетрович* – обращение к Эрасту Петровичу при волнении). Как мы видим, один субъект может иметь довольно большое количество слов, которые будут называть его в тексте, например, для названия П.И. Чичикова Н.В. Гоголь использует более 20 наименований, которые, кроме простой номинации, содержат и эмоционально-экспрессивные элементы в значении, и элементы, характеризующие другой субъект, продуцирующий данное наименование, специфические для русской культуры: *батюшка, отец, брат, дрянь, подлец, совершенный Собакевич*.

В текстах разговорного стиля в случаях референции можем увидеть показатели того, что в текстах этого стиля объекты референции получают вторые наименования часто не на основе логических связей, существующих в объективной реальности, а в силу субъективных представлений номинатора, его стремления выразить эмоции по отношению к данному объекту либо желания одновременно и передать информацию, и выразить свое отношение к ней: кот – *чертяка, гад, Кабанюка*; мужик – *мой собеседник, милок, соколик*.

Как мы видим из примеров, русский язык предоставляет носителям огромные возможности словообразовательной системы, а также системы метафоризации для выражения малейших оттенков смысла. Национально-культурный компонент находит свое выражение в текстах всех стилей, но если в текстах научного и официального характера он касается в основном лексического уровня, то в публицистических, художественных и разговорных – всех уровнях русского языка.

М.В. Ладутько (Могилев, Беларусь)

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА «ЧУЖОЙ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ З. ГИППИУС

Концепты «Свой» – «Чужой» – это противопоставление, в котором один является идеализированной реализацией, другой – его антипод. **Чужой** – это не свой, не родной, не связанный общими взглядами, посторонний, далекий,

иностранный. Этимология лексемы *чужой* не установлена. В русской культуре значение лексемы *чужой* близко подходит к концепту «Чудо» как явлению, не объяснимому естественным порядком вещей [3, с. 379]. Результат сближения концептов «Чужой» и «Чудо» – энантиосемия глагола *чужатися*, производного от *чужий*, в разных ситуациях глагол активизирует одно из двух своих значений: либо «удивляться» (концепт «Чудо»), либо «свирепствовать» (концепт «Чужой») [3, с. 379; 2].

В концептосфере З. Гиппиус концепты «Чужой» и «Чудо» не соприкасаются, а налагаются друг на друга. Концепт «Чужой» – хаос, антимир, обитаемый чудовищами, inferнальными силами и людьми, которые с ними отождествляются. Такая множественность масок характерна для хаоса, где этот признак выступает в значении «однородного множества». Следовательно, чужой – это человек хаоса с разными личинами, которые составляют его сущность.

Модель хаоса З. Гиппиус не отступает от культурного стереотипа и отображает бесформенное состояние чуждого ей мира. Здесь из свойств хаоса присутствуют *нечет* (тринадцать антиобразов), *множество*, *левое*, *женское*, *движущееся*, *кривое*, *злое*, *тьма*. Возникает семантическая параллель *чудовище* – *монстр*, так как обе лексемы реализуют общую сему «нечто выходящее за пределы обычного, иногда нечто ужасное, отвратительное».

Антиидеал З. Гиппиус многолик: это змея, гад, паук, пьявка, конь, зверь, зверь из бездны, вихрь, тьма, Оно, дьявол (дьяволенок), человек-зверь, враг.

Чужой всегда представлен в его отношении к другим, в ситуациях проявления вражды, ненависти, жесткой борьбы за существование. З. Гиппиус определяет орудием агрессии чужого – сапог.

Образ орудия власти чужого словесно выражен фраземой под сапогом, семантика которой фиксирует двоякую категоризацию события с позиций актива и пассива: как объективно сложившуюся ситуацию (подавление личности) и как субъективно переживаемое ощущение (страх и страх, рожденный страхом). В русском культурном пространстве для вербализации такого негативного поведения – угнетать кого-то и находиться под гнетом – сформировался синонимический ряд: под пятой, под каблуком, под башмаком, под сапогом. При семантической общности синонимы-фраземы указывают на разные «стили» мировидения: под пятой – образ лишен яркости эмотивной оценки; под каблуком (под башмаком) – развилось два значения, второе связано с изменением социального положения женщины и более употребительно, о чем свидетельствует дериват подкаблучник, имеет коннотацию – эмотивно-оценочное чувство-отношение презрения; под сапогом – языковая память рисует образ чего-то тяжелого, грубого, грязного. И на уровне этимологического анализа фразема под сапогом стоит особняком, тогда как под пятой и под каблуком этимологически родственны [4, с. 181; 1, с. 886]. По М. Фасмеру, происхождение лексемы сапог устанавливается как заимствование из прабулг. SABAG/*SABUG, др.-тюрк. *sapaу, *sapуу – «обувь с голенищами» < стебель [3, с. 559], в словарях А.Г. Преображенского и Н.М. Шанского указывается на возможность

соотнесения слов сапог и нога [1, с. 609; 4, с. 191]. З. Гиппиус интуитивно находит эту близость нога – сапог. Метафора под сапогом эксплицирует чувство примитивного страха чужого как его сущностную доминанту.

В поэтических текстах «Пауки», «Она», «Мережи», «Непоправимо», «Пьявки», «Дьяволенок», «Кто он?», «Гибель» и др. осмысливается содержание бытия чужого, выражающееся в его чувствах, поступках, и оценивается как недостойное в нравственном отношении. «Телом» эмотивного смысла образ-концепт «Чужой» обрастает в стихотворении «Все кругом». Переплетение внешне-зрительных (липкое, грязное, сохлое, гнойное, черное) и эмотивно-оценочных определений (тошно трусливое, хамское, рабское), с преобладанием последних, создают эффект всеохватности объекта оценки – образа-концепта «Чужой», по отношению к которому З. Гиппиус испытывает и выражает уничижение (страшное, грубое, липкое, грязное), презрение (жестко тупое, всегда безобразное), осуждение (непереносное, ложное). Экспрессивное напряжение чувства антипатии к чужому здесь таково, что адресат не только воспринимает это чувство, но и принимает его в качестве собственной оценки.

Таким образом, развитие сценария культурного концепта «Чужой» предстает как процесс углубления эмотивной оценки от самых внешних сторон образа-концепта через более личные нюансы чувства субъекта оценки к глубинному постижению, во многом согласующемуся с общепринятым. В концептосфере З. Гиппиус концепт «Чужой» интерпретируется исключительно в аспекте проявления нравственного зла и реализуется собирательным образом-концептом, сущность которого описывается так: чужой – это искаженная личность, обнаруживающая свою природу в нарушении гармонии, во власти низменных страстей – страха.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Преображенский, А.Г.* Этимологический словарь русского языка / А.Г. Преображенский. – М., 1958.
2. *Срезневский, И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. – Т. I–III. – СПб., 1983–1912.
3. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка. Перевод О.Н. Трубачева. – М., 1973. – В 4 т.
4. *Шанский, Н.М.* Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя. – М., 1971.

К.П. Любецкая (Мінск, Беларусь)

РАСПРАЦОЎКА БЕЛАРУСКАЙ ТЭРМІНАЛОГІІ Ў ПЕРАКЛАДНЫХ СЛОЎНІКАХ

Перакладная беларуская тэрмінаграфія, якая лічыцца адным з важных практычных кірункаў тэрміналагічнай работы ў перыяд XX–XXI стст.

ажыццяўлялася скачкападобна і непаслядоўна. Разам з тым яна характарызуецца значнымі здабыткамі. Па дадзеных Тэрміналагічнай камісіі пры Міністэрстве адукацыі Рэспублікі Беларусь, за апошнія 35 гадоў пабачылі свет больш за 170 слоўнікаў у розных галінах ведаў, яшчэ каля 100 слоўнікаў, па дадзеных Навукова-метадычнага цэнтра вучэбнай кнігі, рыхтуюцца да выдання. На думку стваральнікаў першага выпуска бібліяграфіі беларускай тэрміналогіі, куды ўключаны тэрміналагічныя слоўнікі, што выйшлі асобнымі выданнямі ў перыяд з 1918 па 1988 гады, яго падрыхтоўка была вельмі патрэбная, каб паказаць, што нараканні на нераспрацаванасць тэрміналогіі на беларускай мове, якія нярэдка гучаць з боку тых, хто адмаўляе ў праве на жыццё беларускамоўнай навуцы і беларускай мове, у тым ліку і ў ВНУ, часта не маюць пад сабой падстаў. Калі азнаёміцца з бібліяграфіяй тэрміналагічных слоўнікаў, выдадзеных за 80-гадовы перыяд, то вынікае, што ў розных галінах навукі маецца выразны фундамент для далейшай работы па сістэматызацыі і ўпарадкаванню беларускай тэрміналогіі. Асабліва папоўнілася тэрміналагічная база ў 90-я гады XX стст. У значнай ступені даведнік сфарміраваны за кошт ратапрынтных выданняў, у якіх прадстаўлены невялікія падборкі тэрмінаў пэўнай галіны ведаў з перакладамі на рускую або з рускай мовы, або радзей з кароткімі тлумачэннямі. Разам з тым іх падрыхтоўка стымулявала пераклад новых для беларускай тэрміналогіі вузкасפעцыяльных намінацый. Зварот да лексічных матэрыялаў іншых нацыянальных моў абумоўлены жаданнем аўтараў выкарыстаць вопыт больш развітых тэрмінасістэм, не менш важнае значэнне мае пры гэтым і агульная тэндэнцыя уніфікацыі міжнароднай тэрміналогіі. Тэрміналагічнай практыкай ахоплены такія сферы, як медыцына, тэхніка, фізіка, лінгвістыка, сельская гаспадарка, эканоміка, ваенная справа, юрыспрудэнцыя, хімія і іншыя. Разам з тым у гэты ж перыяд з'явіліся і значныя па аб'ёме і методыцы апрацоўкі тэрміналагічныя слоўнікі.

Звяртае на сябе ўвагу той факт, што беларуская перакладная тэрмінаграфія мае асіметрычны характар: большасць складаюць даведнікі, у якіх ролю рээстравай або перакладной часткі выконвае руская мова. Пры гэтым у перакладных слоўніках блізкароднасных моў часта назіраецца тэндэнцыя да дыферэнцыяцыі, што робіць іх няпоўнымі, у тым ліку і ў плане адлюстравання наяўных лексічных норм. У гэтым плане перакладныя слоўнікі няроднасных моў або аддалена роднасных даюць поўны малюнак, паколькі стваральнікі вымушаны шукаць “нейтральны” адпаведнік кожнаму замежнаму слову, незалежна ад таго, ці абазначае гэта слова агульнавядомае паняцце або з'яўляецца вузкасפעцыяльным тэрмінам.

Даследаванне тэрміналогіі ў супастаўляльным аспекце дазваляе больш глыбока асэнсаваць задачы нацыянальнай тэрміналогіі ў пэўны перыяд. Можна меркаваць, што немалаважную ролю ў плане вывучэння асаблівасцей фарміравання і станаўлення тэрміналогіі беларускай мовы адыгрываюць так званыя перакладныя слоўнікі, у якіх адлюстраваны канкрэтныя рашэнні па

перакладзе спецыяльнай лексікі і прадстаўлены найбольш прадуктыўныя спосабы ўпарадкавання нацыянальнай мовы.

У лексікаграфічнай практыцы адбор спецыяльнай лексікі для негаліновага слоўніка далучаюць да найбольш складаных праблем слоўнікавай работы. Перакладныя слоўнікі агульнага характару на момант сваёй падрыхтоўкі, як вядома, плануюцца як нарматыўныя. У іх ажыццяўляецца пераважна распрацоўка лексічных норм пры вызначэнні дакладнага эквівалента іншамовнаму слову або яго значэнне перадаецца сінанімічным радам. Рэстр даведнікаў, як правіла, абавязаны на корпус найбольш ужывальных слоў, а тэрміны розных тэрмінасфер падаюцца абмежавана і ў адпаведнасці з мэтаўстаноўкамі аўтараў. У сувязі з гэтым вузкаспецыяльныя тэрміны, як правіла, выключаюцца. Вывучэнне лексічнага матэрыялу слоўнікаў агульнага тыпу сведчыць, што ў выніку спроб перакладу іншамовных тэрмінаў выпрацаваны значны пласт беларускай спецыяльнай лексікі. Фактычна ў лексіконах адлюстравана значная колькасць лексічных варыянтаў, якія былі выкарыстаны для далейшага ўпарадкавання і кваліфікацыі беларускай тэрміналогіі.

Адносна перакладу тэрміналогіі ў тэрмінаграфічных крыніцах варта адзначыць, што ў слоўніках ідзе працэс не толькі выпрацоўкі тэрміналагічнай нормы, але і стварэння самой тэрміналогіі, паколькі ў лексікаграфічны кантакт могуць уступаць тэрмінасферы розных моў з неаднолькавай ступенню распрацаванасці. Разам з тым эканомны і дакладны матэрыял перакладных крыніц, што вынікае з самой прыроды тэрміна, дазваляе дастаткова поўна ацаніць асноўныя тэндэнцыі развіцця нацыянальнай мовы, прасачыць пошукі нормы і спробы яе стабілізацыі.

Такім чынам, на працоўкі супастаўляльных тэрмінаграфічных матэрыялаў (часам нават абмежаваныя ў аб'ёмах і патрабуючыя крытычнага перагляду з пункту гледжання сучаснага стану навукі і беларускай мовы) прэзентуюць каштоўны матэрыял для запаўнення лакун нацыянальнай тэрміналогіі, што з'яўляецца актуальным для вызначэння асаблівасцей беларускай тэрміналогіі з пункту гледжання яе фарміравання і перспектывы развіцця. Вопыт стварэння слоўнікаў аказвае значны ўплыў на пашырэнне паняццйна-тэрміналагічнага фонду беларускай мовы. Тэрмінаграфічныя пераклады спрыяюць упарадкаванню розных тэрмінасфер з боку сістэматызацыі паняццяў і іх мовнага афармлення. У асобных тэрмінасферах з боку сістэматызацыі паняццяў і іх мовнага афармлення. У асобных тэрмінасферах лексікаграфічныя матэрыялы могуць выкарыстоўвацца як аснова для стварэння поўнага тэрміназбору.

Ю.С. Подлубнова (Екатеринбург, Россия)

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПИСЬМА НАРОДОВ ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ: ОТ НАЦИОНАЛЬНОГО К СОВЕТСКОМУ*

Появление поэтических писем народов СССР, адресованных товарищу Сталину, а появились они в газете «Правда» в 1936 г. и сразу же заняли места на ее передовицах, было предуготовлено советской публицистикой 1930-х гг. Так, например, первыми публикациями писем подобного рода были нестихотворные «Письмо трудящихся Казакстана (так! – Ю.П.) товарищу Сталину» и «Письмо товарищу Сталину от трудящихся Советской Армении», которые были напечатаны в «Правде» осенью 1935 г. и подписаны 626 тыс. 436 (Казахстан) и 150 тыс. (Армения) ударниками республик. Подписи конкретных людей в конце текстов или ссылки на огромное число подписавшихся придавали несомненный общественный вес письмам. Их писали не просто в надежде, что Сталин обратит внимание и прочтет, но и для того, чтобы заявить о себе на официальном уровне, легализоваться в центростремительном пространстве советского космоса. Национальные письма, подписанные нередко большей частью народа, являлись документальным свидетельством о вхождении народа в многонациональную «семью» народов, объединенных под «мудрым» предводительством товарища Сталина. У писем была четкая декларативная функция: народ таким образом широко заявлял о своем существовании, своих правах и обязанностях в СССР, и идентификационная функция: народ определял свое место и статус в рамках советской геокультурной парадигмы и закреплял их за собой на официально-общественном уровне.

На основании исследования подшивок «Правды» за период 1935–1948 гг. можно выделить два периода активной эпистолярной деятельности народов. Они пришлись на вторую половину 1930-х и на вторую половину 1940-х гг. Сложившаяся в 1930-е традиция писем была прервана в 1941 г., но возродилась в более грандиозном качестве, как только Союз почувствовал, что война идет к победе, и советской риторике стало необходимо закрепить на уровне массового сознания миф, что победа эта принадлежит Сталину. Точную цифру мы не назовем, но, по нашим ощущениям, «Правда» опубликовала около двух сотен подобных писем, большая часть которых была полностью публицистической. Таким образом, поэтические письма в рамках общего потока можно рассматривать как высшие достижения коллективного творчества, являющие квинтэссенцию любви народов к товарищу Сталину.

Традиция стихотворных писем народов началась с помещенного в «Правде» от 25 февраля 1936 г. «Письма трудящихся советской Грузии вождю народов великому Сталину», написанного в связи с 15-летием республики коллективом грузинских поэтов. Письмо было подписано

---

* Исследование подготовлено в рамках интеграционного проекта УрО – СО РАН «Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы в системе контекстуальных и интертекстуальных связей (национальный и региональный аспекты)».

1 миллионом 580 тысячами человек. За грузинским «Письмом» последовали другие, отличавшиеся своей национальной составляющей, но вносившие в озвученный грузинами образ вождя лишь незначительные нюансы. Скажем, например, о белорусском письме, втором напечатанном в «Правде» тексте подобного рода, во многом превзошедшем грузинский по пафосу, которым было обставлено его появление. Авторами «Письма белорусского народа великому Сталину» стали известные в стране Я. Купала, Я. Колас, А. Александрович в соавторстве с П. Бровкой, П. Глебкой, И. Хариком; переводчиками – А. Безыменским, М. Голодным, М. Исаковским, А. Сурковым. Количество подписей под письмом составило 2 млн. человек. Вскоре после публикации в «Правде» этот текст был вышит на шелке, упакован в инкрустированный сундучок и подарен вождю белорусской делегацией на 4-й день восьмого Чрезвычайного съезда Советов, который вошел в историю благодаря принятой на нем новой Конституции СССР.

Уже в первых письмах сформировался своеобразный эпистолярный канон, когда чувства народов транслировались в рамках строго определенной художественной заданности, фундированной господствующей идеологической системой и политикой партии в области истории. Композиционная и содержательная структура всех писем была практически одна и та же. Казалось, что письма писал один автор, и это неудивительно, поскольку социальная инженерия Страны Советов имела перед собой внятную и вполне достижимую цель объединения многонационального контингента страны в унифицированный «советский народ», управляемый из центра, Кремля. Так, например, два белорусских письма, первое – 1936 года, про которое мы говорили, и «Письмо комсомольцев и молодежи Белорусской ССР товарищу Сталину в день 25-летия комсомола Белоруссии» (более 1 млн подписавшихся), 1945 г., имели, по сути, одинаковую содержательную структуру, построенную на противопоставлении темного прошлого и светлого настоящего, одинаковую интенцию восхваления вождя, одинаковый образ региона, вносящего свой вклад в строительство СССР или же в победу над фашизмом. Такое же содержание было и у писем других народов: грузин, осетин, туркмен, азербайджанцев, украинцев, молдаван, коми-пермяков, бурят-монголов, крымских татар, марийцев, удмуртов и т.д. Создание нового культурного космоса в текстах шло за счет политической идеологизации архетипов и культурных символов каждого народа.

Как документы эпохи письма народов стали выразителями одной из основополагающих ее интенций – интернационализма, «дружбы народов», а если посмотреть шире, – то и процесса глобализации, столь актуального в истории XX, а теперь и XXI века.

А.Н. Потсар (Санкт-Петербург, Россия)

КОНЦЕПТ «СВОЕ–ЧУЖОЕ» В СОВРЕМЕННОМ ПАРАЛИТЕРАТУРНОМ ТЕКСТЕ

В конце XX века национальная идентичность становится предметом болезненной рефлексии на постсоветском пространстве. В меняющейся политической среде актуализируется ключевой национальный концепт «свое–чужое», необходимый культуре для определения собственных границ в ментальном поле.

В России национальный дискурс, политизировавшись, становится дискурсом националистическим. Политологи до сих пор затрудняются определить причины подъема националистических настроений, отчасти усматривая корни этого явления в русской литературе, точнее – в деревенской прозе 1960–1980-х годов.

Не отрицая традиционного представления о литературной природе национальной идентичности, отметим, что сформированные художественным текстом идеи при перенесении в рамки общественной дискуссии, в рамки политической риторики, приобретают упрощенный, манипулятивный характер.

Концепт «свое – чужое» используется в политических целях, и результатом систематического осмысления в идеологизированных контекстах становится существенная трансформация актуального слоя этого концепта. Оппозиция «свое – чужое» фактически сведена к оппозиции «коренное население – приезжие». В русском языке появились новые оценочные лексемы, обозначающие «чужих», не принадлежащих к русскому культурному пространству. Одно из таких понятий – заимствование «гастарбайтер» (нем. Gastarbeiter – иностранный наемный работник).

В современных СМИ слово «гастарбайтер» стало крайне частотным, включаясь, как правило, в оценочные контексты, которые создают неоднозначное смысловое поле. С одной стороны, гастарбайтер – нарушитель правовых и культурных норм, в частности закона о миграции, низкооплачиваемый неквалифицированный работник. С другой – жертва нарушения правовых и этических норм: его содержат в нечеловеческих условиях, он – воплощение нищеты и несправедливости.

Общественно-политическая дискуссия о гастарбайтерах представлена в первую очередь в медийном дискурсе. Помимо традиционных текстов СМИ публикуют, например, игровые «тесты на русскость», иронизирующие над попытками российских политиков ввести экзамен на знание русского языка и культуры для иммигрантов из бывших союзных республик. Заметим, что эта мера не затрагивает западных специалистов, которых приглашают на работу в российские компании: предполагается, что высокооплачиваемые специалисты не несут в себе социальной угрозы. По отношению к ним слово

«гастарбайтер» не используется; таким образом, проясняется социальный смысл понятия и становится более очевидным социально-политическое наполнение национального концепта в медийном дискурсе.

Паралитературные тексты роднит с текстами медийными обращенность к социальной действительности, установка на воздействие, на формирование социальных стереотипов. Роман Э. Багирова «Гастарбайтер» интерпретирует концепт «свое – чужое», опираясь на актуальный социальный контекст, подобно журналистским текстам. Общим свойством третьей словесности (термин Н. И. Толстого), к которой относят медийные и паралитературные тексты, является трактовка человеческого образа через призму социально-статусных и событийных характеристик. Основным содержанием романа «Гастарбайтер» можно назвать рефлексия главного героя относительно социального статуса нелегального иммигранта. Авторская концепция представления персонажа смещает точку зрения от внешней к внутренней. Таким образом, «свое» в тексте отстраняется, а «чужое» приближается.

Образ главного героя противоречив. Персонаж без российского паспорта и без высшего образования, носящий русское имя Евгений и азербайджанскую фамилию Алиев, в юности сидевший в тюрьме, оказывается высокоморальным ценителем классической музыки, знающим Москву лучше, чем ее жители. В системе идейно-нравственных оценок романа Алиев выше многих представленных в тексте москвичей и других иммигрантов. Но событийный план произведения формирует иное отношение к герою. Алиев зарабатывает деньги мошенничеством, и только однажды он неделю или две занимается тяжелым физическим трудом – разгружает вагоны. Вводя в текст романа событийные компоненты, формирующие неоднозначное отношение к герою (мошенничество, кража), автор неизменно сопровождает их компонентами внутренней моральной рефлексии героя. И всякий раз герой, осознавая непорядочность своих поступков, все же оправдывает себя, тем самым подтверждая негативный стереотип, заключенный в понятии «гастарбайтер».

Как и в медийном дискурсе, «русскость» у Багирова напрямую связана с проживанием в крупных городах, в первую очередь Москве и Петербурге. Кроме того, «русскость» априори подразумевает социальную адаптированность. Образы достигших высокого положения в обществе представителей иной культуры не соотносятся с понятием «гастарбайтер» и не включаются в концепт «чужое».

Паралитературный текст Багирова опирается на ту же систему социальных стереотипов, что и текст журналистский. Эта система, с одной стороны, подвергается критическому переосмыслению в сознании главного героя, с другой – утверждается в сознании читателя благодаря тому, что сам рефлексирующий главный герой во многом соответствует стереотипным представлениям.

Таким образом, в медийном дискурсе и в паралитературе наблюдается отчетливое преобладание социального наполнения актуального слоя национального концепта «свое–чужое».

СВОЙ–ЧУЖОЙ В НАЦИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОМ ТЕКСТЕ
ДЕНИСА ЛЕТУНОВСКОГО

Среди разных типов текстов можно выделить и такой, который мы называли национально ориентированным [5, с. 145]. При этом нами учитывались как положения В. фон Гумбольдта [1], так и А.А. Потебни [4].

Прагматической задачей таких текстов является их ориентация на чужую культуру. Национально ориентированные тексты создаются как носителями определенной культуры с целью пропаганды своей культуры на других языках, так и носителями определенных языков с целью проникновения в другую культуру. Совершенно естественно, что в них всегда реализуется оппозиция «свой–чужой», при этом инонациональное («чужое») выявляется в зеркале национального («своего»).

Обратимся к национально ориентированным текстам молодого писателя из Беларуси Дениса Летуновского. (Рассмотрены очерки, помещенные в книге «Айона» [2]). Тексты Д. Летуновского, написанные на русском языке, свидетельствуют о несомненном таланте автора, хотя сведений о нем в Беларуси пока немного. Тем не менее, профессор БГУ И.С. Скоропанова включила его в хрестоматию для студентов-филологов «Минская школа» на рубеже XX–XXI вв.» [3]. В предисловии Ирина Степановна пишет: «Понятие «минская школа» введено в культурный обиход Дмитрием Строщевым для обозначения творчества плеяды неформальных писателей 60–80-х гг. XX в., живших в Беларуси (в основном в Минске), писавших на русском языке и занимавших особую нишу в социуме в силу своей принадлежности двум культурам – русской и белорусской – одновременно». Там же И.С. Скоропанова отмечает, что «эти авторы не составляли единой группы, но были близки друг другу по духу своим нонконформизмом, потребностью расширить эстетические границы литературы» [3, с. 5].

О Д. Летуновском приведены скупые сведения: «Летуновский Денис Валентинович – поэт, драматург, прозаик. Родился в 1981 г. в г. Лида. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (2004)» [3, с. 185], называются изданные книги (их пять, шестая вышла в 2007 году и послужила материалом для настоящей статьи). Некоторое время Д.В. Летуновский работал в Минске в ЕГУ, в настоящее время живет во Франции (Богословский институт Святого Сергия – *Saint Serge*). Когда ненадолго приезжает в Беларусь, в Минске проходят немногочисленные встречи с поклонниками его творчества и творчества его жены – художницы, которой он посвятил свою книгу «Айона».

Перейдем непосредственно к анализу текстов. Как мы уже указывали, в национально ориентированном тексте реализуется оппозиция «свой –

чужой». С одной стороны, автор отмечает, что ему, европейцу, трудно понять Восток: *Восток меряю глазами европейца* (с. 307), но, с другой стороны, автор вслушивался в обратный путь, в последнее мной записанное за Хуаном: *Что бы людей ни разделяло, их соединяет всегда нечто большее!* (с. 360). Это авторское мироощущение пронизывает все его очерки: *Мне очень радостно, что родился именно теперь, когда мир перекраивается на новый лад. Не видно этого только из маленьких «тепленьких» княжеств-государств. Они не вмешиваются в войны, мировые паранойи, хотя на примере Швеции можно увидеть: распад происходит изнутри* (с. 307).

Рассмотрим, что для Д. Летуновского своё. Свое – это белорусское, российское, тесно сплетенное с советским и получившее общую номинацию *моя Азия*, а также европейское (автор, как мы уже видели из предыдущего цитирования, ощущает себя европейцем). Приведем примеры: *Каким бы «своим» я ни казался, вижу себя лишь продуктом третьего или какого там – противоположного, едва ли сопоставимого с этим мира. Назойливое предчувствие подзатыльника* (с. 258); *Я – выходец из другого континента, где только-только зарождается жизнь. Там и не подозревают, что бывают другие пейзажи, мнения* (с. 310); *Поколения должны пройти. Много поколений, чтобы мы с самого начала, с детства, с зачатия самого свободными были. А свобода не в политических переворотах и не в чистоте отбеленной расы, свобода в воздухе... Я видел свободных людей! Их очень немного. Во мне сидит Азия!* (с. 379); *Отец Галактион вызвался проводить нас к этому старцу, очень похожему на митрополита минского Филарета* (с. 379). В последнем примере единственный в очерках минский образ. Белорусский компонент у автора вообще незначителен (на встрече он сам говорил, что с Беларусью его связывает только место рождения).

Российских примеров больше. И это не удивительно, ведь автор получил образование в престижном Литературном институте им. А.М. Горького в Москве. Примеров того, что российское для автора – своё, несколько десятков. К наиболее ярким можно отнести: *Стамбульские острова – что-то вроде Сибири... От Сибири они отличаются, как курорт от Таганки... Это как из тайги можно было бы разглядывать Петропавловский шпиль* (с. 325); *Как Россия является неким мостом между Европой и Азией, так и Испания – между Востоком и ... всем остальным* (с. 343); *... Третий мир (с третьим давно уже не имперским Римом) остался позади. Я больше не выходец из него* (с. 348); *(В Малаге) пешиеходные повсюду Арбаты* (с. 353); *...услышу московское хамоватое «а», «чё»* (с. 362); *Амстердам напоминает мне Невский проспект* (с. 365); *Сюда (в Севилью) Ф.М. Достоевский поставил великого инквизитора – старца Зосиму...* (с. 337). Как видим, зеркальные сопоставления связаны как с российской культурой, так и с советским прошлым. Относительно последнего можно привести еще несколько примеров: *Россия. Уходят одни имена, появляются другие... Теперь все чаще можно услышать: А кто такой Ленин? ... Даже не знаю, как и ответить. Уже никто* (с. 309); *...где во веки веков дорогу в некое*

завтра указывает костлявая бронза (с. 367). В связи с советской линией автор концептуализирует и связывает между собой *страх* и *начальство*: *Неужели и вправду нам нужны страх с начальником над головой, чтобы, ходя по ниточке, самобичевать себя* (с. 306).

Так выглядит в очерках *своё*, национальное, что, с одной стороны, связано с определенными личностями и культурой и имеет положительную оценку, а с другой – то, что автор оценивает отрицательно и надеется, что оно не вернется.

Но *своё* – это еще и то новое, что пришло в жизнь автора: ощущение себя европейцем: *Парижские предместья! Кто спустил вас в прохладные низины, кто поставил вокруг ваших средневековых стен тишину, что издали напоминает покой и простое счастье, вблизи же оставляет печаль, застывшую в воздухе...* (с. 332); *унылое запарижье* (с. 363). Новые кварталы Стамбула напоминают автору *Варшаву – серую, засыпанную пылью акварель* (с. 308). Иногда автор испытывает вину современного европейца: *... к вечности разграбленных моей цивилизацией саркофагов* (с. 368). Писатель из Беларуси является представителем молодой белорусской интеллигенции, которая высоко оценивает культуру и менталитет европейцев [6, с. 169].

Таким образом, в концептуализации *своего* у Дениса Летуновского много слоев – советское, немного белорусского, российское и новое европейское, в частности, Париж и его окрестности, ставшие для автора уже своими.

Стремление познать мир понуждает писателя концептуализировать *чужое*, инонациональное. Познание культуры вне национальных ограничений, считает И.С. Скоропанова, отличает представителей «минской школы»: «...не обходя острых национальных и политических проблем, русскоязычные белорусы – представители «минской школы» – вместе с тем ... выходят за рамки национального». Говоря об исследуемом нами авторе, Ирина Степановна отмечает: «Денис Летуновский как культурную ценность хранит память о пребывании в прославленных городах мира» [3, с. 8]. Писатель родился в Лиде – городе Гродненщины, сохранившем историческую память о Великом княжестве Литовском, возможно, отсюда интерес автора к городу. И особенно к столичному. Поэтому в очерках мы встречаем описание многих городов. Это и Париж, и Амстердам, и Иерусалим, и Стамбул, и Варшава, и Рига и др.

В описываемых странах и городах автор выделяет прежде всего 1) речь: *Греко-испанская шепелявость* (с. 368); *Они смотрят на всякого говорящего на ином языке как на нечто неодушевленное* (с. 278); *Одуреть можно от этого языка! Гортанные согласные поются больше, чем любое новгородское «о»* (с. 283); 2) запахи: *Запахи Востока – насыщенные и густые* (с. 290); *(В Севилье) одуряющий аромат оливковых деревьев, ромашки* (с. 343); *Гранада пахнет цитрусовыми* (с. 359); 3) образы детей, женщин, мужчин: *Дети наравне со старшими орут друг на друга, спорят* (с. 312); *...завернуто с ног до головы в черное... Вслед за камнем идет девочка. Она знает, что*

это ее мама. Она никогда не видела ее (с. 317); Мужчины в хитонах до пят, борода по пояс, без усов: они считают, что именно так выглядел Мухаммад. Лица лунные... Грязные или загорелые? (с. 316).

В заключение хотелось бы еще раз обратить внимание на то, чему посвящены очерки. Они обращены прежде всего к истории человечества. Автор хочет заглянуть в глубь мировых религий, о чем свидетельствуют и названия – «Синай», «Terra sancta».

Синай связан с миссией Моисея и идеей единобожия. Выводы автора: *Синай – одних жарит, наизнанку выворачивает, мухами истязает, опомниться не дает, другим дарует благодать, успокаивает, убаюкивает, среди иссушенного дна пускает воображаемые молочные реки (с. 378). С Новым Заветом и Иисусом Христом связана Святая Земля, о которой автор пишет: Для нас же – пришельцев – святость этой земли кроется лишь в ее прошлом (с. 263); Святая Земля дается кровью и ежедневным трудом; Святая Земля ревнива и ей все равно, кем ты был раньше. На всех она изливает свою благодать, но одним подобная щедрость кажется неспешным течением, прохладой мутного Иордана, а другие изнывают при виде даров... (с. 281).*

Очерк «Моя Византия» свидетельствует о желании автора проникнуть в глубь истории как христианства, так и империй, а очерк «Хуан» – в историю Севильи и других испанских территорий, сыгравших большую роль в развитии человечества. Д. Летуновский пишет: *Мне, выращенному в поколении, в котором от силы помнят имена родителей (с. 314), и это объясняет его интерес к глубинам истории человечества... с перспективы той далекой хижины, в которой когда-то жил ты (с. 260).*

Оппозицию «свой–чужой» Д. Летуновский решает в пользу того, что, несмотря на национальные различия, у людей есть очень много общего, в том числе мировые религии, которые людей объединяют.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М., 1984.
2. Летуновский, Д. Айона: повести, очерки / Д. Летуновский. – Минск, 2008.
3. «Минская школа» на рубеже XX–XXI вв.» / Хрестоматия для студентов-филологов / Сост. И.С. Скоропанова. – Минск, 2007.
4. Потебня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – Харьков, 1926.
5. Прохорова, С.М. «Белорусский текст» в русской культуре» / С.М. Прохорова // Еще раз о языковой непрерывности. – Минск, 2002. – С. 145–173.
6. Прохарава, С.М. Мой родны кут, як ты мне мілы... ('радзіма' ў беларускай мове) / Святлана Прохарава // Выбраныя працы. – Мінск, 2009. – С. 155–175.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

В последнее десятилетие в лингвистике наметился переход на антропологическую парадигму исследования, в которой в центре внимания исследователей находится комплекс проблем, связанных с взаимодействием языка и культуры.

Сходство признаков, характеризующих культуру и язык, позволяет говорить об их тесном взаимодействии. Говоря о признаках, следует отметить следующие основные положения.

- Язык – зеркало культуры, в нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира [2, с. 14].

- Культура – своеобразная историческая память народа. Язык хранит и обогащает коллективную память благодаря кумулятивной (накопительной) функции [3, с. 226].

Известный постструктуралист Ж. Деррида утверждает, что “мир есть текст”. Согласно этому положению, вся человеческая культура рассматривается как единый текст, включенный в бытие, то есть некий единый интертекст. Все создаваемые тексты, в таком случае, с одной стороны, в основе своей имеют единый предтекст (культурный контекст, литературная традиция), а с другой стороны, в свою очередь являются интертекстами, так как становятся явлениями культуры.

Культурное пространство произведений писателя чрезвычайно многообразно: античность, Библия, мировая классика и т.д. Каждая эпоха, каждый период в истории литературы, каждое литературное направление и тем более творчество отдельных авторов характеризуются своим отношением к употреблению аллюзий, выбору источников и определению той роли, которая отводится им в художественных произведениях.

Согласно традиционному определению, аллюзия представляет собой ссылку на исторические, литературные, мифологические, религиозные факты. Данное определение предполагает культурную маркированность аллюзии, ведь история, религия, мифология, литература являются ключевыми компонентами понятия «культура». Отсюда можно сделать вывод, что аллюзия – культурно-детерминированная единица, в семантике которой заложены культурно-ориентированные структуры знаний.

Если рассматривать аллюзию с точки зрения когнитивной лингвистики, ее роль состоит в неявном способе передачи информации. Использование аллюзий предполагает, что объект известен и говорящему, и реципиенту. Если аллюзия не несет никакой информации для реципиента, её

употребление теряет смысл. По определению ряда исследователей, аллюзия также может функционировать как средство расширенного переноса свойств и качеств мифологических, библейских, литературных, исторических персонажей и событий на свойства и качества объектов, о которых идет речь в данном высказывании. В таком случае аллюзия не только восстанавливает хорошо известный образ, но и извлекает из него дополнительную информацию [1, с. 192].

Аллюзивный фонд художественной литературы той или иной нации содержит «свои» и «чужие» аллюзии. Так, например, в английской литературе «своими» будут литературные ссылки на произведения английских писателей, исторические аллюзии, связанные с историей страны и историческими личностями. Немалую долю всего аллюзивного многообразия английской литературы составят «чужие» аллюзии; «чужими» можно назвать, к примеру, ссылки на мифы Греции, сказочные аллюзии на основе сказок братьев Гримм или Шарля Перро.

Некоторые аллюзии, являясь частью определенной национальной концептосферы, могут быть также включены в мировую концептосферу, в мировое культурное наследие благодаря своей известности широкой аудитории. Таким образом, данные аллюзии, будучи узнаваемыми, не только украсят художественное произведение, но и помогут декодировать авторский замысел, идею.

Аллюзии, будь то известные или малоизвестные, «свои» или «чужие», несомненно, обогащают, насыщают художественный текст, и дают возможность авторам передать информацию в некой форме, оболочке. Встречая в тексте различные факты, связанные с той или иной культурой, мы пытаемся их понять, объяснить. Когда же это происходит, тексту придаются совершенно новые оттенки и смысл. С одной стороны, процесс декодирования очень интересен и увлекателен, но в тоже время он может вызвать трудность, поскольку без базы лингвокультурных знаний восприятие читателем художественного произведения, содержащей аллюзивные имена, оказывается неполным.

ЛІТЕРАТУРА

1. *Петроченко, Л.А.* К вопросу об ассоциативных основах метафоры / Л.А. Петроченко // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Вопросы преподавания иностранных и национальных языков: Сборник статей международной конференции «XXIV Дульзоновские чтения». Томск, 22–26 июня 2005 г. / отв. ред. О.А. Осипова. – Томск, 2005. – С. 191–197.
2. *Степанов, Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М., 1997.
3. *Телия, В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М., 1996.

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА В РАЗНЫХ ТИПАХ ТЕКСТА

Я.Ю. Арустамян (Ташкент, Узбекистан)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В ТЕКСТАХ ОРИГИНАЛА И ПЕРЕВОДА

Каждый язык на протяжении своей истории впитывает в себя особенности обычаев и характера народа, который на нем говорит, факты его истории – короче, все, что связано с этнографией коллектива, пользующегося этим языком. Особенности эти настолько существенны, что принято говорить о *языковой картине мира*, специфичной для говорящих на каждом языке как на родном. В виде лингвоэтнических компонентов эти особенности в большей или меньшей мере входят в любой текст на этом языке [1, с. 171].

В художественных текстах языковую картину мира, как правило, составляет фоновая информация, т.е. социокультурные сведения, характерные лишь для определенной нации или национальности, освоенные массой их представителей и отраженные в языке данной национальной общности [2, с. 37].

Проблема лингвоэтнической дифференцированности обсуждалась с глубокой древности и не раз становилась поводом для постановки вопроса о возможности перевода как такового. Более того, синоним термина «реалии», по мнению некоторых ученых, является термин «безэквивалентная лексика». Тем не менее любой переводчик, занимающийся переводом художественных произведений, сталкивался с данной проблемой и обязательно находил решение. Таким образом, какой бы безэквивалентной ни была лексика, можно (и, самое главное, нужно) подбирать эквиваленты. Ведь именно данное явление обогащает язык и наши знания о культуре языка, с которого выполняется перевод!

Рассмотрим проблемы передачи фоновой информации на примерах:

(1) «*My God*», *she said*, «*are you a Hoosier?*» [4, p. 31].

«*Господи Боже*, – сказала она, – да вы из хужеров?» [3, с. 54].

Hoosier – это шутовское прозвище жителей штата Индиана. Здесь у переводчика был выбор в использовании лексических единиц: либо перевести это слово как «индианец», либо использовать транскрибированный вариант – «хужер». В данном случае, для сохранения эмоционального эффекта, переводчик предпочитает второй вариант, не преминув при этом сделать сноску, где поясняется, что *хужер* – это «*прозвище жителей Индианы*». Однако в пределах одной сноски невозможно передать, что одна из коннотаций данного прозвища – *мужлан*. Данная коннотация очень важна – в оригинале она несет имплицитную характеристику образа героя.

В связи с этим переводчик усиливает негативные характеристики данного героя в контексте – либо посредством приближения к просторечно-разговорному уровню высказываний персонажа (*This'll be the first time I've ever seen it – До сих пор в глаза не видал*, *They don't have the government – Ихнее правительство, to have some common sense – еще ум за разум не зашел*), либо описательно (*with a certain barn-yard clownishness – ему были свойственны грубоватые мужицкие повадки*).

(2) *I am a Cornell DU now marking my living as a freelance writer* [4, p. 5].

В этом предложении заинтересовывает выражение «*freelance writer*». Понятно, что *writer* – это писатель. А вот слово «*freelance*» имеет значения «нештатный, внештатный, работающий без контракта, независимый». Как правило, данное определение относится к людям творческих профессий: писатели, журналисты, актеры.

С начала 1990-х годов слово «фрилансер» стало прочно входить в обиход русского языка наряду с другими названиями профессий, которые модно было просто транскрибировать, вместо того чтобы подбирать эквиваленты среди существующих уже определений в родном языке: менеджер, логист, мерчендайзер и т.п. «Фрилансер» стало обозначать не какую-то отдельную профессию или работу, а скорее понятие, что человек занимается той или иной деятельностью в течение определенного времени, необходимого для выполнения того или иного задания. Иными словами, «фрилансер» – человек, имеющий временную работу. Таким образом, фраза «*freelance writer*» в английском языке подразумевает «свободный писатель». Но в русском языке прилагательное «свободный» имеет некоторую иную коннотацию и создает несколько иной образ в сознании русскоязычного реципиента («вольный»). «Независимый писатель», также не вполне соответствует данному контексту, так как у писателя есть определенный заказ, за который он соответственно получает гонорар и, следовательно, зависит от заказчика. В выражении «внештатный писатель» нарушается семантическая сочетаемость: «внештатным» может быть сотрудник, корреспондент, но никак не писатель.

В связи с этим переводчик не воспроизводит данное значение при передаче текста оригинала на русский язык, компенсируя это изменением структуры высказывания:

«Я, член корпорации Корнелла «Дельта-эпсилон», сейчас зарабатываю на жизнь литературным трудом» [3, с. 32].

Можно отметить, что сохранена эквивалентность на грамматическом и синтаксическом уровнях, а также адекватность на прагматическом и семантическом уровнях (коннотация выражения *freelance writer*).

Таким образом, проблема передачи фоновой информации является одной из важнейших, так как национально маркированная лексика может заключать в себе различные функции, которые необходимо сохранить в переводе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеева, И.С.* Введение в переводоведение / И.С. Алексеева. – М., 2004.
2. *Виноградов, В.С.* Перевод. Общие и лексические вопросы / В.С. Виноградов. – М., 2004.
3. *Воннегут, К.* Колыбель для кошки : В пер. с англ. Р. Райт-Ковалевой : Собр. соч. в 5 т. / К. Воннегут. – М., 1992. – Т. 3.
4. *Vonnegut, K.* Cat's Cradle / K. Vonnegut. – N.Y., 1962.

О.С. Герасимович (Минск, Беларусь)

ПОЭЗИЯ РОБЕРТА ФРОСТА В АМЕРИКАНСКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ – ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Поэзия Роберта Фроста принадлежит к классике американской литературы. Стихи Фроста давно стали хрестоматийными и зачастую трактуются упрощенно, однако за кажущейся простотой образов и правильностью формы скрывается подлинно новаторский поэт с оригинальным мировоззрением. Задачей переводчика является передать русскому читателю всю тонкость и многогранность поэзии Фроста.

Для переводчика, воссоздающего текст в другом временном и культурном пространстве, особенно важно быть чутким филологом и правильно интерпретировать стихотворение. Стихи Фроста часто рассматривают как стихи поэта-фермера о природе. Однако при знакомстве с биографией, критическими статьями Фроста, и, опираясь в интерпретации на творчество поэта в целом, переводчик может быть объективным в трактовке стихотворений Фроста. Для поэзии Фроста характерна смысловая многоплановость, сложная игра тонов, балансирование между серьезностью и остроумием, эффект обманутого ожидания. Проиллюстрируем глубину идейно-концептуального содержания поэзии Фроста на примере стихотворения “Come in”.

На первый взгляд это обыкновенное стихотворение о природе: поэт, прогуливаясь вечером, подошел к лесу и услышал, как поет дрозд. Более внимательное прочтение показывает, что стихотворение несет символический смысл, затрагивая тему жизни и смерти. В поэзии Фроста лес часто выступает как символ первозданного хаоса, и, как отметил Иосиф Бродский, в стихотворении присутствует явная ассоциация с *la selva oscura* Данте, которая подтверждается упоминанием о звездах. Таким образом, в свете ассоциаций с «Божественной комедией» призыв «Войди!» фактически означает призыв войти в царство смерти.

В том, как в последней строфе Фрост переворачивает тему стихотворения с ног на голову, во многом и заключается очарование его поэзии: в конце стихотворения он заявляет, что на самом деле он просто

вышел посмотреть на звезды и настроен весьма жизнерадостно. Однако здесь мы имеем дело с так называемой греческой жизнерадостностью: поэт так ценит жизнь, поскольку слишком хорошо знаком с хаосом. Таким образом, коммуникативное намерение стихотворения можно сформулировать следующим образом: нельзя не замечать мрачные стороны жизни, особенно если этот мрак присутствует внутри, но в мире есть также и то, что позволяет возвыситься над мраком, например, поэзия или взгляд на звезды.

Сопоставительный анализ переводов стихотворения “Come in”, выполненных А. Сергеевым, Г. Кружковым и И. Кашкиным, показал, что перевод Кашкина несколько искажает коммуникативное намерение стихотворения добавлением слов и восклицаний высокопарного характера, которые не свойственны сдержанному тону поэзии Фроста. Противопоставление жизнерадостности и мрака в душе героя не реализуется в стихотворении. Стихотворение утратило свое изящество смысловых переходов и эффект обманутого ожидания. Кружков сохраняет тему перехода от мрака к звездам, но не передает шутливую горячность в последней строфе, а значит, теряет значительную часть своеобразия мировосприятия Фроста. Наиболее полно передает коммуникативное намерение стихотворения, на наш взгляд, перевод Сергеева. Образ леса раскрыт в соответствии с его интерпретацией в контексте поэзии Фроста. Мировосприятие Фроста предстает во всей своей противоречивости, и его стоическая мудрость передана читателю во всей полноте.

Для Фроста характерно стоическое отношение к жизни, сдержанность, осознание, что рассчитывать можно только на себя. В этом и заключается американский индивидуализм. Как отмечает Уистан Оден, американцы, скрываясь за непринужденной манерой общения, еще более сдержаны, чем британцы. И это находит отражение в поэзии Фроста. Для нее типичен прием преуменьшения, недосказанности (understatement). В стихотворении “Mowing” («Покос») Фрост фактически дает свое определение этого приема: “Anything more than the truth would have seemed too weak” (Что-то большее, чем просто правда, казалось бы слишком слабым). Этот прием труден для перевода по экстралингвистическим причинам. Согласно Иосифу Бродскому, русский читатель не в состоянии оценить эту недоговоренность по достоинству, поскольку он не воспитан в культуре сдержанности, глуховатой иронии.

Мировоззрение Фроста находит отражение в сдержанном тоне его стихов. Русской литературной традиции не свойственен подобный способ выражения. Однако провести параллели все же возможно: Бродский приводит в пример «Северные элегии» Ахматовой. Поэзия Иосифа Бродского, на которую в значительной мере оказала влияние английская поэтическая традиция и мировосприятие Фроста, может также дать возможность почувствовать характерный для Фроста поэтический тон.

Таким образом, благодаря удачным переводам стихов Фроста русский читатель получает возможность познакомиться со своеобразным мировоззрением поэта и открыть для себя новые стороны американской культуры в целом.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Особенности концептуализации предметов и явлений окружающей среды были и остаются объектом многих лингвистических исследований. Когнитивный анализ позволяет осознать различные механизмы языкового моделирования внеязыковой действительности: национальной специфики, особенностей жизни, социального строя, мировоззрения, религиозных верований и многих других аспектов бытия определенной этнокультурной группы. Сознание отвечает за выбор языковых средств, которые эксплицируют информацию в конкретной коммуникативной ситуации для реализации коммуникативных целей.

Язык рассматривается не только как система лексических, грамматических и фонологических единиц, не только как система правил коммуникативного поведения в определенном этнокультурном и социальном контексте, а как система вербализированных знаний о мире. Язык играет важную роль в процессе передачи знаний новым поколениям, в процессе передачи этнического стереотипа поведения. Сопровождая человека во всех сферах его бытия, язык наиболее тесно связан с картиной мира каждого народа.

Влияние культуры на язык проявляется в своеобразии самого процесса их существования, что проявляется в определенных особенностях лексики и грамматики. Недостаточно знать только лексическое значение слова или словосочетания – необходимы также знания о мире, которыми владеют носители языка в рамках определенной культуры, выявления того, что эти знания используются в процессе интерпретации текста, и, соответственно, когнитивный и социальный анализ.

В художественном тексте отражаются все аспекты человеческого бытия. Текст – это явление сложное и многомерное. Он может выступать объектом лингвокультурного анализа, поскольку в любом тексте проявляется национально-культурный характер реалий, описанных в нем, или писателя, создавшего этот текст. Характер каждого народа, который пользуется определенным языком, представлен на всех уровнях языковой системы. Национально-культурный компонент выражается с помощью разноуровневых средств языковой системы: фонетических, морфологических, лексических и синтаксических. Концепты, которые лексикализируются в языке, не являются единственным способом ментальной репрезентации.

Средствами объективации концепта могут выступать слово, фразеологизм, словосочетание и даже текст, если в нем раскрывается суть определенного концепта. Концепт в своем выражении с языковых позиций не может быть ограничен только лексическим уровнем. Его реализация

разноплановая: к одному и тому же концепту можно апеллировать с помощью языковых единиц разных уровней – лексем, фразеологизмов, свободных словосочетаний, предложений. Наиболее актуальные концепты реализуются с помощью не только вербальных, но и невербальных единиц.

Когнитивный феномен представлений человечества о мире, будучи ориентиром человеческой деятельности, закрепляется в языковых средствах разных уровней: семантическом, фонетическом, графическом, словообразовательном, лексическом, фразеологическом и синтаксическом. Многоаспектное описание репрезентаций концепта и их текстового функционирования позволяет наиболее полно представить смысл и структуру концепта.

Исследовательский интерес может концентрироваться на анализе глубинной семантической структуры культурных концептов, отраженных в зеркале метафор и фразеологизмов, во внешней форме номинативных единиц. Семантические описания концептов дают знания о понятиях, существующих в сознании носителей культуры.

Национально-культурная специфика ментальности проявляется не только на лексическом, но и на других уровнях, таких как морфологический и синтаксический. Эта тенденция ярко проявляется в словообразовании. Словообразовательно маркируется все то, что есть биологично, социально и культурно значимое в сознании народа, а именно, внутренняя форма слова дает ключ к познанию определенных смыслов языка культуры.

Информация, передаваемая с помощью языка, тесно связана с отражением мира: люди могут говорить о вещах лишь до той степени, какой они достигли ментальной репрезентации. Исследование текста дает возможность интерпретировать информацию о картине мира, выявлять национально-культурные особенности определенных лингвокультурных групп.

В результате исследования того, как человек воспринимает и концептуализирует реальность, как факторы объективного и субъективного порядка имеют решающее значение в формировании картины мира определенным этносом, не может быть полным без использования необходимой информации за пределами лингвистики. Исследование глубинных механизмов формирования концепта позволяет не только выявить смысловой потенциал языковой единицы, прогнозировать дальнейшее развитие значений, но и отобразить этнокультурный образ носителя определенной концептуальной системы.

Таким образом, исследование концептов должно носить комплексный характер. При чем, языковые средства их репрезентации следует рассматривать на каждом уровне. Чем больше единиц разных языковых уровней принимает участие в актуализации концепта, тем более значительным он становится в лингвокультурном пространстве определенной культурной группы.

МЕТАЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Работа выполнена в русле исследований метаязыковой деятельности человека, т.е. особого вида теоретической деятельности, направленной на наблюдение за языком и процессом коммуникации. В ней обобщаются материалы дискуссий о современном состоянии русского языка, которые проводились редакцией журнала «Знамя» в 2006 и 2007 годах, в качестве иллюстраций привлекались отдельные статьи из других изданий. Всего проанализировано 16 статей профессиональных филологов за последние 5 лет. Цель работы – обнаружить и классифицировать оценочные высказывания о языке/речи в современной публицистике, на их основе сделать некоторые выводы о направленности лингвистического сознания образованных носителей языка. Предлагается классификация языкового материала по двум основаниям: а) по аксиологическому (метаязыковые высказывания, содержащие отрицательные и положительные оценки языка/речи); б) по направленности оценки (на код и его элементы либо на текст). Анализ материалов дискуссии позволяет увидеть, какие темы волнуют профессиональное сообщество: проблемы культуры речи, семантики, стилистики, а также отношение к заимствованиям, дисбаланс между экспрессивной и информативной функциями языка. Поскольку аксиологическая модальность в представленных текстах преобладает, то полезно отграничить оценки речи от оценок языка, что сами авторы не всегда делают). Ср. высказывание В. Елистратова: «По отношению к языку (здесь и далее я буду употреблять слово “язык” в расхожем “синтетическом” значении: и как язык-систему и как речь-реализацию), итак, по отношению к языку у значительной части его носителей появилось совершенно особое с мировоззренческой точки зрения отношение: русский язык полностью и безоговорочно превратился в товар» [3, с. 187]. Специально акцентирует внимание на различии терминов *язык/речь* М. Кронгауз: «Современный русский язык, а правильнее сказать – русскую речь или даже дискурс, критикуют сразу по нескольким параметрам: безграмотность, экспансия английского, смешение стилей» [6, с. 139]. Профессор Л. Зубова называет выражение *реформа языка* «апофеозом безграмотности» [5, с. 189]. Очевидно, что асимметричное распределение оценок между фактами языка и речи усугубляется неразличением исходных терминов. Авторы отмечают типичные речевые ошибки, связанные с ударением, формообразованием и лексической сочетаемостью. Но это именно ошибки в речи, а не в системе языка. Нам представляется, что в современных условиях коммуникации, когда фактически ничего не запрещено и все новое уже испробовано, выгодно говорить правильно. «Портится» ли математика от того, что какой-нибудь, извините, сопливый школьник-двоечник неправильно решил задачу

по математике? Нет. Аналогично: если школьник, некультурно утерев сопли рукавом, сказал “ложит” вместо “кладет”, он испортил свою, “личную” речь. А языковой системе от его “ложит” ни жарко ни холодно», – считает В. Елистратов [3, с. 191]. Ошибки в публичном общении можно объяснить тем, что в нашей жизни стало больше спонтанной речи и больше речевых недочетов.

Участники дискуссии подвергли оценке единицы всех уровней: графического (латинизация алфавита), лексического (недостаток номинаций в определенных сферах, переизбыток иноязычных элементов и жаргонизмов, появление новых эвфемизмов), грамматического (изменения в глагольной категории переходности в [4]). В статье Н. Головкина [1] представлен образец неконвенционального отношения к знакам письма. Его идеал – в прошлом, в дореформенном состоянии русского языка (до 1918). Неконвенциональное отношение к языковым знакам присутствует и на уровне лексики: «Как это ни грустно, слово сейчас – не Слово. Оно сейчас – имя нарицательное» [4, с. 153].

«Жизнь в эпоху перемен, кроме всех прочих ее особенностей и свойств, сопряжена с резкими и чувствительными изменениями в лексике. Наряду с депопуляцией страны происходит делексикализация ее языка, обеднение словарного запаса, – утверждает М. Эпштейн. – Вот о чем нужно бить тревогу: насколько русский язык в нынешнем своем состоянии позволяет производить работу мысли, необходимую для полноценного включения в ноосферу XXI века, для концептуального воздействия на умы и информативного взаимодействия с другими языками» [10, с. 198]. С ним солидарен академик И.Г. Милославский, который считает важным обсуждение вопроса о том, «насколько совершенным орудием по отношению к осмыслению окружающей действительности является русский язык» [8, с. 152]. Профессор Н.Б. Мечковская пишет, что языки не становятся более доступными в том числе и из-за «чрезмерной сложности языкового кода и правил» [7, с. 130].

В речевой практике журналистов замечен отказ от канцелярского стиля, но он оказался достаточно живучим. «Похоже, что основное назначение казенного стиля речи – не сообщить что-либо, а отгородиться от собеседника, демонстрируя статусное превосходство. Простое человеческое *не знаю* заменяется такими восхитительными оборотами речи: «Сейчас изучение этого вопроса находится в динамике» [2, с. 176].

Как показала дискуссия, филологи склонны обсуждать проблемы языка/речи в более или менее сдержанном регистре. Увеличение количества метаязыковых высказываний в публицистике говорит о том, что коммуникация не становится проще и чаще подвергается рефлексии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головкин, Н. О, бедный русский! / Н. Головкин // Природа и человек. – 2008. – №1. – С. 8–9.

2. Гусейнов, Г. Жест: к дискуссии о современном состоянии языка / Г. Гусейнов // Знамя. – 2006. – №4. – С. 173–178.
3. Елистратов, В. В трехмерном пространстве русского языка: заметки на полях дискуссии / В. Елистратов // Знамя. – 2006. – №9. – С. 186–192.
4. Елистратов, В. Язык как главный герой / В. Елистратов // Знамя. – 2007. – №7. – С. 153–154.
5. Зубова, Л. Что может угрожать языку и культуре? / Л. Зубова // Знамя. – 2006. – №10. – С. 185–191.
6. Кронгауз, М. Язык мой – враг мой? / М. Кронгауз // Новый мир. – 2002. – №10. – С. 135–141.
7. Мечковская, Н.Б. Демократизация языков: факты, коллизии, альтернативы / Н.Б. Мечковская // Acta Neophilologica. – Olsztyn. – 2006. – №8. – С. 129–138.
8. Милославский, И. Русский язык как культурная и интеллектуальная ценность и как школьный предмет / И. Милославский // Знамя. – 2006. – №3. – С. 151–164.
9. Эпштейн, М. О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество / М. Эпштейн // Знамя. – 2007. – №3. – С. 193–207.
10. Эпштейн, М. Русский язык в свете творческой филологии / М. Эпштейн // Знамя. – 2006. – №1. – С. 192–206.

Д.В. Зелепуго (Минск, Беларусь)

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ В ТЕКСТАХ В. РАСПУТИНА

В. Распутин – глубоко национальный писатель, в языке его произведений органично соединяется народное и индивидуальное, и взаимосвязь этих элементов вызывает неподдельный научный интерес. Наиболее широко в рамках прозы В. Распутина представлены такие номинации, как *год, день, ночь, утро, вечер*. **Год**, как временной отрезок, выступает единицей отсчета жизни, что подтверждается сочетанием данной номинации с числительным: *мы с тобой четыре года прожили – или этого мало?*; *за три года Гуськов успел повоевать и в лыжном батальоне; летом 44-ого года его ранило*. Также год встраивается в представление о цикличности жизни: *берег, намываясь год от года, лег широко и богато; с годами Семеновна свыклась с Настеной*. Наблюдаем также перцептуальное восприятие лет: *какие мои годы: тридцать лет – полжизни еще не наступило; хотелось, чтобы каждая из встреч вмещала в себя годы жизни; вот так худо-бедно и жила деревня, встречая и провожая годы, как воду*. Восприятие лет автором раскрывается посредством эпитетов. Так, у Распутина находим выражения *тяжелые годы, оборванные годы, переломные годы* и др. («Живи и помни»). Концептуальное содержание **дня**, которое нашло отражение в текстах Распутина, шире, чем словарная дефиниция, так как за днем закреплён пласт культурной информации. День у Распутина предстает как особая ценность: *А я выдюжу, мне этого дня надолго хватит; он ...знал, что так будет, и, радуясь этому дню, ждал с*

холодным удивлением, что он неминуемо придет; настолько горек и настолько радостен был этот последний, поданный из милости день. День в русской временной картине мира связан, с одной стороны, с возрождением, красотой, счастьем, светом, а с другой – с заботами, поэтому в языке закрепилось как положительное восприятие дня, так и отрицательное, что наблюдаем и у Распутина: надежда – *а рассветет, белый день выйдет – ишо потопчемся; не стоит все время перед глазами это убожество и не пугает завтрашним днем.* («Деньги для Марии»). Положительное восприятие дня раскрывают лексемы со значением цвета. Так, встречаем выражения *белый день, ясный день, светлый день.* Находим также единицы и с негативным восприятием дня – *волчий день.* Смена дней воспринимается через призму человеческой жизни, так как для русского языкового сознания свойственно вести отсчет времени именно днями. Подтверждение тому находим и в тексте писателя: *и дальше дни пойдут без запинки мимо, все мимо и мимо; дальше дни пойдут уже без Матеры-деревни.* День воспринимается не только как вместилище событий, но и как нечто неотделимое от человеческой жизни: *дни, ставшие заметно короче, но не потерявшие силы и мощи, казались до предела полными и тугими, вобравшими в себя больше, чем они могут свезти; так терпеливо и молча пойдут они до последнего, конечного дня.* **Ночь** в русской языковой картине мира воспринимается как провал жизни, мрак, интервал между днями, т.е. небытие. На такое восприятие повлияла культурная традиция, утверждающая, что ночь – отрезок времени, в который наиболее активны злые, темные силы. Такую культурную традицию обнаруживаем в языковом материале повестей В. Распутина: *ночь была жутковатая – глухая, темная до крайней темноты; прибегу середь ночи – кому это понравится; ночь была жутковатая – глухая, темная до крайней темноты; прибегу середь ночи – кому это понравится.* Однако у Распутина находим выражения, в которых ночь имеет и положительные коннотации, например: *и мы с тобой всю-то ноченьку одни барствовали.* Как и день, ночь выступает как субъект (на основе метафорических представлений): *ночь подвинулась; по тому, как потускнела ночь, она поняла, что скоро начнет светать.* Менее культурно маркированы **утро** и **вечер**. Они выступают как названия части суток, вмещающих какое-либо событие: *под утро, еле волоча ноги, он поплелся на другую сторону Ангары; вечером была подписка на заем.* Идея о том, что утро вечера мудренее, нашла отражение у Распутина: *предстояло еще сообщить эту новость Михеичу, но лучше утром, на сегодня ему хватит.* Также концептам вечер – утро свойственно движение: *вечер пал теплый и тихий; утро поднялось уже высоко.* В языковом материале находим единицы – **названия сезонов.** *Зима, осень, весна, лето* неразрывно связаны с человеческой деятельностью, их наступление, смена воспринимается через призму всей жизни: *чудилось, что до лета еще целая жизнь, до весны еще жить да жить; он прожил последнюю осень, последнюю зиму, пропускает последнюю весну, впереди последнее лето.* Для культурной традиции характерно восприятие сезонов в зависимости от погоды и урожайности. То

же наблюдаем и у Распутина: *той осенью урожай был такой, что стыдно было не отъестся; она научилась этому еще в то кусочное лето, когда обходила с Катькой ангарские деревни.* В текстах В. Распутина концептуализируются номинациями с неопределенным значением временной длительности – **пора, срок, момент, миг**, которые имеют большое значение для раскрытия авторского восприятия времени. Они воспринимаются как отчет жизни, как ценность, как положительный или отрицательный этап жизни: *придет пора, ударит час; чудился некий спасительный испытательный срок: выжил – живи; Семеновна в ненастную пору подливала масла в огонь.* Темпоральную номинацию *срок* автор даже выносит в заглавие одной из своих повестей – «Последний срок», тем самым подчеркивая судьбоносное значение времени в человеческой жизни.

Проанализировав материал, приходим к выводу, что когнитивное содержание временных отрезков в повестях В. Распутина намного шире словарной дефиниции, так как за ними закреплена национально-культурная информация. Временные отрезки имеют судьбоносный для человека характер. В целом же тексты произведений В. Распутина – лингвокультурологический код, в котором время выступает как некая модель мира, сформировавшаяся под влиянием русской временной картины мира и языкового сознания автора.

Людмила Кастлер (Гренобль, Франция)

ИРОНИЯ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ

В своей последней книге «Русский язык на грани нервного срыва» известный лингвист Максим Кронгауз приводит слова одного зарубежного коллеги, озабоченного сложностью русских текстов из-за обилия в них скрытого юмора: «Ну, что вы за люди такие, все время шутите, все время иронизируете». Автор, соглашаясь с этим мнением, видит в постоянном использовании в речи иронии и юмора некую «инерцию приема», которая, кстати, фигурирует и в его книге, начиная с названия, в котором скрывается аллюзия, отсылающая читателя к фильму Альмодовара «Женщины на грани нервного срыва» [2, с. 144–145].

Наблюдения за аутентичным речевым общением, в том числе и в Интернете, а также многочисленные примеры из современных пьес свидетельствуют о том, что русскоязычные коммуниканты и в самом деле очень часто прибегают в своей речи к языковым риторическим играм, построенным на двусмысленности, которая возникает вследствие разрыва связи между означаемым и означающим, контраста между ситуацией и языковой формой. Вот типичный пример иронического высказывания, заимствованный из статьи Александра Архангельского: «*Опять нас в бой*

зовёт товарищ Юрьев» [<http://www.liberal.ru/articles/2003>]. Перефразируя строчку из известной песни «Марш советских танкистов» (*Когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин*), журналист намеренно создает комический эффект, переходящий в сарказм, используя вместо Сталина фамилию Юрьева, известного бизнесмена, автора недавних публикаций о сохранении Россией статуса «великой державы». Таких примеров использования иронии в речи или в дискурсе можно привести множество.

Возникает вопрос, можно ли считать подобное игровое, «несерьезное» употребление языковых форм отличительной чертой русского (или иного) коммуникативного профиля, либо речь идет скорее об универсальном явлении.

Если мы обратимся к французскому корпусу примеров, то увидим, что ирония в различных речевых ситуациях, а также в журналистском дискурсе используется так же часто, как и в русском языке. В качестве примера можно привести название одной из статей популярного французского сатирического еженедельника «Canard enchaîné»: «*La vie trépidante du Président Sarkozy: après la Lybie, la libido...*» (*Бурная жизнь президента Саркози: после Ливии, либидо...*) (www.ozap.com/actu/canard-enchaine-ironise-idylle-chef-etat/124936). Иронический эффект этого амбивалентного высказывания, намекающего на личную жизнь президента, возникает благодаря игре слов, каламбур, основанному на сближении слов, сходных по произношению, но различных по смыслу.

Пенелопа Браун и Стивен Левинсон, авторы оригинальной социолингвистической теории вежливости, изложенной в их книге «Politeness. Some universals in language usage», рассматривают иронию как коммуникативную стратегию говорящего, которая относится к категории речевых актов, «угрожающих лицу», – Face Threatening Act, сокращенно FTA [4, с. 221–222]. В данном случае речь идет о «позитивном лице» адресата, понимаемом как достойный, положительный образ, на который претендуют коммуниканты в ходе речевого взаимодействия [1, с. 10]. Более того, ирония рассматривается и как нарушение принципа кооперации и коммуникативных постулатов Грайса. Излагая свою концепцию, Браун и Левинсон приводят многочисленные примеры из английского языка и некоторых африканских языков.

Таким образом, ирония безусловно относится к универсальным речевым явлениям. Вместе с тем, как заметил в предисловии к книге «Смех в Древней Руси» Д.С. Лихачев, смеховой мир отнюдь не един: «Он различный у отдельных народов и в отдельные эпохи» [3, с. 3]. Можно предположить, что для современного русского коммуникативного профиля характерны иронические высказывания, основанные на цитировании известных стихов, песен, лозунгов, пословиц, часто в искаженном виде и во всяком случае в абсолютно неподходящем контексте, что и вызывает комический эффект. Кстати, эту особенность русского коммуникативного стиля зорко подметила Людмила Петрушевская. Персонажи ее пьес часто говорят одними цитатами, которые противоречат речевой ситуации. Например, в пьесе «Любовь» один из персонажей использует цитату Пушкина, патетический смысл которой

полностью расходится с банальной жизненной ситуацией. Это несовпадение двух планов производит эффект абсурда и одновременно самоиронии: «*Не пропадёт мой скорбный труд. Я стирал и гладил всё свободное время. Покупал, стирал и гладил.*» [<http://lib-drama.narod.ru/petrushevskaya/love.html>].

Французский коммуникативный стиль изобилует каламбурами (кстати, именно этим приемом пользовался в своих скетчах знаменитый юморист Реймон Девос), в то время как английский стиль, как свидетельствуют примеры Браун и Левинсона, отличается ироническими высказываниями, основанными на антифразе: «*John's real genius*» (после того, как Джон совершил целый ряд дурацких поступков), «*Beautiful weather, isn't it!*» (говорит почтальон во время сильной грозы) и т.д.

Разумеется, все указанные приемы иронии (переиначенные цитаты, каламбуры, антифразы) присущи коммуникативным профилям различных языковых сообществ, но используются они в разных пропорциях. В целом, иронию целесообразно рассматривать как универсальную коммуникативную стратегию, имеющую свою специфику в различных языках и культурах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кастлер, Л. Негативная и позитивная вежливость: различные стратегии речевого взаимодействия / Л. Кастлер // Агрессия в языке и речи / Под ред. И.А. Шаронова. – М., 2004. – С. 9–18.
2. Кронгауз, М. Русский язык на грани нервного срыва / М. Кронгауз. – М., 2008.
3. Лихачев, Д.С. Смех в Древней Руси / Д.С. Лихачев. – Л., 1984.
4. Brown, P. Politeness. Some universals in language usage / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge, CUP, 1987.

Е.В. Комлева (Дортмунд, Германия)

АНТРОПОЦЕНТРИЧНОСТЬ ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГИИ

В докладе идентифицированы основные понятия. Рассмотрено разнообразие представлений феномена ядерной энергии в пространстве символических форм. Предложен вариант классификации ядерных символов. Обоснована идея социоядерного антропного принципа как интегрированного критерия гармоничного сосуществования человечества и ядерной энергии. Социоядерный антропный принцип, а также иносказание, символы и образы, “окормляют” ядерный социум посредством культурного пространства при сопряжении ядерных науки и политики с приемами и концептами философского и религиозного мышления, художественной литературы и искусства, бытийного народного творчества, мифологии, фантастики. Это необходимо будущему человечеству при познании ядерного феномена и ориентации развития его социальных приложений. Социоядерный

антропный принцип и подход с позиций символизма реализованы при обосновании идеи и современного, в общечеловеческом и региональных смыслах, образа SAMPO.

Феномен ядерной энергии в прошлом, настоящем и будущем был, есть и будет чрезвычайно важным для людей. Ядерная энергия крепкими узами связана с человечеством. И человечество ощутило себя единым и хрупким впервые перед ядерной опасностью. Ядерный феномен – крупнейшее социально-природное явление. Ему присущи вселенский, национальный и интернациональный аспекты. Материальный облик феномена многообразен. В перечислении “первого приближения” – это звезды, ядерное оружие, ядерное сдерживание и нераспространение, часть тепла недр Земли и естественная радиоактивность. А также – гражданская ядерная энергетика, атомные военные и гражданские, подводные и надводные суда, источники энергии длительного пользования для освоения космоса, научные приборы и средства технологического контроля и воздействия в медицине, сельском хозяйстве и промышленности, радиоактивные отходы со сроком хранения в сотни тысяч лет.

Социальная компонента ядерного феномена. Это все положительные и негативные, естественные и искусственного происхождения проявления и эффекты ядерной энергии в жизни людей, которыми ядерная энергия идентифицируется социумом. Все наши задачи и проблемы, надежды и заботы, удачные или неудачные мысли и практические действия, с которыми она напрямую или косвенно связана. Все явления человечества, которые зависят от ядерной энергии. Все явления человечества, от которых зависит “бытие” ядерной энергии в контакте с человечеством. Все явления человечества, которые развиваются во взаимосвязи с феноменом ядерной энергии. Связи, зависимости и взаимодействия, в космологическом смысле бывшие большей частью, по крайней мере – по отношению к периоду существования живой материи, практически всегда (и особенно отныне, с возникновением ядерной техносферы) – вечными и важными спутниками человечества. И наша естественнонаучная, техническая, философская, религиозная и других ракурсов духовно-гуманитарная и на основе разных видов социального знания рефлексия их, имеющая целью, в том числе, поиск адекватных успешной эволюции человечества социоядерных начал. Другими словами, социальная компонента ядерного феномена – это соответствующее материально-духовной дихотомии человека, комплексное материально-духовное бытие индивида в социоядерном аспекте, в социоядерном измерении, социальная ядерная энергия.

Отмечена преемственность и взаимосвязь не только российских ядерно-религиозных центров (Саров, Сергиев Посад, гипотетически Печенга), но и международных энергетических проектов. На схеме: слева – взаимосвязи базового концепта SAMPO, справа – исключительно религиозный контекст и

с дополнением футурологическими мотивами относительно перспектив ядерно-религиозно-мистического Санкт-Петербурга:

<u>GNER</u> PECHENGA	<u>С</u> аров <u>П</u> еченга
I /	<u>С</u> ергиев <u>П</u> осад
<u>ARIUS</u> -S-S-S- <u>SAMPO</u> (ru,kz,ua)	<u>С</u> анкт- <u>П</u> етербург
A N T / \	/ ? \
P E C SAROV “ <u>OPEC SYSTEM</u> ”	<u>П</u> риять или <u>П</u> еченга
I /	
E T	
R P	
R	

М.В. Косова (Волгоград, Россия)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ ДОКУМЕНТНОГО ТЕКСТА*

Процессы интеграции, характеризующие современное общество, стремление к межнациональному взаимодействию определяют необходимость правовой и документной компетенции граждан, знания основных законов, нормативной базы, умения применять информацию в профессиональной деятельности.

В сфере официально-деловой коммуникации отмечается тенденция к унификации и стандартизации документов разных видов, что, безусловно, способствует результативности делового общения, в том числе и межкультурного. В то же время документная практика и принятые в разных странах традиции составления и оформления документов формируют их национальное своеобразие.

Анализ документных и лингвистических особенностей одного из основных законов государства – Закона РФ «О государственной тайне» от 21 июля 1993 г. (в редакции 2002 г.) и перевода на русский язык Закона Республики Беларусь «О государственных секретах» от 29 ноября 1994 г. (в редакции 2003 г.) – позволяет говорить о содержательной и языковой специфике этих документов.

«Документные» различия обнаруживаются в расположении композиционных частей, их содержательном наполнении, что вполне обоснованно и закономерно. Национально-культурная специфика проявляется весьма очевидно на уровне лексической организации текста.

---

* Работа проводится в рамках проекта, поддержанного Грантом РГНФ № 07-04-264а.

Сфера деловой коммуникации требует достаточно жесткой фиксации информации, стандартизованности ее языкового выражения. Это требование в первую очередь касается семантики и формы используемых в тексте терминологических единиц, а при их переводе на другой язык – выбора адекватного и точного в семантическом и стилистическом отношении соответствия.

Термин – уникальная языковая единица прежде всего в том смысле, что его значение равно научному понятию, следовательно, терминологическая система представляет собой концептуальную и одновременно языковую картину определенной предметной области. Функционирование отдельно взятого термина обусловлено структурными и семантическими качествами всей терминосистемы, поэтому важно не только определить значение термина, но и установить его отношения с другими лексическими единицами.

В содержательном плане исконная русская терминология восходит к предметно-номинативным пластам словарного фонда национального языка, и один из путей появления терминов – семантическое переосмысление общеупотребительного слова, или терминологизация. В результате этого процесса у нового означающего сохраняется не только внутренняя форма, но и некоторые компоненты плана содержания общеупотребительного слова, культурно-исторические ассоциации.

В числе качеств, которые должны характеризовать «образцовые термины», однозначность, отсутствие формальной и семантической вариативности ставится на одно из первых мест, поскольку именно однозначное соотношение означающего с означаемым является основой плодотворного профессионального общения. В еще большей степени это оказывается важным для терминологии документного текста, где организация языковых средств в первую очередь ориентирована на передачу точной и недвусмысленной информации.

Терминологическая лексика, с одной стороны, принадлежит определенному профессиональному сообществу, в частности, специалистам в области защиты информации, права, документоведению, с другой стороны – термины являются единицами языка и подчиняются его законам, то есть являются объектом исследования лингвистов. В связи с этим многие вопросы «терминологического характера» документного текста должны решаться с участием лингвистов, с применением специальных исследовательских приемов и методов анализа.

Сопоставление текстов законов дает основания говорить о существующих межтекстовых (между документных) и внутритекстовых несоответствиях. Так, к межтекстовым несоответствиям можно отнести использование терминов *тайна*, *ущерб* (в Законе РФ) / *секреты*, *вред* (в Законе РБ).

Внутритекстовое употребление лексем *тайна* / *секреты* в Законе РБ обусловлено их местом в терминологической системе. Если в Законе РФ используется только слово *тайна*, то в Законе РБ применяются оба термина –

тайна и секреты; при этом сформулированные их родо-видовые различия реализуются не во всех контекстах, в большинстве случаев происходит нейтрализация значений.

Современная русская лексикография трактует эти лексемы как синонимы, однако они имеют определенный лексический фон, обусловленный практикой употребления, закреплённый контекстами, что определённым образом влияет на восприятие документа.

Исследование документного текста с учётом национально-культурной специфики позволит выявить особенности использования лексических единиц в документах разных типов, скорректировать требования к терминам, используемым в деловом тексте, выработать принципы их унификации, определить нормы терминопотребления.

Важным такой подход является и для лексикографии. В настоящее время необходимо создание специальных словарей, словарей тезаурусного типа, отражающих комплекс системных отношений лексико-фразеологического состава документных текстов. Это отвечает потребностям современного общества и может быть использовано в работе специалистов разного профиля.

И.П. Кудреватых (Минск, Беларусь)

ЭКСПРЕССИВНЫЙ СИНТАКСИС ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

Функциональная стилистика как стилистика речи, связанная с проблемами употребления языка, – перспективное направление современного языкознания. Сложность и недостаточная изученность экспрессивных синтаксических конструкций в художественном тексте как показателя идиостиля писателя обуславливают необходимость дальнейших исследований этих явлений. Художественный дискурс – это особая грамматика, особые правила словоупотребления, в результате – особая семантика; это один из возможных миров, представленный как особая социальная данность. Вопросы динамики языка, функционирования его в синхронии с учётом воздействующих на эти процессы экстралингвистических факторов, особенно во времена острых социокультурных преобразований, становятся особенно актуальными. Языковая экспрессия в художественном тексте – важное средство выявления эстетической системы писателя, его мировоззрения.

Будучи адресованным широкому читателю, художественный текст является полиструктурной, полисемантической и полифункциональной системой. Экспрессивный синтаксис, участвующий в создании «глубинного» смысла, – явление не только и не столько собственно языковое, сколько экстралингвистическое. Поэтому идейно-художественное текстообразование

требует идейно ориентированной интерпретации. Экспрессивность как понятийная текстовая категория является обязательным моментом интерпретации художественного произведения.

С этой точки зрения, большой интерес представляют произведения В. Токаревой и Т. Толстой, репрезентирующие разные типы прозы: у Т. Толстой – тип интеллектуальной прозы, у В. Токаревой – быто-описательный тип [3]. Стилистические функции парцеллятов в произведениях В. Токаревой, анормативная синтаксическая сочетаемость, придавая повествованию различную модальную окрашенность, актуализирует определенные эстетические значимости. Парцелляция В. Токаревой – это метатропы глубинного уровня смыслопорождения, «функционально-семантические зависимости, структурирующие авторскую модель мира» [2, с. 19], кроме того, это своеобразная игра со смыслами.

Грамматическая экспрессия Т. Толстой определяется совокупностью стилистических приемов: это однородный ряд дизъюнктивных понятий, контекстуально-неполные и эллиптические предложения как отражение разговорности, синтаксический параллелизм, контаминация значений, вставные конструкции, отсутствие абзацного членения в пределах большого отрезка текста как проявление динамизма речи; кроме того, это структурно-текстовые функции видовременных форм, устанавливающих глубинные связи между событиями, их повествовательно-описательная перспектива, т.е. способность участвовать в передаче точки зрения. Контаминация перфекта и презенса, выражающая противоборство прошлого и настоящего, становится экспрессивным элементом текста – той реляционной структурой, которая определяет различного рода синтаксические отношения: эмоционального контраста, тождества, сравнения и др. Наконец, временная оппозиция – это и концептуальный метатроп, отражающий позицию автора по отношению к происходящему как резко отрицательную. Настоящее постоянное Т. Толстой становится выражением содержательно-концептуальной информации (СКИ), приобретает психологическую значимость и глубокий подтекст: пока человек не научится мыслить, пока его будут прельщать даровыми благами: *за утюгом, за миксером, за кофемолкой спускаются семьи с гор, из заснеженных аулов.., иштурмуют поезда... В Москву!.. к колесу! Там их оплюют, обхают, зато им достанется целый телевизор!* («Человек!.. Выведи меня отсюда»), он есть *нравственный слепец, теряющий остатки достоинства при встрече с дармовым электроприбором.., он раб колеса.*

СКИ как сжатый смысл текста – это вся система его композиционно-грамматических и лексико-стилистических особенностей, это мотивированная взаимозависимость системно-структурного и функционального подходов к его смысловой организации. Интегрирующая роль грамматических единиц, способных выполнять определенное назначение, находит отражение в семантике разноуровневых элементов. Функциональные значения грамматических форм развивают образный потенциал, активизируя ассоциации читателя. Прием экспрессивных контрастов, способствующий

созданию символической взаимообусловленности смысловых сфер, в произведениях Т. Толстой становится средством текстообразования.

СКИ репрезентируется и на уровне метафоризации. Экспрессивная метафоричность, построенная на контрасте временной семантики, в произведениях В. Токаревой создается за счет метафоризации глагола, что способствует семантическому сдвигу. Попадая в условия анормативной, с точки зрения системы языка, семантической сочетаемости, глагол трансформирует значение и приобретает новую образно-выразительную силу.

Таким образом, стилистический код СКИ В. Токаревой и Т. Толстой представляет своеобразную конвергенцию грамматических приемов, позволяющих интерпретировать текст в соответствии с ассоциативными возможностями читателя. В этой связи вспоминается термин Е.Г. Эткинда «искусство быть читателем», декодирование которого находим у А.А. Богатырева: «...для филологической интерпретации текстов... представляется оптимальным не стремиться любой ценой к подведению всего текстового массива под отдельный концепт., а трактовать схемы *идеализации* интенциональной установки текста средствами самого текста, не перекрывая пути к самостоятельному открытию читателем в себе косвенно транслируемых текстом субъективно-ценностных реальностей» [1, с. 162].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богатырев, А.А.* Концептуализация и идеализация как техники интерпретации художественного текста / А.А. Богатырев // Стил. Бањалука-Београд, 2002. – №1. – С. 153–164.
2. *Фатеева, Н.А.* Современная русская «женская» проза / Н.А. Фатеева // Стил. Бањалука-Београд, 2003. – №2. – С. 349–361.
3. *Фатеева, Н.А.* Поэт и проза. Книга о Пастернаке / Н.А. Фатеева. – М., 2003.

О.И. Кулько (Волгоград, Россия)

УМОЛЧАНИЕ В КОММУНИКАЦИИ: НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА

Развитие лингвопрагматики позволило вовлечь в орбиту языкознания такое явление, которое традиционно науке, изучающей слово, «противопоказано» – это значимое отсутствие слова в коммуникации. Как речевой акт, несущий информацию, усваиваемую и интерпретируемую адресатом на основании социокультурных знаний, исследователи рассматривают молчание. Н.Д. Арутюнова замечает, что «в отличие от говорения, ассоциируемого с целями, о молчании не судят в терминах **целей**. Молчание, как и любое другое недействие, имеет **причину**» [1, с. 106]. На наш взгляд, рассмотрение молчания «в терминах **целей**» должно привести

исследователя к другой, родственной категории – умолчанию, отказу от обсуждения темы в целях защиты информации.

Традиционное для теории информационной безопасности понятие «защита информации» рассматривается нами в коммуникативно-прагматическом аспекте: в разных дискурсах коммуниканты сталкиваются с необходимостью не столько передать информацию, сколько защитить ее от угрозы несанкционированного распространения – расширения круга пользователей.

Защита информации требуется в определенных ситуациях, различающихся и по количеству участников, и по их роли в коммуникации. Так, в ряде случаев включение в процесс общения третьего субъекта приведет к тому, что двое остальных, обладая общими пресуппозициями, будут стремиться последовательно контролировать количественные (объем) и качественные (истинность/ложность) характеристики сообщаемого, чтобы третий участник (или молчащий наблюдатель), имея доступ к тексту, не смог получить или использовать информацию. В других ситуациях коммуниканты только подозревают о возможном существовании третьего субъекта – подслушивающего или подглядывающего. Следовательно, при угрозе распространения информации коммуникативная модель выглядит следующим образом: **владелец** информации (коммуникант, обладающий правами на обработку информации и ее защиту), реализуя лингвистическую защиту информации (ЛЗИ), формирует сообщение для **пользователя** (коммуниканта, имеющего право доступа к информации) с учетом реального или потенциального присутствия третьего субъекта коммуникации, не наделенного правами доступа к информации.

В зависимости от ситуативных условий владелец информации может рассматривать всех остальных участников коммуникативного акта как лиц, не наделенных правами доступа. Тогда важнейшим способом защиты информации становится умолчание – отказ от обсуждения темы в коммуникации.

В любом обществе, социальной группе, у любого отдельного человека есть ряд табуируемых по разным причинам тем. Наложение запрета на распространение информации может идти по линии интенциональности («хочу – не хочу») или конвенциональности («принято – не принято»). В качестве интенционального запрета приведем пример из беседы Иосифа Бродского и Соломона Волкова. *Бродский: «... Если уж мы говорим о том, о чем говорить не следует, то есть об эротических предпочтениях индивидуума, да? Хотя это, в конце концов, частное дело каждого человека. **И я не понимаю, почему это надо превращать в тему для обсуждения...**»* [2, с. 581]. Последнее высказывание – сигнал о том, что коммуникант – владелец информации – отказывается ее обсуждать, поднятая тема должна умалчиваться.

Заметим, что конвенциональные запреты, в отличие от интенциональных, далеко не всегда осознаются коммуникантами, хотя в некоторых социальных группах эти запреты могут быть выявлены самими членами группы, для того чтобы впоследствии стать основой

профессиональных кодексов. Так, Дорис Хейманн, немецкая журналистка в беседе с российскими журналистами говорит: *«В общем-то, у нас население спокойно относится к частной жизни политиков ... Существует еще такой договор, можно так сказать, «gentlemen's agreement», с тех пор, когда у нас столицей был Бонн. Это маленький, провинциальный город... И тогда журналисты договорились как бы с политиками, что «все знают – никто не пишет». У нас был такой договор. И он до сих пор сохраняется. Если журналист увидит известного политика с любовницей где-то, скажем, в аэропорту случайно, об этом никто не пишет»* [3]. Журналист-коммуникант, ставший владельцем информации, – защищает ее от распространения, чтобы не нанести ущерб личности и социуму в целом.

В любом обществе выделяются различные группы тематических запретов:

1. Запреты общекультурные, принятые в абсолютном большинстве обществ.
2. Этнозапреты, зависящие от национально-культурной специфики.
3. Социозапреты, сформированные экономической, политической и социальной системой общества.
4. Запреты частные, сложившиеся в малых группах.

Знание системы запретов и умение умалчивать запретные темы есть проявление компетентности языковой личности, необходимое для ее культурной идентификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н.Д. Молчание: контексты употребления / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М., 1994. – С. 106–117.
2. Волков, С. Диалоги с Иосифом Бродским / С. Волков. – М., 2004.
3. Рыковцева, Е. Час прессы. [Электронный документ]. (<http://www.svobodanews.ru/content/transcript/1735103.html>) Проверено 01.10.2009.

С.П. Кушнерук (Волгоград, Россия)

ДОКУМЕНТНЫЙ КОНФЛИКТ: ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ¹

Анализ многочисленных документных конфликтов, проведенных в соответствии с расследованиями гражданских и уголовных дел, позволил выделить несколько классов лингвистических задач, решаемых в процессе экспертных исследовательских действий на материале документных текстов. Покажем некоторые из них².

¹ Исследование проведено при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России, 2009-2013 годы (гос. контракт № 02.740.11.0376).

² В иллюстративных материалах имена, наименования учреждений и организаций, изменены, графика и орфография сохранены.

Вопросы, поставленные перед исследователем:

Можно ли считать формулировку «считать за аваль», установленную для применения действующим Положением о переводном и простом векселе (глава IV, ст. 31), равнозначной формулировке «для авалья», которая была использована в прилагаемом простом векселе? Противоречит ли реализованная в тексте простого векселя формулировка «для авалья» формальным требованиям статьи действующего «Положения о переводном и простом векселе», регулирующей знаковые параметры соответствующего реквизита?

Вопросы предполагают установление функционально-смысловой эквивалентности подзаголовков-рубрикаторов и сравнение текстовых решений с ориентиром, содержащимся в унифицирующем источнике. Отметим, регулирующим инструментом является документ, принятый еще в 1937 году СНК СССР. Исследование показало, насколько важно учитывать диапазоны текстовых вариаций, допускаемых регулирующими положениями, «Положением о переводном и простом векселе».

Вопросы следующего экспертного исследования:

Каково значение термина «единовременно» с учетом влияния на него контекстов Федерального закона № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности...» и разъяснений, представленных Федеральной службой страхового надзора в письме-ответе ФССН № 0/0-0 от 00.00.2008 г. в адрес ОАО «N» за подписью руководителя ФССН И.В. Л-а? Каково специальное или терминологическое значение лексической единицы «одновременно» при ее использовании в текстах современной официально-деловой коммуникации?

Исследование по делу выявило ряд документных явлений: процессы терминологизации лексико-фразеологических единиц, имеющих в речевой практике нетерминологический статус; различия степени устойчивости дефиниций при реализации терминов в составе документного текста.

Вопросы следующего дела показательны, они демонстрируют, как трудно пройти в постановке вопроса между Сциллой права и Харибдой лингвистики:

Можно ли утверждать, что фраза «проверка финансово-хозяйственной деятельности» относится именно к выражению «использование федеральной собственности» (то есть связана грамматической и смысловой связью с этим выражением), следует ли понимать предмет проверки как: «проверка финансово-хозяйственной деятельности по использованию федеральной собственности открытого акционерного общества «Л-ое морское пароходство» и проверка эффективности использования федеральной собственности открытого акционерного общества «Л-ое морское пароходство»?

Пример отражает довольно сложную и многоаспектную проблему формулировки законодательных положений. Известно, насколько часто возникают дискуссии о несовершенстве действующих законов. Но как часто

и в каких сообществах квалифицированно обсуждается речевое качество законов? Лингвист не может трактовать закон. Но вопрос, предполагает трактовку, как надо понимать текст закона. Подобные экспертные исследования в очередной раз подчеркивают необходимость лингвистической работы с законодательными документами, обсуждение не только духа, но и, в прямом смысле, буквы закона.

По-своему продолжают тему вопросы, представленные ниже.

Каково основное значение союза «И» в русском языке при его реализации в сложных предложениях документных текстов? Имеются ли лингвистические, документные или иные формально-коммуникативные основания утверждать, что союз «И» выполняет функции разделительного союза «ИЛИ» в составе высказывания: «В графе необходимо указать в килограммах массу «нетто» декларируемых товаров: для товаров, перемещаемых в упакованном виде:

– массу декларируемых товаров с учетом только первичной упаковки, если в такой упаковке исходя из потребительских свойств товары представляются для розничной продажи и первичная упаковка не может быть отделена от товара до его потребления без нарушения потребительских свойств товаров ...»?

Специфика дела состоит в двух принципиальных моментах. Во-первых, обратим внимание на содержание первого вопроса, который справедливо ограничивает проблему нормативными границами русского языка в части регулирования употреблений и значений служебных частей речи. Вторая сторона дела заключается в демонстрации лингвистического несовершенства законодательных текстов, имплицитно вводится тема должностного преступления на основе несовершенства формулировок.

Нижеприведенные вопросы обозначают одну из сложных проблем документных текстов – интерпретацию значения термина.

Содержат ли пункты договора об оказании услуг телефонной связи в их совокупном значении информацию о приостановлении или прекращении услуг в одностороннем порядке как о системе действий, прекращающих доступ к услугам связи совершенно, либо содержат разрешение начать предусмотренную действующим законодательством процедуру отключения пользователя? Что означает фраза «инициировать приостановление услуг связи»?

В исследовании, результатом которого остались недовольны обе стороны конфликта, коммуникативным заложником выступает лингвист, чьей непосильной задачей становится разрешение изначально заложенной неустранимой «лингвистической мины» в виде противоречий в комментариях к правовым документам и словесных нагромождений, создающих множественные смысловые связи.

Г.С. Лесников (Архангельск, Россия),
Д.С. Лесникова (Санкт-Петербург, Россия),
С.В. Лесников (Сыктывкар, Россия)

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ДЕФИНИЦИИ И МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ФОРМУЛЫ РЕКУРСИВНОЙ ПРОЦЕДУРЫ КВАНТИТАТИВНОГО АНАЛИЗА ТЕКСТОВ

Для квантитативного (количественного, автоматического, автоматизированного, алгебраического, аналитического, вычислительного, инженерного, кибернетического, компьютерного, математического, механистического, статистического, численного...) анализа текстовой информации надо определиться с базовыми понятиями: что именно и по каким формулам будем считать.

Основной единицей лексико-семантической системы нами принимается лексико-семантический вариант слова (ЛСВ), входящий в определенные отношения с однородными ЛСВ других многозначных терминов-слов и терминов-словосочетаний, объединяясь с ними в определенные группы.

Дефиниций слова «СЛОВО» настолько много, насколько много и разных подходов и точек зрения. Пока единства в ученом мире нет (Ахманова О.С., Будагов Р.А., Виноградов В.В., Галкина-Федорук Е.М., Смирницкий А.А., Шанский Н.М. и мн. др.).

Слово = материальный объект (набор звуков и/или графем), обладающий фонетическими, лексико-семантическими и грамматическими свойствами.

Для информатики ПРОБЛЕМА – как определять границы слова? Аналитически (графемами) или предметно (напр., все допустимые словоформы зафиксировать в словаре)? С нашей точки зрения, логично каждую словоформу, которую удалось зафиксировать (что относительно просто сделать в процессе создания частотного словаря) в каком-либо реальном тексте (художественном, научном и т.п.) посчитать вокабулой (леммой, черным словом) и далее в словаре дать толкование (непосредственно, отсылкой к др. словарной статье или даже к др. словарю).

Лексема = единица лексического уровня языка, определяемая как совокупность всех форм и значений одного слова.

Словоформа = слово (лексема) в некоторой грамматической форме (в частном случае – в единственно имеющейся у слова форме).

Словоупотребление = выбор и употребление слов в речи, а также правила и закономерности такого выбора с точки зрения литературных норм и эффективности коммуникации.

Вокабула = основная (исконная, начальная) форма, заголовок словарной статьи.

Лемма = основа слова, «черное слово». Лемматизация (канонизация, нормализация, стемминг) – процесс нахождения исходной формы слова (т.е. вокабулы).

ЛСВ = лексико-семантический вариант вокабулы, элементарная лексическая единица = кортеж грамматических форм слова, соотнесенных с одним из значений данного слова [5, с. 36; 2, с. 84–89; 3, с. 382].

Анализ текста может осуществляться по следующему алгоритму: 1) по заранее определенному списку разделительных символов (пунктуационных знаков, спец. знаков: конец строки, абзаца и др.) исследуемый текст разбивается на порции (том, книга, часть, раздел, глава, параграф, абзац, предложение, слово); 2) выделяются приставки, суффиксы, окончания (и др. аффиксы) для каждого слова; 3) определяется часть речи и уточняются атрибуты для каждого слова с помощью типовых алгоритмов; 4) определяются части предложения; 5) определяются субъекты и объекты в тексте и наличие связей между ними. Объекты и субъекты образуют в своих отношениях модель проблемы. Привнесение вопроса к модели замыкает ее.

Предложенный алгоритм прост, на первый взгляд, для исполнения человеком (с учетом уровня грамотности), однако для реализации на компьютере пока достаточно не формализован.

Собственно говоря, количественный анализ текста предполагает расчет ряда некоторых количественных характеристик корпуса текстов [1]:

N – объем текста – число лексических единиц (ЛЕ) (ЛЕ = словоупотребление, словоформа или лексема) в тексте.

L – число ЛЕ в тексте, которые встретились в тексте хотя бы один раз.

Lf_1 – ЛЕ, которые встретились в тексте только один раз.

Lf_k – число ЛЕ, которые встретились в тексте с частотой больше одного раза.

r – ранг ЛЕ. Ранг ЛЕ может измеряться следующим образом: а) по частоте встречаемости в тексте (или фрагменте) – самая частотная ЛЕ имеет ранг равный 1 и далее ранг r увеличивается по мере уменьшения частоты встречаемости ЛЕ в тексте (ЛЕ имеющие одинаковую частоту имеют и равные ранги); б) по длине слова (напр., число букв в ЛЕ); в) число значений ЛЕ (по толковым словарям).

Lr_1 – максимальная частотность ЛЕ.

F_i – абсолютная частота ЛЕ.

F_i^* – накопленная абсолютная частота ЛЕ = сумме частоты данной ЛЕ и всем предшествующих абсолютных частот ЛЕ.

f_i – относительная частота ЛЕ = отношению абсолютной частоты ЛЕ к объему текста N .

f_i^* – накопленная относительная частота ЛЕ = отношению накопленной абсолютной частоты ЛЕ к объему текста N .

H_i – удельная энтропия ЛЕ = $-f_i \log f_i$.

H_k^* – накопленная энтропия текста, равная сумме удельных энтропий.

C – индекс дистрибуции (чем эта величина больше, тем богаче словарь текста) $C = (f_{r1}^2 + L^2)^{1/2}$.

I_i – индекс итерации (индекс повторения ЛЕ в замкнутом тексте) $I_i = N/L$.

I_e – индекс исключительности (специфичности) лексики $I_e = 20 * Lf_1 / N$.

P – индекс предсказуемости (чем P меньше, тем привлекательнее текст)
 $P = 100 - (Lf_1 * 100) / N$.

I_q – индекс плотности текста. Пропорционален числу повторяющихся ЛЕ в тексте и объема текста N (чем богаче тематика, тем выше I_q , чем однообразнее тема, тем I_q ниже).

n – число абзацев в тексте.

m – число абзацев текста, в которых встретились ЛЕ.

$K_i = F_i * m / (N * n)$ – коэффициент важности ЛЕ.

I_{ext} – объем экстенсивности словаря текста. Пропорционален широте лексики, разнообразия выражения.

I_f – индекс стереотипности текста. Длина интервала средней части повторяющихся ЛЕ. Если I_f больше, то главное не форма, а содержание (для беглого чтения, нестилизовано, спонтанная речь). I_f меньше у художественных текстов, беллетристики.

При положительной установке длина и глубина предложений, количество сложных предложений больше, чем при отрицательной установке.

Закон Ципфа: $F_i = (1/10) * N * (1/r)$.

Закон Ципфа в общем виде: $F_i = p * N * (r^{**}(-b))$.

Закон Ципфа-Мандельброта: $F_i = p * N * (r+v)^{**}(-b)$.

$**$ – возведение в степень; p , v , b – параметры распределения: p – коэффициент отдельной частоты наиболее частой ЛЕ, v – поправочный коэффициент частых ЛЕ, b – коэффициент лексического богатства текста, N – число ЛЕ в тексте, r – ранг ЛЕ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бектаев, К.Б. Статистико-информационная типология тюркского текста К.Б. Бектаев. – Алма-Ата, 1978.
2. Канделаки, Т.Л. Основные группировки терминологических единиц упорядоченных терминологий / Т.Л. Канделаки // ВЯ. – 1987. – №6. – С. 84–89.
3. Новиков, Л.А. Полисемия / Л.А. Новиков // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1998. – С. 382.
4. Пиотровский, Р.Г. Математическая лингвистика / Р.Г. Пиотровский, К.Б. Бектаев, А.А. Пиотровская. – М., 1977.
5. Смирницкий, А.И. К вопросу о слове (проблема тождества слова) / А.И. Смирницкий // Труды института языкознания АН СССР. – М., 1954. – Т. 4.

С.М. Лясовіч (Полацк, Беларусь)

ПАРАЎНАННІ З НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНЫМ КАМΠΑНЕНТАМ У ТВОРАХ У. КАРАТКЕВІЧА

Семіётыка і кагнітыўная лінгвістыка разглядае тропы як «розныя мадэлі (схемы, спосабы, шаблоны), па якіх свядомасць чалавека, заснаваная на зыходным змесце знака, фарміруе новае ўяўленне (утрымліваючы яго, зрэдку

часова, у папярэдняй фармальнай абалонцы)» [2, с. 185]. Параўнанне – троп, у якім адбываецца суаднясенне розных з’яў рэчаіснасці, названых аб’ектам і вобразам параўнання. Прычым выказваецца падабенства аб’екта параўнання (АП) з вобразам параўнання (ВП). Фарміраванне новага ўяўлення адбываецца за кошт ВП. Такім чынам у структуры тропа ВП выступае своеасаблівым эталонам, прататыпам і дае рэцыпіенту інфармацыю пра базавыя паняцці ў свядомасці моўнай асобы. Прататып разглядаецца як вынік «працэсу катэгарызацыі, ментальнай адзінкай, якая ўтрымлівае ўяўленне пра ідэальнага прадстаўніка катэгорыі, мяркуе максімальны набор прыкмет, які павінен быць уласцівы ўзорнаму прадстаўніку» [1, с. 23]. Безумоўна, арыенціры ў слоўніку моўнай асобы суадносяцца не толькі з уласным досведам аўтара, але і з нацыянальнымі знакавымі культурнымі рэаліямі. Працэс усталявання сувязей аўтарскае – нацыянальнае адбываецца на ўзроўні пазнавання рэцыпіентам знаёмай культурнай інфармацыі. Пад нацыянальна-культурным кампанентам у гэтым сэнсе можна разумець менавіта фонавыя веды – веданне рэалій моўцам і слухачом, якое з’яўляецца асновай моўных зносін.

В.П. Фурманава падзяляе фонавыя веды на некалькі груп: 1) гісторыка-культурны фон, што ўключае звесткі пра культуру грамадства ў працэсе яго гістарычнага развіцця; 2) сацыякультурны фон; 3) этнакультурны фон, які ўключае інфармацыю аб побыце, традыцыях і святах; 4) сяміятычны фон, што ўтрымлівае інфармацыю аб сімволіцы, абазначэннях, асаблівасцях іншамоўнага акружэння [3, с. 12]. Да гэтых груп яшчэ можна дадаць фактычны фон, які прадстаўляе звесткі з адметнасцяў флоры, фауны, геаграфіі, кліматычных умоў жыцця пэўнага народа. У суаднесенасці з групамі фонавых ведаў, якімі звычайна валодае моўная асоба, прадстаўляецца і нацыянальна-культурны кампанент.

Што датычыцца параўнанняў у мастацкай літаратуры і творах У. Караткевіча ў прыватнасці, то лексіку з нацыянальна-культурным кампанентам адной з абазначаных груп змяшчае, як правіла, ВП.

Параўнанні з нацыянальна-культурным кампанентам у мове твораў У. Караткевіча прадстаўлены пераважна наступнымі групамі.

1) Параўнанні, у ВП якіх адлюстраваны гісторыка-культурны фон: **Крыжацкай навалай з паўночных меж Падпаўзае пад стромы зіма; Як пры князю Ёсяславе – Дзень вялікі, а луста малая. Як пры князю Ягайле – На кожную спіну бізун.** ВП ілюструе прыхільнасць аўтара да гістарычнай тэматыкі, узнаўляе падзеі нацыянальнай гісторыі. Вобраз крыжакоў для беларусаў заўсёды ўспрымаўся выключна варожа, як пагроза (менавіта ворагам разглядаецца ў кантэксце лірычным героем зіма), а імёны вызначальных для беларускай гісторыі князёў могуць выступаць для характарыстыкі тыповай палітычнай сітуацыі.

2) Параўнанні, у ВП якіх адлюстраваны этнакультурны фон: **Хлопчык у белым палатне, як мужык; Жанчыны сечкамі таўкуць бадзёра, Як быццам спора выбіваюць такт Для нейкай небывала хуткай полькі.** Семантыка ВП

указвае на этнаграфічную асаблівасць: беларускія сяляне традыцыйна насілі белую вопратку; полька адзін з танцаў, пашыраных сярод беларусаў.

3) Параўнанні, у ВП якіх прадстаўлены фактычны (прыродны) фон: *Зблытаныя валасы, магутныя, нецяперашнія сківіцы, жоўтыя, як мёд...; ...жоўтыя, як мёд і лён, распатланыя валасы...* Мёд – пашыраны ВП да жоўтага колеру і нацыянальна абумоўлены, бо спрадвеку з’яўляўся каштоўным прадуктам жыхароў лясістай мясцовасці, адным з заняткаў якіх было бортніцтва. У вобразе параўнання *як лён* актуалізуецца колеравая прымета валокнаў знакавай для беларусаў расліны. Каларонім тут – элемент тыпізацыі вобраза беларуса.

Прадстаўлены ў ВП і фларыстычныя найменні, якія не проста адлюстроўваюць спецыфіку нацыянальнай флоры, але і выконваюць у тэксце сімвалічную функцыю: *Яны счпляліся ў стыцы, разыходзіліся, зноў сыходзіліся, і кроў гарачымі чырвонымі журавінамі пырскала на мхі; Журавінамі, журавінамі Кроў мая на куп’і гарыць*. Вобраз гэтых ягад непасрэдна звязаны з балотам – краявідам, характэрным для ландшафту Беларусі. А праз карэляцыю АП «кроў» і ВП «журавіны» расліна выступае сімвалам жыцця.

4) ВП тропай, у якіх занатаваны семіятычны фон, маюць прыроднае паходжанне, абумоўлены асаблівасцямі мясцовай флоры і фауны: *сіняя, як васілёк* (пра мову); *неба – разлівы ільноў*. Сінія кветкі валошак і ільну здаўна выступаюць сімваламі Беларусі. У мастацкім тэксце можна назіраць накладанне розных семіятычных сістэм. Знакавая сістэма колеру ў спалучэнні з фларыстычнымі знакамі павялічваюць выразнасць нацыянальна-культурнага кампанента.

Калі нацыянальна-культурны кампанент змяшчаецца ў АП, то ВП утрымлівае, як правіла, ацэначнае паняцце і прыметай падабенства з’яўляецца ступень каштоўнасці: *жаданая, як жыццё, шыпшына*. Іншы варыянт, калі ацэначнасць утрымліваецца непасрэдна ў нацыянальна-культурным кампаненце ВП: *Зірнеш – нібы ігруша белая зацвіла*. Груша займае значнае месца ў міфалогіі беларусаў, ды і У. Караткевіч звязаў гэты вобраз з радзімай. І груша, і шыпшына ў аўтара адначасова рэалізуюць сімволіку радзімы і жыцця.

Такім чынам, нацыянальна-культурны кампанент у параўнаннях твораў У. Караткевіча змяшчаецца пераважна ў ВП. Культурная адметнасць выражаецца праз зварот да прыродных вобразаў (некаторыя з іх выконваюць і семіятычную функцыю), этнаграфічных рэалій і гістарычных падзей. Праз аналізаваныя канструкцыі выразна выяўляецца светапогляд пісьменніка як выдатнага знаўцы гісторыі, матэрыяльнай і духоўнай культуры беларускага народа.

ЛІТАРАТУРА

1. Десюкевич, О.И. Концепт «профессор» в русской и белоруской литературе XX века : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02; 10.02.01 / О.И. Десюкевич. – Минск, 2002.

2. Мечковская, Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций: учеб. пособие для студ. филол., лингв. и переводовед. фак. высш. учеб. заведений / Н.Б. Мечковская. – М., 2004.
3. Фурманова, В.П. Межкультурная коммуникация и лингвокультуроведение в теории и практике обучения иностранным языкам / В.П. Фурманова. – Саранск, 1993.

Г.С. Масютина (Минск, Беларусь)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ ИСПАНСКОЙ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Одной из характерных черт испанской лексики туристического дискурса является наличие значительного количества терминов, релевантных в культурном плане. Этот аспект отличает язык туризма от других языков со специальными целями. При этом наибольшей степенью маркированности в культурном плане отличаются жанры туристического дискурса, описывающие туристический продукт (туристические проспекты, путеводители и т.д.), в отличие от текстов узко экономического содержания или документов коммерческих операций туристического бизнеса, характеризующиеся четко выраженным «интернационализмом» (сокращениями и аббревиатурами международного характера, англицизмами) и наличием специальной лексики, используемой при общении профессионалов данного сектора экономики. Национально-культурный компонент текстов туристического дискурса составляют не только так называемые *realia*, термины, принадлежащие только испанской культуре, не имеющие аналогов в других культурах и эквивалентов при переводе, но также в той или иной степени культурно маркированные (географически, исторически и т.д.) названия общеизвестных явлений. В испанистике для первых используется также термин “*culturemas*” – «культуремы» (термин Вермеера).

Тесная связь туризма с культурными аспектами определяет присутствие в туристическом дискурсе слов, называемых в испанистике «*patrimoniales*» (переходящих по наследству), т.е. с глубокими культурно-историческими корнями. Некоторые из таких слов становятся общепринятыми терминами. Например, наряду с интернациональным словом *hotel* в туристической лексике употребляется такое широко известное слово, как *parador*, и обширная номенклатура традиционных наименований (обычно в классификации гостиниц небольших городов или сельской местности): *hostal*, *hospedería*, *posada*, *fonda*, *albergue* и др. Эти слова, некоторые с оттенком архаизма (*albergue*), имеют отношение к культурно-историческому достоянию Испании; они вновь приняты к активному использованию, чтобы привлечь внимание туриста путем актуализации и активизации традиционной лексики.

В агротуризме, этой новой форме туризма, поддерживающей местные традиции, распространены локальные названия для заведений обычно семейного бизнеса, начиная от *granja* или *casa de labranza* до арагонской *casa de pagés*, андалузского *cortijo*, астурийской *casona*, баскского *caserío*. В лексике транспортного сектора классическим примером архаичных слов, вновь активизированных в качестве альтернативы англицизмам, является слово *azafata*.

При названии отелей и других туристических услуг прибегают часто к исторической коннотации: например, название гостиницы *Hostal de los Reyes Católicos* в Сантьяго де Компостела или поезда *Al Andalus Express*, используемого в туристических маршрутах. Некоторые названия туристических маршрутов имеют историческое происхождение или географическую маркированность, например, *Camino de Santiago* («Дорога на Сантьяго» – самый знаменитый еще со средних веков путь паломников к могиле Святого Иакова). Многие из таких маршрутов были восстановлены Автономиями, чтобы увеличить ценность своего культурного достояния: например, случай с *Ruta de Plata* («Серебряный Путь» – из Севилии в Хихон, который был один из самых важных торговых артерий Испании римской эпохи и пересекал несколько регионов). В названия местных краеведческих маршрутов могут входить не существующие в настоящее время исторические реалии, которые нуждаются в пояснениях, например, *Camino de los Neveros* – «Путь торговцев льдом», по которому в древности торговцы (*neveros*) спускали с горных вершин лед, чтобы продавать его жителям Гранады.

В туристическом дискурсе часто встречаются и имеют особую значимость термины, связанные с историей искусства и используемые в описании памятников архитектуры, для понимания которых требуются специальные знания культуры, определяемые в испанистике как «*conocimientos elevados*» – «знания высокого уровня». Такие термины могут не иметь эквивалентов в других языках, т.е. они относятся к так называемым *realia*. В качестве некоторых из многочисленных примеров можно указать термин *plateresco* – декоративный стиль испанских серебряных дел мастеров и архитекторов XVI в., *mozárabe* – стиль мосарабов, христиан, проживавших на территории мусульманских государств в Испании и многие другие.

Гастрономия сферы ресторанов также дает нам интересные примеры, так как многие блюда и их ингредиенты имеют тесное отношение к народным обычаям различных регионов Испании, являясь реалиями только испанской культуры. В текстах туристического дискурса такие термины могут идти без перевода, что придает им экзотический оттенок, или дается подробная экспликация. Например, андалузский *gaspacho* (холодный овощной суп), мадридский *cocido* (традиционное блюдо из турецкого гороха с мясом и овощами), астурийская *fabada* (блюдо из фасоли с кровяной колбасой и салом) и т.д.

Значительный культурный «заряд» несут описания национальных и религиозных праздников, представлений, народных песен и танцев и других проявлений фольклора, где появляются такие культурно окрашенные

термины, как *Sanfermines* (праздник международного туристического значения в Памплоне), *belén* (изображение рождества Христова – во время рождественских праздников), *nazarenos* (кающиеся грешники, участники процессий на Страстной неделе), *cante jondo* (монотонное, жалобное пение), которое поэт Гарсия Лорка назвал «огромным сокровищем Андалузии», *flamenco* (песенно-танцевальный жанр андалузских цыган), *zarzuela* (испанская народная оперетта), а также обширная терминология тавромахии и т.д.

Таким образом, туристический сектор использует всю полноту ресурса национально-культурного компонента, чтобы увеличить привлекательность и стоимость своего туристического продукта.

А.А. Месячик (Минск, Беларусь)

ПАРАТРАКТИВНЫЕ СОЕДИНЕНИЯ В ПУБЛИЧНОМ ТЕКСТЕ

В языке функционируют определенные селекционные ограничения на сочетаемость слов, указывающие на те лексические элементы, которые могут быть выбраны для построения семантически правильного сочетания двух или более синтаксически связанных единиц. Как известно, логико-семантическую основу комбинаторики значений составляют правила совместимости признаков (слияние тождественных и погашение несовместимых признаков), которые действуют как фильтры, отсеивающие избыточные и некорректные выражения. Нарушение комбинаторно-семантических правил может повлечь за собой потерю словосочетанием смысла, однако, может свидетельствовать и о том, что с «неправильным» сочетанием связано какое-то иное, вторичное значение или что оно нагружено какими-то иными функциями, помимо семантических.

Являясь средством реализации конкретного коммуникативного намерения, единицы языка включаются в текстообразующие комплексы языковых средств, что нередко влечет за собой значительные изменения их семантических и сочетаемостных свойств, чем создается специфическая «смысловая ткань» определенного типа дискурса.

Для текстов публичных выступлений характерна так называемая паратракция – помещение в ряд семантически однородных выражений некоторого выпадающего из общего ряда выражения или высказывания. Такие сочетания возникают вследствие нарушения языковой нормы. Семантическая разница между параллельно соплагаемыми в дискурсе словами или высказываниями нередко бывает очень велика, что приводит к образованию весьма неожиданных сочетаний. Подобный прием часто используется в народных песнях, например: *Вады піць не буду // Вадзіца чароўна // Люблю Марусю я // Маруся суджана; Ой, цветет калина в поле у ручья // Парня молодого полюбила я.*

Рассмотрим паратрактивные соединения, встречающиеся в текстах публичных выступлений англоязычных политических лидеров. Эти сочетания обычно соединяются при помощи союза *and*: *high works and high standards; families and farmers; protect liberty and lives; share stage and passion; attack on country and on ideals; troops and capabilities; bring savings and peace of mind; create jobs and opportunity; ruled by fear and secret police; choose president and hopes*. Большинство таких соединений представляют собой сочетания лексем, относящихся к разным тематическим классам и к разным уровням абстракции – успешный политик должен быть способен одновременно достигать глобальные, ценностно ориентированные («свобода», «демократия», «социальная справедливость») и узкие («повышение зарплат врачам», «увеличение пенсионных выплат») цели: *The Medicare Modernization Act created a prescription drug benefit to replace drug discount cards and bring savings and peace of mind to all 42 million Medicare beneficiaries* (Дж. Буш); *The events of 9/11 were an attack on our country and on our ideals* (Л. Буш).

Во многих из приведенных сочетаний реализуется стилистический прием зевгмы, традиционно используемый для создания юмористического или комического эффекта. Однако в проанализированных политических текстах зевгма, скорее, имплицитно иронию: *The Palestinian people have chosen a new President and new hopes for democracy and peace* (Д. Чейни).

Подобные «соединения несоединимого» способствуют деавтоматизации речи, «запораживают» реципиента. Как отмечает У. Эко, «язык приучил нас передавать определенные факты, следуя определенным правилам сочетаемости элементов, с помощью устоявшихся формул. Бывает, что вдруг некий автор, описывая вещь, которую мы прекрасно знаем ..., использует слово ... необычным образом, и тогда нашей первой ответной реакцией будет ощущение растерянности в связи с затрудненным узнаванием объекта... Это ощущение растерянности и удивления вынуждает вновь возвратиться к сообщению, представившему нам объект в столь странном виде» [1, с. 95–96]. Паратрактивная конструкция, часто осложненная повторами, выступает в политическом тексте в роли генератора суггестии, так как осмысление неожиданных сочетаний загружает оперативную память слушающего.

В соответствии с правилами сочетаемости лексических единиц в языке, слова, вступающие в сочинительную связь, должны быть однородными, то есть принадлежать к одному уровню обобщения, относиться к одной тематической сфере, иметь общие грамматические признаки. Отклонение от этой нормы во многих случаях можно рассматривать как определенное «заигрывание» с собеседником, подразумевающее определенный минимум социальной и духовной общности. Таким образом, можно утверждать, что подобные паратрактивные конструкции направлены на укрепление отношений «адресант – адресат» и выступают в качестве одного из средств реализации фатической функции политического дискурса.

Кроме того, такое варьирование языковых знаков и трансформация языковых форм соединения может выполнять в речи политиков

регулятивную функцию. Для воздействия на реципиента политического текста привлекаются освоенные рекламой техники, воплощающие информационную идею о том, что сообщение тем больше привлекает внимание, чем больше нарушает принятые коммуникативные нормы, перестраивая систему риторических ожиданий. Неожиданные сочетания дискурсных единиц побуждают реципиента размышлять над содержанием сообщения, вызывают эмоции, повышая манипулятивный потенциал политического выступления в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – СПб., 1998.

В.П. Мусиенко (Черкассы, Украина)

СПОСОБЫ ИСТОЛКОВАНИЯ ТЕМНЫХ МЕСТ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ В ПЕРЕВОДЧЕСКИХ КОММЕНТАРИЯХ С. АВЕРИНЦЕВА

Герменевтические проблемы пронизывают все уровни религиозной коммуникации, проявляясь, по мнению Н. Мечковской, в трех сферах: переводе, истолковании и редактировании текстов. Предметом внимания в докладе являются способы истолкования темных мест Священного Писания в переводческих комментариях С. Аверинцева (С. Аверинцев. Собрание сочинений / Под ред. Н.П. Аверинцевой и К.Б. Сигова. Переводы: Евангелия. Книга Иова. Псалмы. Пер. с древнегреческого и древнееврейского. – К. : Дух і Літера, 2004. – 500 с.). Они представляют благодатный для герменевтики материал, поскольку дают не просто авторский вариант понимания и перевода, но и сам ход исследовательской мысли.

Известный русский филолог С. Аверинцев – признанный православной церковью авторитет в области перевода Священного писания. Его переводы, по свидетельству богословов, отличаются понятийной точностью, лексическим тактом и, насколько это возможно, ритмическим соответствием оригиналу.

Истолкования у С. Аверинцева являются инструментом переводческой деятельности, что обуславливает выбор единиц для комментария: интерпретируются только те единицы, которые имеют неоднозначное содержание, некоторый потаенный смысл, ореол, полемическую историю интерпретации, – с целью аргументации сделанного переводчиком выбора.

Толкования в комментариях нацелены на **освоение идиоэтнического ореола** в языке оригинала (интерпретация лексем ограниченного употребления, семантики и концептуального содержания спорных мест,

метафор и символов, стилистической специфики), **преодоление культурно-исторического барьера** (характеристика терминов культуры, обычаев, собственных имен, исторических событий, природных объектов), **приближение к теологическому уровню** понимания смысла (анализ Ветхозаветных рефлексий, Новозаветных верований).

Методология интерпретации строится С. Аверинцевым на **принципах смысловой адекватности оригиналу, историчности** (толкование понятий с позиций исторического времени событий текста), **традиционности** (учет выработанной в истории богословия традиции восприятия Священных текстов), **культурно-исторического диалога** (включенность коллизий Священных текстов в духовную жизнь человечества), **вариативности** (возможность разночтений), **предела истолкований** (невозможность понимания). Принципы, которым следует переводчик, отвечают духу современной гуманитарной науки и общества в целом – они вовлекают читателя в ответственный диалог переводчика с текстом оригинала.

Истолкование темных мест в комментариях отличаются филологической тщательностью, глубиной проникновения в картину мира оригиналов, которая возможна только для верующего человека.

Обычным способом интерпретации и темных мест является истолкование семантики, типичное для толковых словарей, – путем **дефиниции, синонимизации, включения в контекст**. Эти приемы автор использует для объяснения культурно отдаленных реалий и понятий, часто снабжая толкования энциклопедическими сведениями. Так комментируются имена, природные объекты, исторические события, артефакты, обычаи и т.п. Например, комментируя Мк 6:22 *«И вошла тогда дочь этой Иродиады и проплясала танец»*, переводчик объясняет, что такое поведение для юной девицы из столь высокой семьи было “скандальным”, ссылаясь при этом на свидетельства о существовавших в это время нормах приличия (с. 250).

Поскольку полной адекватности при переводе достичь невозможно, важным способом приближения читателя к смыслу текста является **учет приращения или потери смысла**, которые тщательно фиксируются С.Аверинцевым в комментариях, ср. например, в эпитете *возлюбленный* (Мк 1:11 *Сын мой возлюбленный*) выявляется мерцание смыслов “Единственный, Единородный” (с. 225). В выражении Мк 1:23 *нечистый дух* акцентируется “обертон ритуальной нечистоты” (с. 225); автор раскрывает **метафорические и символические** значения: *жених*, “Мессия” (с. 232), *щенята* “язычники” (с. 257), *золото* – символ дани царю, *ладан* – божественности младенца, *мирра* – смерти (с. 198).

Также внимателен С. Аверинцев и к **стилистическим элементам**, которые требуют осознания их читателем; например, предлагая перевод Мк 1:12 *«Дух гонит его в пустыню»*, автор сетует, что “не хотел бы приводить читателя в смущение таким необычным глаголом, но ... для повествовательной манеры Мк ... характерно предпочтение более энергичного, резкого, угловатого слова, чем в других Евангелиях” (с. 221).

Особенную роль в ходе истолкования темных мест играет **межъязыковое сравнение**, причем не только языка оригинала и языка перевода, но и других языков (древнегреческий, древнееврейский, арамейский, церковнославянский, русский, немецкий, латинский). Примечательно, что переводчик производит сопоставление по денотативным и коннотативным характеристикам лексем. Случаев – великое множество, покажем методику на одном примере: объясняя понятие *Господь* (с. 181–183), автор привлекает греческий, церковнославянский, латинский, немецкий, английский, еврейский, арамейский языки.

Наиболее показательным способом экспликации глубинного смысла есть **поиск внутренней формы**. Этимологизация позволяет С. Аверинцеву достаточно экономным образом ввести читателя в картину мира текста: *не бормочите* – в подлиннике тоже звукоподражательный греческий глагол, который соотносится с арамейским [амар баттала] “говорить пустое” (с. 203).

Герменевтический принцип контекстуального анализа темного места известен со времен Августина. Поскольку Евангелия представляют собой различные тексты, прием **горизонтального контекстуального анализа** релевантен только в пределах одного текста. Таких интерпретаций немного. Например, подсчет частотности лексемы *тотчас* (с. 218), анализ стилистики множественного числа (с. 223).

В интерпретации доминирует **прием привлечения вертикального контекста**, в первую очередь, это тексты других Евангелий, Деяний и Посланий, Ветхого Завета, так называемые Кумранские тексты, Талмудическая и другая сакральная литература, исторические тексты. Они так обильны, что нет необходимости иллюстрировать явление, – укажем только одно место: для истолкования Мк 1:17 *Вы станете ловцами людей* привлекаются свидетельства Ветхого Завета, Кумранских текстов, других Евангелий (с. 222–223).

Широко фиксируются **отсылки к другим интерпретациям** – от простого указания на источник до пространного комментария. Очень часто автор обращается к святоотеческой экзегезе, переводческой традиции (в первую очередь Синодальный перевод, Септуагинта, Вульгата, труды Оригена, Лютера, М. Бубера, новая латинская версия) и научным исследованиям (И. Левинская, И. Амусин, Л. Грихилес, М. Бубер, W. Lain, H. Lee, W. Marxen, A. Barclay Swete, B. Rixner и мн. другие).

Митрополит Киевский и всея Украины Владимир в Предисловии к переводу назвал комментарии С. Аверинцева лучшим опытом подобного рода в русскоязычной литературе – с точки зрения равновесия между ученостью и доступностью (с. 6), чему, безусловно, содействуют убедительные и целесообразные приемы. Реализация этих приемов свидетельствует не только о научной добросовестности переводчика, но и о его уважении к читателю.

АКТУАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ
О КОММУНИКАТИВНОЙ ЗАВЕРШЕННОСТИ
РЕПЛИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИАЛОГА

Диалог в художественном тексте, особенности его структурной организации, оформление содержательной и эмоциональной стороны реплик, исследование их коммуникативной завершенности – это ряд вопросов, связанных с решением проблемы очень актуальной для иностранной аудитории – проблемы адекватности понимания художественного текста.

В границах функционального подхода к анализу средств, оформляющих смысловую завершенность реплик художественного диалога, вырисовывается проблема сущностной характеристики паралингвистических факторов в плане их соотнесенности с конкретной ситуацией. И несмотря на то, что паралингвистическим средствам часто отводится функция «подсобного элемента для достижения однозначности коммуникации» и функция «компенсации элиминированных в реальном процессе коммуникации некоторых избыточных средств», нельзя не согласиться с мнением Т.М. Николаевой и Б.А. Успенского, согласно которому «паралингвистические явления передают надязыковую коммуникацию, выражая часто ипостась, в которой должен читаться тот или иной текст».

Речекомментирующие фразы, указывающие на улыбку говорящего, рукопожатие, поклон, удачно используются при оформлении так называемых реплик-представлений. Для вопросительных реплик актуальна информация об отношении к собеседнику или предмету речи, переданная описанием мимики, жеста, взгляда говорящего, оттенков его голоса. Яркая выразительность отличает авторский комментарий, сопровождающий реплики с выраженной экспрессией: *стукнул кулаком по столу, голос его сорвался криком* и т.п. (примеры взяты из текстов произведений Д. Гранина)

Большая обусловленность содержания реплики средствами ввода ее в текст повествования отмечена при использовании в качестве речевводных глаголов разных лексических групп и их сочетаний. Причем если информация, переданная авторским описанием, например, «*веселая улыбка озарила его лицо*», лишь восполняет содержание реплики, указывая на неязыковые факторы речи, то использование в качестве речевводного сочетания «*весело улыбнулся*» или глагола «*улыбнулся*» способно не только восполнить, но и усилить, уточнить, а в отдельных случаях и скорректировать содержание реплики, реализуя элементы смысла, необходимые для формирования ее коммуникативной завершенности в границах контекста ситуации. В сравнении с «эмоциональной красочностью» авторского описания, в котором эксплицируются паралингвистические характеристики, глагол отличает емкость семантико-стилистического

потенциала, достигаемая сочетанием речевых и паралингвистических компонентов его значения. При этом выразительные возможности таких глаголов в плане наглядности и конкретности находятся в прямой зависимости от количества выделяемых компонентов значения. Контекст ситуации может способствовать усилению одних, затуханию и исчезновению других, актуализации потенциальных и появлению новых компонентов значения. Функциональный потенциал глагола обусловлен и формой передачи содержательно-целевой и паралингвистической информации. Например, глаголы *возмущаться*, *негодовать*, *торжествовать* в качестве речевводных достаточно самостоятельны в передаче авторского замысла, так как отличаются **конкретностью** речевого компонента и богатством **имплицитных** паралингвистических характеристик. Однако **эксплицитная** форма выражения конкретных содержательных характеристик снижает возможность таких глаголов вводить реплики различной коммуникативной направленности. И наоборот, **абстрактный** характер речевого компонента значения глагола ведет к его функциональной универсальности и вместе с тем к большей зависимости от контекста ситуации.

Таким образом, эмоциональная тональность реплики персонажа, попадая в зависимость от средств ввода ее в текст повествования, реализуется в большей мере там, где со стороны ввода обеспечивается передача конкретной содержательной информации с рядом предполагаемых паралингвистических указателей.

Внимание к художественному диалогу в иностранной аудитории обосновано рядом специфических особенностей, связанных с национальным характером различных культур. Если диалог в устной речи доступен для понимания, потому что его можно не только слышать, но и в определенном смысле можно «увидеть и почувствовать», то для диалога в художественном тексте остается пристальное внимание к средствам языка. В процессе выделения актуальной информации, передаваемой репликой персонажа, можно обращаться к явлениям полисемии, к вопросу стилистического использования и внутренней стратификации речевводных глаголов, можно анализировать функционально-образный аспект этого глагольного класса, уточнять зависимость реплики от ремарки. Можно распределить глаголы по характерным основным компонентам информации о процессе речи, дать деление на собственно-речевые и потенциально речевые, на непосредственно характеризующие говорение и связанные с ним в одном из своих значений, эффективен учет и вторичных речевых смыслов у глаголов за счет сочетаемости нескольких глаголов в одной предикативной позиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николаева, Т.М. Языкознание и паралингвистика / Т.М. Николаева, Б.А. Успенский // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. – М., 1986. – С. 63–74.

КОЛОРОНИМЫ-КОМПОЗИТЫ В ЯЗЫКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ О. ИПАТОВОЙ И И. ШАМЯКИНА

Сложные слова, или композиты (от лат. *compositus* сложный), – слова с двумя (и более) корневыми морфемами – занимают значительное место в лексическом составе современных русского и белорусского языков. Среди них большую группу составляют сложные прилагательные, которые в художественных произведениях служат ярким изобразительно-выразительным средством, выражают фантазию автора, придают тексту ту или иную стилистическую окраску.

В художественной прозе О. Ипатовой и И. Шамякина особое место среди прилагательных-композигов принадлежит цветообозначениям. Они помогают лучше воспринимать цветовой образ, вместе с тем уточняют и конкретизируют семантическую характеристику описанного автором явления.

В лингвистике существует немало классификаций колоронимов-композигов.

Вслед за В.Г. Кульпиной к сложным цветообозначениям мы относим следующие группы:

1. дву- и трехсоставные цветообозначения: *желто-зеленые желуди, серо-зеленые прутья ивняка; красно-зелено-желтое пламя;*
2. словосочетания типа: *волосы цвета переспелой ржи; предпасхальная бирюза московского неба;*
3. цветообозначения с осложненной комплексностью на базе композигов и ее одновременно: *пепельно-серый с желтоватым оттенком, мутно-синие в зелень* [2, с. 129].

Двухкомпонентные сложные прилагательные мы, как и В.В. Тозик, объединяем в условные группы, основанные на общности способа образования и особенностях выражаемой семантики [3, с. 69].

К первой группе относятся сложно-флексийные прилагательные с соматическим значением. Они представляют собой сложное прилагательное с нулевым суффиксом и обозначают цвет части тела, органа человека или животного (реже растения): *белокожий, чернобородый*. У О. Ипатовой в подобных колоронимах первая основа, содержащая сему цвета, обозначает основной цветовой тон: *Гедр же похож был на Жижеля – коротконогий, краснощекий...* В прилагательных у И. Шамякина наравне с основными цветами используются их оттенки: *Когда дети отошли, сизолицый обратился к Ганне...* В цветописании обоих авторов единицы данной группы чаще всего содержат в себе наименования белого, черного и красного тонов. В исторической прозе О. Ипатовой под влиянием книжно-славянской традиции в данной группе сложных колоронимов наблюдается

использование старославянизмов: *Живена тоже всей душой потянулась к тоненькой **синеокой** женщине...* Произведения И. Шамякина, ориентированные на современную живую разговорную речь, не имеют тенденции.

Вторую группу составляют сложные колоративы, обозначающие «модификации цветности» [2, с. 129]. Чаще в таких словах первая часть характеризует общий качественный признак, усиливая или ослабляя значение цвета, названного вторым компонентом: *Только теперь он вспомнил, что на друге была **светло-зеленая** рубашка...; **Ярко-красное** пламя вспыхнуло перед самым моим лицом.*

В некоторых композитах общий качественный признак выражен опорным компонентом, а первая основа называет цвет: *зелено-матовый цвет листьев* у И. Шамякина и *синевато-прозрачный дым* у О. Ипатовой.

Здесь компоненты *матовый* и *прозрачный*, скорее всего, обозначают не оттенок цвета, а самостоятельный признак.

В цветовой палитре обоих авторов очевидно наличие определенной шкалы насыщенности конкретного цвета с полюсом наименьшей насыщенности (с компонентом *светло-*) и полюсом наибольшей насыщенности (с компонентом *темно-*). Такие антонимические композиты занимают около 60% всех членов данной группы. Остальные композиты обозначают иную степень насыщенности. Так, сложные прилагательные с компонентами *бледно-*, *блекло-*, *нежно-*, *мутно-* наиболее характерны для текстов О. Ипатовой. В прозе И. Шамякина распространение получают колоративы с компонентом *ярко-*, который как бы находится в центре шкалы и обозначает эталонное проявление того или иного цвета.

Сложными прилагательными подобного типа можно выразить и передать значительное количество нюансов цвета. Особое внимание в цветописии любого автора занимают индивидуально-авторские новообразования, которые вмещают в себя огромное количество непредсказуемых компонентов с разнообразной семантикой. Таковыми цветовыми композитами изобилует проза О. Ипатовой: *что-то **студенисто-серое**, **свекольно-возбужденный** Гедимин, **впадина зловеще-черного** цвета, **призрачно-желтый свет**.*

Из сказанного выше понятно, что оттеночность является неотъемлемой частью цветописии обоих авторов. И если палитра И. Шамякина ограничена наиболее распространенными в языке цветовыми композитами (*ярко-зеленый, темно-синий, светло-желтый*), то для прозы О. Ипатовой характерны большая градация оттенков цвета и широкое употребление достаточно редких, оригинальных, образных единиц (*густо-вишневый, мутно-розовый, прозрачно-голубой, холодно-голубой*).

Третья группа композитов малочисленна и включает в себя прилагательные подчинительного типа, при котором между компонентами устанавливаются смысловые отношения подчиненности и зависимости: *белоснежный, серебрянокрылый, буропенный, медноствольный*. Такие композиты предпочтительны для языка И. Шамякина. Они позволяют одной словесной единицей расширить и наиболее полно представить

характеристику предмета или явления, придают тексту образность и поэтичность и при этом говорят о лаконичности, экономности и динамичности прозы автора.

В четвертую группу входят колоративы, обозначающие цветовой оттенок: *зеленовато-голубое оперение, иссиня-черная полоса*. Хотя они и относятся к прилагательным сочинительного типа, в семантике таких прилагательных присутствует элемент подчинительности, зависимости, так как первая часть, как правило, уточняет и дополняет другую.

Интересны здесь сложные прилагательные, компоненты которых соединяются на основе ассоциативно-поэтических связей. И у О. Ипатовой, и у И. Шамякина эти колоративы употребляются в образном контексте (...следил, как **серебристо-красный** лепесточек то ложится, то выскакивает на поверхность; ...и лицо ее, освещенное снизу, кажется **розовато-молочным**...).

Колоративы с выраженной семантикой типа «цвет + цвет» объединяются в пятую группу. Возможность перестановки компонентов, свободный порядок расположения морфем в слове – один из признаков сложных прилагательных подобного типа: *желто-голубая рубашка, черно-белый сенбернар*. Однако если о сочетании цветов, о двухцветной окраске речь не идет, то перестановка компонентов сложного прилагательного местами влечет за собой и изменение семантики слова (*багрово-коричневые грибы* – это *коричневые грибы с багровым оттенком*, и наоборот) [1]. Для цветописи исследуемых нами авторов характерны многочисленность компонентов-цветообозначений подобного типа и возможность неограниченного сочетания в составе сложных прилагательных.

Последнюю группу составляют колоративы, в семантике которых выражаются отношения сравнения. Основой для создания таких цветообозначений служит своеобразный сравнительный оборот, в котором «специфика конкретного цвета пропускается сквозь призму сравнения с цветовыми свойствами ряда наиболее типичных эталонных предметов» [3]. Среди цветовых компонентов такого типа в творчестве обоих писателей функционируют «узуальные, канонические модели» [2, с. 129]: *пепельно-серые птички, огненно-красные волосы*. Часто в художественных текстах в результате образности и более глубокого осмысления и постижения автором природы цвета эти модели расширяются за счет новообразований, отражающих процесс постоянного развития колористических сложений и сочетаний: *Обратил внимание на тополя, листва выглядит в ярком свете не зеленой, а **серебристо-алюминиевой**, как рыба чешуя*. Последнее характерно для текстов И. Шамякина, которые отражают события двадцатого века и, как следствие, изображают действительность, ориентируясь на современные артефакты и явления.

В состав последней группы могут быть включены и компоненты, образованные на основе образно-поэтического, «ассоциативно-субъективного» [1, с. 72] сравнения (*золотисто-рыжая шерсть, кроваво-синие руки*), наиболее характерные для творчества О. Ипатовой.

Итак, для цветописи И. Шамякина характерно употребление наиболее распространенных в разговорном языке сложных цветообозначений. Проза автора ориентирована на коммуникативную функцию языка, т.е. на регулярность используемых средств, что проявляется в узуальном словоупотреблении и узуальной сочетаемости. Динамизм, лаконизм, экономность языка писателя определяет преимущество в нем цветовых композитов с подчинительной связью или с соматическим значением.

Палитра О. Ипатовой богата неожиданными, единичными индивидуально-авторскими цветовыми композитами, которые следует рассматривать как одно из свойств художественного текста, в котором сочетаются стремление к понятности и к выразительности, образности, т.е. реализацию в ее текстах получает эстетическая и прагматическая функции языка.

Таким образом, в языке обоих авторов сложные колоронимы являются изобразительно-выразительным средством, функциональной деталью, элементами образов, передают душевное состояние, настроение персонажей, сочетают в себе краткость и семантическую насыщенность, выявляют специфику авторского цветовосприятия и позволяют оказать положительное или отрицательное воздействие на читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Герасимов, Г.И.* Оранжево-красный или красно-оранжевый? / Г.И. Герасимов // Русская речь. – 1982. – №2. – С. 78–82.
2. *Кульпина, В.Г.* Система цветообозначений русского языка в историческом освещении / В.Г. Кульпина // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. А.П. Василевич. – М., 2007. – С. 126–185.
3. *Тозик, В.В.* Производная лексика в составе адъективных гнезд цветовых прилагательных русского и белорусского языков : дис. ...канд. филолог. наук : 10.02.01, 10.02.01 / В.В. Тозик. – Мозырь, 1999.

О.Е. Рымкевич (Минск, Беларусь)

МОДАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА В ДИСКУРСЕ НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЫ

Дискурс современной газетной публицистики характеризуется сложной внутренней структурой, отражающей с одной стороны многообразные фрагменты действительности с ее социальной составляющей, с другой стороны, в нем объективируются и признаки внутреннего (интеллектуального, эмоционального, оценочного) мира человека – носителя определенной культуры. Дискурсивное пространство прессы социально по

своей сути и не может быть лишено национально-культурного компонента. Последний находит свою манифестацию при развертывании политических, философских, экономических и др. идей, которые, как правило, не просто доводятся до сведения адресата, но и прагматически «внедряются» в его концептуальную сферу. С этой точки зрения ведущую роль приобретают модальность и оценочность как неотъемлемые текстовые категории, явно или скрыто присутствующие в газетных текстах и отвечающие в значительной степени как за связность и целостность смыслоформирования, так и за воздействующую силу текста на адресата, за коллективное осмысление референтной ситуации в заданном ключе. Модально-оценочная лексика, широко представленная в дискурсе немецкой прессы, детерминирована культурой уже в силу того, что сам язык является частью культуры определенного социума и отражает в семантике своих единиц, их системной организации и закономерностях употребления самобытность национального мировосприятия.

Так, система модальных средств выражения в немецком языке характеризуется разветвленностью и комплексностью, а сама модальная семантика представлена широкой палитрой значений и их оттенков. Прежде всего это касается т.н. эпистемической модальности с ее вариативно-градуальной семантикой от проблематической до категорической достоверности. Эта шкала значений может выражаться в немецком языке целым арсеналом языковых средств: модальными словами и частицами, модальными глаголами в их вторичной функции, грамматическими конструкциями футур I, II, рядом предложно-субстантивных конструкций, специальными предикатами мнения, полагания и др. В текстах газетной публицистики они часто выступают во взаимодействии, усиливая, ослабляя, дополняя значения друг друга, создавая каждый раз некий субъективно-модальный континуум между отдельными сегментами пропозиционного каркаса информационного поля дискурса, и позволяют отражать объективный мир сквозь призму субъективного видения, отсылая адресата всякий раз к «возможным мирам».

Различные модальные средства в немецком языке, хотя и вступают между собой в синонимические связи, выражают, в основном, разнородные, контекстно «чувствительные» аспекты модальности, соответственно привнося в высказывание дифференцированные интенционально-прагматические смыслы. В публицистическом дискурсе немецких СМИ модальные коннотации подчас трудно уловимы и апеллируют непосредственно к адресату – носителю языка.

Что касается оценочности в более широком плане, то в исследуемом типе дискурса используются всевозможные культурно маркированные языковые средства, связанные с реалиями страны, для понимания которых требуются определенные фоновые знания. В частности, подобные средства нередко участвуют в создании аллюзий, отсылающих адресата к известным прецедентным текстам, названиям книг, крылатым фразам и выражениям и т.п.

Нередко аллюзии перефразированы, что способствует созданию более тонких оценочных коннотаций. Например:

Manchmal ist schon ein Name verräterisch. „Frauen, Familie und Beruf“ – diesen Namen hatte die CDU ihrer neuen Familienkommission ursprünglich gegeben. Dann muss in der Partei durchgesickert sein, dass auch Männer gelegentlich für die Familiengründung verantwortlich sind, und so wurde die Kommission flugs in „Eltern, Familie, Beruf“ umbenannt. Womit die CDU ein weiteres Mal ihr mangelndes Gespür beim Umgang mit „weichen Themen“ bewiesen hätte; < ... >

(Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung. 2005. 10. April)

В приведенном отрывке трансформированная аллюзия „*Frauen, Familie und Beruf*“ служит намеком на известное высказывание „*Kinder, Kirche, Küche*“ (дети, церковь, кухня) как принятую ранее в немецком обществе «формулу-предписание» для женщин. В контексте данная аллюзия обыгрывается дважды, благодаря чему явно усиливается тональность иронии по поводу семейной политики ХДС Германии. Достаточно часто аллюзии и другие стилистические средства выразительности с национально-культурной спецификой встречаются в заголовках статей, комментариев, интервью. Всякий раз при этом они сопряжены с той или иной оценочностью, настраивающей адресата на соответствующее прочтение последующей информации. Например: „*Bulli-Jubiläum*“ – уменьшительно-ласкательное наименование малогабаритного автобуса фирмы Фольксваген; „*Im Westen doch Neues*“ – аллюзия на известный роман Э.М. Ремарка; „*Der Fisch stinkt vom Kopfe her*“ – немецкая пословица; „*Mit Spanglisch ins Weiße Haus*“ – аналогия с Denglisch; „*Eine ziemlich kleine große Koalition*“ – оксюморон и др.

Таким образом, в дискурсе немецкой прессы модально-оценочные компоненты могут отражать национально-культурную специфику, с прагматической точностью воздействуя на адресата.

Л.П. Саенкова (Минск, Беларусь)

ПРИНЦИП ДИАЛОГИЧНОСТИ КАК ОСОБЕННОСТЬ ЖУРНАЛИСТСКОГО ТЕКСТА

Одной из важных составляющих современной социокультурной среды в условиях все более расширяющейся системы массовых коммуникаций является медиакультура. Этот вид культуры можно определить как совокупность информационно-коммуникативных средств, материальных и интеллектуальных ценностей, выработанных человечеством в процессе культурно-исторического развития, способствующих формированию общественного сознания и социализации личности. Медиакультура включает в себя культуру передачи информации и культуру ее восприятия, она может

выступать и показателем уровня развития личности, способной воспринимать, анализировать и оценивать медиатекст.

Уровень развития современных средств массовой коммуникации и специфика их всестороннего воздействия на личность доказывают, что медиа – один из факторов практической реализации теории «диалога культур», разработка которой была начата М. Бахтиным и продолжена Ю. Лотманом, В. Библером и другими исследователями. Как известно, М. Бахтин пришел к теории «диалога культур» через анализ проблемы «другого» [1]. Для Ю. Лотмана, одного из родоначальников отечественной семиотики, процесс познания реальности, как и процесс познания «другого», подразумевал возведение медиатекста до уровня «абстрактного языка» [4]. Что касается В. Библера, то именно ему принадлежит ныне широко известный тезис о том, что на рубеже XX–XXI веков обозначилось отчетливое «смещение эпицентра всего человеческого бытия – к полюсу культуры». Следуя идеям М. Бахтина, В. Библер резонно утверждал, что «разум культуры актуализируется именно как разум общения (диалога) логик, общения (диалога) культур» [2].

В условиях сложной социальной структуры общества, разнообразия потребностей, интересов, стремлений, идеалов медиакultura, выражающаяся, главным образом, через систему средств массовой информации, отражает это многообразие и потому оказывается плюралистической по своим позициям. Одним из важнейших составляющих системы норм информационного порядка является социальный диалог, который поддерживается и выражается через СМИ. Существует несколько видов такого диалога: диалог между разными общественными структурами, политическими силами, между ними и властью, между властью и гражданами [5]. В любом случае диалог предполагает наличие культурного, созидательного начала. Диалогический принцип в журналистике – и «жизненная необходимость» (К. Ясперс), и «основа человеческого взаимопонимания» (В. Библер).

С современной точки зрения, диалог в коммуникативном режиме «относится к совместному поиску смысла – и в этом изначальная и воистину сакральная идея самого диалога». При этом диалог – «всегда поиск себя в Другом и полагание Другого в себе» [6, с. 143]. Самыми разными авторами утверждается необходимость конструктивной обратной связи с Другим как партнером. Следствие – «обретение человечности осуществляется в процессе выхода из индивидуальных к состояниям социальным». Согласно этим представлениям, «очеловечивание» индивида осуществляется благодаря воздействию на него «духовной силы интерактивного слова» при выявлении «экзистенциальной взаимосвязи и общей исторической судьбы» [3, с. 115]. Диалог воспринимается и как средство нравственной самореализации людей, и как способ осознания, размышления и становления человека в контексте традиций культуры. И понятно, что конструктивный диалог – путь к свободе.

Диалогичность пронизывает самые разные стороны деятельности журналистики, аккумулируя все «накопления» в других формах диалога,

особенно выявляясь в роли организатора социального диалога. И очевидно, что в силу своих особенностей как всепроникающего, регулярного, доступного средства массового общения СМИ оказываются главным средством социального диалога, «полем», где сходятся все его участники на глазах миллионов.

Каждый медиатекст в контексте медиакультуры внутренне, имманентно социологичен, поскольку в нем скрещиваются, как писал М. Бахтин, «живые социальные силы» [1, с. 196], а каждый элемент обнаруживает социальные оценки. Именно поэтому любой анализ медиатекстов, предполагающий рассмотрение информационной структуры с точки зрения преломления разнообразных интересов социальных сил, основывается на принципах диалогичности. Познание и оценивание медиатекстов осуществляет медиакритика – вид творческо-познавательной деятельности современной журналистики. Журналистская критика средств массовой информации предусматривает общение с аудиторией, в процессе которого на основе анализа, интерпретации и оценки содержания медиатекстов и жанрово-стилевых форм его воплощения оказывается влияние на восприятие медийного содержания, на представления о материальном и духовном мире, формирующиеся в сознании потребителей медиатекстов. Таким образом реализуется диалогическая и коррекционная функции. Медиакритика способна выявлять степень адекватности и полноты отображения социально-культурных явлений в СМИ, соотнося с объективной реальностью картины и образы действительности, формируемые средствами массовой информации. Она определяет возможные искажения и когнитивные «дыры», образующиеся в случаях, когда создатели медийного содержания невольно или преднамеренно опускают информацию, необходимую аудитории для адекватного знания и понимания общественных реалий. Медиакритика выявляет степень социального реализма средств массовой информации. Она в буквальном смысле запрограммирована на диалогичность, поскольку при отсутствии этого эффекта она лишается содержательно-коммуникативного смысла. Итогом медиакритического процесса является полноценная информированность всех слоев аудитории, социальная компетентность, проявляющаяся как способность принимать адекватные решения в различных сферах жизни общества. И как главный результат – повышение уровня социального диалога, который в основе своей есть диалог культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин, М.М.* Из главы «Диалог у Достоевского» // М.М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. – М., 1986.
2. *Библер, В.С.* Диалог культур и школа XXI века // Школа диалога культур: идеи, опыт, проблемы ; под ред. В.С. Библиера. – Кемерово, 1993.
3. *Евдокимцев, Д.В.* Диалогическое мышление / Д.В. Евдокимцев // Вестник Волгоград. ун-та. История, философия. – 1999. – Вып. 4.

4. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста // Ю.М. Лотман. Об искусстве. – СПб., 2005.
5. Прохоров, Е.П. Журналистика и демократия / Е.П. Прохоров. – М., 2004.
6. Ячин, С.Е. Диалог как коммуникативный режим / С.Е. Ячин, М.Ю. Орлова // Человек. – 2000. – №5.

И.Ю. Самойлова, О.А. Янушко (Гродно, Беларусь)

ГРОДНЕНСКИЙ НЕКРОПОЛЬ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ

Места захоронений являются важной составляющей в культуре любого народа. Надписи на надгробиях таят в себе большое количество информации не только об истории народа, но и о его языке, формировавшемся и развивавшемся под влиянием как собственно лингвистических, так и экстралингвистических факторов.

По словам Вяч. Вс. Иванова, «в Беларуси мы постоянно сталкиваемся со следами диалектного языкового мира» [1, с. 101]. Взаимодействие и взаимовлияние языков и культур проявляется и в надгробных текстах.

Мы проанализировали 3365 надписей на кладбище по улице Победы в Гродно (католическая и православная части), которое было основано во второй половине 60-х – начале 70-х годов XIX века. Из сохранившихся на данный момент надгробий самое раннее на православной части кладбища датируется 1902 годом, а на католической – 1865 г.

В структуре надгробной надписи в качестве обязательных выступают сведения об имени, дате рождения и/или смерти похороненного, что соотносится с христианской традицией, согласно которой человек после смерти предстает перед Богом без каких бы то ни было чинов и званий. Однако социальный статус важен для тех, кто остался на земле. Поэтому многие надгробные тексты содержат социальные характеристики умерших: профессию/род занятий умершего (наиболее многочисленные посвящены служителям церкви, учащимся и военнослужащим), происхождение, причину смерти и т.д. Так, по свидетельству служителя одного из католических храмов, о дворянском, или «шляхетском», происхождении умерших свидетельствуют надписи, содержащие указание на семью похороненного: *SP Adela z Wróblewskich Czekiel** (СП Аделия из дома Врублевских Чекель)*.

Как правило, надпись сопровождает вступительная формула *Świętej pamięci* (светлой памяти); *Здесь покоится*; *Вечная память*. В большинстве случаев эти своеобразные «зачины» стягиваются всего лишь к аббревиатурам *SP*, *ЗП* и *ВП*. Распространены также и заключительные формулы *Pokój jego duszy* (покой его душе), *niepocieszeni rodzice* (неутешные родители), *Мир праху твоему*, *Помним, любим, скорбим*.

---

* Орфография оригинала сохранена.

Анализ собранного материала свидетельствует о полиэтничности населения г. Гродно, что обусловлено его приграничным положением. В надгробных надписях фигурируют фамилии русского, белорусского, польского, украинского, немецкого происхождения и другие. Чаще всего это русские фамилии (*Ермаков, Тимофеев* и т.д.), белорусские (*Сябровский, Шпаков, Цито*), польские (*Моджиевская, Шидловский, Мазур*), украинские (*Поведайко, Маханько, Грико*), литовские (*Войтулянис*). Особый интерес представляют фамилии, имеющие романо-германское происхождение: *Жак, Шейтер, Вагнер, Маркс, Шнипке, Вельц, Лиграмер*.

Большая часть надгробных надписей католической части кладбища – польскоязычные. Однако с 30-х годов XX века появляются надписи на русском языке, причем число их неизменно увеличивается. Если в 30–40-е годы – это только единичные случаи, то за первые 8 лет XXI века русский язык для создания надгробных надписей использовался более чем в 20% случаев. Надгробные надписи на православной части кладбища сделаны преимущественно на русском языке, за исключением двух на польском.

В надгробных надписях исследуемого кладбища нашли отражение межъязыковые контакты, русско-польско-белорусское взаимодействие. Например, структурные элементы надгробной надписи представлены на разных языках: *Бартош Бранислава Иосифовна род 17-3-1894 умр 26-4-1964 Pokój jej duszy* (Покой ее душе); *Franciszek Boguszewski zm. 06-08-1966 помним скорбим*.

Языковое взаимодействие неизбежно влечет за собой и такое явление, как интерференция. Поэтому надписи на надгробиях, особенно первой половины XX века, содержат значительное количество орфографических ошибок, которые объясняются смешением систем разных языков. Мы выделили несколько наиболее распространенных групп ошибок:

§ ошибки в употреблении носовых гласных: *ten* pamiątkę, jej *merza*;

§ ошибки, вызванные смешением графических систем латинского и кириллического алфавитов: *Ugnatowicz, Vaclav, Bronisław, Pomiatka*;

§ написание слов по принципу транслитерации: *Maksimczik, Martinowicz, Dietczyk, Tiszan, Awgustinowicz, Iwan Siwołowskij, Покуй его души*;

§ ошибки, вызванные написанием слов в соответствии с морфологическими и орфографическими правилами белорусского языка: *Боярын Феодора Станиславовна; Нарейко Павел Барысович; Радуха Антанина*.

Выявлена попытка образования отчества для поляков на польском языке, что нарушает культурную традицию: *Pawłowna, Feliksowna, Wikenżewna*. По нашему мнению, данный факт может быть определен как культурная ассимиляция.

В надписях православной части кладбища, сделанных в 20–60-е годы XX века, четко прослеживается влияние церковнославянского языка. Ярко оно проявляется в лексике, морфологии и графике. Мы также полагаем, что в качестве дополнительных функций использования церковнославянизмов

следует отметить стремление авторов надгробий подчеркнуть принадлежность усопшего к православной церкви: *Помяни мя Господи егда приидеши во царствии твоём*; формы окончаний: *Заневскаго, усопшаго*; звательная форма: *Христе*; фамилии: *Киверъ, Кашевникъ, Леховичъ*, имена: *Павель, Борисъ, Марія, Анисія*.

Таким образом, в надгробных надписях кладбища нашли свое отражение полиэтничность и полилингвизм жителей Гродно.

Авторы выражают признательность Рычковой Людмиле Васильевне за идею проведения исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванов, В.В.* «По-просту»: языки Великого княжества литовского // В.В. Иванов. Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему. – М., 2004.

Т.И. Фокина (Киев, Украина)

РУССКИЕ ЛОГОЭПИСТЕМЫ В ЗАГОЛОВКАХ УКРАИНСКИХ ГАЗЕТ

Термин “логоэпистема”, введенный В.Г. Костомаровым и Н.Д. Бурвиковой, означает знания, сохраненные в единице языка, которые требуют осмысления как на уровне языка, так и на уровне культуры. Через материальную форму в виде пословиц, поговорок, фразеологизмов, крылатых слов и прецедентных текстов логоэпистемы выражают знание, мысли, традиции, обычаи, приметы, ментальность этноса, особенности его национального характера. Ю.Н. Караулов на VI конгрессе МАПРЯЛ прецедентными определил тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и окружению данной личности, включая и предшественников, и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности.

Феномен прецедентности основывается на общности социальных, культурных или языковых (фоновых) знаний адресата и адресанта. Употребление в заголовке стереотипного, понятного для собеседника изречения является сигналом принадлежности к данному социуму, связи с его культурой и традициями. Читатели периодических изданий в первую очередь обращают внимание на заголовки и подзаголовки газетных текстов, потому что сама структура их лаконична, в них обобщается самое главное из того, о чем идет речь в тексте. Они являются квинтэссенцией текста, и поэтому их назначение в современных СМИ – привлечь внимание читателя, заинтересовать его, вызвать желание продолжить чтение. Сделать заголовок легким для восприятия, информативным и интригующим – непростая задача

журналиста, которую он часто успешно реализует, обращаясь к прецедентным текстам.

По мнению исследователей, использование прецедентных текстов должно соответствовать следующим условиям: 1) осознанность адресантом факта отсылки к определенному тексту; 2) знакомство адресата с исходным текстом и его способность распознать отсылку к этому тексту; 3) наличие у адресанта прагматической пресуппозиции знания адресатом данного текста.

Газетный заголовок, в котором используется прецедентный текст, – это намек, благодаря которому явление социально-психологического характера или событие общественно-политического, исторического значения оживает, активизируется в сознании читателя. Исследователи отмечают такие способы использования прецедентных текстов в журналистике: когда они дословно используются (при этом само включение чужеродной единицы выступает как средство экспрессии) и когда формы устойчивого выражения или слова претерпевают изменения, так что трансформация формы порождает новое содержание.

Источниками прецедентных текстов, употребляющихся в газетных заголовках, являются фразеологизмы, пословицы, поговорки, крылатые выражения, литературные тексты. Они вносят разнообразие в заголовочный комплекс и дают возможность журналисту избегать штампов. В украинской периодике, например, фразеологизмы используются как в обычном виде *“Хід конем”* (“Український тиждень”, 19–25 червня, 2009) – о первом в Украине аукционе по продаже лошадей спортивных пород); *“Старый друг лучше новых двух”* (“Московский комсомолец в Украине”, 18–24 марта 2009 г.) – о народном артисте Украины Владимире Горянском), так и в трансформированном. Способы трансформации разнообразны, чаще всего используются замена одного или нескольких компонентов единицы: *“Ліс рубаять – вода приходить”* (“Україна молода”, 6 серпня, 2009) – “Лес рубят – щепки летят” – о проблемах новой политики в отрасли лесного хозяйства; *“Береги мотор смолоду”* (“Сегодня”, 8.05.09) – “Береги честь смолоду” – о том, как правильно ухаживать за двигателем; *“Каждому возрасту свой срок”* (“Сегодня”, 19.04.09) – “Каждому овощу – свой срок” – о том, как диагностировать свой биологический возраст. Также источниками прецедентных текстов являются заголовки, составленные с опорой на песни, фильмы, художественные произведения, рекламные ролики. Они образуются:

путем замены одного или нескольких компонентов единицы: *“А може, крокодиличка?”* (“Україна молода”, 23 серпня, 2009), песня из мультфильма “Пластилиновая ворона” (1981) Александра Татарского “А может быть, ворона...” – об инфекциях, которые переносят домашние любимцы; *“Самотня мільйонерка бажасє познайомитись”* (“Україна молода”, 23 серпня, 2009), фильм Вячеслава Криштофовича “Одинокая женщина желает познакомиться” – о том, как богатая жительница Южной Кореи ищет себе мужа; *“Ти де? А я на морі!”* (“Україна молода”, 23 серпня, 2009), рекламный ролик “Ти де? А я на морі!” – о преимуществах оператора мобильной связи МТС.

Особое место занимают заголовки, созданные на основе лозунгов дореволюционной и советской эпох: “*Вперед, за нафту і гроші!*” (“Україна молода”, 29 серпня, 2009), дореволюционный плакат “Вперед, за Родину!” (1916 г.) – о рейдерском захвате компании “Укртранснафта”; “*Собиратели всех стран, объединяйтесь!*” (“Сегодня”, 17.09.08) – “Пролетарии всех стран, объединяйтесь!” – о шопоголиках, которые собирают ненужные вещи.

Таким образом, для придания экспрессивности заголовку широко используются прецедентные тексты. Самые популярные виды трансформации – замена одного или нескольких компонентов единицы или усечение единицы.

Как показывают наблюдения над заголовочными комплексами современных украинских газет, наиболее распространенными являются заголовки, составленные с опорой на фразеологизмы, пословицы, поговорки, крылатые выражения и т.д. На втором месте – заголовки, составленные с опорой на тексты песен, фильмы, художественные произведения, рекламные ролики. На третьем – заголовки, созданные на основе лозунгов дореволюционной и советской эпох.

С.М. Прохорова (Минск, Беларусь)

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ КАК ОСОБЫЙ ТИП ТЕКСТА

Поэзия как особый вид творчества всегда была концептуальной. Каждый поэт стремился к субъективному наполнению смыслом языковых знаков, на что неоднократно указывали исследователи поэтического языка. Слово в поэзии – особая область исследования специалистов, в которой преломляется объективное и субъективное в языке. Концептуализация, как известно, – область субъективная. Как «горячую» (новаторскую), так и «холодную» (традиционную) культуру (Запад – Восток) отличает концептуализация доминантных концептов – *жизнь – смерть*, и шире *свет–тьма*, а также их составляющих: *счастье, любовь, память* и т.д. Особый интерес поэтов вызывает концепт *поэзия*, а также *поэт*, что вполне объяснимо в силу его включения в сферу «человек и его творчество». Человек – поэт не безразличен к тому, какое место *поэзия* занимает в *жизни*. Фактически это основная концептуальная тема поэзии. И так было всегда. Но в XX веке появилось особое направление – концептуальная поэзия. В связи с этим в европейской поэзии появился и особый тип текста, в котором основной концепт *жизнь* моделируется с помощью концептуальных метафор, выраженных биноминативными конструкциями, предикатами которых являются доминантные концепты, которые, в свою очередь, также моделируются с помощью концептуальных метафор.

Такое профилирование концептов помогает выработке концептуальных картин мира читателя. Сила воздействия на читателя таких типов текстов настолько велика, что влияние такой концептуальной поэзии трудно переоценить. Читатель сверяет свою концептуализацию с концептуализацией поэта. Докажем это на примере польской поэзии. Ее мы избрали еще и потому, что в Польше такие типы текстов помещаются не только в периодике, СМИ, учебной литературе, но и на хороших... шоколадках. Таким образом, концептуальная поэзия попадает в руки читателя разными путями и, конечно же, способствует выработке концептуальных картин мира, повышая общую культуру страны. Ведь цель концептуальной поэзии, как и концептуальной журналистики, – побудить читателя к со-мышлению.

Наше внимание привлекло стихотворение Ежи Сильвяна «Вопросы» (подстрочный перевод наш). Стихотворение помещено на польском шоколаде Terravita (см. в конце статьи).

Стихотворение «Вопросы» состоит из пяти частей. Первые четыре включают вопросы: *что такое 1) поэзия; 2) счастье; 3) любовь; 4) память?*

Пятая часть содержит семантический вывод о том, что *жизнь* это и есть *счастье, любовь, память*, кроме того, *жизнь* является *чудом существования*, а следовательно, *поэзией*.

В первой части *поэзия* концептуализируется автором как *акт отваги, язык немых слов, крик символов, поражение значений, сон метафор, минута творчества*.

Во второй части ответ на вопрос, что такое *счастье*. Это *песня жизни, поэма жизни, танец мыслей*.

В третьей части *любовь* профилируется как *вулкан возбуждения, чувства, которые спорят с природой, страх одиночества*.

В четвертой части *память* – это *другое название самосознания, минуты существования, комфорт выбора воспоминаний*.

Описанный тип текста концептуальной поэзии появился в XX веке не только в польской поэзии. Европейскую поэзию такие типы текстов характеризуют довольно широко. Нам приходилось встречаться с такими типами текстов и в белорусской поэзии. Но не знаю, помещали ли такие концептуальные тексты на хороших шоколадках. Конечно же, польский опыт продвижения концептуальной поэзии в массы заслуживает уважения, чему и посвящена данная статья.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОВАЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА. НАИВНАЯ КАРТИНА МИРА, ОТРАЖЕННАЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ

Алёшин А.С. (Санкт-Петербург, Россия). Эталоны устойчивых сравнений, характеризующих внешность человека, в зеркале шведской языковой картины мира (на фоне русского языка).....	3
Баич Р.Б. (Белград, Сербия). Сербское православие через лексику современного сербского языка.....	5
Касюк Н.С., Халедиан Р. (Минск, Беларусь). Фразеологические единицы со структурно-семантическим компонентом «зеленый» в русском и персидском языках.....	6
Костюченко В.Ю. (Минск, Беларусь). Национально-культурное своеобразие фразеологических оборотов с зоокомпонентом в русском и английском языках	8
Левицкий А.Э. (Киев, Украина). Русские и английские реплики-идиомы как национально-культурные маркеры.....	10
Ма Лун (Витебск, Беларусь). Концепт <i>пища</i> в русской и китайской наивной картине мира.....	12
Максимчук Н.А. (Смоленск, Россия). Собрание пословиц В.Н. Добровольского в лингвокультурном контексте прошлого и настоящего.....	14
Моисеева Я.В. (Санкт-Петербург, Россия). Русские жестовые фразеологизмы как отражение наивной картины мира.....	16
Осіпова Т.Ф. (Харків, Україна). Паремійна картина світу українців як відображення їх ментальності у дзеркалі законів комунікації (на матеріалі українських прислів'їв і приказок)	18
Прохорова С.М. (Минск, Беларусь). <i>Рыцарь</i> русской и белорусской наивной картины мира.....	20
Рагозина Е.В. (Калининград, Россия). Риторические вопросы как экспликатеры эмоциональности русского человека.....	23
Рачковская А.В. (Минск, Беларусь). Визуальное поведение в невербальной семиотике и фразеологии	25
Рогалёва Е.И. (Псков, Россия). Отражение национально-культурного компонента в «Новом фразеологическом словаре для детей»	27
Романовская А.А. (Минск, Беларусь). Символ как образное понятие, выраженное знаком.....	29
Сотникова И.А. (Санкт-Петербург, Россия). Устойчивые сравнения в языковой картине мира русского языка (на фоне испанского языка)	31
Фурашова Н.В. (Минск, Беларусь). Национально-культурный компонент в семантико-деривационных процессах	34

Чубина Е.А. (Москва, Россия). Вода как сакральная стихия в русской фразеологии.....	35
Щербач И.М. (Минск, Беларусь). Отражение фактов межкультурных контактов в языковой картине мира	37
Юрченко И.А. (Витебск, Беларусь). Проявление национально-культурной специфики в устойчивых сравнениях	39

КОНЦЕПТ – ОСНОВНАЯ ЕДИНИЦА ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ. БАЗОВЫЕ (КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ) МЕТАФОРЫ

Балуш Т.В. (Минск, Беларусь). <i>Белорусы</i> глазами студентов БГПУ	42
Белоусова Н.П. (Кемерово, Россия). Репрезентация концепта <i>политик</i> в афористике.....	44
Григорик И.А. (Витебск, Беларусь). Национально-культурный компонент слова <i>толпа</i>	47
Жизневская О.Н. (Минск, Беларусь). Концептуальная метафора КРАСОТА–БОЛЕЗНЬ в русскоязычной прессе Беларуси.....	49
Кузнецова Д.Ю. (Киев, Украина). Лицо человека в зеркале метафор (на материале английского языка)	52
Литвин И.Н. (Черкассы, Украина). Концептуализация лексемы <i>звезда</i> в поэзии А. Блока	54
Маслянкова П.У. (Мінск, Беларусь). Канцэпт “ <i>балота</i> ”: вынікі дыстрыбуцыйнага аналізу	56
Мишанкина Н.А. (Томск, Россия). Роль метафорической концептуализации в моделировании научного дискурса	58
Муратова Е.Ю. (Витебск, Беларусь). Смыслопорождающая функция метафоры в поэтическом тексте	61
Пименов Е.А. (Кемерово, Россия). Стереотипы в структуре концепта «украинец» (взгляд из России)	63
Пименова М.В. (Кемерово, Россия). Концепт <i>политика</i> и способы его репрезентации	65
Погребная Н.А. (Минск, Беларусь). Особенности минимализации антонимического концепта.....	67
Присяжнюк Л.Ф. (Киев, Украина). СВОЙ/ЧУЖОЙ в образной системе романов Г. Грина: семантико-когнитивный аспект	69
Савко О.В. (Минск, Беларусь). Моделирование концептов в зеркале концептуальных метафор на материале сборника Б. Пастернака «Сестра моя – жизнь»	71
Трифонов Р.А. (Харків, Україна). Про роль метамовної рефлексії у вербалізації концепту ЛЮБОВ (на матеріалі сучасної української есеїстики).....	74
Федоринчик А.Н. (Минск, Беларусь). Концепт <i>счастье</i> в поэтической картине мира Б. Пастернака	76
Федотова Н.С. (Астрахань, Россия). Национально-культурные особенности	

концепта «гарантия» в англоязычном деловом дискурсе	78
Шарлай М.М. (Дрезден, Германия). Орудие и плод. Моделирующая роль метафоры в языковом дискурсе	81

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В КОДИФИЦИРОВАННОМ ЯЗЫКЕ И ЯЗЫКЕ “ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ”. ДИАЛЕКТЫ КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОГО “ДУХА” ЯЗЫКА

Акуленко Е.А. (Минск, Беларусь). Русские старообрядческие говоры в иноязычном окружении: устойчивость и изменчивость	83
Бушев А.Б. (Тверь, Россия). Актуализации в современной русской речи	85
Ваулина С.С., Островерхая И.В. (Калининград, Россия). Особенности реализации модальной семантики возможности в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и в его английском переводе (к вопросу о национальной специфике языковой номинации)	88
Галай В.М., Трайкоўская В.П. (Мінск, Беларусь). Кантэкстуальна- сітуацыйная абумоўленасць полісеміі рэгіянальнай лексікі	90
Горегляд Е.Н. (Витебск, Беларусь). Безэквивалентная лексика в тематической группе Verba Dicendi	92
Григорьева Е.А. (Чебоксары, Россия). Русские глагольные диалектизмы с архисемой ‘порча’ в лингвокультурном освещении	94
Казарина В.И. (Елец, Россия). Речевая реализация аккумулятивных структурных схем состояния	96
Казиева Д.А. (Пятигорск, Россия). Исследования магической функции русских и карачаево-балкарских заговорных текстов с использованием компьютерных технологий	98
Калдыкозова С., Нуржанова Д. (Шымкент, Казахстан). Национально- культурный компонент семантики ираноязычного слова в тюркских и русском языке	100
Кожурина Т.А. (Могилев, Беларусь). Концептуализация человека в говорах могилевско-смоленского пограничья	101
Козленко П.В. (Москва, Россия). Прагматика характеризующих агентивных имен в идиостиле Ф.М. Достоевского	104
Козловская М.М. (Гомель, Беларусь). Семантическая деривация как способ формирования терминологии информатики	106
Корнеева А.Ю. (Москва, Россия). О новых явлениях в современной русской экономической терминологии	108
Кукрсова Е.А. (Калининград, Россия). Роль модального микрополя желательности в раскрытии художественной картины мира А. Ахматовой..	111
Кулешова Л.Н. (Черкаск, Украина). Модальность истинности в языке исторических произведений М.А. Максимовича	112
Лебедевская Т.В. (Минск, Беларусь). Психоглосса как неотъемлемое свойство языковой личности	114

Макарэвіч М.М. (Мазыр, Беларусь). Марфалагічны спосаб словаўтварэння ў навуковай тэрміналогіі пчальарства	117
Паўлоўская Н.Ю., Гапеева В.М. (Мінск, Беларусь). Нацыянальна-культурны кампанент семантыкі катэгорыі аптатыўнасці (на прыкладзе беларускіх і англійскіх паказчыкаў жадання)	119
Писецкая О.В. (Минск, Беларусь). Метафорический перенос в языковой картине мира детей от двух до четырех лет (на материале дневниковых записей).....	121
Полетаева О.А. (Минск, Беларусь). Атрибутивные гипотактические конструкции в говорах Витебщины	123
Посиделова В.В. (Ростов-на-Дону, Россия). Роль эмоционального, оценочного и экспрессивного аспектов в анализе языковых единиц	125
Рыбалка Н.С. (Черкассы, Украина). Пропозитивно-диктумная мотивация номенклатурных наименований млекопитающих в английском языке (предикатный мотиватор)	129
Серпикова Н.В. (Москва, Россия). Посессивность как отражение языковой картины мира.....	131
Сироткина Т.А. (Сургут, Россия). Этнонимы как средство репрезентации национально-культурного компонента текста	133
Хромов С.С. (Москва, Россия). О национально-культурной специфике русской интонации.....	135

ЛИЧНОЕ ИМЯ КАК ОСОБЫЙ ЯЗЫКОВОЙ ЗНАК И КАК СВЕРНУТЫЙ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ТЕКСТ

Авдониная Л.Н. (Пенза, Россия). Описательные признаки энциклопедического поля концепта «Петербург» в художественной картине мира А. Блока	138
Альдингер О.П. (Смоленск, Россия). Названия государств в “Пословицах русского народа” В.И. Даля.....	140
Бабенко Н.Г. (Калининград, Россия). Мена личных имен персонажа как лингвопоэтический прием создания образа	142
Багомедов М.Р. (Махачкала, Россия). Ойконимия полиэтнического региона как бесценный источник этнокультурной информации	144
Богова М.Г. (Минск, Беларусь). Способы перевода дерогативных этнонимов-алиенизмов	146
Борисевич Е.В. (Минск, Беларусь). Калькирование как способ передачи антропонимов в некоторых славянских переводах Книги Бытия	148
Борисов Б.Н. (Москва, Россия). Имя в структуре повести А. Платонова «Ювенильное море».....	150
Вязовская В.В. (Воронеж, Россия). Имена как средство создания достоверности в художественном тексте (на материале романа Н.С. Лескова «Соборяне»).....	152

Давідоўскі П.М. (Люблін, Польшча). Праблемы напісання беларускіх уласных назваў лацінскімі літарамі ў іншамоўным тэксце	154
Ермачкова Н.В. (Смоленск, Россия). Влияние профессиональной сферы на формирование ономастического компонента региональных фоновых знаний языковой личности	156
Захаркевич А.Г. (Познань, Польша). Что ты мне скажешь, имя? (на основе сказки М. Конопницкой “О гномах и сиротке Марысе”)	158
Колоколова А.О. (Харків, Україна). Знання про культуру і публіцистична номінація країн в українській мові.....	161
Корновенко Л.В. (Черкасы, Украина). Популярные имена Черкасщины: восприятие и оценка	164
Куварова Е.К. (Днепропетровск, Украина). Концепт Русь / Россия в художественной картине мира	166
Олзоева Я.В., Калашникова Л.А. (Улан-Удэ, Россия). Личное имя-метафора как способ свертывания текста.....	168
Пахомова Ю.Н. (Минск, Беларусь). Роль имен известных белорусских деятелей в формировании концептуальной картины мира белорусов.....	169
Тихоненко Е.В. (Минск, Беларусь). Национальное и заимствованное в урбанонимах города Минска	173
Флейшер Е.А. (Санкт-Петербург, Россия). Прецедентность имен собственных героев литературных произведений	175
Šolak Z. (Novi Sad, Serbia). The Use of Proper Names in <i>The Damned Yard</i> by the Nobel Prize Winner Ivo Andric	177
Юстова П.С. (Москва, Россия). Национальные особенности номинации польских и российских эргоурбонимов	180

НАЦИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ТЕКСТ

Вей Вей (Минск, Беларусь). Русский национально ориентированный текст о Китае	182
Вештарт Г.Ф. (Мінск, Беларусь). Семантыка-стылістычная адметнасць складанасастаўной лексікі ў жывапіснай прозе В. Карамазава.....	183
Гриченко Л.В. (Ростов-на-Дону, Россия). Пословица как национально ориентированный и национально детерминированный текст.....	186
Десюкевич О.И. (Минск, Беларусь). Русский энциклопедический национально ориентированный текст о Японии	188
Килевая Л.Т. (Алматы, Казахстан). Современные славянские языки в контексте оппозиции «свой–чужой».....	191
Кривонос Е.А. (Минск, Беларусь). Отражение национально-культурного компонента в текстах различных стилей	193
Ладутько М.В. (Могилев, Беларусь). Отражение культурного концепта «Чужой» в художественном дискурсе З. Гиппиус	195

Любецкая К.П. (Мінск, Беларусь). Распрацоўка беларускай тэрміналогіі ў перакладных слоўніках	197
Подлубнова Ю.С. (Екатеринбург, Россия). Поэтические письма народов товарищу Сталину: от национального к советскому	200
Потсар А.Н. (Санкт-Петербург, Россия). Концепт «свое–чужое» в современном паралитературном тексте	202
Прохорова С.М., Чернышова Л.В. (Минск, Беларусь). <i>Свой–чужой</i> в национально ориентированном тексте Дениса Летуновского	204
Цыренова А.Б. (Томск, Россия). К вопросу о соотношении языка и культуры	208

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА В РАЗНЫХ ТИПАХ ТЕКСТА

Арустамян Я.Ю. (Ташкент, Узбекистан). Национально-культурный компонент в текстах оригинала и перевода	210
Герасимович О.С. (Минск, Беларусь). Поэзия Роберта Фроста в американской и русской культуре – проблемы перевода	212
Головня А.В. (Киев, Украина). Художественный текст как лингвокультурное образование	214
Гурина Н.М. (Брест, Беларусь). Метаязыковая рефлексия в современной публицистике	216
Зеленуго Д.В. (Минск, Беларусь). Концептуализация времени в текстах В. Распутина	218
Кастлер Л. (Гренобль, Франция). Ирония как коммуникативная стратегия	220
Комлева Е.В. (Дортмунд, Германия). Антропоцентричность ядерной энергии	222
Косова М.В. (Волгоград, Россия). Национально-культурный компонент документного текста	224
Кудреватых И.П. (Минск, Беларусь). Экспрессивный синтаксис художественной прозы	226
Кулько О.И. (Волгоград, Россия). Умолчание в коммуникации: национально-культурная специфика	228
Кушнерук С.П. (Волгоград, Россия). Документный конфликт: лингвистическое содержание	230
Лесников Г.С. (Архангельск, Россия), Лесникова Д.С. (Санкт-Петербург, Россия), Лесников С.В. (Сыктывкар, Россия). Фундаментальные дефиниции и математические формулы рекурсивной процедуры квантитативного анализа текстов	233
Лясовіч С.М. (Полацк, Беларусь). Параўнанні з нацыянальна-культурным кампанентам у творах У. Караткевіча	235
Масютина Г.С. (Минск, Беларусь). Национально-культурный компонент испанской туристической лексики	238

Месячик А.А. (Минск, Беларусь). Паратрактивные соединения в публичном тексте	240
Мусиенко В.П. (Черкасы, Украина). Способы истолкования темных мест Священного Писания в переводческих комментариях С. Аверинцева.....	242
Питиримова Ж.С. (Минск, Беларусь). Актуальная информация о коммуникативной завершенности реплики художественного диалога	245
Подберезская Ю.А. (Минск, Беларусь). Колоронимы-компози́ты в языке художественной прозы О. Ипатовой и И. Шамякина	247
Рымкевич О.Е. (Минск, Беларусь). Модально-оценочная лексика как средство отражения национально-культурного компонента в дискурсе немецкой прессы	250
Саенкова Л.П. (Минск, Беларусь). Принцип диалогичности как особенность журналистского текста.....	252
Самойлова И.Ю., Янушко О.А. (Гродно, Беларусь). Гродненский некрополь с точки зрения лингвистики	255
Фокина Т.И. (Киев, Украина). Русские логоэпистемы в заголовках украинских газет	257
Прохорова С.М. (Минск, Беларусь). Концептуальная поэзия как особый тип текста.....	259

Научное издание

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В ТЕКСТЕ И ЯЗЫКЕ

Материалы
IV Международной научной конференции
3–5 декабря 2009 г., Минск

В двух частях
Часть первая

Ответственный за выпуск *О.А. Полетаева*

Подписано в печать 28.11.2009. Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл-печ. л. 13,95. Уч.-изд. л. 15.38. Тираж 130 экз. Заказ 79.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования “Минский государственный лингвистический университет”. ЛИ №02330/0548503 от 16.06.2009 г.
Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.